Мохандас Карамчанд Ганди

МОЯ ЖИЗНЬ

Вступление

Мохандас Карамчанд
ГАНДИ

Лет пять назад, по настоянию своих ближайших товарищей по работе, я согласился написать автобиографию. Но не успел закончить я первую страницу, как в Бомбее вспыхнули волнения, и я вынужден был работу приостановить. Затем последовали события, которые для меня завершились заключением в тюрьму йервади. Находившийся со мной в тюрьме адвокат Джерамдас советовал мне отложить все прочие дела и закончить автобиографию. Но я ответил, что уже составил себе программу занятий и не могу думать о чем-либо другом, пока она не будет выполнена. Я бы закончил автобиографию, если бы отбыл свой срок полностью, но меня освободили на год раньше. Теперь Свами Ананд повторил это предложение, а так как я закончил историю сатьяграхи в Южной Африке, то решил приняться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотелось, чтобы я выпустил автобиографию отдельной книгой, но у меня не было для этого свободного времени: я мог писать лишь по главе в неделю. Для «Навадживана» мне все равно необходимо было что-нибудь писать еженедельно. Почему бы в таком случае не заняться автобиографией? Свами согласился с этим, и я усердно принялся за работу.

Между тем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой «день молчания».

— Что толкнуло вас на эту авантюру? — спросил он меня. Писание автобиографий — обычай, присущий Западу. Я не знаю ни одного человека на Востоке, который занимался бы этим, за исключением лиц, подпавших под влияние Запада. А о чем вы будете писать?

Допустим, завтра вы откажетесь от положений, которые сегодня считаете своими принципами, или в будущем пересмотрите сегодняшние планы. Не окажется ли тогда, что люди, руководствующиеся в своих поступках вашим авторитетным словом, будут введены в заблуждение? Не лучше ли совсем отказаться от этого или хотя бы несколько повременить?

Доводы эти произвели на меня некоторое впечатление. Но я и не собираюсь писать настоящую автобиографию. Просто мне хотелось бы рассказать историю своих поисков истины. А поскольку такие искания составляют содержание всей моей жизни, то рассказ о них действительно будет чем-то вроде автобиографии. Но я не против того, чтобы на каждой странице автобиографии говорилось только о моих исканиях. Я верю или по крайней мере стараюсь верить, что связный рассказ об этом принесет пользу читателю. Мои искания в сфере политики известны теперь не только Индии, но и в какой-то степени всему «цивилизованному» миру. Для меня они не представляют большой ценности. Еще меньшую ценность имеет для меня звание «махатмы», которое я получил благодаря этим исканиям. Это звание часто сильно меня огорчало, и я не помню ни одного случая, когда бы оно порадовало меня. Но мне, разумеется, хотелось бы рассказать об известных лишь мне одному духовных исканиях, в которых я черпал силы для своей деятельности в сфере политики. Если мои искания действительно носят духовный характер, тогда здесь нет места для самовосхваления, и мой рассказ может лишь увеличить мое смирение. Чем больше я размышляю и оглядываюсь на прошлое, тем яснее ощущаю свою ограниченность.

В течение тридцати лет я стремился только к одному — самопознанию. Я хочу видеть бога лицом к лицу, достигнуть состояния мокша. Я живу, двигаюсь и существую только для достижения этой цели. Все, что я говорю и пишу, вся моя политическая деятельность — все направлено к этой цели. Но, будучи убежден, что возможное для одного — возможно для всех, я не держу в тайне свои искания. Не думаю, что это снижает их духовную ценность. Есть вещи, которые известны только тебе и твоему творцу. Их, конечно, нельзя разглашать. Искания, о которых я хочу рассказать, другого рода. Они духовного или скорее морального плана, ибо сущностью религии является мораль.

В своем жизнеописании я буду касаться только тех вопросов религии, которые одинаково понятны и взрослым и детям. Если мне удастся рассказать о них смиренно и бесстрастно, то многие, ищущие истину, почерпнут здесь силы для дальнейшего движения вперед. Я смотрю на свои искания как ученый, который хотя и проводит их весьма точно, тщательно и обдуманно, однако никогда не претендует на окончательность своих выводов и дает большие возможности для размышлений. Я прошел через глубочайший самоанализ, тщательно проверял себя, исследовал и анализировал все психологические моменты. И все же я далек от мысли претендовать на окончательность или непогрешимость своих выводов. Единственное, на что я претендую, сводится к следующему: мне они представляются абсолютно правильными и для данного момента окончательными. Если бы это было не так, я не положил бы их в основу своей деятельности. Но на каждом шагу я либо принимал, либо отвергал их и поступал соответствующим образом. И пока мои действия удовлетворяют мой ум и мое сердце, я должен твердо придерживаться своих первоначальных выводов.

Если бы все сводилось для меня к обсуждению академических принципов, я, разумеется, не стал бы писать автобиографию. Но я ставил себе целью показать практическое применение этих принципов в различных случаях и потому назвал эти главы, к написанию которых я приступаю, «Историей моих поисков истины». Сюда должны войти искания в области применения ненасилия, безбрачия и прочих принципов поведения, которые обычно рассматриваются как нечто отличное от истины. Но для меня истина — главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Эта истина есть правдивость не только в словах, но и в мыслях, не только относительная истина наших понятий, но и абсолютная истина, вечный принцип, т. е. бог. Имеется бесконечно много определений бога, ибо проявления его бесчисленны. Они наполняют меня удивлением и благоговейным трепетом и на какоето мгновенье ошеломляют. Но я поклоняюсь богу только как истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в своих исканиях пожертвовать всем самым дорогим для меня. Если понадобится жертва, я отдам даже жизнь, думаю, что я готов к этому.

Все же до тех пор, пока я не познал эту абсолютную истину, я должен придерживаться относительной истины в своем понимании ее. Эта относительная истина должнабыть моим маяком и щитом. Хотя путь этот прям и узок, как острие бритвы, для меня он был самым быстрым и легким, Даже мои колоссальные промахи показались мне ничтожными благодаря тому, чтоя строго держался этого пути, Этот путь спас меня от печали, и я продвигался вперед, руководствуясь внутренним светом. Часто на этом пути я видел слабые проблески абсолютной истины, бога, и с каждым днем во мне росло убеждение, что только он один реален, а все остальное нереально. Пусть те, кто захочет, узнают, как во мне росло это убеждение; пусть они, если смогут, разделят со мной мои искания, а также мое убеждение. Во мне зрело все большее убеждение, что все, доступное мне, доступно даже ребенку; я говорю это с полным основанием. Практика этих исканий столь же проста, сколь и трудна. Они могут показаться совершенно недоступными человеку самонадеянному и вполне доступными невинному младенцу. Ищущий истину должен быть смиреннее праха. Мир попирает прах, но ищущий истину должен настолько смириться, чтобы даже прах мог попрать его. И только тогда, а не прежде, он увидит проблески истины. Это становится абсолютно ясно из диалога между Васиштой и Вишвамитрой. Христианство и ислам также полностью подтверждают это.

Если читателю покажется, что в моих словах сквозит гордыня, значит, что-то неверно в моих исканиях и я видел не проблески истины, а всего лишь мираж. Пусть погибнут сотни таких, как я, но восторжествует истина. Даже на волосок не следует отступать от истины, когда судят о таких заблуждающихся смертных, как я.

Я прошу, чтобы никто не считал советы, разбросанные по страницам последующих глав, непререкаемыми. Описываемые мной искания следует рассматривать лишь как иллюстрации. Каждый, ознакомившись с ними, может проводить свои собственные искания в соответствии со своими наклонностями и способностями. Полагаю, что с такой оговоркой предлагаемые мной иллюстрации будут действительно полезны, так как я не собираюсь скрывать или замазывать неприятные вещи, о которых следует говорить. Я надеюсь познакомить читателя со всеми своими ошибками и заблуждениями. Моя задача — описать свои искания в области сатьяграхи, а вовсе не

рассказывать о том, какой я хороший. Оценивая самого себя, я постараюсь быть строгим, как истина, и хочу, чтобы другие были такими же. Применяя к себе такое мерило, я подобно Сурдасу могу воскликнуть:

Есть ли на свете негодяй,
Столь порочный и омерзительный, как я?
Я отказался от своего творца,
Настолько я вероломен.

Ибо для меня вечная мука, что я все еще далек от него, который, как я доподлинно знаю, управляет каждым моим вздохом и от которого я веду свое начало. Я знаю, что мои дурные страсти отдаляют меня от него, но я еще не в силах избавиться от них.

Но пора кончать. В следующей главе я приступлю уже к рассказу о своей жизни.

Ашрам, Сабармати
26 ноября 1925 года

М. К. Ганди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Семья и родные

Ганди принадлежат к касте бания, и некогда, по-видимому, они были бакалейщиками. Но представители трех последних поколений, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиавара. Мой дед Оттамчанд Ганди, или, как его чаще называли, Ота Ганди, был, по всей вероятности, человеком принципиальным. Государственные интриги заставили его покинуть Порбандар, где он был диваном, и искать убежище в Джунагархе. Там он обычно приветствовал наваба левой рукой. Кто-то, заметив такую явную неучтивость, спросил деда, чем она вызвана. «Правая рука моя принадлежит Порбандару» — ответил он.

Ота Ганди, овдовев, женился вторично. От первой жены у него было четыре сына, от второй — два. Помнится, в детстве я никогда не чувствовал и даже, пожалуй, не знал, что сыновья Ота Ганди были не от одной матери. Пятым из этих шести братьев был Карамчанд Ганди, или Каба Ганди, как его называли, шестым — Тулсидас Ганди. Оба брата, один за другим, занимали пост премьер-министра Порбандара. Каба Ганди — мой отец. Он был членом раджастханского суда. Сейчас этот суд больше не существует, но тогда это был весьма влиятельный орган, разрешавший споры между главами и членами кланов. Каба Ганди был некоторое время премьер-министром в Раджкоте, а затем в Ванканере. До самой смерти он получал пенсию от правительства Раджкота.

Каба Ганди был женат четыре раза. Первые три жены умерли. От первого и второго браков у него остались две дочери. Четвертая жена Путлибай родила ему дочь и трех сыновей. Я был самым младшим.

Отец был предан своему роду, правдив, мужествен и великодушен, но вспыльчив. В известной мере он не мог жить без чувственных наслаждений. В четвертый раз он женился, когда ему было уже за сорок. Он был неподкупен и за свою справедливость пользовался

уважением и в семье, и среди чужих. Хорошо известна была его лояльность по отношению к государству Раджкот. Однажды помощник политического агента выразился оскорбительно о раджкотском такорсахибе, у которого отец состоял на службе. На оскорбление отец ответил оскорблением. Агент рассердился и потребовал у Каба Ганди извинения. Отец извиняться не стал и был посажен под арест. Однако, увидев, что Каба Ганди непреклонен, агент через несколько часов велел выпустить его.

Отец никогда не стремился к богатству и оставил нам совсем небольшое состояние.

Он не получил никакого образования, а лишь приобрел большой практический опыт; в лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Об истории и географии отец не имел никакого понятия. Но богатый жизненный опыт помогал ему решать самые сложные вопросы и управлять сотнями людей. Он был малообразован и в религиозном отношении, но у него была та религиозная культура, которая свойстственна многим индусам благодаря частому посещению храмов и слушанию религиозных проповедей. На склоне лет он по настоянию ученого брахмана, друга семьи, начал читать «Бхагаватгиту» и во время молитвы ежедневно вслух повторял Еиз flee несколько стихов.

О матери я сохрани воспоминание как о святой женщине Она была глубоко религиозна и не могла даже подумать о еде, не совершив молитвы. Она считала своим долгом ежедневно посещать хавели — храм вишнуитов. Если мне не изменяет память, мать ни разу не пропустила чатурмаса. Она накладывала на себя строжайшие обеты и неукоснительно их выполняла, Помнится, однажды во время чандраяны она заболела, но даже болезнь не помешала ей соблюдать пост. Для нее ничего не стоило поститься два три дня подряд. У нее даже вошло в привычку во время чатурмаса принимать пищу только раз в день. Не довольствуясь этим, во время одного из чатурмасов она постилась через день. В другой раз во время чатурмаса она дала обет не есть, пока не увидит солнца. В такие дни мы, дети, не спускали глаз с неба, чтобы поскорее сообщить матери о появлении солнца. Всем известно, что в сезон дождей солнце очень часто совсем не показывается. Помню, как бывало, мы мчались сломя голову, чтобы сообщить матери о его внезапном появлении. Она прибегала, чтобы

самой взглянуть на небо, но солнце уже успевало скрыться, и мать снова лишалась возможности поесть. «Ничего, — бодро говорила она, — бог не пожелал, чтобы я сегодня ела». И возвращалась к своим обязанностям.

Мать была весьма здравомыслящим человеком, она была прекрасно осведомлена о государственных делах, и придворные дамы с уважением отзывались о ее уме. Пользуясь привилегией детского возраста, я часто сопровождал мать во дворец, и до сих пор помню ее оживленные беседы с вдовой — матерью такорсахиба.

Я родился в Порбандаре, или Судамапури, 2 октября 1869 года. Там же провел детство. Помню, как впервые пошел в школу. В школе мне не без труда далась таблица умножения. Тот факт, что из всех воспоминаний в памяти сохранилось лишь воспоминание о том, как я вместе с другими детьми научился давать всевозможные клички нашему учителю, говорит о том, что ум мой тогда был неразвит, а память слаба.

II

Детство

Мне было около семи лет, когда отец переехал из Порбандара в Раджкот, где был назначен членом раджастканского суда. Я поступил в начальную школу. Хорошо помню эти дни и даже имена и привычки учителей, обучавших меня. Но мне почти нечего сказать о своих занятиях там, как и о занятиях в Порбандаре. Вероятно, я был весьма посредственным учеником. Из этой школы я перешел в пригородную, а затем — в среднюю. Мне шел тогда двенадцатый год. Не помню, чтобы я хоть раз солгал учителям или школьным товарищам. Я был очень робок и избегал общества детей. Единственными друзьями были у меня книги и уроки. Прибегать в школу точно к началу занятий и убегать домой, тотчас по окончании их, вошло у меня в привычку. Я в буквальном смысле слова убегал домой, так как терпеть не мог с кем-нибудь разговаривать. Я боялся, как бы надо мной не стали подтрунивать.

В первый же год моего пребывания в средней школе со мной произошел случай на экзамене, о котором стоит рассказать. Инспектор

народного образования мр Джайльс производил обследование нашей школы. Чтобы проверить наши познания в правописании, он заставил нас написать пять слов, в том числе слово «котел». Я написал это слово неправильно. Учитель, желая подсказать, толкнул меня ногой. Он хотел, чтобы я списал незнакомое слово у соседа. Но я считал, что учитель находится в классе для того, чтобы не давать вам списывать. Все ученики написали слова правильно. И только я оказался в глупом положении. Позже учитель пытался доказать мне, что я сделал глупость, но это ему не удалось. Я так и не смог постичь искусство «списывания».

Однако этот инцидент нисколько не умалил моего уважения к учителю. По натуре я был слеп к недостаткам старших. Впоследствии я узнал и многие другие недостатки этого учителя, но сохранил к нему уважение, поскольку привык выполнять приказания старших, а не критиковать их.

В моей памяти сохранились еще два случая, относящиеся к тому же времени. В общем, я читать не любил и читал только учебники. Уроки я готовил ежедневно, но лишь для того, чтобы избежать замечаний учителя; да и не хотелось обманывать его. Поэтому часто я делал уроки без всякого интереса. А уж если я даже уроки не готовил должным образом, то нечего и говорить о другом чтении. Но как-то мне попалась книга, приобретенная отцом, — «Шравана питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана родителям). Я читал ее с неослабевающим интересом. Приблизительно в это же время к нам приехала группа бродячих актеров. В числе прочих представлений они показали сценку, в которой Шраван, направляясь к святым местам, несет на ремнях, перекинутых через плечи, своих слепых родителей. Книга и эта сценка произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому ты должен подражать», — сказал я себе. Душераздирающие причитания родителей, оплакивающих смерть Шравана, до сих пор свежи в моей памяти. Трогательная мелодия глубоко взволновала меня, и я исполнил ее на концертино, которое купил мне отец.

Приблизительно в это же время отец разрешил мне посмотреть спектакль драматической труппы. Пьеса называлась «Харишчандра» и совершенно покорила меня. Я мог смотреть ее без конца. Но как часто мне будут разрешать это? Мысль об этом не давала мне покоя, и я сам

все время разыгрывал сцены из «Харишчандра». «Почему всем людям не быть такими же правдивыми, как Харишчандра?» Этот вопрос задавал я себе днем и ночью. Следовать истине и пройти через все испытания подобно Харишчандре — таков был мой идеал, навеянный пьесой. Я был убежден в достоверности рассказа о Харишчандре. Одна лишь мысль о нем вызывала у меня слезы. Здравый смысл подсказывает мне теперь, что Харишчандра не мог быть лицом историческим. И все же Харишчандра и Шравана остаются для меня действительно существовавшими людьми, и думаю, что, если бы я перечитал эти пьесы теперь, они произвели бы на меня не менее сильное впечатление.

III

Детский брак

Мне очень не хотелось бы писать эту главу: немало горьких воспоминаний придется воскресить для этого. Но не могу иначе, так как не хочу отступать от истины. Я считаю своей тяжкой обязанностью рассказать о том, как меня в тринадцать лет женили. Когда я смотрю на ребят этого возраста, находящихся на моем попечении, и вспоминаю свой брак, мне становится жаль себя и радостно от сознания того, что их не постигла та же участь. Я не нахожу никаких моральных доводов, которыми можно было бы оправдать столь нелепые ранние браки.

Пусть читатель не заблуждается: меня женили, а не обручили. В Катхиаваре существует два различных обряда — обручение и заключение брака. Обручение — это предварительное обещание родителей мальчика и девочки соединить их браком. Обещание это может быть нарушено. Смерть мальчика не влечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение между родителями, и детей оно совершенно не касается. Часто они даже не знают о нем. По-видимому, я был обручен три раза, не зная об этом. Мне сказали, что две девочки, которых для меня выбрали, умерли одна за другой, отсюда я и делаю вывод, что был обручен трижды. У меня сохранилось очень слабое воспоминание о моем обручении в семилетнем возрасте. Не помню, чтобы мне говорили об этом. В этой главе речь пойдет уже о женитьбе, которую я хорошо помню.

Я уже сказал, что нас было три брата. Старший был к тому времени женат. Родители решили женить одновременно моего среднего брата, который был двумя или тремя годами старше меня, двоюродного брата, который был старше меня едва ли на год, и меня. При этом они мало заботились о нашем благополучии и еще меньше — о наших желаниях; принимались во внимание только удобство и экономические соображения — старших.

Браки у индусов — вещь сложная. Очень часто затраты на брачные обряды разоряют родителей жениха и невесты. Они теряют состояние и массу времени. Месяцы уходят на изготовление одежды и украшений, на добывание денег для обедов. Каждый старается перещеголять другого числом и разнообразием предлагаемых блюд. Женщины, обладающие красивыми голосами и совсем безголосые, поют, не давая покоя соседям, до хрипоты, а иногда даже заболевают от этого. Соседи относятся ко всему этому шуму и гаму, ко всей грязи, остающейся после пиршества, совершенно спокойно, потому что знают — придет время и они будут вести себя точно так же. Старшие считали, что лучше покончить со всем этим в один прием: меньше расходов и больше пышности. Можно было тратить деньги не стесняясь, так как расходы предстояло делать не трижды, а один раз. Отец и дядя были уже в преклонном возрасте, а мы были последними детьми, которых предстояло женить. Возможно, им захотелось хорошенько повеселиться напоследок. Из этих соображений и было решено устроить тройную свадьбу.

Как я уже говорил, приготовления к торжеству заняли несколько месяцев. Лишь по этим приготовлениям мы узнали о предстоящем событии. Мне кажется, что для меня оно было связано только с ожиданием новой одежды, барабанного боя, свадебной процессии, роскошных обедов и незнакомой девочки для игры. Плотские желания пришли потом. Опускаю занавес и не буду описывать ощущение стыда, которое я испытал. Расскажу лишь о некоторых подробностях, но сделаю это позднее. Они не имеют отношения к основной идее, ради которой я начал писать книгу.

Итак, я и мой брат были привезены из Раджкота в Порбандар. Финальной драме предшествовали кое-какие любопытные детали (например, наши тела натирали имбирной мазью), но все эти подробности я опускаю.

Мой отец, хотя и занимал пост дивана, все же был слугой, и его зависимое положение усугублялось еще и тем, что он пользовался благосклонностью такорсахиба. Тот до последнего момента не хотел отпускать его. А когда, наконец, согласился, то заказал для отца особую коляску, чтобы сократить путешествие на два дня. Но судьба решила иначе. Порбандар находится в 120 милях от Раджкота, в пяти днях езды на лошадях. Отец проделал этот путь в три дня, но при смене третьих перекладных коляска опрокинулась и отец сильно расшибся. Он приехал весь забинтованный. Вследствие этого и наш и его интерес к предстоящему событию наполовину уменьшился, но церемония все же должна была состояться. Разве можно откладывать свадьбу? Однако детское восхищение свадебной церемонией заставило меня забыть о горе, вызванном несчастным случаем с отцом.

Я был предан своим родителям, но не менее предан и велениям плоти. Лишь впоследствии я понял, что ради родителей следует жертвовать счастьем и всеми удовольствиями. И в наказание за мою жажду удовольствий произошел случай, который до сих пор терзает меня и о котором я расскажу позже. Нишкулананд поет: «Отказ от предмета желаний без отказа от самих желаний бесплоден, чего бы он ни стоил». Когда я пою или слышу эту песню, я вспоминаю о том печальном и неприятном событии и мне делается стыдно. Отец мужественно превозмогал боль и принимал самое деятельное участие в свадьбе. Даже сейчас помню, где он сидел во время свадебных обрядов. Тогда я не предполагал, что со временем буду строго осуждать отца за то, что он женил меня ребенком. Но в тот день все выглядело правильным, необходимым и приятным. Мне и самому очень хотелось, чтобы меня женили. И все, что делал отец, казалось безупречным. Как сейчас помню события того дня: как мы сидим под свадебным балдахином, исполняем саптапади, как мы, молодые муж и жена, кладем друг другу в рот сладкий кансар и как мы начинаем жить вместе. Та первая ночь! Двое невинных детей, бездумно брошенных в океан жизни. Жена брата старательно осведомила меня, как я должен вести себя в первую ночь. Кто наставлял мою жену — не знаю. Я никогда не спрашивал ее об этом, да и теперь не намерен этого делать. Смею уверить читателя, что мы так нервничали, что не могли даже взглянуть друг на друга. Мы, разумеется, были слишком робки. Как заговорить с ней, что сказать? Наставления так далеко не заходили. Да

они и не нужны в подобных случаях. Жизненные впечатления, полученные человеком с раннего детства, настолько сильны, что всякие поучения излишни. Постепенно мы стали привыкать друг к другу и свободно разговаривать. Хотя мы были одногодки, я поспешил присвоить себе авторитет мужа.

IV

В роли мужа

В те времена, когда был заключен мой брак, выпускались небольшие брошюрки ценой в одну пайсу или паи (забыл точную цифру). В них говорилось о супружеской любви, бережливости, детских браках и т. п. Я читал их от корки до корки, но тут же забывал все, что мне не нравилось, и принимал к, сведению то, что нравилось. Вменяемая этими брошюрками в обязанность мужу верность жене в течение всей жизни на всегда запечатлелась в моем сердце. К тому же я и сам был страстным поборником правды, и о том, чтобы лгать жене, не могло быть и речи. Да и почти невероятно было, чтобы в таком юном возрасте я мог ей изменят. Но урок верности имел и свою неприятную сторону. «Если я должен быть верен жене, то и жена должна быть верна мне», — думал я. Мысль об этом сделала меня ревнивым мужем. Ее обязанность легко превращалась в мое право требовать от нее абсолютной верности, что вынуждало меня постоянно следить за ней. У меня не было никаких оснований сомневаться в верности жены, но ревность слепа ко всем доводам. Я следил за каждым ее шагом, она не смела выйти из дома без моего разрешения. Это сеяло семена раздора между нами. Налагаемый мной запрет был фактически чем-то вроде тюремного заключения, но не такой девочкой была Кастурбай, чтобы легко подчиниться подобным требованиям. Она желала ходить, куда хочет и когда хочет. Чем больше я ей запрещал, тем больше она себе позволяла и тем больше я злился. Мы, женатые дети, сплошь и рядом отказывались разговаривать друг с другом. Думаю, что Кастурбай не обращала внимания на мои запреты без всякой задней мысли. Какие запреты могла нарушить простодушная девочка тем, что уходила в храм или к подругам? И если я имел право запрещать ей что-либо, то разве у нее не было такого же

права? Сейчас мне все это совершенно ясно. Но тогда я считал, что должен поддерживать свой авторитет мужа!

Пусть, однако, читатель не думает, что наша жизнь была сплошным мучением. Все мои строгости проистекали от любви. Я хотел сделать свою жену идеальной. Я поставил целью заставить ее вести чистую жизнь, учиться тому, чему учился сам, жить и мыслить одинаково со мной. Не знаю, стремилась ли к этому и Кастурбай. Она была неграмотна. От природы она была простой, независимой, настойчивой и, по крайней мере со мной, сдержанной. Собственное невежество не беспокоило ее, и не помню, чтобы мои занятия когдалибо побудили ее тоже заниматься. Поэтому я думаю, что был одинок в своем стремлении к знаниям. Вся моя страсть сосредоточилась на одной женщине, и я требовал, чтобы мне платили тем же. Но даже без взаимности наша жизнь не могла быть сплошным страданием, ибо по крайней мере с одной стороны здесь действительно была любовь.

Должен сказать, что я был страстно влюблен в нее. Даже в школе я постоянно думал о ней. Мысль о предстоящей ночи и свидании не покидала меня. Разлука была невыносима. Своей болтовней я не давал ей спать до глубокой ночи. Если бы при такой всепожирающей страсти у меня не было сильно развито чувство долга, я, наверно, стал бы добычей болезни и ранней смерти или влачил бы жалкое существование. Но я должен был каждое утро выполнять свои обязанности, а обманывать я не мог. Это и спасло меня от многих напастей.

Я уже сказал, что Кастурбай была неграмотна. Мне очень хотелось обучить ее, но страстная любовь не оставляла времени для этого. К тому же обучать ее приходилось против ее воли и только ночью, В присутствии старших я не осмеливался не только разговаривать, но даже встречаться с ней. В Катхиаваре существовал и до известной степени существует и теперь бессмысленный и варварский обычай укрываться пардой. Обстоятельства, следовательно, не благоприятствовали нам. Должен поэтому признаться, что мои усилия обучить Кастурбай в дни юности были безуспешны. А когда я, наконец, очнулся и сбросил оковы похоти, меня уже влекла общественная деятельность, и свободного времени оказалось мало. Не удалась также и моя попытка обучить ее с помощью частных учителей. В результате Кастурбай и сейчас с трудом выводит буквы и говорит

только на простонародном гуджарати. Уверен, что она стала бы образованной женщиной, если бы моя любовь к ней была совершенно свободна от вожделения. Мне удалось бы тогда преодолеть ее отвращение к занятиям. Я знаю, что для чистой любви нет ничего невозможного.

Я уже упомянул об одном обстоятельстве, которое более или менее уберегло меня от разрушительного действия страсти. Следует отметить еще и другое. Многочисленные примеры убедили меня, что бог неизменно спасает тех, кто чист в своих побуждениях. Наряду с жестоким обычаем детских браков в индусском обществе существует другой обычай, до известной степени ослабляющий пагубные последствия первого. Родители не разрешают молодой чете долго оставаться вместе. Ребенок-жена большую часть времени проводит в доме своего отца. Так, в возрасте от 13 до 18 лет мы были вместе в общей сложности не более трех лет. Не проходило и шести месяцев, чтобы родители жены не приглашали ее к себе. В те дни подобные приглашения были очень неприятны, но они спасли нас обоих. Восемнадцати лет я уехал в Англию. Это означало длительную и благодетельную для нас разлуку. Но и после моего возвращения из Англии мы не оставались вместе более полугода, так как мне приходилось метаться между Раджкотом и Бомбеем. Потом меня пригласили в Южную Африку. Но к тому времени я уже в значительной степени освободился от чувственных вожделений.

V В средней школе

Я уже говорил, что ко времени женитьбы учился в средней школе. Все мы, трое братьев, учились в одной школе. Старший опередил меня на несколько классов, а брат, который женился одновременно со мной, — всего на один класс. Из-за женитьбы мы потеряли целый год. На брате женитьба сказалась еще пагубнее, чем на мне: он в конце концов совсем бросил учение. Одному небу известно, скольких юношей постигает та же участь. Ведь только в современном нам индусском обществе учение в школе сочетается с супружеством.

Мои занятия продолжались. В средней школе меня не считали тупицей. Я всегда пользовался расположением учителей. Родители ежегодно получали свидетельства о моих успехах в науках и

поведении. У меня не бывало плохих отметок. Второй класс я окончил даже с наградой, в пятом и шестом классах получал стипендию: скачала — четыре, а потом — десять рупий. Они доставались мне скорее по счастливой случайности, чем за какие-либо особые заслуги. Дело в том, что стипендию давали не всем, а только лучшим ученикам из округа Сорат в Катхиаваре. В классе из 40–50 учеников было, конечно, не так уж много мальчиков из Сората.

Насколько помню, сам я был не очень хорошего мнения о своих способностях. Я обычно удивлялся, когда получал награды или стипендии. При этом я был крайне самолюбив: малейшее замечание вызывало у меня слезы. Для меня было совершенно невыносимо получать выговоры, даже если я заслуживал их. Помню, как однажды меня подвергли телесному наказанию. На меня подействовала не столько физическая боль, сколько то, что наказание оскорбляло мое достоинство. Я горько плакал. Я был тогда в первом или во втором классе.

Такой же случай произошел, когда я учился в седьмом классе. Директором школы был тогда Дорабджи Эдульджи Гими. Он пользовался популярностью среди учеников, так как умел поддерживать дисциплину и был хорошим преподавателем, прекрасно владевшим методикой. Он ввел для учеников старших классов гимнастику и крикет как обязательные предметы. И то и другое мне не нравилось. Я ни разу не занимался гимнастикой и не играл в крикет или футбол, пока они не стали обязательными предметами. Одной из причин, по которой я уклонялся от игр, была моя робость. Теперь я вижу, что был неправ: у меня было тогда ложное представление, будто гимнастика не имеет отношения к образованию. Теперь я знаю, что физическому воспитанию должно уделять не меньше внимания, чем умственному.

Должен отметить, что, отказываясь от гимнастики и игр, я нашел им не такую уж плохую замену. Я прочел где-то о пользе длительных прогулок на свежем воздухе, и это понравилось мне. Я приучил себя много ходить и до сих пор сохранил эту привычку. Она закалила мой организм.

Причиной моей неприязни к гимнастике было также страстное желание ухаживать за отцом. Как только занятия кончались, я мчался домой и принимался прислуживать ему. Обязательные физические

упражнения мешали мне в этом, и я попросил м-ра Гими освободить меня от гимнастики, чтобы иметь возможность прислуживать отцу. Но он не слушал меня. Однажды в субботу занятия у нас были утром, а на гимнастику я должен был вернуться к четырем часам. Часов у меня не было, а облака, закрывшие солнце, ввели меня в заблуждение. Когда я пришел, все мальчики уже разошлись. На следующее утро м-р Гими, просматривая список, увидел, что я отсутствовал. Он спросил меня о причине, и я объяснил, как это случилось. Но он не поверил и приказал заплатить штраф — одну или две ана (не помню уже, сколько именно). Меня заподозрили во лжи. Это глубоко огорчило меня. Чем могу я доказать свою невиновность? Выхода не было. Потрясенный до глубины души, я горько плакал и понял, что правдивый человек должен быть внимателен и аккуратен. Это был первый и последний случай моего беспечного поведения в школе. Насколько помню, мне удалось все-таки доказать свою правоту, и штраф с меня сняли. Было, наконец, получено и освобождение от гимнастики. Отец сам написал директору о том, что я нужен ему дома сразу после занятий в школе.

Если отказ от гимнастики не причинил мне вреда, то за другие упущения я расплачиваюсь до сих пор. Не знаю, откуда я взял, что хороший почерк вовсе не обязателен для образованного человека, и придерживался этого мнения до тех пор, пока не попал в Англию. Впоследствии, особенно в Южной Африке, я увидел, какой прекрасный почерк у адвокатов и вообще у молодых людей, родившихся и получивших образование в Южной Африке. Мне было стыдно, и я горько раскаивался в своей небрежности. Я понял, что плохой почерк — признак недостаточного образования. Впоследствии я пытался исправить свой почерк, но было поздно. Пусть мой пример послужит предостережением для юношей и девушек. Я считаю, что детей сначала следует учить рисованию, а потом уже переходить к написанию букв. Пусть ребенок выучит буквы, наблюдая различные предметы, такие, как цветы, птицы и т. д., а чистописанию пусть учится, только когда сумеет изображать предметы. Тогда он будет писать уже хорошо натренированной рукой.

Мне хотелось бы рассказать еще о двух событиях своей школьной жизни. Из-за женитьбы я потерял год, к учитель хотел, чтобы я наверстал упущенное и перепрыгнул через класс. Такие привилегии обычно предоставлялись прилежным ученикам. Поэтому в третьем

классе я учился только шесть месяцев и после экзаменов, за которыми последовали летние каникулы, был переведен в четвертый. Начиная с этого класса большинство предметов преподавалось уже на английском языке, и я не знал, что делать. Появился новый предмет — геометрия, в котором я был не особенно силен, а преподавание на английском языке еще более затрудняло его усвоение. Учитель объяснял прекрасно, но я не успевал следить за его рассуждениями. Часто я терял мужество и думал о том, чтобы вернуться в третий класс: я чувствовал, что взял на себя непосильную задачу, уложив два года занятий в один. Но такой поступок опозорил бы не только меня, но и учителя, который рекомендовал меня для перехода в следующий класс, рассчитывая на мое усердие. Боязнь этого двойного позора заставила меня остаться на месте. Но когда я ценой больших усилий добрался до 13-й теоремы Эвклида, то вдруг понял, что все чрезвычайно просто. Предмет, требовавший лишь чистой и простой способности рассуждать, не мог быть трудным. С этого времени геометрия стала для меня легким и интересным предметом.

Более трудным оказался санскритский язык. В геометрии нечего было запоминать, а в санскрите, как мне казалось, все надо было заучивать наизусть. Этот предмет мы начали изучать тоже с четвертого класса. В шестом классе, я совсем упал духом. Учитель был очень требователен и, на мой взгляд, слишком утруждал учеников. Между ним и преподавателем персидского языка было нечто вроде соперничества. Учитель персидского был человек весьма снисходительный. Мальчики говорили, что персидский язык очень легок, а преподаватель хороший и внимателен к ученикам. «Легкость» соблазнила меня, и в один прекрасный день я очутился в классе персидского языка. Учитель санскрита сильно огорчился. Он подозвал меня к себе и сказал:

> Как ты мог забыть, что ты сын отца, исповедующего вишнуизм? Неужели ты не хочешь изучить язык своей религии? Если ты столкнулся с трудностями, то почему не обратился ко мне? Я прилагаю все силы, чтобы научить вас, школьников, санскриту. Если ты продолжишь свои занятия, то найдешь в санскрите много интересного и увлекательного. Не падай духом и приходи снова в класс санскритского языка.

Доброта его смутила меня. Я не мог пренебречь вниманием учителя и теперь вспоминаю Кришнашанкара Пандья не иначе, как с благодарностью. Мне было бы трудно изучать наши священные книги, если бы я не усвоил тогда основы санскрита, хотя бы и в скромном объеме. Глубоко сожалею, что не изучил этот язык более основательно. Впоследствии я пришел к убеждению, что все дети индусов, мальчики и девочки, должны хорошо разбираться в санскрите.

Я считаю, что во всех индийских средних школах надо, кроме родного языка, преподавать хинди, санскрит, персидский, арабский и английский. Пугаться этого длинного перечня не следует. Если бы у нас преподавание было более систематическим и не велось на иностранном языке, уверен, что изучение всех этих языков было бы удовольствием, а не утомительной обязанностью. Твердое знание одного языка в значительной степени облегчает изучение других.

В сущности, хинди, гуджарати и санскрит можно рассматривать как один язык, так же как персидский и арабский. Хотя персидский принадлежит к арийской, а арабский — к семитической группе языков, между ними существует тесное родство, так как оба они развивались в период складывания ислама. Урду я не считаю языком особым, так как он воспринял грамматику хинди, а в его словарном составе преобладающей является персидская и арабская лексика. Тот, кто хочет хорошо знать урду, должен знать персидский и арабский, так же, как тот, кто хочет овладеть гуджарати, хинди, бенгали или маратхи, должен изучить санскрит.

VI

Трагедия

Из немногих друзей по средней школе особенно близки мне были двое. Дружба с одним из них оказалась недолговечной, но не по моей вине. Этот друг отошел от меня, потому что я сошелся с другим. Вторую дружбу я считаю трагедией своей жизни. Она продолжалась долго. Я завязал ее, поставив себе целью исправить друга.

Друг этот был сначала приятелем моего старшего брата. Они были одноклассниками. Я знал его слабости, но считал верным другом. Мать, старший брат и жена предупреждали меня, что я попал в плохую

компанию. Я был слишком самолюбивым, чтобы внять предостережениям жены. Но я не осмеливался противиться матери и старшему брату. Тем не менее я возражал им:

> Я знаю его слабости, о которых вы говорите, но вы не знаете его достоинств. Он не может сбить меня с пути, так как я сблизился с ним, чтобы исправить его. Я уверен, что он будет прекрасным человеком, если изменит свое поведение. Прошу вас обо мне не беспокоиться.

Не думаю, чтобы это удовлетворило их, но они приняли мои объяснения и оставили меня в покое.

Впоследствии я понял, что просчитался. Исправляющий никогда не должен находиться в слишком близких отношениях с исправляемыми. Истинная дружба есть родство душ, редко встречающееся в этом мире. Дружба может быть длительной и ценной только между одинаковыми натурами. Друзья влияют один на другого. Следовательно, дружба вряд ли допускает исправление. Я полагаю, что вообще необходимо избегать слишком большой близости: человек гораздо быстрее воспринимает порок, чем добродетель, А тот, кто хочет быть в дружбе с богом, должен оставаться одиноким или сделать своими друзьями всех. Может быть, я ошибаюсь, но мои попытки завязать с кемнибудь тесную дружбу оказались тщетными.

Когда я впервые столкнулся с этим другом, волна «реформ» захлестнула Раджкот. Он сообщил мне, что многие наши учителя тайком едят мясо и пьют вино. Он назвал многих известных в Раджкоте лиц, которые делали то же самое в компании с ними, а также нескольких учащихся средней школы.

Я удивился и огорчился. Я спросил своего друга о причине такого явления, и он объяснил мне это так:

> Мы — слабый народ потому, что не едим мяса. Англичане питаются мясом, и потому они способны управлять нами.

Ты ведь видел, какой я крепкий и как быстро бегаю. Это потому, что я ем мясо. У тех, кто питается мясом, никогда не бывает нарывов и опухолей, а если и бывают, то они быстро проходят. Ведь не дураки же наши учителя и другие известные в городе лица, питающиеся мясом. Им известны преимущества мясной пищи. Ты должен последовать их

примеру. Ничего не стоит попробовать. Попробуй, и сам увидишь, какую силу дает мясо.

Все эти соображения в пользу употребления в пищу мяса были высказаны не сразу. Они отражают лишь сущность множества тщательно продуманных доводов, которыми мой друг время от времени старался воздействовать на меня. Мой старший брат уже пал, почему и поддерживал доводы друга. Я действительно выглядел слабосильным рядом с братом и приятелем. Оба они были крепче, сильнее и смелее меня. Меня совершенно околдовала ловкость моего друга. Он мог бегать на большие расстояния и удивительно быстро. Он хорошо прыгал в высоту и в длину, мог вынести любое телесное наказание. Он часто хвастал передо мной своими успехами и ослеплял меня ими, потому что нас всегда ослепляют в других качества, которыми мы сами не обладаем. Все это вызывало во мне сильное желание подражать ему. Я плохо прыгал и бегал. Почему бы и мне не стать таким же сильным и ловким, как он?

Кроме того, я был трусом. Я боялся воров, привидений и змей. Я не решался выйти ночью издому. Темнота приводила меня в ужас. Я не мог спать в темноте, мне казалось, что привидения подкрадываются ко мне с одной стороны, воры — с другой, змеи — с третьей. Поэтому я спал только при свете. Разве мог я рассказать о своих страхах жене, спавшей со мной рядом? Она уже не была ребенком, она вступила на порог юности. Я знал, что она смелее меня, и мне было стыдно. Она не боялась ни привидений, ни змей. Она могла пойти в темноте куда угодно. Друг же знал о моих слабостях. Он рассказывал, что может брать в руки живых змей, не боится воров и не верит в привидения. И все это потому, что он ест мясо.

Среди школьников было распространено плохонькое стихотворение гуджаратского поэта Нармада:

Смотри на могучего англичанина:
Он правит маленьким индийцем,
Потому что, питаясь мясом,
Он вырос в пять локтей,

Оно произвело на меня соответствующее впечатление. Я был сражен. Мне стало казаться, что мясо сделает меня сильным и смелым, и если вся страна начнет питаться мясом, мы одолеем англичан.

День для опыта был, наконец, назначен. Его нужно было провести тайком. Ганди поклонялись Вишну, а мои родители были особенно ревностными вишнуитами, Они регулярно посещали хавели. Нашему роду принадлежали даже собственные храмы. В Гуджарате был силен джайнизм. Его влияние чувствовалось повсюду и при всяких обстоятельствах. Нигде в Индии и даже за ее пределами не наблюдается такого отвращения к мясной пище, как среди джайнов и вишнуитов Гуджарата. Я вырос и воспитывался в этих традициях. Кроме того, я был очень предан родителям, и я понимал, что они будут глубоко потрясены, если узнают, что я ел мясо. К тому же любовь к истине заставляла меня быть чрезвычайно осторожным. Не могу сказать, чтобы я не понимал, что шел на обман родителей, собираясь питаться мясом. Но мой разум был всецело поглощен «реформой». О возможности полакомиться я и не думал и даже не знал, что мясо очень вкусное. Я хотел быть сильным и смелым и желал видеть такими же своих соотечественников, чтобы мы могли побороть англичан и освободить Индию. Слова «сварадж» я тогда еще не слыхал, но знал, что такое свобода. Меня ослепляло безумное увлечение «реформой», и я убедил себя, что, скрыв свои поступки от родителей, я не погрешу против истины, если все действительно останется в тайне.

VII

Трагедия

(продолжение)

Решительный день настал. Трудно передать мое тогдашнее состояние. С одной стороны, я был охвачен фанатическим стремлением к «реформе», с другой — меня увлекала новизна положения — сознание, что я делаю решительный шаг в жизни. Вместе с тем я сгорал со стыда изза тоге, что принимался за это тайно, как вор. Не могу сказать, какое чувство преобладало. Мы нашли укромный уголок на берегу реки, и там впервые в жизни я увидел мясо. Был также и хлеб из булочной, которого я никогда не пробовал.

Козлятина была жесткой, как подошва. Я просто не мог ее есть. Я ослабел и должен был отказаться от еды.

Ночь я провел очень скверно. Меня мучили кошмары. Едва я засыпал, как мне начинало казаться, что в моем желудке блеет живая коза, и я вскакивал, мучимый угрызениями совести. Но тут я вспоминал, что есть мясо мне повелевает долг, и тогда становилось легче.

Мой друг был не из тех, кто быстро сдается. Он стал приготовлять изысканные мясные блюда в приятной сервировке.

Мы ели их уже не в укромном местечке на берегу реки, а в ресторане правительственного здания, где стояли столы и стулья. Мой приятель сумел здесь договориться с главным поваром.

Эта приманка сделала свое дело. Я поддался соблазну, поборол свое отвращение к хлебу, справился с жалостью к козам и пристрастился, если не к самому мясу, то, во всяком случае, к мясным блюдам. Так продолжалось около года. Но пиршеств этих в общей сложности было не более шести, так как в правительственное здание пускали не каждый день, и, кроме того, было просто затруднительно часто заказывать дорогие мясные блюда. У меня не было денег, чтобы платить за «реформу». Моему другу постоянно приходилось изыскивать для этого средства. Я не знаю, где он их брал. Но он их доставал, так как твердо решил приучить меня к мясу. Однако, видимо, и его возможности были ограничены, поэтому пиршества устраивались через большие промежутки времени.

В те дни, когда я принимал участие в этих тайных пиршествах, я не обедал дома. Мать звала меня и хотела знать причину моего отказа. Я обычно отвечал ей: «У меня сегодня нет аппетита, что-то неладно с желудком». Придумывая отговорки, я испытывал угрызения совести, так как сознавал, что лгу и притом лгу матери. Я знал также, что если мать с отцом узнают о том, что я ем мясо, они будут глубоко потрясены. Мысль об этом терзала мое сердце.

Поэтому я сказал себе: «Хотя есть мясо, конечно, нужно и провести в нашей стране реформу питания необходимо, все же лгать отцу и матери еще хуже, чем есть мясо. Следовательно, пока живы родители, надо от мяса отказаться. Когда их не станет и я буду свободным, я буду открыто есть мясо, а пока воздержусь».

О своем решении я сообщил другу и с тех пор ни разу не прикоснулся к мясу. Мои родители так и не узнали, что два их сына ели мясо.

Я отказался от мяса, руководствуясь лишь чистым побуждением не лгать родителям. Но с другой я не порвал. Мое стремление исправить его оказалось для меня гибельным, но я этого совершенно не замечал.

Дружба с ним однажды чуть не довела меня до измены жене. Я спасся чудом. Друг повел меня в публичный дом. Он дал мне необходимые разъяснения. Все было предусмотрено, даже счет был оплачен. Я направился прямо в объятия греха, но бог в своей безграничной милости спас меня от меня самого. Я внезапно оглох и ослеп в этом прибежище порока.

Я сел около женщины на ее постель и молчал. Ей это, конечно, надоело, и, осыпав меня бранью и оскорблениями, она указала на дверь. Тогда я почувствовал, что мое мужское достоинство унижено, и готов был провалиться сквозь землю от стыда. Но впоследствии я не переставал благодарить бога за то, что он спас меня. У меня было в жизни еще четыре подобных злоключения, и каждый раз меня спасала моя счастливая судьба, а не какое-либо усилие с моей стороны. С чисто этической точки зрения эти случаи необходимо рассматривать как моральное падение. Налицо было плотское желание, а это равносильно действию. Но с точки зрения обычной морали человек, физически устранившийся от греха, считается спасенным. И я был спасен именно в этом смысле. В некоторых случаях человеку удается избежать греха в силу счастливой случайности. Как только человек вновь обретает способность истинного познания, он благодарит божественное милосердие за то, что ему удалось избежать грехопадения. Как известно, человек часто подвергается искушению, как бы он ни старался противостоять ему. Мы знаем также, что очень часто провидение вмешивается и спасает его вопреки его желанию. Как все это происходит, в какой степени человек свободен и в какой степени он жертва стечения обстоятельств, в каких пределах имеет место свободное волеизъявление и когда на сцене появляется судьба — все это тайна и останется тайной.

Однако продолжим наше повествование. Но и это не открыло мне глаза на порочность моего друга. Мне пришлось пережить еще более горькие разочарования, пока, наконец, мои глаза по-настоящему

раскрылись, ибо я наглядно убедился в некоторых его недостатках, о которых даже и не подозревал. О них я расскажу дальше, так как наше повествование ведется в хронологическом порядке.

Должен отметить еще один факт, относящийся к тому же периоду. Безусловно, одной из причин моих разногласий с женой была дружба с этим человеком. Я был верным и в то же время ревнивым мужем. Друг же всячески раздувал пламя моей подозрительности по отношению к жене. Я не сомневался в его искренности, и я никогда не прощу себе страданий, которые я причинял жене, действуя по его наущению. Вероятно, только жена индуса может вынести такие испытания. Поэтому я привык смотреть на женщину как на воплощение терпения.

Несправедливо заподозренный слуга может бросить работу, сын при подобных обстоятельствах может покинуть дом отца, друг порвать дружбу. Жена же, если она и заподозрит мужа, будет молчать, но если он заподозрит ее, — она погибла. Куда она пойдет? Жена индуса не может требовать развода в судебном порядке. Закон ей не поможет. И потому я не могу забыть и простить себе, что доводил жену до отчаяния, Яд подозрений исчез только тогда, когда я понял ахиысу во всех ее проявлениях. Я постиг все величие брахмачария и понял, что жена не раба, а товарищ и помощник мужа, призванный делить с ним поровну все радости и печали. Как и муж, жена имеет право идти собственным путем. Когда я вспоминаю эти мрачные дни сомнений и подозрений, меня охватывает гнев. Я презираю себя за безумие и похотливую жестокость, за слепую преданность другу.

VIII

Воровство и возмездие

Должен поведать еще о нескольких случаях своего, падения, относящихся к периоду, когда я ел мясо, и до того, то есть еще до своей женитьбы или вскоре после нее.

Вместе с одним из своих родственников я пристрастился к курению. Нельзя сказать, чтобы курение или запах сигарет доставляли нам удовольствие. Просто нам нравилось пускать облака дыма изо рта. Дядя мой курил, и мы решили, что должны последовать его примеру, а так как денег у нас не было, мы стали подбирать брошенные дядей окурки.

Но не всегда можно было найти окурки и, кроме того, в них почти нечего было докуривать. Тогда мы стали красть у слуги медяки из его карманных денег и покупать на них индийские сигареты. Но где их хранить? Мы не смели, конечно, курить в присутствии старших. Несколько недель мы обходились ворованными медяками. Тем временем мы прослышали, что стебли какого-то растения обладают пористостью и их можно курить, как сигареты. Мы достали их и начали курить.

Но этого было мало. Нам хотелось независимости. Казалось невыносимым, что ничего нельзя предпринять без разрешения старших. Недовольство наше в конце концов достигло такой степени, что мы решили покончить самоубийством.

Но как это сделать? Где достать яд? Где-то прослышав, что семена датуры действуют как сильный яд, мы отправились в джунгли и набрали их. Самым подходящим временем для свершения нашего дела нам казался вечер. Мы пошли в Кедарджи мандир, положили гхи в храмовый светильник, совершили даршан и стали искать укромный уголок. Но вдруг мужество нас покинуло. А что, если мы умрем не сразу? Да и что хорошего в том, чтобы самим убить себя? Не лучше ли примириться с отсутствием независимости? Но мы все-таки проглотили по два-три зерна, не отважившись на большее. Мы оба побороли свой страх перед смертью и решили отправиться в Рамаджи мандир, чтобы успокоиться и отогнать от себя мысль о самоубийстве.

Я понял, что гораздо легче задумать самоубийство, чем совершить его, И с тех пор, когда мне приходилось слышать угрозу покончить с собой, это не производило на меня почти никакого впечатления.

Эпизод с самоубийством закончился тем, что мы оба перестали подбирать окурки и красть медяки у прислуги для покупки сигарет.

Желания курить не появилось у меня и тогда, когда я стал взрослым. Привычку эту считаю варварской, нечистой и вредной. Я никогда не понимал, почему во всем мире существует такое увлечение курением: Я не могу путешествовать, если в куле много курящих — задыхаюсь.

Но я совершил еще более серьезную кражу несколько позже. Медяки я воровал в двенадцать-тринадцать лет. Следующую кражу я совершил в пятнадцать лет. На этот раз я украл кусочек золота из запястья своего брата, того самого, который ел мясо. Брат как-то задолжал 25 рупий. Он носил на руке тяжелое золотое запястье. Вынуть кусочек золота из него было совсем нетрудно.

Мы так и сделали, и долг был погашен. Но меня стала мучить совесть. Я дал себе слово никогда больше не красть и решил признаться во всем отцу. Однако у меня не хватало смелости заговорить с ним об этом. Не то, чтобы я очень боялся побоев. Нет. Я не помню, чтобы отец бил кого-нибудь из нас. Я боялся огорчить его. Но я чувствовал, что рискнуть необходимо, что нельзя очиститься без чистосердечного признания.

Наконец, я решил покаяться письменно, вручить это покаяние отцу и попросить прощения. Я написал покаяние на листе бумаги и отдал отцу. В этой записке я не только сознался в своих грехах, но и просил назначить мне соответствующее наказание. Заканчивал я письмо просьбой, чтобы он не сам наказывал меня. Я обещал никогда больше не красть.

Дрожа, я передал свою исповедь отцу. Он был тогда болен — у него был свищ, и он вынужден был лежать. Постелью ему служили простые деревянные нары. Я отдал ему записку и сел напротив.

Отец прочел мое письмо и заплакал. Жемчужные капли катились по его щекам и падали на бумагу. На минуту он в задумчивости закрыл глаза, потом разорвал письмо. Читая письмо, он сидел, теперь снова лег. Я тоже громко зарыдал, Я видел, как страдает отец. Будь я

художником, я и сегодня мог бы нарисовать эту картину — так жива она в моей памяти.

Жемчужные капли любви очистили мое сердце и смыли грех. Только тот, кто пережил такую любовь, знает, что это такое. Как говорится в молитве:

Только тот,
Кто пронзен стрелами любви,
Знает ее силу.

Для меня это был предметный урок по ахимсе. В то время я видел в происходившем только проявление отцовской любви, но сегодня я знаю, что это была настоящая ахимса. Когда ахимса бывает всеобъемлющей, она преобразует все, чего коснется. Тогда нет пределов ее власти.

Так великодушно прощать отнюдь не было свойственно отцу. Я думал, что он будет сердиться, хмуриться и резко выговаривать мне. Но он был удивительно спокоен. И я думаю, что это произошло лишь благодаря чистосердечности моего признания. Чистосердечное признание и обещание никогда больше не грешить, данное тому, кто имеет право принять его, является самой чистой формой покаяния. Я знаю, что мое признание совершенно успокоило отца и беспредельно усилило его любовь ко мне.

IX

Смерть отца и мой двойной позор

Мне шел шестнадцатый год. Отец мой был прикован к постели: у него, как я уже говорил, был свищ. Ухаживали за ним главным образом мать, старая служанка и я. На мне лежали обязанности сиделки, которые в основном сводились к тому, что я делал отцу перевязки, давал лекарства и составлял снадобья, если они приготовлялись дома. Каждую ночь я массировал отцу ноги и уходил только тогда, когда он просил об этом или же засыпал. Мне было приятно выполнять эти обязанности, и не помню, чтобы я хоть раз пренебрег ими. Время, которым я располагал после выполнения своих ежедневных обязанностей, я делил между школой и уходом за отцом. Я выходил

погулять только вечером, и то только тогда, когда он давал разрешение или чувствовал себя хорошо.

Жена моя ожидала в то время ребенка. Обстоятельство это, как я сейчас понимаю, усугубляет позор моего поведения. Во-первых, я не воздерживался, как это полагалось учащемуся; во-вторых, плотское желание брало верх не только над обязанностью учиться, но и над более важной обязанностью — быть преданным своим родителям: ведь Шраван был с детства моим идеалом. А между тем каждую ночь, массируя ноги отцу, я мыслями был уже в спальне, и это тогда, когда и религия. и медицина, и здравый смысл запрещают половые сношения. Я всегда с радостью освобождался от своих обязанностей и, попрощавшись с отцом, шел прямо в спальню. Отцу с каждым днем становилось хуже. Аюраедические врачи испытали все свои мази, хакимы — все свои пластыри, а местные знахари — свои средства от всех болезней. Был призван на помощь и хирург англичанин. Он предложил как единственное и последнее средство операцию. Но вмешался наш домашний врач. Он возражал против операции в таком преклонном возрасте. Авторитет домашнего врача был чрезвычайно высок, и его мнение одержало верх. От операции пришлось отказаться, а лекарства отцу не помогали. У меня такое впечатление, что если бы домашний врач разрешил операцию, рана легко бы зажила, тем более, что оперировать должен был известный в Бомбее хирург. Но бог решил иначе. Когда смерть неминуема, какой смысл искать средства спасения? Отец вернулся из Бомбея со всеми необходимыми для операции материалами, но все это теперь было бесполезно. Он не надеялся поправиться. С каждым днем он становился все слабее. Его упрашивали производить отправление естественных потребностей не вставая с постели. Но до последней минуты он отказывался это делать. Правила вишнуитов относительно внешней чистоты весьма строги.

Такая чистоплотность бесспорно имеет большое значение, но западная медицина считает, что можно совершать все отправления в постели, в том числе и мытье пациента, не причиняя ему никакого неудобства, и при этом постель останется безукоризненно чистой. Я считаю это вполне совместимые с требованиями вишнуизма. Но настойчивое желание отца вставать с постели поражало меня и вызывало восхищение.

Настала страшная ночь. Дядя мой был в это время в Раджкоге. Он приехал, получив известие, что отцу хуже. Братья были глубоко привязаны друг к другу. Дядя сидел возле больного весь день, а ночью, настояв на том, чтобы мы шли спать, лег возле постели больного. Никто не думал, что эта ночь будет роковой.

Было половина одиннадцатого или одиннадцать часов вечера. Я массировал отца. Дядя предложил сменить меня. Я обрадовался и отправился прямо в спальню. Жена моя, бедняжка, крепко спала. Но разве она могла спать в моем присутствии? Я разбудил ее. Однако минут через пять-шесть слуга постучал в дверь. Я в тревоге вскочил.

— Вставайте, — сказал слуга, — отцу очень плохо. Я, конечно, знал, что отец очень плох, и догадался, что означают в такой момент эти слова. Я вскочил с постели.

— Что случилось? Говори.

— Отца больше нет в живых.

Все было кончено! Мне оставалось только в отчаянии ломать руки. Мне было страшно стыдно, я чувствовал себя глубоко несчастным. Я помчался в комнату отца. Если бы животная страсть не ослепила меня, мне не пришлось бы мучиться раскаянием за разлуку с отцом за несколько минут до его смерти. Я массировал бы его, и он умер бы у меня на руках А сейчас дядя воспользовался этим преимуществом. Он был так предан старшему брату, что удостоился чести оказать ему последнюю услугу! Отец чувствовал приближение конца. Он сделал знак подать перо и бумагу и написал: «Приготовь все для последнего обряда». Затем он сорвал с руки амулет и с шеи золотое ожерелье из шариков туласи и отбросил их в сторону. Через минуту его не стало.

Мой позор, о котором я здесь говорю, заключался в том, что плотское желание охватило меня даже в час смерти отца, нуждавшегося в самом внимательном уходе. Никогда не смогу забыть и искупить это бесчестье. Моя преданность родителям не знала границ — я пожертвовал бы всем ради них. Но она была непростительно легковесна, и в такой момент я оказался во власти похоти. Поэтому я всегда считал себя, хотя и верным, но похотливым супругом. Долго я не мог освободиться от оков похоти и мне пришлось пройти через многие испытания, прежде чем удалось избавиться от них.

Заканчивая эту главу о своем двойном позоре, хочу еще сообщить, что бедный крошка, родившийся у моей жены, прожил всего три —

четыре дня. Иначе и не могло быть. Пусть мой пример послужит предостережением всем женатым.

X

Первое знакомство с религией

Школу я посещал с шести — семи лет до шестнадцати. Там меня учили всему, кроме религии. Я, пожалуй, не получил от учителей того, что они могли бы дать мне без особых усилий с их стороны. Но кое-какие крохи знаний я собрал от окружающих. Термин «религия» я употребляю здесь в самом широком смысле — как самопознание, или познание самого себя.

Будучи вкшнуитом по рождению, я должен был часто ходить в хавелн. Но он меня не привлекал. Мне не нравились его великолепие и пышность. Кроме того, до меня дошли слухи о совершавшихся там безнравственных поступках, и я потерял к нему всякий интерес. Таким образом, хавели дать мне ничего не мог.

Но то, чего я не получил там, дала мне моя няня, старая служанка нашей семьи. До сих пор с благодарностью вспоминаю о ее привязанности ко мне. Я уже говорил, что боялся духов и привидений. Рамбха — так звали няню — предложила мне повторять Раманаму и тем избавиться от этих страхов. Я больше верил ей, чем предложенному ею средству, но с самого раннего возраста повторял Раманаму, чтобы освободиться от страха перед духами и привидениями. Это продолжалось, правда, недолго, но хорошее семя, брошенное в душу ребенка, не пропадает даром. Полагаю, что благодаря доброй Рамбхе Раманама для меня и теперь абсолютно верное лекарство.

Приблизительно в то же время мой двоюродный брат, поклонник «Рамаяны», заставил меня и моего второго брата выучить «Рама Ракшу». Мы заучивали ее наизусть и ежедневно, как правило, по утрам после купанья повторяли вслух. Мы делали это все время, пока жили в Порбандаре, но, переехав в Раджкот, забыли о «Рама Ракше». Я не слишком верил в нее и читал вслух «Рама Ракшу» отчасти из желания показать, что могу пересказывать ее наизусть с правильным произношением.

Большое впечатление произвела на меня «Рамаяна», когда ее читали отцу. В первый период болезни отец жил в Порбандаре. Каждый вечер он слушал «Рамаяну». Читал ее большой поклонник Рамы — Ладха Махарадж из Билешвара. Про него рассказывали, что он вылечился от проказы не лекарствами, а только тем, что прикладывал к пораженным местам листья бшзвы, принесенные в дар изображению Махадевы в Билешварском храме, и ежедневно аккуратно повторял Раманаму. «Вера излечила его», — говорили люди. Так это или нет, но мы этому верили. Во всяком случае, когда Ладха Махарадж читал отцу «Рамаяну», он не страдал проказой. У него был приятный голос. Он произносил нараспев дохи (куплеты) и чаупаи (четверостишия) и разъяснял их, пускаясь в рассуждения и увлекая слушателей. Мне было тогда около тринадцати лет, но я помню, что был совершенно захвачен его чтением. С этого времени началось мое глубокое увлечение «Рамаяной». Теперь я считаю «Рамаяну» Тулсидаса величайшей из священных книг.

Несколько месяцев спустя мы переехали в Раджкот. Там уже не было чтений «Рамаяны». Но «Бхагавата» читалась каждое экадаши. Иногда и я присутствовал при чтении, но чтец не воодушевлял меня. В настоящее время я считаю «Бхагавату» книгой, способной вызвать большое религиозное рвение. С неослабевающим интересом прочел я ее на языке гуджарати. Но когда однажды во время моего трехнедельного поста мне ее прочитал в оригинале пандит Мадан Мохан Малавия, я пожалел, что не слышал ее в детстве из уст такого ревностного поклонника «Бхагаваты», каким был Малавия. Тогда я полюбил бы эту книгу с раннего детства. Впечатления, воспринятые в детстве, пускают глубокие корни, и я всегда жалею о том, что мне в ту пору не читали больше таких хороших книг. Зато в Раджкоте я научился относиться терпимо ко всем сектам индуизма и родственным религиям. Мои родители посещали не только хавели, но и храмы Шивы и Рамы. Иногда они брали с собой и нас, а иногда посылали одних. Монахиджайны часто бывали в доме отца и даже, изменяя своему обычаю, принимали от нас пищу, хотя мы не исповедовали джайнизм. Они беседовали с отцом на религиозные и светские темы.

У отца были также друзья среди мусульман и парсов. Они говорили с ним о своей вере, и он выслушивал их всегда с уважением и часто с интересом. Ухаживая за ним, я нередко присутствовал при этих

беседах. Все это в совокупности выработало во мне большую веротерпимость.

Исключение в то время составляло христианство. К нему я испытывал чувство неприязни. И не без основания. Христианские миссионеры обычно располагались где-нибудь поблизости от школы и разглагольствовали, осыпая оскорблениями индусов и их богов. Этого я не мог вынести. Стоило мне только раз остановиться и послушать их, чтобы потерять всякую охоту слушать. Примерно в это же время я узнал, что один весьма известный индус обратился в христианство. Весь город говорил о том, что после крещения он стал есть мясо и пить вино, изменил одежду, стал ходить в европейском платье и даже носить шляпу. Меня это возмущало. Какая же это религия, если она принуждает человека есть мясо, пить спиртное и изменять одежду? Мне рассказали также, что новообращенный уже поносит религию своих предков, их обычаи и родину. Все это вызвало во мне антипатию к христианству.

Я научился быть терпимым к другим религиям, но это не значило, что во мне жила живая вера в бога. Как-то мне попалась в руки книга из собрания отца под названием «Манусмрити». Рассказ о сотворении мира и другие сказания не произвели на меня большого впечатления, а, наоборот, несколько склонили к атеизму.

У меня был двоюродный брат (он жив и сейчас). Я высоко ценил его ум и потому обратился к нему со своими сомнениями. Но он не сумел разрешить их и постарался отделаться от меня, сказав: «Узнаешь сам, когда вырастешь. В твоем возрасте рано задавать такие вопросы». Я замолчал, но не успокоился. Главы из «Манусмритн» относительно пищи и тому подобные вопросы казались мне противоречащими тому, что я наблюдал в повседневной жизни. Но на вопросы об этом также не получил исчерпывающего ответа. «Буду больше развивать свой ум, больше читать и тогда лучше разберусь во всем», — решил я. «Манусмрнти» не научила меня ахимсе. Я уже рассказывал о своей попытке питаться мясом. «Манусмрити» как будто поддерживала это. Я пришел к заключению, что вполне допустимо с точки зрения морали убивать змей, клопов и им подобных. Помню, в те годы, уничтожая клопов и других насекомых, я считал, что поступаю правильно.

Глубокие корни в моем сознании пустило лишь убеждение, что мораль есть основа всех вещей, а истина — сущность морали. Истина

стала моей единственной целью. Я укреплялся в этой мысли с каждым днем, и мое понимание истины все ширилось.

Строфа из дидактической поэмы на гуджарати завладела моим сердцем и умом. Ее заповедь — отвечай добром на зло — стала моим руководящим принципом. Эта заповедь настолько увлекла меня, что я начал проводить многочисленные опыты.

Вот строки, так поразившие меня:

За чашу с водой отблагодари хорошей пищей;
В ответ на доброе приветствие отвесь низкий поклон;
Давшему пенни отплати золотом;
Если тебе спасают жизнь, не дорожи ею.
Вот в чем смысл слов и дел мудреца;
За каждую маленькую услугу тебе воздается сторицей.
Но истинно благородный человек
знает всех людей как одного
И с радостью платит добром за причиненное ему зло.

XI

Сборы в Англию

Выпускные экзамены на аттестат зрелости я сдал в 1887 году. Тогда их сдавали в Бомбее и в Ахмадабаде. Нищета, царившая в стране, естественно, вынуждала учащихся Катхиавара ехать в город, расположенный поближе, где прожить можно было дешевле. Скудные средства моей семьи вынудили меня сделать то же самое. Это была моя первая поездка из Раджкота в Ахмадабад, и впервые я ехал один; родители хотели, чтобы, получив аттестат зрелости, я поступил в колледж. Колледжи имелись в Бавнагаре и Бомбее. Я решил отправиться в Бавнагар в Самалдасский колледж, так как это было дгшевле. Оказавшись в колледже, я совершенно растерялся: мне было очень трудно слушать лекции, не говоря уже о том, чтобы вникать в них. Виноваты были не преподаватели, которые считались первоклассными, а я сам, тг. к как был совершенно не подготовлен. По окончании первого семестра я вернулся домой. Мавджи Даве — умный и ученый брахман — был старым другом и советником нашей семьи.

Дружеские отношения с ним сохранились и после смерти отца. Как-то во время моих каникул он зашел к нам и разговорился с матерью и старшим братом относительно моих занятий. Узнав, что я учусь в Самалдасском колледже, он сказал:

— Времена изменились. Ни один из вас не может рассчитывать на получение гади вашего отца без должного образования. И уже сейчас, когда мальчик еще только учится, вы должны сделать все, чтобы он получил гади. Чтобы стать бакалавром, ему потребуется четыре — пять лет, что принесет ему в лучшем случае место с жалованьем 60 рупий, но не даст звание дивана. Если он, как и мой сын, пойдет по юридической части, ему придется учиться дольше, а к тому времени, когда он кончит, уже будет тьма адвокатов, претендующих на пост дивана. На вашем месте я бы послал его в Англию. Сын мой Кевалрам говорит, что стать адвокатом совсем нетрудно. Через три года он вернется. Расходы не превысят четырех — пяти тысяч рупий. Представьте себе адвоката, вернувшегося из Англии. Он будет жить шикарно! По первой же просьбе он получит пост дивана. Я очень советую послать Мохандаса в Англию в этом году. У Кевалрама там много друзей. Он даст рекомендательные письма к ним, и Мохандас легко там устроится.

Джошиджи — так обычно звали мы старого Мавджи Даве — обратился ко мне и спросил, нисколько не сомневаясь в утвердительном ответе:

— Не правда ли, ты предпочитаешь поехать в Англию, а не учиться здесь?

Ничего лучшего я не мог себе представить. Я изнемогал под бременем своих занятий. Потому я ухватился за это предложение и заявил, что чем скорее меня пошлют, тем лучше. Однако быстро сдать экзамены не так легко. Нельзя ли послать меня на медицинский факультет?

Брат перебил меня:

— Отцу всегда не нравилась эта профессия. Он имел тебя в виду, когда говорил, что вишнуиты не должны заниматься вскрытием трупов. Отец предназначал тебя для адвокатской карьеры.

Джошиджи вступился:

— Я не возражаю против профессии врача. Наши шастры ничего не имеют против нее. Но диплом врача не сделает из тебя дивана, а я

хочу, чтобы ты был диваном и даже кем-нибудь повыше. Тогда ты сможешь обеспечить свою большую семью. Времена быстро меняются, и жить становится с каждым днем труднее. Поэтому самое мудрое — стать адвокатом.

Затем он обратился к матери:

— Мне пора уходить. Взвесьте, пожалуйста, все, что я сказал. Надеюсь, что когда я приду сюда в следующий раз, я услышу о приготовлениях к отъезду в Англию. Дайте мне знать, если понадобится помощь.

Джошиджи ушел, а я принялся строить воздушные замки. Старший брат был сильно обеспокоен. Где найти средства для моей поездки? И можно ли такого юношу, как я, посылать одного за границу?

Мать совсем расстроилась. Ей не хотелось отпускать меня.

— Дядя, — говорила она, — сейчас старший в нашей семье. Нужно прежде всего посоветоваться с ним. Если он согласится, тогда решим.

У брата зародилась другая мысль:

— Правительство Порбандара несколько обязано нам. Правительственный чиновник м-р Лели хорошего мнения о нашей семье и высоко ценит дядю. Возможно, он даст тебе государственную стипендию для обучения в Англии.

Маме это очень понравилось, и я решил съездить в Порбандар. Железной дороги туда в то время еще не было, нужно было ехать пять дней на буйволах. Я уже говорил, что был труслив. Но желание поехать в Англию настолько овладело мной, что я сумел побороть трусость. Я нанял повозку, запряженную буйволами, до Дораджи, а затем взял верблюда, чтобы добраться до Порбандара на день раньше. Это было мое первое путешествие на верблюде.

Приехав к дяде, я подробно рассказал ему обо всем. Он подумал и сказал:

— Не уверен, что в Англии можно прожить без ущерба для твоей религии. Сомневаюсь в этом на основании того, что мне пришлось наблюдать. Когда я встречаюсь с крупными адвокатами индусами, то не вижу разницы между их образом жизни и образом жизни европейцев. Они неразборчивы в еде и не выпускают изо рта сигару, а одеваются так же бесстыдно, как англичане. Все это не соответствует традициям нашей семьи. Скоро я отправлюсь в паломничество, да и жить мне осталось недолго. Как могу я на пороге смерти дать тебе

разрешение ехать в Англию, переплывать моря? Но не хочу быть и помехой. В данном случае важно получить разрешение матери. Если она разрешит — с богом. Скажи ей, что я препятствовать не стану. Ты поедешь с моего благословения.

— Ничего другого я от вас и не ожидал, — сказал я.

— Постарайся теперь убедить мать.

— А не можете ли вы дать мне рекомендательное письмо к мастеру Лели?

— Не могу, — ответил дядя, — но он хороший человек. Попроси его о стипендии; расскажи, в чем дело. Без сомнения, он поможет тебе.

Не знаю, почему дядя не дал мне рекомендательного письма. Мне кажется, ему не хотелось принимать непосредственное участие в моей поездке, которая была, по его мнению, все же не религиозным делом.

Я написал мру Лели, и он пригласил меня в свою резиденцию. Мы встретились в тот момент, когда он поднимался по лестнице. Он коротко сказал:

— Сначала сдайте экзамен на бакалавра, а потом уже приходите ко мне. Не могу вам оказать сейчас никакого содействия, — и поспешил дальше.

Я тщательно подготовился к разговору с ним, заучил фразы, которые хотел ему сказать, отвесил низкий поклон и приветствовал его обеими руками. И все оказалось напрасным! Я вспомнил об украшениях жены. Подумал о старшем брате. На него я надеялся больше всего. Он чрезвычайно великодушен и любит меня как сына.

Вернувшись из Порбандара в Раджкот, я рассказал обо всем происшедшем. Поговорил с Джошиджи. Он посоветовал в случае необходимости даже занять у кого-нибудь нужную сумму. Я предложил продать украшения жены — это могло дать от двух до трех тысяч рупий. Брат также обещал достать какую-то сумму.

Мать все еще возражала. Она занялась расспросами об Англии. Кто-то сказал ей, что молодые люди неизменно погибают в Англии; другие говорили, что там привыкают есть мясо; третьи — что там невозможно жить без спиртных напитков.

— Как же быть со всем этим? — спросила она меня.

Я сказал:

— Ты веришь мне? Я не буду тебе лгать. Клянусь, что никогда не притронусь ко всему этому. Неужели Джошиджи отпустил бы меня,

если бы мне грозила какая-нибудь опасность?

— Сейчас я верю тебе, — сказала она. Но как верить тебе, когда ты будешь так далеко? Не знаю, что и делать. Спрошу Бечарджи Свами.

Бечарджи Свами прежде принадлежал к касте модбания, но потом стал монахомджайном. Он был, как и Джошиджи, советником нашей семьи. Он пришел мне на помощь, сказав матери:

— Я возьму с мальчика три торжественных обета, и его можно будет отпустить.

Он приготовил все для обряда, и я поклялся не дотрагиваться до вина, женщин и мяса. После этого мать дала разрешение.

Школа устроила мне проводы. Молодой человек из Раджкота, отправляющийся в Англию, представлял собой необычное явление. Дома я написал несколько слов благодарности. но на торжественных проводах еле пролепетал их. Помню, что у меня закружилась голова и я весь дрожал, стоя перед провожавшими и читая слова благодарности.

Напутствуемый благословениями близких, я выехал в Бомбей. Это была моя первая поездка туда. Со мной ехал брат. Но не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. В Бомбее нам предстояло столкнуться с некоторыми трудностями.

XII

Вне касты

Получив разрешение и благословение матери, я уехал с радостным чувством, оставив дома жену. с грудным ребенком. Но по прибытии в Бомбей тамошние наши друзья стали говорить брату, что в июне и июле в Индийском океане бывают бури и что, поскольку я отправляюсь в морское путешествие впервые, не следует пускаться в плавание раньше ноября. Ктото рассказал, как во время последнего шторма затонул пароход. Брат был встревожен всем услышанным и отказался сразу отпустить меня. Он оставил меня у своего приятеля в Бомбее, а сам вернулся в Раджкот, предварительно заручившись обещанием друзей оказать мне в случае необходимости поддержку; деньги же, ассигнованные на мое путешествие, отдал на хранение зятю.

В Бомбее дни тянулись для меня мучительно медленно.

Я все время мечтал о поездке в Англию.

Между тем представители моей касты всполошились. Ни один модбания не бывал в Англии, а если я осмелился на это, меня следовало призвать к ответу. Созвали общее собрание касты и вызвали меня. Я пошел. Сам не знаю, откуда у меня взялась такая смелость. Без страха и сомнений появился я на собрании. Шет — глава общины, находившийся со мной в отдаленном родстве и бывший в очень хороших отношениях с моим отцом, заявил мне:

— Каста осуждает ваше намерение ехать в Англию. Наша религия запрещает путешествия за границу. Кроме того, мы слышали, что там невозможно жить, не нарушая заветов нашей веры. Там надо будет есть и пить вместе с европейцами!

Я ответил:

— Не думаю, чтобы поездка в Англию противоречила заветам нашей религии. Я хочу поехать, чтобы продолжить образование. И я торжественно обещал матери воздерживаться от трех вещей, которых вы больше всего боитесь. Уверен, что этот обет защитит меня.

— Но мы утверждаем, — сказал шет, — что там невозможно не изменить своей религии. Вы знаете, в каких отношениях я был с вашим отцом, и потому должны послушаться моих советов.

— Я знаю об этих отношениях, к тому же вы старше меня.

Но ничего не могу поделать. Я не могу отказаться от своего решения ехать. Друг и советчик отца, ученый брахман, не видит ничего дурного в моей поездке в Англию. Брат и мать также дали мне разрешение.

— Вы осмеливаетесь не повиноваться велениям касты?

— Я ничего не могу поделать. Мне кажется, что касте не следует вмешиваться в это дело.

Шет был разгневан и отругал меня. Я сидел неподвижно.

Тогда шет произнес свой приговор:

— С сегодняшнего дня юноша этот считается вне касты.

Кто окажет ему помощь или пойдет провожать на пристань будет оштрафован на одну рупию четыре ана.

Приговор не произвел на меня никакого впечатления, и я спокойно простился с шетом. Меня интересовало лишь одно — как воспримет это брат. К счастью, он остался тверд и написал мне, что, несмотря на распоряжение шета, разрешает мне ехать.

Событие это усилило мое желание уехать поскорее. А вдруг им удастся оказать давление на брата? Вдруг случится что-нибудь непредвиденное? Однажды в самый разгар волнений я узнал, что вакил из Джунагарха, получив адвокатскую практику, едет в Англию с пароходом, уходящим 4 сентября. Я зашел к друзьям, которым брат поручил меня. Они согласились, что нельзя упускать такой случай. Времени оставалось мало, и я телеграфировал брату. Он тотчас прислал мне разрешение ехать. Я отправился к зятю за деньгами, но тот, сославшись на решение шета, заявил, что не может пойти против касты. Тогда я обратился к одному из друзей нашей семьи с просьбой дать мне денег на проезд и другие расходы, а брат возместит ему эту сумму. Наш друг не только удовлетворил мою просьбу, но и всячески ободрил меня. Я был ему очень благодарен. Часть денег я тут же истратил на билет. Затем мне предстояло приобрести соответствующую одежду для дороги. По этой части специалистом оказался другой мой приятель. Он купил мне все необходимое. Одни принадлежности европейской одежды мне нравились, другие нет. Галстук, приводивший меня впоследствии в восторг, в первый момент вызвал во мне настоящее отвращение. Короткий пиджак показался неприличным. Но все это были пустяки по сравнению с желанием ехать в Англию. Я запасся также достаточным количеством провианта на дорогу. Друзья забронировали мне место в той же каюте, в которой ехал адвокат Трьямбакрай Мазмудар, вакил из Джунагарха, и просили его присмотреть за мной. Он был человеком опытным, средних лет, знавшим свет, а я — совершенно неопытным восемнадцатилетним мальчишкой. Вакил заверил моих друзей, что они могут быть спокойны за меня.

Наконец, 4 сентября я покинул Бомбей.

XIII

Наконец в Лондоне

Я не страдал морской болезнью, но чем дальше, тем больше овладевало мною беспокойство. Я стеснялся разговаривать даже с прислугой на пароходе. Все пассажиры второго класса, за исключением Мазмудара, были англичане, а я не привык говорить по-

английски. Я с трудом понимал, когда со мной заговаривали, а если и понимал, то не в состоянии был ответить. Мне нужно было предварительно составить каждое предложение в уме, и только тогда я мог произнести его. Кроме того, я совершенно не знал, как пользоваться ножом и вилкой, и боялся спросить, какие блюда были приготовлены из мяса. Поэтому я всегда ел в каюте, главным образом сладости и фрукты, взятые с собой. Ехавший со мной вакил Маэмудар не испытывал никакого стеснения и сумел быстро найти со всеми общий язык. Он свободно разгуливал по палубе, тогда как я целыми днями прятался в каюте и решался показаться на палубе только тогда, когда там было мало народа. Мазмудар убеждал меня познакомиться с пассажирами и держаться свободнее. У адвоката должен быть длинный язык, говорил он. Он рассказывал о своей адвокатской практике и советовал использовать всякую возможность говорить по-английски, не смущаясь ошибками, неизбежными при разговоре на иностранном языке. Но ничто не могло победить мою робость.

Один из пассажиров — англичанин, несколько старше меня, почувствовав ко мне расположение, вовлек меня однажды в беседу. Он расспрашивал, что я ем, кто я, куда еду и почему так робок; он также посоветовал мне обедать за общим столом и смеялся над тем, что я упорно отказывался от мяса.

Когда мы были в Красном море, он дружески сказал мне:

— Сейчас это хорошо, но в Бискайском заливе вы откажетесь от своего упорства. А в Англии так холодно, что совершенно невозможно жить без мяса.

— Но я слыхал, что и там есть люди, которые могут обходиться без мяса!

— Поверьте мне, что это сказки. Насколько мне известно, там нет ни одного человека, который не ел бы мяса. Ведь я не убеждаю вас пить вино, хотя сам пью. Но я считаю, что вы будете есть мясо, так как не сможете жить без него.

— Благодарю вас за совет, но я торжественно обещал моей матери не дотрагиваться до мяса, и я даже думать об этом не смею. Если там невозможно обойтись без мяса, я лучше вернусь в Индию, но не буду есть мяса только ради того, чтобы остаться там.

Мы вошли в Бискайский залив, но я не почувствовал необходимости ни в мясе, ни в вине. Мне посоветовали запастись

справкой, что я не ем мяса. Я попросил знакомого англичанина выдать мне такое удостоверение. Он охотно согласился, и я хранил его некоторое время. Но, когда я узнал, что можно получить такую справку и преспокойно есть мясо, она утратила для меня всякое значение. Если не поверят моему слову, на что мне такое удостоверение?

В Саутхемптон мы прибыли, помнится, в субботу. На пароходе я ходил все время в черном костюме, а белую фланелевую пару, которую мне дали друзья, приберегал ко дню прибытия. Я считал, что белое мне больше всего к лицу, и сошел на берег в белом фланелевом костюме. Был уже конец сентября, и в белом костюме оказался я один. Присмотревшись, как поступали другие, я оставил агенту Гриндлея весь свой багаж вместе с ключами.

У меня было четыре рекомендательных письма; к д-ру П. Дж. Мехта, к адвокату Далпатраму Шукла, к принцу Ранджжтсинджи и к Дадабхаю Наороджи. Еще на пароходе нам посоветовали остановиться в Лондоне в отеле «Виктория». Мы с Мазмударом направились туда, причем я сгорал от стыда за свой белый костюм. В отеле мне сказали, что багаж из Гриндлея мне доставят только на следующий день, так как мы приехали в Лондон в воскресенье. Я был в отчаянии. Доктор Мехта, которому я телеграфировал из Саутхемпто на, зашел в день приезда в восемь часов вечера. Он очень сердечно поздоровался со мной, но при виде моего фланелевого, костюма улыбнулся. Во время разговора я случайно взял его цилиндр и, желая узнать, насколько он гладок, осторожно провел рукой против ворса. Доктор Мехта несколько раздраженно остановил меня. Это было предупреждением на будущее и первым уроком европейского этикета, который доктор Мехта преподал мне в шутливой форме.

— Никогда не трогайте чужих вещей, — сказал он. — Не задавайте, как это делается в Индии, при первом же знакомстве бесчисленных вопросов; не говорите громко; не обращайтесь ни к кому со словом «сэр», как мы это делаем в Индии; здесь так обращаются только слуги к хозяину.

И так далее и так далее… Он сказал мне также, что в отеле жизнь очень дорога, и посоветовал устроиться частным образом в какой-нибудь семье. Мы отложили решение этого вопроса до понедельника. Вакнл Мазмудар также находил, что жить в отеле неудобно и к тому же

очень дорого. В пути он подружился с одним синдхом с острова Мальты. Тот был в Лондоне не первый раз и предложил найти нам комнаты. Мы согласились и в понедельник, получив багаж и заплатив по счету в отеле, поехали в комнаты, которые нам подыскал наш знакомый. Помню, что пребывание в отеле обошлось мне в три фунта стерлингов, что страшно поразило меня, причем я буквально голодал. Все мне казалось невкусным, а когда ненравившееся блюдо я заменял другим, мне все равно приходилось платить за оба. Фактически же я питался продуктами, привезенными с собой из Бомбея.

Мне было не по себе и в новом помещении. Я все время думал о доме, о родине. Я тосковал по материнской любви. По ночам слезы текли по моим щекам, а воспоминания о доме не давали заснуть. Мне не с кем было разделить мое горе. А если бы и было с кем, какая от этого польза? Я не знал средства, которое смягчило бы мои страдания. Все было чужое: народ, его обычаи и даже дома, Я совершенно не знал английского этикета и все время должен был держаться настороже. А мой обет вегетарианства причинял мне еще большие неудобства. Те блюда, которые я мог есть, были пресны и безвкусны. Я очутился между Сциллой и Харибдой. Англия была мне не по нутру. Но о том, чтобы вернуться в Индию, не могло быть и речи. «Раз ты сюда приехал, то должен пробыть положенные три года», — подсказывал мне внутренний голос.

XIV

Мой выбор

В понедельник др Мехта приехал ко мне в отель «Виктория». Узнав там мой новый адрес, он тотчас же разыскал меня. По собственной глупости я умудрился получить раздражение кожи. На пароходе мы умывались морской водой, в которой мыло не растворяется, но я пользовался мылом, считая это признаком цивилизации. От этого кожа не только не очищалась, а наоборот, загрязнялась еще больше, и у меня образовались лишаи. Я показал их дру Мехта, и он велел промыть кожу уксусной кислотой. Кислота жгла, и я плакал от боли. Др Мехта осмотрел мою комнату, обстановку и неодобрительно покачал головой.

— Это помещение не годится, — сказал он. — Мы приезжаем в Англию не столько для того, чтобы учиться, сколько для того, чтобы знакомиться с английскими нравами и обычаями. Поэтому вы должны поселиться в английской семье. А пока поживите некоторое время у моих друзей и кое-чему поучитесь. Я с благодарностью принял это предложение и переехал на квартиру к другу д-ра Мехта. Этот друг, воплощение доброты и внимания, отнесся ко мне, как к родному брату, познакомил с английскими обычаями и приучил говорить по-английски. Много хлопот доставляло мне питание. Я не мог есть вареные овощи, приготовленные без соли и других приправ. Хозяйка не знала, чем меня кормить. На завтрак мне давали овсяную кашу, что было довольно сытно. Но после второго завтрака и обеда я оставался совершенно голодным. Приятель убеждал меня есть мясо, но я, ссылаясь на свой обет, прекращал разговор на эту тему. На второй завтрак и обед подавали шпинат, хлеб и джем. Я любил поесть, и желудок у меня был вместительный. Но я стеснялся брать больше двух-трех кусочков хлеба, так как считал это неприличным. К тому же ни за завтраком, ни за обедом не давали молока. Наконец, мой приятель рассердился и сказал:

— Я отправил бы вас обратно, если бы вы были моим родным братом. Что значит обет, данный невежественной матери при полном незнании здешних условий? Такой обет не имеет силы и соблюдать его было бы чистейшим предрассудком. Такое упорство не приведет ни к чему хорошему. Вы ведь сознаетесь что уже ели мясо и делали это, когда в этом не было никакой надобности. А теперь это необходимо, и вы отказываетесь, а жаль!

Но я был тверд. Изо дня в день мой друг настаивал на своем, но у меня хватило сил противостоять искушению. Чем больше он настаивал, тем более непреклонным я становился. Я ежедневно молил бога о поддержке и получал ее. Не могу сказать, что я имел определенное представление о боге. Это была просто вера, семена которой бросила в мою душу добрая няня Рамбха.

Как-то раз мой друг начал читать мне «Теорию утилитаризма» Бентама. Я совершенно растерялся. Язык был настолько труден, что я ничего не понимал. Он стал разъяснять.

Тогда я сказал:

— Извините меня, пожалуйста. Эти сложные рассуждения выше моего понимания. Допускаю, что необходимо есть мясо. Но не могу нарушить данный мною обет и не хочу спорить на эту тему. Я уверен, что моя аргументация будет слабее вашей. Но, пожалуйста, оставьте меня в покое, как поступают с глупыми или упрямыми. Я ценю вашу любовь и знаю, что вы желаете мне добра. Знаю также, что вы все время возвращаетесь к этому, потому что переживаете за меня. Но я ничего не могу поделать. Обет есть обет, и он не может быть нарушен.

Друг с удивлением взглянул на меня. Потом закрыл книгу и сказал:

— Хорошо. Больше говорить на эту тему я не буду.

Я был доволен. И мы действительно не возвращались к ней. Но он продолжал заботиться обо мне. Он курил и пил, но никогда не уговаривал меня следовать его примеру. По правде говоря, он даже убеждал меня не притрагиваться к табаку и спиртному. Его беспокоило лишь, что я очень ослабею без мяса и не буду чувствовать себя в Англии как дома.

Так прошел первый месяц моего пребывания в Англии. Друг д-ра Мехта жил в Ричмонде, и в Лондоне я мог бывать не больше одного-двух раз в неделю. Тогда д-р Мехта и адвокат Далпатрам Шукла решили, что лучше поместить меня в какую-нибудь семью. Шукла нашел подходящую англо-индийскую семью в Вест Кенсингтоне, и я поселился там. Хозяйка была вдовой. Я рассказал ей о своем обете, и она обещала хорошо обо мне заботиться. Я поселился у нее, но и здесь мне пришлось голодать. Я написал домой и просил выслать мне сладости и другие продукты, но посылка еще не пришла. Все было невкусно. Каждый день старушка-хозяйка спрашивала, нравятся ли мне кушанья. Но что она могла сделать? Я все еще был очень робок и не решался за столом просить добавки. У хозяйки было две дочери. Они настояли на том, чтобы мне подавали лишние один-два кусочка хлеба, не понимая, что меня мог удовлетворить лишь целый каравай.

Но теперь я знал, что делать. Я еще не начал заниматься регулярно, но под влиянием адвоката Шукла стал читать газеты. В Индии я никогда не читал газет, но здесь благодаря систематическому чтению сумел пристраститься к ним. Я постоянно просматривал «Дейли ньюс», «Дейли телеграф» и «Пэл мэд газет». Это занимало у меня менее часа в день. Затем я начинал бродить по городу. Я искал вегетарианский ресторан. Хозяйка сказала мне, что в Сити есть и

такие. Я отмеривал в день по 10–12 миль, заходил в дешевенький ресторан и наедался хлебом, но все же постоянно ощущал голод. Во время этих странствований набрел я однажды на вегетарианский ресторан на Фаррингдон стрит. При виде его меня охватило чувство радости, подобное тому, какое испытывает ребенок, получив давно желанную игрушку. При входе я заметил в окнах у двери книги, выставленные для продажи. Среди них была книга Солта «В защиту вегетарианства», Купив ее за шиллинг, я прошел в столовую. Здесь впервые со времени приезда в Англию я сытно поел. Бог пришел мне на помощь.

Я прочел книгу Солта от корки до корки, и она произвела на меня сильное впечатление. С тех пор благодаря ей я стал убежденным вегетарианцем. Я благословил день, когда дал обет матери. До сих пор я воздерживался от мяса лишь потому, что не хотел лгать и нарушать свой обет. В то же время, я желал, чтобы все индийцы стали есть мясо, и предполагал, что со временем и сам буду свободно и открыто делать это и склонять к этому других. Теперь же я сделал выбор в пользу вегетарианства, и распространение его стало с тех пор моей миссией.

XV

Я становлюсь английским джентльменом

Моя вера в пользу вегетарианства крепла день ото дня. Книга Солта пробудила во мне интерес к изучению диететики, и я стал читать всевозможные книги по вегетарианству. Одна из таких книг, «Этика диетического питания» Говарда Уильямса, включала «историю литературы по гуманной диететике и биографии вегетарианцев с древнейших времен до наших дней». Автор пытался доказать, что все философы и пророки от Пифагора и Иисуса и до наших дней — вегетарианцы. Книга Анны Кингсфорд «Пути усовершенствования диетического питания» была также увлекательной. Очень помогли мне работы доктора Аллинсона о здоровье и гигиене. Он пропагандирует систему лечения, основанную на регулировании диеты пациентов. Будучи сам вегетарианцем, он предписывал своим пациентам строго придерживаться вегетарианской пищи. В результате чтения всей этой литературы диететические опыты заняли видное место в моей жизни. Для начала этих опытов основным принципиальным соображением послужила забота о здоровье. Но впоследствии главным мотивом стала религия.

Тем временем мой друг продолжал заботиться обо мне. Его любовь ко мне внушала ему мысль о том, что если я по-прежнему не буду есть мяса, то не только ослабею физически, но и перестану развиваться умственно, так как всегда буду чувствовать себя чужим в английском обществе. Узнав, что я начал интересоваться книгами по вегетарианству, он испугался, как бы эти занятия не вызвали путаницы у меня в голове.

Он считал, что, проводя такие эксперименты, я растрачиваю силы по мелочам, забывая о своих основных занятиях, и становлюсь чудаком. Поэтому он предпринял последнюю попытку исправить меня. Однажды он пригласил меня в театр. Перед спектаклем мы договорились пообедать в ресторане «Холборн», который мне казался великолепным еще и потому, что я не бывал в таких крупных ресторанах с тех пор, как уехал из отеля «Виктория». Жизнь в этом отеле мало чему меня научила. Мой друг пригласил меня в ресторан в

расчете на то, что я из скромности не буду задавать вопросов. Мы уселись за стол, в центре многочисленной компании, друг против друга. На первое подали суп. Я не знал, из чего он приготовлен, но не решался спросить об этом своего друга. Поэтому я подозвал официанта; заметив это, друг спросил через стол, в чем дело. После длительного колебания я сказал ему, что хотел узнать, мясной это суп или вегетарианский.

— Ты ведешь себя бестактно в приличном обществе, — гневно воскликнул он. — Если ты не умеешь вести себя, тебе лучше уйти. Пообедай в другом ресторане и жди меня на улице.

Это обрадовало меня. И я ушел. Поблизости находился вегетарианский ресторан, который, однако, был закрыт, и я остался голодным. Мы пошли в театр. Друг никогда больше не упоминал об этом инциденте. Я, разумеется, тоже молчал.

Это была наша последняя дружеская стычка. Она нисколько не повлияла на наши отношения. Я понимал, что все его поступки продиктованы любовью ко мне, и ценил это. Мое уважение к нему росло, несмотря на различие в образе мыслей и поступках.

Я решил успокоить его и заверить, что больше не буду бестактным, что попытаюсь вести себя безукоризненно и придать своему вегетарианству такую форму, которая не мешала бы мне находиться в приличном обществе. Ради этого я взял на себя непосильную задачу — стать английским джентльменом.

Я решил, что костюмы, сшитые в Бомбее, не годятся для английского общества, и приобрел новые в магазине армии и флота. Я купил также цилиндр за 19 шиллингов — цена по тому времени довольно высокая. Не удовольствовавшись этим, я истратил 10 фунтов стерлингов на вечерний костюм в магазине на Бонд Стрит — центре лондонских мод. Кроме того, я заставил своего доброго и благородного брата выслать мне двойную золотую цепочку для часов. Носить готовые галстуки считалось неприличным, и я научился искусству завязывать их. В Индии зеркало было предметом роскоши. Мне разрешали пользоваться им лишь в те дни, когда наш семейный парикмахер брил меня. Здесь же я ежедневно проводил по десять минут перед огромным зеркалом, завязывая галстук и приводя в порядок прическу. Волосы у меня были жесткие, и я подолгу приглаживал их щеткой. Каждый день перед зеркалом я снимал и

надевал шляпу, а другой рукой автоматически приглаживал волосы. Я усвоил и другие жесты, принятые в приличном обществе.

Но поскольку и этого было недостаточно, чтобы стать английским джентльменом, я принял другие меры, приближавшие меня к цели. Мне сказали, что необходимо брать уроки танцев, французского языка и красноречия. Французский язык был не только языком соседней Франции, но и языком континента, о путешествии по которому я страстно мечтал.

Я решил поступить в танцевальный класс и уплатил за курс три фунта стерлингов. Мне должны были преподать шесть уроков в течение трех недель. Но ритмические движения были для меня чем-то совершенно недостижимым. Я не мог следить за музыкой и сбивался с такта. Что же было делать? В одной сказке говорится, что отшельник взял кошку, чтобы ловить крыс, потом корову, чтобы поить кошку молоком, потом человека, чтобы ухаживать за коровой, и т. д. Мое честолюбие вело меня приблизительно по тому же пути. Чтобы приучить свое ухо к западной музыке, я стал учиться играть на скрипке. Я истратил три фунта на скрипку и несколько большую сумму уплатил за уроки. Затем я нанял учителя красноречия и заплатил ему вперед гинею. Он рекомендовал мне учебник красноречия Белла. Я его купил и начал с речи Питта.

Но Белл[1] прозвучал, как звонок будильника, и я проснулся.

Ведь не собираюсь же я оставаться в Англии на всю жизнь? — сказал я себе. Для чего мне тогда обучаться красноречию? И каким образом танцы сделают меня джентльменом? А играть на скрипке я могу научиться и в Индии. Я студент и должен заниматься своей наукой. Мне нужно готовиться к вступлению в корпорацию юристов. Если я уже стал джентльменом, — хорошо, если нет, — нужно отказаться от этого намерения.

Такие и подобные мысли овладели мной, и я выразил их в письме, адресованном учителю красноречия, прося его также избавить меня в дальнейшем от уроков. Я взял всего два — три урока. Такое же письмо я послал учителю танцев, а к преподавательнице игры на скрипке отправился сам и попросил ее продать мою скрипку за любую цену. Преподавательница относилась ко мне хорошо, и я рассказал ей, как понял, что пошел по неверному пути. Она поддержала меня.

Мое ослепление длилось около трех месяцев. Педантичность в отношении одежды сохранялась в течение многих лет. Но отныне я стал студентом.

XVI

Перемены

Я не хотел бы, чтобы создалось впечатление, будто мое увлечение танцами и тому подобными вещами было своего рода потворством своим желаниям. Даже тогда, в период увлечений, у меня было достаточно здравого смысла и до известной степени я анализировал свои поступки. Я учитывал каждый истраченный мною фартинг и вел точную запись всех расходов. Всякие, даже мелкие расходы (например, плата за проезд в омнибусе или покупка почтовых марок, два медяка, истраченных на покупку газет) я подсчитывал ежевечерне перед сном. Эта привычка сохранилась у меня на всю жизнь, и когда мне приходилось иметь дело с общественными средствами в сотни тысяч, я добивался строжайшей экономии в их расходовании и вместо огромных долгов неизменно имел свободные средства во всех возглавлявшихся мною движениях. Пусть каждый молодой человек, прочитав эту страницу, возьмет себе за правило подсчитывать все свои доходы и расходы и, подобно мне, почувствует в конце концов преимущество этого.

Как только я взял свои расходы под строжайший контроль, то увидел, что необходимо экономить. Прежде всего я решил сократить их наполовину. В результате подсчета выявились многочисленные расходы на проезд. В то же время, живя в семье, я должен был еженедельно оплачивать счета. Сюда входила стоимость обедов, на которые мне из вежливости приходилось приглашать членов семья, а также посещение различных вечеров вместе с ними. Кроме того, сюда входила плата за экипаж, в особенности, если я сопровождал женщин, так как, согласно английскому этикету, все расходы оплачивает мужчина. Обеды вне дома также означали дополнительные расходы, тем более что плата за несъеденные дома блюда все равно включалась в еженедельный счет. Мне казалось, что можно избежать всех этих

расходов, как и того, чтобы мой кошелек опустошался изза ложного понимания правил приличия.

Поэтому я решил больше не жить в семье, а снять квартиру за свой счет и менять ее в зависимости от места работы, приобретая тем самым некоторый жизненный опыт. Квартира была выбрана с таким расчетом, чтобы место занятий находилось не дальше, чем в получасе ходьбы, благодаря чему я экономил деньги на проезд. Раньше мне все время приходилось пользоваться различным транспортом, а для прогулок изыскивать дополнительное время. При новом порядке получалась экономия в деньгах, и в то же время я имел возможность совершать прогулки по восемь — десять миль в день. Именно эта привычка подолгу ходить пешком спасла меня от заболеваний в течение всего моего пребывания в Англии и закалила мой организм.

Итак, я снял две комнаты. У меня была гостиная и спальня. Так было ознаменовано начало второго периода моей жизни в Лондоне. О третьем будет сказано дальше. Благодаря этим переменам мои расходы сократились вдвое. Но как распределить время? Я знал, что для сдачи экзаменов на звание адвоката не нужно слишком много заниматься, и поэтому не испытывал недостатка во времени. Но меня беспокоило слабое знание английского языка. Слова мра (впоследствии сэра Фредерика) Лели: «Сначала получите диплом, а потом уж приходите ко мне», — все еще звучали в моих ушах. «Мне необходимо, — думал я, — получить диплом не только адвоката, но и филолога». Я разузнал программу занятий в Оксфордском и Кембриджском университетах, посоветовался с несколькими приятелями и понял, что если выберу одно из этих учебных заведений, потребуются большие расходы и более длительное пребывание в Англии. Один из моих друзей предложил мне сдать в Лондоне вступительные экзамены в высшее учебное заведение, если у меня действительно есть потребность получить удовлетворение от сдачи трудных экзаменов. Это означало огромный труд и повышение уровня общих знаний почти без дополнительных расходов. Я с радостью внял его совету. Но программа занятий испугала меня. Латынь и современный язык были обязательными! Разве я справлюсь с латынью? Но друг выступил в защиту латыни:

Латынь чрезвычайно нужна адвокату. Знание латыни очень полезно для понимания сводов законов. Свод римского права

целиком написан на латинском языке. Кроме того, знание латинского языка поможет вам лучше овладеть английским.

Это было достаточно убедительно, и я решил изучить латынь, чего бы это ни стоило. Я уже начал заниматься французским и подумывал о том, что сдам его как современный язык. Я поступил на частные курсы по подготовке к сдаче экзаменов в высшее учебное заведение. Экзамены принимали два раза в год, и у меня оставалось всего пять месяцев. Подготовиться за это время было задачей почти непосильной. Мне предстояло превратиться из английского джентльмена в серьезного студента. Я распределил свое время с точностью до минуты. Но мои способности и память вряд ли позволяли надеяться, что я смогу изучить латынь и французский язык, не говоря о других предметах, в столь короткий срок. И действительно, на экзамене по латыни я провалился. Я расстроился, но духом не пал. У меня ужг появился вкус к латыни; к тому же я надеялся, что при следующей попытке полнее будут и мои знания французского, а тему для своих научных занятий я возьму новую. Первый раз я остановился на теме из области химии, но она, хотя и обещала быть очень интересной, не привлекала меня, так как разработка ее требовала проведения многочисленных опытов. Химия была одним из обязательных школьных предметов в Индии, и поэтому я выбрал ее для сдачи экзаменов в Лондоне. Но теперь я взял новую тему — тепло и свет. Говорили, что она легче, и я в этом убедился.

В период подготовки к новой сдаче экзаменов я еще больше упростил свою жизнь. Я чувствовал, что живу шире, чем позволяют скромные доходы моей семьи. Мысль о благородстве брата, который с трудом добывал средства к существованию и всетаки ни разу не отказал мне в моих просьбах о деньгах, ужасно мучила меня. Большинство студентов, живших на стипендию, тратили от восьми до пятнадцати фунтов в месяц. Я был знаком со многими бедными студентами, которые жили еще скромнее, чем я. Один из них жил в трущобах, снимая комнату за два шиллинга в неделю, и тратил на еду всего два пенса, на которые можно было получить лишь стакан какао да кусок хлеба в дешевом кафе Локкарта. Разумеется, я и не думал соревноваться с ним, но чувствовал, что вполне могу обойтись одной комнатой и готовить себе некоторые блюда дома. Это сэкономит четыре-пять фунтов в месяц. Мне попались книги, описывающие

простой образ жизни. Я отказался от двух комнат и снял одну, обзавелся плитой и стал готовить завтрак сам. На это уходило не более двадцати минут, так как я варил только овсяную кашу и кипятил воду для какао. Второй завтрак я съедал в кафе, а вместо обеда опять пил какао с хлебом дома. При таком образе жизни мне удавалось расходовать всего один шиллинг и три пенса в день. Я усиленно занимался. Простая жизнь сберегла мне массу времени, и я успешно сдал экзамен.

Пусть не подумает читатель, что жизнь моя была очень скучной. Как раз наоборот. Эти перемены привели в соответствие мою внутреннюю и внешнюю жизнь. Новый образ жизни более соразмерялся с материальными возможностями моей семьи. Жизнь стала правильнее, и на душе было хорошо.

XVII

Опыты в области питания

Чем глубже изучал я самого себя, тем больше росла моя потребность во внутренних и внешних изменениях. Переменив образ жизни, или даже до этого, я начал вносить изменения в свое питание. Я видел, что авторы книг о вегетарианстве тщательно изучили предмет с религиозной, научной, практической и медицинской точек зрения. Рассматривая вопрос в этическом плане, они пришли к выводу, что превосходство человека над низшими животными вовсе не означает, что последние должны стать жертвами первого: наоборот, высшие существа должны защищать низшие, и те и другие должны помогать друг другу так же, как человек помогает человеку.

Кроме того, они высказывали соображения о том, что человек ест не ради удовольствия, а для того, чтобы жить. И некоторые из них соответственно предлагали отказаться не только от мяса, но и от яиц и молока и осуществляли этот принцип в своей жизни. Изучая этот вопрос с научной точки зрения, некоторые авторы делали вывод, что сама физическая организация человека свидетельствует, что он сыроядное животное и не должен употреблять пищу в вареном виде. Он должен вначале питаться только материнским молоком, а когда у него появятся зубы, перейти к твердой пище. С медицинской точки

зрения они обосновывали отказ от всевозможных специй и острых приправ. Их практический и экономический доводы в пользу вегетарианства состояли в том, что вегетарианская пища — самая дешевая. Все эти аргументы оказали на меня соответствующее влияние. К тому же я часто встречался с вегетарианцами в вегетарианских ресторанах, В Англии существовало вегетарианское общество, издававшее еженедельный журнал. Я подписался на него, вступил в общество и очень скоро стал членом его исполнительного комитета. Здесь я познакомился с теми, кого считали столпами вегетарианства, и начал проводить собственные эксперименты в области питания.

Я перестал есть сладости и приправы, присланные из дому. Я потерял к ним вкус, поскольку мои мысли приняли новое направление, и с удовольствием ел вареный шпинат, приготовленный без приправ, который в Ричмонде казался мне таким безвкусным. Опыты такого рода навели меня на мысль, что действительная обитель вкуса не язык, а мозг.

Конечно, мною постоянно руководили соображения экономии. В те дни было распространено мнение, что кофе и чай вредны, и предпочтение отдавалось какао. А так как я был убежден, что человек должен есть только то, что укрепляет организм, то обычно отказывался от кофе и чая и пил какао.

В ресторанах, которые я посещал, было по два зала. В первом зале, где обедала зажиточная публика, предоставлялись на выбор блюда, которые оплачивались отдельно. Здесь обед стоил от одного до двух шиллингов. Во втором зале подавали шестипенсовые обеды из трех блюд, к которым полагался кусок хлеба. В дни строжайшей экономии я обычно обедал во втором зале.

Наряду с основными опытами я проводил и более мелкие. Так, одно время я не употреблял пищи, содержавшей крахмал, в другое время ел только хлеб и фрукты или питался лишь сыром, молоком и яйцами. Последний опыт был совершенно излишним. Он продолжался меньше двух недель. Один из реформаторов, проповедовавший отказ от продуктов, содержащих крахмал, весьма благосклонно отзывался о яйцах, доказывая, что яйца — не мясо и, употребляя их в пищу, мы не причиняем вреда живым существам. На меня подействовали его доводы, и я, несмотря на данный мною обет, стал есть яйца. Но

заблуждение было кратковременным. Я не имел права по-новому истолковывать свой обет, а должен был руководствоваться тем толкованием, которое давала ему моя мать взявшая с меня обет. Я знал, что яйца в ее понимании также относились к мясной пище. Осознав истинный смысл обета, я перестал питаться яйцами.

В Англии я столкнулся с тремя определениями понятия «мясо». Согласно первому, к мясу относится лишь мясо птиц и животных. Вегетарианцы, принимающие это определение, не едят мяса животных и птиц, но едят рыбу, не говоря уж о яйцах. Согласно второму, к мясу относится мясо всех живых существ, поэтому рыба в данном случае также исключалась, но яйца есть разрешалось. Третье определение включало в понятие «мясо» мясо всех живых существ, а также такие животные продукты, как яйца и молоко. Если бы я принял первое определение, то мог бы есть не только яйца, но и рыбу. Но я был убежден, что определение моей матери и есть то определение, которого я должен придерживаться. Поэтому, чтобы соблюсти обет, я отказался и от яиц. В связи с этим возникли новые трудности, так как выяснилось, что даже в вегетарианских ресторанах многие блюда приготовлены на яйцах. Это означало, что я должен был заниматься неприятным процессом выяснения, не содержит ли то или иное блюдо яиц, поскольку многие пудинги и печенья делались на яйцах. Но хотя, выполняя свой долг, я и столкнулся с затруднениями, в целом это упростило мою пищу. Такое упрощение в свою очередь доставило мне неприятности, так как пришлось отказаться от некоторых блюд, которые мне нравились. Однако эти неприятности были временными, поскольку в результате точного соблюдения обета у меня выработался новый вкус, значительно более здоровый, тонкий и постоянный.

Самое тяжелое испытание было еще впереди и касалось другого обета. Но кто осмелится причинить зло находящемуся под покровительством бога?

Здесь будет уместно рассказать о нескольких моих наблюдениях относительно истолкования обетов или клятв. Толкование обетов — неисчерпаемый источник споров во всем мире. Как бы ясно ни был изложен обет, люди стараются исказить его и повернуть в угоду своим целям. И так поступают все богатые и бедные, князья и крестьяне. Эгоизм ослепляет их, и, используя двусмысленность выражений, они обманывают самих себя и стараются обмануть мир и бога. Надо

придерживаться золотого правила, которое состоит в том, чтобы принимать обет в толковании лица, наложившего его. Другое правило заключается в принятии толкования более слабой стороны, если возможны два истолкования. Отказ от этих двух правил ведет к спорам и несправедливости, коренящимся в лживости. Действительно, ищущий истину без труда следует золотому правилу. Он не нуждается в советах ученых для толкования обета. Определение моей матерью понятия «мясо» является в соответствии с золотым правилом единственно правильным для меня. Всякое другое толкование, продиктованное моим опытом или гордостью, порожденной приобретенными знаниями, неправильно.

В Англии свои опыты в области питания я проводил из соображений экономии и гигиены. Религиозные аспекты этого вопроса мною во внимание не принимались до поездки в Южную Африку, где я провел ряд сложных опытов, о которых расскажу в последующих главах. Однако семена их были посеяны в Англии.

Вновь обращенный с большим энтузиазмом выполняет предписания своей новой религии, чем тот, кто от рождения принадлежит к ней. Вегетарианство в те времена было новым культом в Англии, оно стало новым культом и для меня, потому что, как мы видели, я приехал туда убежденным сторонником употребления в пищу мяса и позднее был интеллектуально обращен в вегетарианство. Полный рвения, присущего новичку, я решил основать клуб вегетарианцев в своем районе, Бейсуотере. Я пригласил сэра Эдвина Арнолда, проживавшего в этом районе, в качестве вице-президента клуба. Редактор «Веджетериэн» д-р Олдфилд стал президентом, а я — секретарем. Вначале клуб процветал, но через несколько месяцев прекратил существование, так как я переселился в другой район в соответствии со своим обычаем периодически переезжать с места на место. Но этот кратковременный и скромный опыт научил меня кое-чему в деле создания и руководства подобными организациями.

XVIII

Застенчивость — мой щит

Я был избран членом исполнительного комитета Вегетарианского

общества и взял за правило присутствовать на каждом его заседании, но всегда чувствовал себя на заседаниях весьма скованно. Однажды др Олдфилд сказал мне:

— Со мной вы говорите очень хорошо. Но почему вы не открываете рта на заседаниях комитета? Вы просто трутень.

Я понял его шутку. Пчелы очень деловиты, трутни страшные бездельники. Ничего странного не было в том, что в то время как другие на заседаниях выражали свое мнение, я сидел молча. Я молчал не потому, что мне никогда не хотелось выступить. Но я не знал, как выразить свои мысли. Мне казалось, что все остальные члены комитета знают больше, нежели я. Часто случалось и так, что пока я наберусь смелости, переходят к обсуждению следующего вопроса. Так продолжалось долгое время.

Как-то стали обсуждать очень серьезный вопрос. Я считал, что отсутствовать на заседании нехорошо, а молча проголосовать — трусливо. Спор возник вот из-за чего: президентом общества был м-р Хиллс, владелец железоделательного завода. Он был пуританином. Можно сказать, что общество существовало фактически благодаря его финансовой поддержке. Многие члены комитета были его ставленниками. В исполнительный комитет входил и известный вегетарианец д-р Аллисон — сторонник только что зародившегося движения за ограничение рождаемости и пропагандист этого среди трудящихся классов. М-р Хиллс же считал, что ограничение рождаемости подрывает основы морали. Он полагал, что Вегетарианское общество должно заниматься вопросами не только питания, но и морали, и что человеку с антипуританскими взглядами, как у м-ра Аллисона, нет места в Вегетарианском обществе. Поэтому было выдвинуто предложение об его исключении. Вопрос этот меня сильно интересовал. Я также считал взгляды м-ра Аллисона относительно искусственных методов контроля за рождаемостью опасными и полагал, что м-р Хиллс, как пуританин, обязан выступить против него. Я был высокого мнения о м-ре Хиллсе и его душевных качествах. Но я считал, что нельзя исключать человека из Вегетарианского общества лишь за то, что он отказывается признать одной из задач общества насаждение пуританской морали. Убежденность м-ра Хиллса в необходимости исключения антипуритан из общества не имела ничего общего с непосредственными целями

общества — способствовать распространению вегетарианства, а не какой-либо системы морали. Поэтому я считал, что членом общества может быть любой вегетарианец независимо от его взглядов на мораль.

В комитете были и другие лица, придерживавшиеся такого же мнения, но я ощущал потребность самому высказать свои взгляды. Но как это сделать? У меня не хватало смелости выступить, и поэтому я решил изложить свои мысли в письменном виде. На заседание я отправился с готовым текстом в кармане. Помнится, я даже не решился прочесть написанное, и президент попросил сделать это кого-то другого. Д-р Аллнсон проиграл сражение. Таким образом, в первом же бою я оказался с теми, кто потерпел поражение. Но было приятно думать, что наше дело правое. Смутно припоминаю, что после этого случая вышел из состава комитета.

Застенчивость не покидала меня во все время пребывания в Англии. Даже нанося визит, я совершенно немел от одного присутствия полдюжины людей.

Как-то я отправился с адвокатом Мазмударом в Вентнор. Мы остановились в одной вегетарианской семье. На этом же курорте был и м-р Говард, автор «Этики диетического питания», Мы встретились с ним, и он пригласил нас выступить на митинге в защиту вегетарианства. Меня уверили, что читать свою речь вполне прилично. Я знал, что многие поступали именно так, стремясь выразить мысли понятнее и короче. О выступлении без подготовки мне нечего было и думать. Поэтому я написал свою речь, вышел на трибуну, но прочесть ее не смог. В глазах помутилось, я задрожал, хотя вся речь уместилась на одной странице. Пришлось Мазмудару прочесть ее вместо меня. Его собственное выступление было, разумеется, блестящим и встречено аплодисментами. Мне было стыдно за себя, а на душе тяжело от сознания своей бездарности.

Последнюю попытку выступить публично я предпринял накануне отъезда из Англии. Но и на этот раз я оказался в смешном положении. Я пригласил своих друзей вегетарианцев на обед в ресторан Холборн, о котором уже упоминал в предыдущих главах. «Вегетарианский обед, — подумал я, — как правило, устраивают в вегетарианских ресторанах. Но почему бы его не устроить в обычном ресторане?» Я договорился с управляющим ресторана Холборн о том, что будут

приготовлены исключительно вегетарианские блюда. Вегетарианцы были в восторге от такого эксперимента. Любой обед предназначен для того, чтобы доставлять удовольствие, но Запад превратил это в своего рода искусство. Вокруг обедов поднимается большая шумиха, они сопровождаются музыкой и речами. Небольшой званый обед, устроенный мною, в этом отношении не отличался от остальных. Следовательно, на обеде должны были быть произнесены речи. Я поднялся, когда наступила моя очередь говорить. Я тщательно заранее подготовил речь, состоявшую всего из нескольких фраз, но смог произнести лишь первую. Я как-то читал о том, что Аддисон, впервые выступая в палате общин, три раза повторял:

«Я представляю себе…», и когда он не смог продолжить, какой-то шутник встал и сказал: «Джентльмен зачал трижды, но ничего не родил».[2] Я хотел произнести шутливую речь, обыграв этот анекдот, и начал выступление с этой фразы, но тут же замолк. Память совершенно изменила мне, и, пытаясь сказать шутливую речь, я сам попал в смешное положение.

— Благодарю вас, джентльмены, за то, что вы приняли мое приглашение, — отрывисто проговорил я и сел.

И только в Южной Африке я поборол свою робость, хотя еще и не окончательно. Я совершенно не мог говорить экспромтом. Каждый раз, когда передо мной была незнакомая аудитория, я испытывал сомнения и всячески старался избежать выступлений. Даже теперь, мне кажется, я не смог бы занимать друзей пустой болтовней.

Должен заметить, что моя застенчивость не причиняла мне никакого вреда, кроме того, что надо мной иногда подсмеивались друзья. А иногда и наоборот: я извлекал пользу из этого. Моя нерешительность в разговоре, раньше огорчавшая меня, теперь доставляет мне удовольствие. Ее величайшее достоинство состояло в том, что она научила меня экономить слова. Я привык кратко формулировать свои мысли. Теперь я могу выдать себе свидетельство о том, что бессмысленное слово вряд ли сорвется у меня с языка или с пера. Я не припомню, чтобы когда-либо сожалел о сказанном или написанном. Благодаря этому я оградил себя от многих неудач и излишней траты времени. Опыт подсказал мне, что молчание — один из признаков духовной дисциплины приверженца истины. Склонность к преувеличению, замалчиванию или искажению истины, сознательно

или бессознательно, — естественная слабость человека, молчание же необходимо для того, чтобы побороть эту слабость. Речь человека немногословного вряд ли будет лишена смысла: ведь он взвешивает каждое слово. Очень многие люди не воздержаны в речи. Не было еще ни одного собрания, на котором председателя не осаждали бы записочками с просьбами предоставить слово. А когда такая просьба удовлетворяется, оратор обычно превышает регламент, просит дополнительное время, а иногда продолжает говорить и без разрешения. Подобные выступления вряд ли приносят пользу миру. Это. как правило, пустая трата времени. Моя застенчивость, в действительности, — мой щит и прикрытие. Она дает мне возможность расти. Она помогает мне распознавать истину.

XIX

Зараза лжи

Сорок лет назад[3] в Англии было сравнительно мало студентов индийцев. Те из них, кто был женат, обычно скрывали это. Учащиеся школ и студенты колледжей в Англии — холостяки, так как считается, что ученье невозможно совместить с жизнью женатого человека. В доброе старое время и у нас существовала такая же традиция — учащийся обязательно был брахмачария. А сейчас заключаются браки между детьми, что совершенно немыслимо в Англии. Поэтому индийские студенты стеснялись признаваться, что они женаты. Была и другая причина для притворства. Если бы стало известно, что они женаты, то в семьях, в которых они жили, им нельзя было бы флиртовать. Флирт этот был более или менее невинным. Родители даже поощряли его, и такого рода общение между молодыми мужчинами и женщинами, пожалуй, необходимо в Англии, так как здесь каждый молодой человек сам выбирает себе супругу. Однако когда индийские юноши, приехавшие в Англию, втягивались в эти взаимоотношения, совершенно естественные для английской молодежи, результат часто оказывался для них плачевным. Я видел, как наши юноши, подвергаясь соблазну, избирали жизнь, полную лжи, ради приятельских отношений, которые для английской молодежи

были вполне невинны, но совершенно нежелательны для нашей. Я также не избежал этого вредного влияния. Без всяких колебаний я выдал себя за холостого, хотя имел жену и сына. Однако счастливее от такого притворства я не стал. Только скрытность и молчаливость не позволяли мне зайти слишком далеко. Если бы я не скрыл, что женат, ни одна девушка не стала бы со мной разговаривать и никуда не пошла бы со мной.

Трусостью я отличался не меньшей, чем скрытностью. В семьях, подобно той, в которой я стал жить в Вентноре, существовал обычай, чтобы дочь хозяйки приглашала на прогулку жильцов. Однажды дочь моей хозяйки пригласила меня на прогулку по живописным холмам в окрестностях Вентнора. Я был неплохой ходок, но спутница моя ходила быстрее меня.

Она тащила меня за собой, без умолку болтая «всю дорогу. В ответ я только лепетал «да» или «нет» и в лучшем случае «да, очень красиво». Она летела вперед, как птица, а я, идя сзади, все думал, когда же мы вернемся домой. Наконец, мы взобрались на вершину холма. Но как теперь спуститься? Прыткая двадцатипятилетняя леди, несмотря на высокие каблуки, стрелой помчалась вниз, а я позорно пополз за нею. Она стояла внизу и, улыбаясь, подбадривала меня и предлагала прийти на помощь, Как я мог быть таким трусливым? Наконец, с огромным трудом, иногда на четвереньках, я сполз вниз. Она весело приветствовала меня возгласом «браво!» и стыдила, как только могла. Но не всегда мне удавалось остаться невредимым. Ибо бог хотел избавить меня от заразы лжи. Однажды я отправился в Брайтон, в такой же курортный городок, как и Вентнор. Это случилось еще до поездки в Вентнор. Здесь в отеле я познакомился с пожилой женщиной, вдовой, располагавшей небольшими средствами. То был первый год моего пребывания в Англии. Меню в столовой было написано по-французски, и я ничего не мог понять. Я сел за столик вместе с пожилой дамой. Она догадалась, что я иностранец и ничего не понимаю, и тотчас пришла мне на помощь.

— Вы, должно быть, иностранец и не знаете, что делать? — спросила она. — Почему вы ничего не заказали?

Когда она ко мне обратилась, я просматривал меню и собирался расспросить официанта о блюдах. Я поблагодарил ее и, объяснив свои

затруднения, сказал, что не знаю, какие блюда здесь вегетарианские, так как не понимаю по-французски.

— Я помогу вам, — сказала она. — Сейчас все объясню и скажу, что вы можете есть.

Я с благодарностью воспользовался ее помощью. Так началось знакомство, которое перешло в дружбу, продолжавшуюся все время моего пребывания в Англии, а также и после моего отъезда. Дама дала мне свой лондонский адрес и пригласила обедать у нее по воскресеньям. Я получал приглашения и в торжественных случаях. Она старалась помочь мне преодолеть застенчивость, знакомя с молодыми женщинами и втягивая в разговор с ними. Мне особенно запомнились беседы с одной из девушек, которая жила у моей знакомой. Очень часто мы оставались вдвоем.

Вначале я чувствовал себя неловко: не мог начать разговора, не умел принять участия в шутках. Она научила меня этому. Я стал с нетерпением ожидать воскресных дней, так как мне нравилось беседовать с этой девушкой.

Старая леди расставляла свои сети все шире, Она интересовалась нашими встречами. Возможно, у нее были свои планы в отношении нас.

Я был в затруднении. «Лучше бы я с самого начала сказал старой леди, что женат, — думал я, — тогда она не старалась бы нас поженить. Но исправиться никогда не поздно. Сказав правду, по крайней мере можно избавиться от неприятностей в будущем». С этими мыслями я написал ей письмо следующего содержания:

«С того дня, как мы с вами встретились в Брайтоне, вы всегда были добры ко мне, Вы заботитесь обо мне как мать. Вы решили женить меня и поэтому познакомили с молодыми девушками. Пока все это не зашло слишком далеко, я должен сознаться, что не достоин вашего внимания. Я обязан был в первый же день знакомства сообщить вам, что женат. Я знал, что андийские студенты, приезжая в Англию, скрывают это, и последовал их примеру. Теперь вижу, что этого делать было нельзя. Должен добавить, что меня женили, когда я был еще мальчиком, а теперь у меня уже есть сын. Мне неприятно, что я так долго скрывал это от вас. Но рад, что бог дал мне, наконец, силу сказать правду. Простите ли вы меня? Могу заверить вас, что я не позволил себе ничего лишнего по отношению к молодой девушке, с

которой вы меня познакомили. Я знаю меру. Так как вам не было известно, что я женат, вы, естественно, хотели обручить нас. И вот, пока дело не зашло слишком далеко, я обязан сообщить вам всю правду.

Если, прочитав это письмо, вы сочтете, что я не достоин вашего гостеприимства, уверяю вас, что приму это как должное. Я бесконечно признателен вам за вашу доброту и внимание. Если после всего происшедшего вы не отвергнете меня и удостоите своим гостеприимством (чтобы заслужить его, я не пожалею сил), я буду счастлив и сочту это лишним доказательством вашей доброты».

Пусть читатель не думает, что я написал такое письмо в один присест. Я без конца его переписывал. Но оно сняло с меня огромную тяжесть. С обратной почтой пришел примерно такой ответ:

«Я получила ваше откровенное письмо. Мы обе были очень рады и дружески посмеялись над ним. Ваша ложь, в которой вы себя обвиняете, вполне простительна. Все же хорошо, что вы сообщили нам о действительном положении вещей. Мое приглашение остается в силе, и мы ждем вас в следующее воскресенье. Собираемся выслушать рассказ о вашем детском браке и посмеяться на ваш счет. Мне нет надобности, конечно, уверять вас, что этот инцидент нисколько не повлияет на нашу дружбу».

Так я очистился от заразы лжи и с тех пор никогда не скрывал, что женат.

XX

Знакомство с различными религиями

К концу второго года пребывания в Англии я познакомился с двумя теософами, которые были братьями и оба холостяками. Они заговорили со мной о «Гите». Они читали «Небесную песнь» в переводе Эдвина Арнолда и предложили мне почитать вместе с ними подлинник. Было стыдно признаться, что я не читал этой божественной поэмы ни на санскрите, ни на гуджарати. Но я вынужден был сказать, что не читал «Гиты» и с удовольствием прочту ее вместе с ними и что, хотя знаю санскрит плохо, надеюсь, что сумею отметить те места, где переводчику не удалось передать подлинник.

Мы начали читать «Гиту». Стихи из второй главы произвели на меня глубокое впечатление и до сих пор звучат у меня в ушах:

Если думать об объекте чувства, возникает Влечение;
Влечение порождает желание,
Желание разгорается в безудержную страсть,
Страсть ведет за собой Безрассудство;
Потом останется лишь воспоминание
и покажется, что все это был мираж.
Пусть благородная цель исчезнет
и испепелит разум до того,
как цель, разум и человек погибнут.

Книга показалась мне бесценной. Со временем я еще более укрепился в своем мнении и теперь считаю эту книгу главным источником познания истины. Обращение к «Гите» неизменно помогало мне и в минуты отчаяния. Я прочел почти все английские переводы «Гиты» и считаю перевод Эдвина Арнольда лучшим. Он очень точен, и в то же время не чувствуется, что это перевод. Читая «Гиту» в те времена со своими друзьями, я не изучил ее тогда. Только через несколько лет она стала моей настольной книгой.

Братья рекомендовали мне прочесть также «Свет Азии» Эдвина Арнольда, которого я до того знал только как автора «Небесной песни». Я прочел эту книгу с еще большим интересом, чем «Бхагаватгиту». Начав читать, я уже не мог оторваться.

Они свели меня также в ложу Блаватской и там познакомили с м-м Блаватской и м-с Безант. Последняя в то время только что вступила в теософское общество, и я с большим интересом слушал различные толки по поводу ее обращения. Друзья советовали и мне вступить в это общество, но я вежливо отказался, заявив, что, обладая скудными познаниями в области своей собственной религии, не хочу принадлежать ни к какому религиозному обществу. Помнится, по настоянию братьев я прочел «Ключ к теософии» м-м Блаватской. Книга эта вызвала во мне желание читать книги по индуизму. Я не верил больше миссионерам, утверждавшим, что индуизм полон предрассудков.

Приблизительно в это же время я познакомился в вегетарианском пансионе с христианином из Манчестера. Он заговорил со мной о

христианстве. Я поделился с ним воспоминаниями о Раджкоте. Ему было больно это слушать, Он сказал:

«Я вегетарианец. Я не пью. Конечно, многие христиане едят мясо и пьют спиртное, но ни то, ни другое не предписывается священным писанием, Почитайте Библию». Я последовал его совету. Сам он занимался продажей Библий, Я купил у него издание с картами, предметным указателем и другим вспомогательным аппаратом и стал читать, но никак не мог осилить «Ветхий завет». Я прочел «Книгу бытия», а над остальными частями неизменно засыпал. Однако, чтобы я мог сказать, что прочел Библию, я продолжал упорно сидеть и над другими ее книгами. Это стоило мне огромного труда и не вызывало ни малейшего интереса. К тому же я абсолютно ничего не понимал. Особенно мне не понравилась «Книга чисел».

«Новый завет» произвел на меня иное впечатление, в особенности Нагорная проповедь, тронувшая меня до глубины души. Я сравнивал ее с «Гитой». В неописуемый восторг привели меня следующие строки:

> А я вам говорю: не противься обижающему; но если кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтан.

Я вспомнил строки Шамала Бхатта: «За чашу с водой воздай хорошей пищей» и т. д. Мой молодой ум пытался объединить учение «Гиты», «Света Азии» и Нагорной проповеди. Я видел, что высшая форма религии — отречение, и это глубоко запало в мою душу.

Чтение Библии вызвало желание познакомиться с жизнью других религиозных проповедников. Один приятель порекомендовал мне книгу Карлейля «Герои и героическое в истории». Я прочел главу о героях пророках и узнал о величии пророков, их мужестве и аскетической жизни.

Дальше такого знакомства с религиями в тот период я пойти не мог, так как подготовка к экзаменам не оставляла времени для других занятий. Однако я решил, что впоследствии прочту как можно больше книг на религиозные темы и ознакомлюсь со всеми главнейшими религиями.

Но разве мог я избежать знакомства и с атеизмом? Каждому индийцу известно имя Брадло и его так называемый атеизм. Я

прочитал несколько атеистических книг, названия которых уже не помню. Они не произвели на меня никакого впечатления, так как я уже прошел через пустыню атеизма. Тот факт, что м-с Безант, бывшая тогда в моде, отошла от атеизма к теизму, еще больше усилил мое отвращение к атеизму, Я прочел ее книгу «Как я стала теософом».

Приблизительно в это же время умер Брадло, Его хоронили на кладбище Уокинг. Я присутствовал на этих похоронах, и, по-моему, там были все индийцы, жившие в Лондоне. На похоронах было несколько священников, пришедших отдать ему последний долг. На обратном пути мы остановились на платформе в ожидании поезда. Какой-то атеист из толпы стал задевать одного из этих священников.

— Ну, как сэр, верите вы в существование бога?

— Да, — ответил тот тихо.

— И вы знаете также о том, что окружность земли равняется 28 тысячам миль? — спросил атеист с улыбкой уверенного в себе человека.

— Разумеется.

Тогда скажите мне, пожалуйста, какова же величина вашего бога и где он находится?

— О, если б мы знали. Он — в наших сердцах.

— Ну-ну, не принимайте меня за ребенка! — сказал атеист и торжествующе посмотрел на нас.

Священник смиренно промолчал.

Эта беседа еще больше усилила мое предубеждение против атеизма,

XXI

Опора беспомощных, сила слабых

Я бегло ознакомился с индуизмом и другими религиями мира, но понимал, что этого недостаточно, чтобы быть спасенным во время испытаний, уготованных нам жизнью. Человек до определенного момента не подозревает и не знает, что будет поддерживать его в предстоящих испытаниях. Если он неверующий, то припишет свою безопасность случаю. Если верующий, то скажет, что бог спас его. И он сделает вывод, что благодаря изучению религии или духовной дисциплине он достиг благодати. Но в час избавления он не знает, что спасает его: духовная ли дисциплина или что-то другое. Разве людям, так гордившимся силой своего духа, не приходилось видеть, как эта сила превращается в прах? Знания в области религии в отличие от опыта кажутся пустяком в моменты испытаний.

Именно в Англии я впервые осознал бесполезность одних лишь религиозных знаний. Не могу понять, каким образом совсем еще юным спасался я от разных бед. Теперь мне уже было двадцать лет, а за плечами имелся некоторый опыт мужа и отца.

В последний год моего пребывания в Англии, помнится, это был 1890 год, в Портсмуте состоялась конференция вегетарианцев, на которую были приглашены один из моих друзей индийцев и я. Портсмут — морской порт, и жизнь его населения так или иначе связана с жизнью порта. Там много домов. где живут женщины, пользующиеся дурной репутацией. Их нельзя назвать проститутками, хотя они не очень щепетильны в вопросах морали. Нас поместили в один из таких домов. Нечего и говорить, что подготовительный комитет этого не знал. В таком большом городе, как Портсмут, трудно определить, какие квартиры хорошие, а какие плохие для таких случайных путешественников, как мы.

С заседания конференции мы возвратились вечером и, поужинав, сели играть в бридж. К нам присоединилась хозяйка, что в Англии принято даже в самых респектабельных домах.

Обычно во время игры игроки обмениваются невинными шутками, но мой приятель и хозяйка стали отпускать шутки неприличные. Я не

знал, что мой приятель был знатоком в подобных делах. Меня это увлекло, и я присоединился к ним. Но в тот момент, когда я был готов переступить границы приличия и бросить игру в карты, бог устами моего доброго друга сделал мне предостережение: «Что за дьявол вселился в тебя, мой мальчик! Скорее уходи отсюда!»

Мне стало стыдно. Я внял предостережению и мысленно поблагодарил друга. Помня об обете, данном матери, я удалился. Тяжело дыша, дрожащий, с бьющимся сердцем, подобно загнанному зверю, вошел я в свою комнату.

Вспоминаю об этом, как о первом в жизни случае, когда чужая женщина, не моя жена, возбудила во мне желание. Ночью я не мог заснуть, меня осаждали всевозможные мысли. Должен ли я покинуть этот дом? Должен ли я вообще уехать отсюда? Куда я подал? Что было бы со мной, если бы я потерял рассудок? Я решил действовать осторожно: не просто покинуть дом, а под каким-нибудь предлогом уехать из Портсмута. Конференция должна была продолжаться еще два дня, но я выехал из Портсмута вечером следующего дня, а мой приятель остался там еще на некоторое время.

В то время я не понимал сущности религии и бога и того, что он нас направляет. Я смутно понимал, что меня спас бог. Во всех испытаниях он спасал меня. Знаю, что выражение «бог спас меня» сейчас для меня имеет более глубокий смысл, и все же я чувствую, что еще не постиг всего смысла, заключенного в нем. Только более богатый опыт может помочь мне полнее понять его. Но во всех испытаниях, через которые я прошел, — в духовной жизни, в бытность мою юристом, в период своей деятельности в качестве руководителя различных организаций, в сфере политики, — я могу сказать, что бог спас меня. Когда всякая надежда утрачена, «когда никто не поможет и не утешит», я обнаруживал, что откуда-то появляется помощь. Мольба, богослужение, молитва — не религиозные предрассудки. Это действия, более реальные, чем еда, питье, сидение или ходьба. Без преувеличения можно сказать, что только они реальны, а все остальное нереально.

Богослужение или молитва — это не плод красноречия или пустые слова. Они идут от самого сердца. Поэтому если душе удастся достичь такой чистоты, когда она «преисполнена одной лишь любви», если все струны настроить на один, настоящий лад, они «задрожат и незримо

растворятся в музыке». Молитва не нуждается в словах. Она сама по себе не зависит от усилий, каких бы то ни было чувств. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что молитва — верное средство очищения сердца от страстей. Но она должна сочетаться с полнейшим смирением.

XXII

Нараян Хемчандра

В это время в Англию приехал Нараян Хемчандра. Я уже слышал о нем как о писателе. Мы встретились у мисс Маннинг, состоявшей членом Национальной индийской ассоциации. Мисс Маннинг знала, что я необщителен. Когда я приходил к ней, то обычно сидел молча и почти не разговаривал, отвечая только на вопросы. Она представила меня Нараяну Хемчандре. Нараян не знал английского языка. Одет он был странно: плохо сшитые брюки и мятый грязный коричневый пиджак такого покроя, как носят парсы, без воротничка и галстука, шерстяная шапочка с кисточкой. Длинная борода.

Он был невысок, худощав; круглое лицо изрыто оспой, нос не острый, но и не тупой. Бороду он все время теребил рукой.

Этот странный на вид и причудливо одетый человек резко выделялся среди изысканного общества.

— Я много слышал о вас, — сказал я ему, — и читал некоторые ваши вещи. Был бы очень рад, если бы вы зашли ко мне.

Голос у Нараяна Хемчандры был довольно хриплый. Улыбаясь, он спросил:

— Где вы живете?

— На Сторстрит.

— Значит, мы соседи. Мне хочется научиться английскому языку. Не возьметесь ли вы за мое обучение?

— С удовольствием. Рад научить вас всему, что знаю сам, и приложу к этому все свои силы. Если хотите, я буду ходить к вам.

— О нет, я буду сам ходить к вам и принесу с собой учебники.

Итак, мы договорились и вскоре стали большими друзьями.

Нараян Хемчандра был совершеннейший невежда в грамматике. «Лошадь» была у него глаголом, а «бегать» — именем

существительным. Можно было бы привести немало таких забавных примеров. Но невежество ничуть его не смущало. Мои скромные познания в грамматике не произвели на него никакого впечатления. Он, разумеется, никогда не считал незнание грамматики постыдным.

С величественным спокойствием он заявил мне:

— В отличие от вас я никогда не ходил в школу и никогда не ощущал нужды в грамматике; чтобы выразить свои мысли.

— Вы знаете бенгали? Нет, — а я знаю. Я путешествовал по Бегалии. Ведь это я дал возможность людям, говорящим на гужарати, читать произведения махараджи Дебендранатха Тагора. И я хочу перевести на гуджарати литературные сокровища многих других народов. Вы знаете, что мои переводы не дословны. Я довольствуюсь тем, что передаю дух подлинника. Впоследствии другие, более знающие, сделают больше меня. Я же вполне доволен тем, чего достиг без знания грамматики. Я владею маратхи, хинди, бенгали, а теперь начал учиться английскому. Я стремлюсь приобрести больший запас слов. Думаете, я удовлетворюсь этим? Не бойтесь. Я хочу поехать во Францию и изучить французский язык. Говорят, что на этом языке имеется богатая литература. Я поеду и в Германию, если будет возможность, и изучу там немецкий язык.

На эту тему он мог говорить без конца. У него было ненасытное желание путешествовать и изучать языки.

— Значит, вы поедете и в Америку?

— Конечно. Как же я вернусь в Индию, не повидав Новый Свет?

— Но где вы возьмете денег?

— А на что мне деньги? Ведь я не такой франт, как вы. Мне нужно минимальное количество пищи и кое-какая одежда, и поэтому вполне достаточно того немногого, что дают мне мои книги и друзья. Путешествую я всегда третьим классом. И в Америку тоже поеду на палубе.

Нараян Хемчандра был сама простота, а его откровенность — под стать этой простоте. У него не было и следа гордыни, за исключением разве его чрезвычайного самомнения о своих литературных способностях.

Мы виделись ежедневно. В наших мыслях и поступках было много общего. Оба мы были вегетарианцами и часто завтракали вместе. Это был период, когда я жил на 17 шиллингов в неделю и сам готовил себе

еду. Иногда я приходил к нему, иногда — он ко мне. Я готовил блюда английской кухни, ему нравилась только индийская кухня. Он не мог жить без дала.

Я обычно готовил морковный суп или что-нибудь в этом роде, а его удручал мой вкус. Однажды он раздобыл где-то мунг, сварил и принес мне. Я съел его с восторгом. Это послужило началом регулярного обмена. Я приносил свои лакомства ему, а он свои мне.

В то время на устах у каждого было имя кардинала Маннинга. Лишь благодаря усилиям кардинала Маннинга и Джона Бернса забастовка докеров так быстро закончилась. Я рассказал Нараяну Хемчандре о том, как Дизраэли восхищается простотой кардинала.

— Тогда я должен повидать этого мудреца, — сказал он.

— Но он важная особа. Каким образом вы думаете увидеться с ним?

— Я знаю как. Попрошу вас написать ему от моего имени. Напишите, что я писатель и лично хочу поздравить его с успешной деятельностью на благо человечества, а также скажите, что я возьму вас с собой в качестве переводчика, так как не владею английским языком.

Я написал письмо. Через два — три дня пришел ответ от Маннинга с приглашением посетить его в определенный день. Мы оба отправились к кардиналу. Я надел визитку, а Нараян Хемчандра остался в своем обычном костюме — все в том же пиджаке и тех же брюках. Я пытался поднять его на смех, но в ответ он только засмеялся и сказал:

— Вы, цивилизованная молодежь, трусы. Великие люди никогда не обращают внимания на внешний вид человека. Они думают о его сердце.

Мы вошли во дворец кардинала. Едва мы сели, как в дверях появился высокий худой старик и пожал нам руки. Нараян Хемчандра приветствовал его следующим образом:

— Я не собираюсь отнимать у вас время. Я много слышал о вас и почувствовал, что должен прийти и поблагодарить вас за все хорошее, что вы сделали для бастующих. У меня есть обычай посещать мудрецов всего мира. Вот почему я и причинил вам беспокойство.

Разумеется, это был мой перевод сказанного им на гуджарати.

— Рад, что вы пришли. Надеюсь, ваше пребывание в Лондоне пойдет вам на пользу и вы ближе узнаете наш народ. Да благословит вас господь!

С этими словами кардинал встал и распрощался с нами. Однажды Нараян Хемчандра пришел ко мне в рубашке и дхоти. Моя добрая хозяйка открыла дверь и в ужасе прибежала ко мне. Это была новая хозяйка, которая не знала Нараяна Хемчандру.

— Какой-то сумасшедший хочет вас видеть, — сказала она. Я вышел из комнаты и к своему удивлению обнаружил Нараяна Хемчандру. Я был поражен. Но на его лице не отразилось ничего, кроме обычной улыбки.

— А не дразнили вас ребятишки на улице?

— Да, они бежали за мной, но я не обращал на них никакого внимания, и они не шумели.

Пробыв несколько месяцев в Лондоне, Нараян Хемчандра отправился в Париж. Там он принялся за изучение французского языка и стал переводить французские книги, К тому времени я уже довольно прилично знал французский, и он дал мне просмотреть свою работу. Это был не перевод, а краткий пересказ.

В конце концов, он осуществил и свое намерение побывать в Америке. С большим трудом он получил билет для проезда на палубе. В Соединенных Штатах его привлекли к суду за «неприличную одежду», когда он однажды появился на улице, облаченный в рубашку и дхота. Помнится, он был оправдан.

XX

IIIВсемирная выставка

В 1890 году в Париже открылась всемирная выставка. Я читал о большой подготовительной работе к ней, а также всегда горел желанием увидеть Париж. Я подумал, что было бы хорошо осуществить оба желания — повидать Париж и выставку одновременно. Особое место на выставке занимала Эйфелева башня высотой около тысячи футов, полностью сооруженная из металла. Конечно, на выставке было много и других любопытных вещей, но Эйфелева башня была главной достопримечательностью, так как до

этого считалось, что сооружение такой высоты не может быть прочным.

Я знал, что в Париже есть вегетарианский ресторан, снял комнату по соседству с ним и прожил в городе семь дней. Расходы на поездки и на осмотр достопримечательностей я производил очень экономно. Я осматривал Париж в основном пешком, пользуясь картой города, а также картой выставки и путеводителем. Этого было достаточно, чтобы познакомиться с главными улицами и наиболее интересными местами.

О выставке у меня осталось воспоминание, как о чем-то огромном и многообразном. Я прекрасно помню Эйфелеву башню, так как дважды или трижды поднимался на нее. На вершине башни был устроен ресторан, и я позавтракал там, выбросив семь шиллингов лишь для того, чтобы иметь право сказать, что я ел на такой большой высоте.

До сих пор в моей памяти сохранились старинные церкви Парижа. Грандиозность и царящее в них спокойствие незабываемы. Удивительную архитектуру собора Парижской богоматери, превосходно отделанного и внутри, с изумительными скульптурами, забыть невозможно. Я ощутил тогда, что сердца людей, потративших миллионы на строительство подобных храмов, были преисполнены любви к богу.

Я много читал о парижских модах и о легкомыслии парижан. Подтверждения этому можно было видеть на каждом шагу, но церкви занимали особое место. Каждый, входя в церковь, тотчас забывал о шуме и суете снаружи. Менялись манеры человека, он исполнялся достоинства и благоговения, проходя мимо коленопреклоненного верующего у статуи пресвятой девы. С тех пор во мне все более укреплялось чувство, что коленопреклонение и молитвы — не предрассудки: набожные души, преклоняющие колени перед святой девой, не могут поклоняться простому мрамору. В них горит подлинная любовь, и они поклоняются не камню, а божеству, символом которого является камень. Я почувствовал тогда, что такое поклонение не умаляет, а увеличивает славу господа.

Должен сказать еще несколько слов об Эйфелевой башне. Не знаю, каким целям она служит сегодня, но в то время одни говорили о ней с пренебрежением, другие — с восторгом. Помню, что Толстой больше

других ругал ее. Он сказал, что Эйфелева башня — памятник человеческой глупости, а не мудрости. Табак, говорил он, худший из всех наркотиков. С тех пор как человек пристрастился к нему, он стал совершать преступления, на которые пьяница никогда не решится: алкоголь делает человека бешеным, а табак затемняет ум, и он начинает строить воздушные замки. Эйфелева башня и есть одно из сооружений человека, находящегося в таком состоянии Искусство не имеет никакого отношения к Эйфелевой башне. О ней никак нельзя было сказать, что она украшала выставку. Она привлекала новизной и уникальными размерами, и толпы людей устремлялись к ней. Она была игрушкой. А поскольку все мы — дети, игрушки привлекают нас. Башня еще раз доказала это. Этим целям, вероятно, Эйфелева башня и призвана была служить.

XXIV

«Допущен», а что дальше?

До сих пор я ничего не сказал о том, что сделал для достижения цели, ради которой отправился в Англию, а именно для того, чтобы стать адвокатом. Пора вкратце коснуться этого.

Студент должен был выполнить два условия, чтобы быть официально допущенным к адвокатской практике: «отмечать семестры» (их было двенадцать, общей продолжительностью около трех лет) и сдать экзамены. Вместо выражения «отмечать семестры» существовало другое — «съедать семестры», ибо каждый семестр полагалось присутствовать по крайней мере на шести обедах примерно из двадцати четырех. «Съедать семестры» не означало обязательно обедать. Необходимо было лишь являться к назначенному часу и оставаться до окончания обеда. Но обычно все ели и пили, кухня была хорошая, вина первоклассные. Обед обходился в два с половиной — три с половиной шиллинга, т. е. две-три рупии. Это считалось умеренной платой, так как в ресторане такую сумму пришлось бы заплатить за одно лишь вино. В Индии нас, т. е. тех, кто еще «не цивилизован», весьма удивляет, когда стоимость напитков превышает стоимость пищи. Я тоже поражался тому, как люди решаются выбрасывать столько денег на спиртное. Впоследствии я это

понял. Чаще всего я ни к чему не притрагивался на этих обедах, так как из подававшихся блюд мог есть лишь хлеб, отварной картофель и капусту.

Но эти блюда мне не нравились, и вначале я их не ел. А впоследствии, когда они мне понравились, я осмеливался также просить для себя и другие кушанья.

Обед для старшин юридической корпорации обычно был лучше, нежели обед для студентов. Один из студентов (он был парс и тоже вегетарианец) и я попросили, чтобы нам подавали те же вегетарианские блюда, что и старшинам корпорации. Наша просьба была удовлетворена, и мы стали получать фрукты и овощи с адвокатского стола.

На четырех человек за столом полагалось две бутылки вина, а так как я к вину не прикасался, меня всегда приглашали составить четверку, с тем чтобы получилось две бутылки на троих. В каждом семестре устраивался один торжественный вечер, когда, кроме портвейна и хереса, подавали шампанское. В такие вечера на меня был особый «спрос».

Я не мог понять тогда, да и сейчас не понимаю, каким образом эти обеды могли в какой бы то ни было степени служить подготовкой к адвокатской профессии. Когда-то на этих обедах бывали лишь немногие студенты, и потому они имели возможность разговаривать с присутствовавшими на обеде старшинами корпорации и произносить речи. Это способствовало расширению их кругозора и приобретению внешнего лоска и изысканности. Здесь они совершенствовали и свое ораторское искусство. Все это было невозможно в мое время, поскольку старшины корпорации сидели за отдельным столом. Обычай постепенно утратил свое значение, но консервативная Англия все же сохраняла его.

Учебный курс был несложным. Адвокатов шутливо называли «обеденными адвокатами». Все знали, что экзамены фактически не имели значения. В мое время надо было сдать два экзамена: по римскому праву и по обычному праву. Были учебники, которые выдавались на дом, но почти никто не читал их. Я знал многих, которые в течение двух недель бегло знакомились с конспектами по римскому праву, но, тем не менее, выдерживали экзамены. Что касается экзаменов по обычному праву, то студенты усваивали этот

предмет при помощи таких же конспектов за два-три месяца. Вопросы были легкими; а экзаменаторы великодушными. Процент сдавших экзамен по римскому праву обычно колебался от 95 до 99, а процент сдавших все экзамены доходил до 75 и даже более. Так что мы почти не боялись провалиться на экзаменах, их можно было сдавать четыре раза в году. Таким образом, экзамены не представляли никакой трудности. Но я сумел сделать их для себя трудными. Я счел необходимым прочесть все учебники. Мне казалось обманом не читать их. Я истратил много денег на покупку книг. Римское право я решил читать на латыни. Знание латыни, приобретенное мною в период подготовки к вступительным экзаменам в высшее учебное заведение в Лондоне, сослужило мне хорошую службу. Впоследствии это пригодилось мне и в Южной Африке, где заимствованное из Голландии обычное право было основано на нормах римского права. Изучение кодекса Юстиниана значительно помогло мне в понимании южноафриканского права.

Для усвоения английского обычного права потребовалось десять месяцев упорного труда. Очень много времени ушло на чтение объемистой, но интересной книги Брума «Обычное право». Весьма интересным, но трудным для понимания оказалось «Право справедливости» Снелла. Интересной и полезной была книга «Судебные прецеденты» Уайта и Тьюдора, ряд дел из которой рекомендовались для изучения. С большим вниманием я прочел также книги Уильямса и Эдварда «Недвижимость» и Гудива «Движимое имущество». Книгу Уильямса я читал, как роман. Припоминаю, что лишь еще одна книга вызвала у меня такой же интерес — «Индусское право» Мейна, которую я прочел уже по возвращении в Индию. Но здесь не время говорить о литературе по индийскому праву.

10 июня 1891 года я кончил экзамены и получил разрешение заниматься адвокатской практикой. 11 июня мое имя было занесено в списки адвокатов при Верховном суде. 12 июня я отплыл на родину.

Невзирая, однако, на свои занятия, я был бесконечно беспомощен и полон тревоги. Я не чувствовал себя достаточно подготовленным к юридической практике.

Но о своей беспомощности я расскажу в следующей главе.

XXV

Моя беспомощность

Стать адвокатом было легко, но заниматься юридической практикой — трудно. Я прочел законы, но не знал, как их применять. С большим интересом я проштудировал «Принципы законности», но не представлял себе, как правильно применять их в своей деятельности, «Sic utero tuo ut alienum non laedas» — (пользуйся своей собственностью так, чтобы не наносить ущерба собственности других) — таков один из этих принципов, но я не знал, как извлечь из него пользу для клиента. Я прочел обо всех судебных делах, основанных на данном принципе, но так и не понял, как применять его в юридической практике. Кроме того, я не изучал индийского права и не имел ни малейшего представления ни об индусском, ни о мусульманском праве. Я не знал даже, как вчинять иск. Я слышал, что сэр Фирузшах Мехта рыкает, как лев, во время заседаний в суде. Каким образом сумел он научиться этому искусству в Англии? О такой проницательности в юридических вопросах, какой обладал он, я не смел и мечтать. У меня были серьезные опасения, смогу ли я, занимаясь адвокатской практикой, заработать себе на жизнь.

Меня терзали подобные сомнения и беспокойство, еще когда я изучал право в Англии. Как-то я рассказал об этом друзьям. Один из них посоветовал мне обратиться к Дадабхаю Наородж. Я уже говорил о том, что, уезжая в Англию, запасся рекомендательным письмом к нему, но счел неудобным беспокоить столь великого человека. Когда объявляли о его лекции, я садился, бывало, где-нибудь в уголке и по окончании уходил, насладившись виденным и слышанным. Чтобы сблизиться со студентами, Дадабхай основал ассоциацию. Я часто приходил на заседания ассоциации, восхищался его заботой о студентах. Они в свою очередь платили ему уважением. Наконец я осмелился вручить ему рекомендательное письмо. Он сказал: «Можете зайти ко мне в любое время». Но я так и не воспользовался этим приглашением, так как не счел возможным беспокоить его без особой на то необходимости. Поэтому я не решился внять совету своего друга и не обратился тогда к Дадабхаю. Не помню, кто мне порекомендовал встретиться с м-ром Фредериком Пинкаттом. Он был консерватором,

но его отношение к индийским студентам было чистым и бескорыстным. Многие студенты обращались к нему за советом. Я также попросил его о встрече, и он дал согласие. Никогда не забуду беседы с ним. Он встретил меня как друг и посмеялся над моим пессимизмом.

— Не думаете ли вы, что все должны быть похожи на Фирузшаха Мехту? Такие, как Фирузшах и Бадруддин, встречаются редко. Будьте уверены, можно стать рядовым адвокатом, не обладая особым мастерством. Честности и трудолюбия вполне достаточно для того, чтобы заработать на жизнь. Не все дела сложные. Расскажите мне о том, что вы вообще читали.

Когда я назвал то немногое, что прочел, он был, как я мог заметить, зесьма разочарован. Но это длилось недолго. Вскоре его лицо озарилось приятной улыбкой, и он сказал:

— Я понимаю ваше беспокойство. Вы читали явно недостаточно. У вас нет глубоких знаний о мире, которые являются sine qua non[4] для вакила. Вы не знаете даже истории Индии. Вакил должен знать природу человека. Он должен уметь читать мысли человека по его лицу. И каждый индиец обязан знать историю Индии. Она не имеет прямого отношения к юридической практике, но знание ее необходимо. Насколько я понял, вы даже не читали историю восстания 1857 года Кея и Маллесона. Прочтите сначала ее, а потом еще две книги для того, чтобы понять природу человека.

Это были книги по физиогномике Лаватора и Шеммельпенника.

Я был чрезвычайно благодарен моему высокочтимому другу. В его присутствии все мои страхи исчезли, но как только я ушел, тревога вернулась. Как узнать человека по его лицу? Этот вопрос не давал мне покоя на обратном пути домой. На другой день я приобрел книгу Лаватора. Книги Шеммельпенника в магазине не было. Я прочел книгу Лаватора и нашел, что она гораздо труднее, чем «Право справедливости» Снелла и мало интересна. Я изучал лицо Шекспира, но не мог понять, откуда взялась у Шекспира привычка бродить по улицам Лондона.

Книга Лаватора не дала мне новых знаний. Совет м-ра Пинкатта практически мне ничего не дал, но его доброта оказала мне хорошую услугу. Его улыбающееся открытое лицо сохранилось в моей памяти. Я положился на его мнение о том, что проницательность, память и

способности как у Фирузшаха Мехты совсем не обязательны для того, чтобы стать преуспевающим юристом: вполне достаточно честности и трудолюбия. А поскольку этого у меня было достаточно, я стал чувствовать себя увереннее.

Я не смог прочесть фолиантов Кея и Маллесона в Англии, но сделал это в Южной Африке, так как решил прочесть их при первой возможности.

Итак, с каплей надежды, смешанной с отчаянием, я сошел с парохода «Ассам» в Бомбее. Море в гавани было бурным, и пришлось добираться до причала на катере.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Райчандбхай

В последней главе я говорил, что море в бомбейской гавани было бурным, это обычная картина для Аравийского моря в июне — июле. Оно было неспокойным все время, пока мы плыли из Адена. Почти все пассажиры страдали морской болезнью; один я чувствовал себя превосходно и, стоя на палубе, глядел на бушующие валы и наслаждался плеском волн. За завтраком, кроме меня, было еще два человека; они ели овсяную кашу из тарелок, которые держали на коленях, стараясь не вывалить содержимое.

Шторм на море был как бы символом моей внутренней бури. Но я спокойно переносил шторм, и, думаю, мои волнения также не отражались на моем лице.

Беспокоила каста, которая могла противодействовать моей деятельности. Я уже говорил о мучившем меня чувстве беспомощности. Я не знал, как приступить к делу. Но меня ожидали гораздо большие испытания, чем я предполагал.

Старший брат пришел встретить меня на пристани. Он уже познакомился с д-м Мехтой и его старшим братом, и так как д-р Мехта настаивал, чтобы я остановился у него в доме, мы отправились к нему. Таким образом, знакомство, начавшееся в Англии, продолжалось и в Индии, вылившись затем в постоянную дружбу между нашими семьями.

Мне очень хотелось увидеть мать. Я не знал, что ее уже нет в живых и она не сможет вновь прижать меня к своей груди. Только теперь мне сообщили эту печальную весть, и я совершил полагающиеся омовения. Брат не сообщил мне в Англию о ее смерти, так как не хотел, чтобы удар постиг меня на чужбине. Но и на родине весть эта была для меня тяжелым потрясением. Я переживал потерю матери гораздо сильнее, чем смерть отца. Большинство моих сокровенных надежд рухнуло. Но помнится, внешне я никак не проявлял своего горя и смог даже сдержать слезы и жить, словно

ничего не случилось. Д-р Мехта познакомил меня с некоторыми своими друзьями и братом Шри Ревашанкар Джагдживаном, с которым мы подружились на всю жизнь. Но особенно я должен отметить знакомство с зятем старшего брата д-ра Мехты поэтом Райчандом, или Раджачандрой, участвовавшим на правах компаньона в ювелирной торговой фирме, носившей имя Ревашанкара Джагдживана. Райчанду было тогда не более 25 лет, но уже с первой встречи я убедился, что это человек большой учености, с сильным характером. Было известно, что он шатавадани (человек, обладающий способностью одновременно запоминать или следить за сотней вещей). Д-р Мехта посоветовал мне испытать его исключительную память, Я исчерпал свой запас слов из всех известных мне европейских языков и попросил поэта повторить эти слова. Он повторил и даже точно в том же порядке, в каком я их назвал. Я позавидовал такой способности, но не это очаровало меня. Черты, действительно восхитившие меня, я открыл позже. Это были его глубокое знание священных книг, безупречность характера и горячее стремление к самопознанию. Впоследствии я убедился, что в самопознании он видел единственный смысл своей жизни. Следующие строки Муктананда никогда не сходили с его уст и всегда жили в его сердце:

> Я буду считать себя счастливым только тогда, когда буду видеть Его в каждом своем поступке. Поистине Он — нить, что поддерживает жизнь Муктананда.

Коммерческие операции Райчандбхая выражались в сотнях тысяч рупий. Он был знатоком жемчуга и бриллиантов. Он умел разрешить любой, даже самый запутанный деловой вопрос. Но не это было основным в его жизни. Главным у него была страсть к созерцанию бога. На его рабочем столе всегда лежали религиозные книги и дневник. Закончив дела, он тотчас брался за них. Многие из его опубликованных сочинений представляют собой воспроизведение записей из дневника. Человек, который сразу после разговора о важной коммерческой сделке начинал писать о сокровенных тайнах духа, был, разумеется, не дельцом, а подлинным искателем истины. Не раз и не два, а очень часто я наблюдал, как в разгар коммерческих дел он погружался в благочестивые размышления. Я никогда не видел, чтобы он выходил из себя. Нас не связывали ни деловые, ни другие

эгоистические отношения, я испытывал удовольствие от самого общения с ним. Я был и то время всего лишь адвокатом без практики, но где бы мы ни встретились, он всегда заводил со мной беседы на религиозные темы. Я шел тогда ощупью, нельзя сказать, что у меня был серьезный интерес к религии, но беседы с ним захватывали меня. С тех пор я встречался со многими религиозными деятелями, стремился увидеться с главами различных религий, и должен сказать, что ни один из них не произвел на меня такого сильного впечатления, как Райчандбхаи. Его слова проникали мне глубоко в душу. Я преклонялся перед его умом, его высокой нравственностью и был уверен, что он никогда не стал бы преднамеренно сбивать меня с пути, что он вверяет мне свои сокровенные мысли. Поэтому в моменты духовного кризиса я неизменно искал прибежища у него.

Однако, несмотря на уважение к нему, я не смог отвести ему в своем сердце место гуру. Оно все еще не занято, и я продолжаю поиски.

Я верю в индусское учение о гуру и его значение для духовного познания. Думаю, есть большая доля истины в том, что истинное познание невозможно без гуру. Несовершенный учитель может быть терпим в мирских делах, но не в вопросах духовных. Только совершенный гнани заслуживает, чтобы его считали гуру. Необходимо всегда стремиться к самоусовершенствованию, ибо каждый получает такого гуру, какого заслуживает. Бесконечное стремление к совершенству право каждого. Оно его собственная награда. Остальное все в руках бога.

Итак, хотя я не мог отвести Райчандбхаю место гуру в своем сердце, он неоднократно, как увидите дальше, направлял меня и помогал мне. Три современника оказали сильное влияние на мою жизнь: Райчандбхаи — непосредственным общением со мной, Толстой — своей книгой «Царство божие внутри нас» и Раскин — книгой «Последнему, что и первому». Но о них я скажу ниже.

II

Как я начал жизнь

Старший брат возлагал на меня большие надежды, Он жаждал богатства, известности, славы. У него было благородное, чрезвычайно

доброе сердце. Это качество в сочетании с простотой привлекало к нему многих друзей, и с их помощью он надеялся обеспечить меня клиентами. Он рассчитывал, что у меня будет громадная практика, и в расчете на это чрезмерно увеличил домашние расходы. Он прилагал все старания, подготовляя поле деятельности для меня.

Буря, разразившаяся в касте в связи с моим отъездом за границу, еще не утихла. Члены касты разделились на два лагеря: одни сразу же снова признали меня, другие не были склонны допускать меня в касту. Для того чтобы польстить первому лагерю, брат повез меня в Насик, где я омылся в священной реке, а прибыв в Раджкот, он дал обед в честь касты. Мне все это не нравилось. Но любовь брата ко мне была безграничной, а моя преданность ему — под стать этой любви, и потому я беспрекословно выполнял все его желания, считая его волю законом. Таким образом, затруднения, связанные с возвращением в касту, были фактически преодолены.

Я никогда не пытался искать доступа в секту, не захотевшую принять меня, не было у меня и никакой обиды на руководителей секты. Некоторые из них относились ко мне неприязненно, но я тщательно старался не задевать их чувств, уважая предписания касты об отлучении. Согласно этим предписаниям, никто из моих родственников, в том числе тесть, теща и даже сестра и зять, не должен был принимать меня; и я не должен был даже пить воду в их доме. Они были готовы тайно обойти запрещение, но мне было не по душе делать тайно то, чего я не мог делать открыто.

Своим поведением я ни разу не подал касте повода причинить мне беспокойство; мало того, я не испытывал ничего, кроме привязанности и великодушия со стороны основной части секты, которая все еще смотрела на меня как на отлученного. Мне даже помогали в моей работе, не рассчитывая, что я сделаю что-нибудь для касты. Я убежден, что вся эта доброта — следствие моего непротивления. Если бы я шумно добивался приема в касту, пытался разбить ее еще на несколько лагерей, провоцировал бы членов касты, они наверняка отплатили бы мне тем же, и вместо того, чтобы остаться в стороне от бури, я, вернувшись из Англии, оказался бы в водовороте страстей, и, возможно, мне пришлось бы обманывать и лицемерить.

Мои отношения с женой были все еще не такими, как мне хотелось. Пребывание в Англии не излечило меня от ревности. Я по-

прежнему был привередлив и подозрителен, и потому все мои благие намерения оставались невыполненными. Я решил, что жена должна научиться читать и писать и что я буду помогать ей в занятиях; но моя страсть мешала нам, и жена страдала из-за моих собственных недостатков. Однажды я не остановился перед тем, чтобы отослать жену в дом ее отца, и согласился на ее возвращение только после того, как причинил ей глубокие страдания. Лишь позже я понял, что поступал безрассудно.

Я намеревался провести реформу в воспитании детей. Брат имел детей, а моему ребенку, родившемуся еще до отъезда в Англию, было уже почти четыре года. Мне хотелось научить малышей физическим упражнениям, воспитать их выносливыми, причем самому руководить их воспитанием. Брат поддержал меня, и я более или менее преуспел в своих усилиях. Мне очень нравилось проводить время с детьми, а привычка играть и забавляться с ними сохранилась у меня и по сей день. Думаю, что мог бы быть хорошим воспитателем детей.

Необходимость проведения «реформы» питания была очевидна. Чай и кофе уже заняли свое место в доме. Брат считал нужным к моему возвращению создать в доме некое подобие английской атмосферы, и поэтому посуда и тому подобные вещи, использовавшиеся лишь в особых случаях, теперь употреблялись ежедневно. Мои «реформы» были призваны завершить это начинание. Я ввел овсяную кашу и какао, которое должно было заменить чай и кофе. Но на деле какао стало лишь дополнением к чаю и кофе. Ботинки и полуботинки уже употреблялись. Я завершил европеизацию своих близких введением европейской одежды.

В результате расходы наши возросли. Новые вещи появлялись в доме каждый день. Нам удалось «привязать у своих дверей белого слона».[5] Но где взять необходимые средства? Начинать практику в Раджкоте было бы смешно. У меня едва ли были познания квалифицированного вакила, а я рассчитывал, что мне будут платить в десять раз больше, чем ему! Вряд ли найдется клиент, который будет настолько глуп, чтобы обратиться ко мне. А если бы такой и нашелся, мог ли я присовокупить к своему невежеству высокомерие и обман, увеличить тяжесть моего долга перед обществом?

Друзья советовали мне отправиться на некоторое время в Бомбей, чтобы приобрести там опыт, и проработав в Верховном суде, изучить

индийское право и постараться получить какую-нибудь практику. Я согласился и уехал.

Создавать свое хозяйство в Бомбее я начал с того, что нанял повара, неопытного, как и сам. Он был брахманом. Я обращался с ним не как со слугой, а как с членом семьи. Он никогда не мылся, а только обливался водой.

Его дхоти и даже священный шнур были грязными. Он был совершеннейшим младенцем в вопросах религии. Но где мог я взять повара лучше?

— Хорошо, Равишанкар (так звали его), — говорил я ему, — ты не знаешь, как стряпать, но ведь ты должен знать свою сандхья (ежедневная молитва) и т. п.

— Сандхья, сэр? Плуг — наша сандхья, а заступ — наш ежедневный обряд, Вот какой я брахман. Я должен жить, пользуясь вашими милостями, или пахать землю.

Итак, мне предстояло обучать Равишанкара. Времени для этого у меня было достаточно. Половияу блюд я стряпал сам, экспериментируя с вегетарианскими блюдами английской кухни. Я поставил плиту и стал хлопотать возле нее вместе с Равишанкаром. Я не имел ничего против совместной трапезы, Равишанкар также, и мы весело садились вместе за стол. Было только одно неудобство: Равишанкар поклялся оставаться грязным и не мыть продукты.

Однако я не мог прожить в Бомбее дольше четырех — пяти месяцев: не хватало средств, чтобы покрывать постоянно растущие расходы.

Вот как я начал жизнь. Я понял, что профессия адвоката — плохое занятие: много показного и мало знаний. Во мне росло чувство ответственности.

III

Первое судебное дело

В Бомбее я начал изучать индийское право и в то же время продолжал свои опыты по диететике. К этому занятию присоединился Вирчанд Ганди, мой приятель. Брат со своей стороны делал все возможное, чтобы обеспечить мне адвокатскую практику.

Изучение индийского права оказалось скучным занятием. Я никак не мог совладать с кодексом гражданского судопроизводства. Иначе, правда, обстояло дело с теорией судебных доказательств. Вирчанд Ганди: готовился к экзамену на стряпчего и рассказывал мне всякие истории об адвокатах и вакилах.

— Умение Фируршаха, — не раз говорил он, — основано на глубоком знании права. Он наизусть знает теорию судебных доказательств и все прецеденты по 32-му разделу. Чудесная сила аргументации Бадруддина Тьябджи внушает судьям благоговение.

Рассказы об этих столпах права лишали меня присутствия духа.

— Нередко случается, — добавлял он, — что адвокат влачит жалкое существование в течение пяти — семи лет. Вот почему я избрал карьеру стряпчего. Если вам удастся года через три, стать независимым, можете почитать себя счастливчиком.

Расходы мои росли каждый месяц. Я не в состоянии был открыть адвокатскую контору и одновременно с этим готовиться к профессии адвоката, так как не мог уделять занятиям всего внимания. У меня появился известный вкус к теории судебных доказательств. С большим интересом я прочел «Индусское право» Мевна, но все еще никак не мог решиться взять какое-нибудь дело. Я чувствовал себя невероятно беспомощным, словно невеста, впервые входящая в дом будущего свекра.

Приблизительно в это время я взялся за дело некоего Мамибая. Это было совсем мелкое дело. Мне сказали:

— Вам придется заплатить комиссионные посреднику.

Я решительно запротестовал.

— Но даже такой известный адвокат по уголовным делам, как Х, зарабатывающий три — четыре тысячи в месяц, тоже платит комиссионные.

— Мне незачем подражать ему, — возражал я. — С меня достаточно и 300 рупий в месяц. Отец зарабатывал не больше.

— Теперь другие времена. Цены в Бомбее чудовищно возросли, Надо быть практичным.

Но я был непреклонен. Я не заплатил комиссионных, тем не менее дело Мамибая получил. Оно было очень простым. Гонорар свой я определил в 30 рупий. Дело, по-видимому, не могло разбираться дольше одного дня.

Мой дебют состоялся в суде по мелким гражданским делам. Я выступал со стороны ответчика и должен был подвергнуть перекрестному допросу свидетелей истца. Я встал, но тут душа моя ушла в пятки, голова закружилась, и мне показалось, будто помещение суда завертелось передо мной. Я не мог задать ни одного вопроса. Судья наверное смеялся, а адвокаты, конечно, наслаждались зрелищем. Но я ничего не видел. Я сел и сказал доверителю, что не могу вести дело и что пусть он лучше наймет Пателя и возьмет мой гонорар обратно. М-р Патель был тут же нанят за 51 рупию. Для него это дело было, разумеется, детской игрой.

Я поспешил уйти, так и не узнав, выиграл или проиграл дело мой клиент. Я стыдился самого себя и решил не брать никаких дел до тех пор, пока у меня не будет достаточно мужества, чтобы вести их. И действительно, я не выступал в суде до переезда в Южную Африку. Мое решение было продиктовано не моей добродетелью, а необходимостью. Не было ни одного глупца, который доверил бы мне дело, зная наверняка, что проиграет его!

В Бомбее для меня нашлась другая работа — составление прошений. В Порбандаре конфисковали землю одного бедного мусульманина. Он обратился ко мне как к достойному сыну достойного отца. Дело его казалось безнадежным, но я согласился написать прошение, возложив на истца расходы по перепечатке текста. Я составил прошение и прочитал его своим приятелям. Они одобрили прошение, и это до некоторой степени внушило мне уверенность, что я достаточно подготовлен для составления юридических бумаг, что действительно так и было. Мое дело могло бы процветать, если бы я составлял прошения без всякого вознаграждения. Но тогда я не имел бы никакого дохода. Поэтому я стал подумывать о том, чтобы заняться преподаванием. Английский язык я знал довольно прилично и охотно преподавал бы его в школе юношам, готовящимся к поступлению в высшие учебные заведения. Это позволило бы мне покрывать хоть часть своих расходов. В газетах я прочитал объявление: «Требуется преподаватель английского языка для занятий по часу в день. Вознаграждение 75 рупий». Объявление исходило от известной в городе средней школы. Я написал письмо, и меня пригласили на беседу. Шел я туда в приподнятом настроении, но когда директор узнал, что я не окончил университета, он с сожалением отказал мне.

— Но я выдержал в Лондоне экзамены, дающие право поступить в высшее учебное заведение, сдав латынь как второй язык.

— Да, но нам нужен преподаватель с высшим образованием.

Ничего нельзя было поделать. В отчаянии я ломал руки. Брат мой тоже был очень огорчен. Мы решили, что нет смысла больше оставаться в Бомбее. Я должен был обосноваться в Раджкоте, где брат, который сам был неплохим адвокатом, мог дать мне работу по составлению заявлений и прошений. А так как в Раджкоте у нас уже имелось хозяйство, то ликвидация хозяйства в Бомбее означала серьезную экономию. Предложение мне понравилось. И таким образом моя маленькая контора в Бомбее, просуществовав шесть месяцев, была закрыта.

В Бомбее я ежедневно бывал в Верховном суде, но нельзя сказать, чтобы чему-нибудь там научился. Для этого у меня не было надлежащей подготовки. Часто я не мог уловить сущности рассматриваемого дела и начинал дремать. Другие посетители суда составляли мне в этом отношении компанию, облегчая тем самым бремя моего стыда. Скоро я утратил всякое чувство стыда, поняв, что дремать в Верховном суде — признак хорошего тона.

Если в Бомбее и теперь есть такие адвокаты без практики, каким был я, мне хотелось бы дать им маленький практический совет. Я жил в Гиргауме, но почти никогда не пользовался экипажем и не ездил на трамвае. Я взял себе за правило ходить в суд пешком. На это уходило целых 45 минут, и, конечно, домой я тоже неизменно возвращался пешком. Я приучил себя к солнцепеку, кроме того, прогулки эти сберегали мне порядочную сумму денег. И в то время как многие мои друзья в Бомбее нередко хворали, я не помню, чтобы хоть раз заболел. И даже когда я начал зарабатывать, привычка ходить пешком в контору и обратно у меня сохранилась. Благие последствия этой привычки я ощущаю до сих пор.

IV

Первый удар

С чувством разочарования покинул я Бомбей и переехал в Раджкот, где открыл собственную контору. Устроился я сравнительно неплохо. Составлением заявлений и прошений я зарабатывал в среднем до 300

рупий в месяц. Работу эту я получал скорее благодаря связям, чем своим способностям. Компаньон брата имел постоянную практику. Все бумаги, которым он придавал серьезное значение, он направлял известным адвокатам, на мою же долю падало составление заявлений для бедных клиентов.

Должен признаться, что мне пришлось отступиться от правила не платить комиссионных, которое столь щепетильно я соблюдал в Бомбее. Мне сказали, что условия здесь совсем иные, чем в Бомбее: там надо было платить за комиссию по. среднику, здесь — вакилу, который поручал вести дело. Подчеркивали, что здесь, как и в Бомбее, все адвокаты без исключения отдают часть своего гонорара в виде комиссионных. Но самыми убедительными оказались для меня доводы брата. «Ты видишь, — сказал он, — я работаю в доле с другим вакилом. Я всегда буду стараться передавать тебе все наши дела, которые ты сумеешь вести, но если ты откажешься платить комиссионные моему компаньону, то поставишь меня в затруднительное положение. У нас с тобой общее хозяйство, и твой гонорар поступает в общий котел; таким образом, я автоматически получаю свою долю. Ну, а как же быть с компаньоном? Ведь если бы он передал дело другому адвокату, то, безусловно, получил бы от него комиссионные». Этот аргумент был неопровержим. Я чувствовал, что если займусь адвокатской практикой, то мне нельзя будет в подобных случаях настаивать на своем принципе — не давать комиссионных. Так я убеждал или, скажем прямо, обманывал себя. Должен, впрочем, добавить, что не припомню случая, чтобы я платил комиссионные по какому-либо другому делу.

Работая таким образом, я начал понемногу сводить концы с концами, но примерно в это же время л получил и первый в жизни удар. Я слышал, что представляют собой британские чиновники, но ни разу не сталкивался с ними.

До восшествия на престол Порбандара покойного ранасахиба брат был его секретарем и советником. С тех пор над ним тяготело обвинение, что, пребывая в этой должности, он как-то подал неправильный совет. Дело поступило к политическому агенту, который был настроен против моего брата.

В бытность свою в Англии я познакомился с этим чиновником, и он относился ко мне весьма дружелюбно. Брату хотелось, чтобы,

воспользовавшись этим знакомством, я замолвил за него словечко и постарался рассеять предубеждение политического агента. Мне это было не по душе. Я считал, что не следует пытаться использовать мимолетное знакомство. Если брат действительно виноват, то я ничего изменить не смогу. Если же он невиновен, то должен подать прошение в обычном порядке и, будучи уверен в своей невиновности, ожидать результатов. Брату рассуждения мои, однако, не понравились.

— Ты не знаешь Катхиавара, — сказал он. — Ты еще не знаешь жизни. Здесь имеет значение только протекция. Тебе как брату нехорошо уклоняться от исполнения своего долга, если ты можешь замолвить за меня словечко перед знакомым чиновником.

Я не смог отказать ему и против своей воли пошел к чиновнику. Я знал, что у меня не было никакого права обращаться к нему, и понимал, что компрометирую себя. Но я добивался приема и был принят. Я напомнил чиновнику о нашем прежнем знакомстве, но сразу понял, что Катхиавар — не Англия и что чиновник в отпуске и чиновник при исполнении служебных обязанностей — совершенно разные люди. Политический агент вспомнил наше знакомство, но напоминание об этом, видимо, покоробило его. «Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы злоупотребить этим знакомством, не так ли?» — звучало в его холодном тоне и, казалось, было написано на лице. Тем не менее я приступил к изложению своего дела. Сахиб стал проявлять признаки нетерпения.

— Ваш брат интриган. Я не желаю вас больше слушать, У меня нет времени. Если у вашего брата есть что сказать, пусть действует через соответствующие инстанции.

Ответ был достаточно ясен и, возможно, заслужен. Но эгоизм слеп. Я продолжал говорить. Сахиб встал и сказал:

— Теперь идите.

— Но, пожалуйста, выслушайте меня, — сказал я.

Это его еще больше рассердило. Он позвал слугу и приказал меня вывести. Когда вошел слуга, я все еще медлил, тогда тот взял меня за плечи и вытолкал за дверь.

Сахиб и его слуга вернулись в дом. Я рвал и метал. Тотчас же я послал сахибу записку следующего содержания: «Вы оскорбили меня. Ваш слуга по вашему приказу учинил надо мной насилие. Если вы не извинитесь, мне придется обратиться в суд».

Слуга тотчас принес ответ: «Вы вели себя нагло. Я просил вас уйти, но вы не уходили. Мне ничего не оставалось, как приказать слуге вывести вас. Вы не ушли даже, когда он попросил вас выйти. Поэтому он должен был применить силу, чтобы выгнать вас. Можете обращаться в суд, если вам угодно».

С этим ответом в кармане, удрученный, я вернулся домой и рассказал брату о случившемся. Он был огорчен, растерян и не знал, как меня утешить. Он посоветовался со своими приятелями вакилами, так как я не знал, как возбудить дело против сахиба. В это время в Раджкоте случайно находился Фирузшах Мехта, приехавший из Бомбея по какому-то делу. Но разве мог такой молодой адвокат, как я, осмелиться пойти к нему? Поэтому все бумаги по этому делу я переслал ему через вакила, который пригласил его, и просил дать совет. «Передайте Ганди, — ответил он, — что подобные истории — удел многих вакилов и адвокатов. Он недавно приехал из Англии и горяч. Он не знает английских чиновников. Если он не хочет нажить себе неприятностей, пусть порвет письмо и примирится с оскорблением. Он ничего не выиграет от подачи в суд на сахиба, а, напротив, очень возможно, погубит себя. Скажите ему, что он еще не знает жизни».

Совет этот был для меня горек, как отрава, но я все же проглотил его. Я стерпел обиду, но извлек из всего этого и пользу. «Никогда больше не поставлю себя в такое ложное положение, никогда не буду пытаться использовать подобным образом свои знакомства», — решил я и с тех пор ни разу не отступал от этого правила. Этот удар оказал влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

V

Сборы в Южную Африку

Я был, конечно, неправ, что пошел к чиновнику. Но моя ошибка не шла ни в какое сравнение с его раздражительностью и необузданным гневом. Я не заслуживал того, чтобы меня выгоняли. Едва ли я отнял у него больше пяти минут. Ему просто не хватило терпения выслушать меня. Он мог бы вежливо попросить меня уйти, но власть слишком опьянила его. Позже я узнал, что терпение вообще не входит в число добродетелей этого чиновника. Оскорблять посетителей было его

обыкновением. Малейшее недоразумение, как правило, выводило сахиба из себя.

В тот период я, естественно, работал большей частью в его суде. Но примириться с сахибом было свыше моих сил. Я не желал перед ним заискивать. Однажды пригрозив ему судом, я уже не мог молчать.

Тем временем я начал понемногу разбираться в местных политических делах. Катхиавар состоял из множества мелких государств, и для политиканов здесь было большое раздолье. Интриги между отдельными государствами, интрижки чиновников, боровшихся за власть, — все это было в порядке вещей.

Князья, всегда зависевшие от милости других, готовы были слушать доносчиков. Даже слуге сахиба надо было льстить, а ширастедар сахиба значил больше, чем его господин, так как был его глазами, ушами и переводчиком. Воля ширастедара была законом, а что касается его доходов, то говорили, что они больше, чем у сахиба. Может быть, это было преувеличением, но жил он, конечно, не только на жалованье.

Такая атмосфера казалась мне отравленной, и я непрестанно ломал себе голову, как остаться незапятнанным в такой обстановке.

Я был в подавленном состоянии, и брат видел это. Мы оба понимали, что если я получу какую-нибудь должность, то сумею держаться в стороне от этих интриг. Но о получении должности министра или судьи, не прибегая к интригам, не могло быть и речи. А ссора с сахибом мешала мне заниматься судебной практикой.

Княжеством Порбандар в то время управляла британская администрация, и мне поручили добиться расширения прав князя. Мне нужно было встретиться с администратором также по вопросу о снижении тяжелого поземельного налога — вигхоти, взимавшегося с мерсов. Этот чиновник был индийцем, однако по части высокомерия мог, на мой взгляд, поспорить с сахибом. Человек он был способный, но это не облегчало участи крестьян. Мне удалось добиться некоторого расширения прав для раджи, но для мерсов я не добился почти ничего. Меня поразило, что никто даже не захотел внимательно ознакомиться с их делом.

Таким образом, и здесь меня постигло разочарование. Я считал, что по отношению к моим клиентам поступили несправедливо, но вместе с тем помочь им ничем не мог. В лучшем случае я мог обратиться к

политическому агенту или губернатору, которые, однако, отклонили бы мое ходатайство, заявив: «Мы не хотим вмешиваться». Если бы на этот счет существовали какие-либо законы или предписания, тогда такое обращение имело бы смысл, но здесь воля сахиба была законом.

Я был вне себя.

Между тем один меманский торговый дом в Порбандаре обратился к моему брату со следующим предложением: «У нас дела в Южной Африке. Наша фирма — солидное предприятие. Мы ведем там сейчас крупный процесс по иску в 40 тысяч фунтов стерлингов. Он тянется уже долгое время. Мы пользуемся услугами лучших вакилов и адвокатов. Если бы вы послали туда своего брата, это принесло бы пользу и нам и ему. Он смог бы проинструктировать нашего поверенного лучше нас самих, а кроме того, получил бы возможность увидеть новую часть света и завязать новые знакомства».

Мы с братом обсудили это предложение. Для меня было неясно, должен ли я буду просто инструктировать поверенного или выступать в суде. Но предложение было соблазнительным.

Брат представил меня ныне уже покойному шету Абдулле Кариму Джхавери, компаньону фирмы «Дада Абдулла и К°», о которой здесь идет речь.

— Работа не будет трудной, — убеждал меня шет, — Вы познакомитесь с нашими друзьями — влиятельными европейцами. Вы можете стать полезным человеком для нашего предприятия. Корреспонденция у нас в большинстве случаев ведется на английском языке, и вы сможете помочь нам и здесь. Разумеется, вы будете нашим гостем, и вам, таким образом, не придется нести никаких расходов.

— Как долго вам будут нужны мои услуги? — спросил я. — И сколько вы будете мне платить?

— Не больше года. Мы оплатим вам проезд туда и обратно первым классом и будем платить 105 фунтов стерлингов на всем готовом.

Меня приглашали скорее в качестве служащего фирмы, чем адвоката. Но мне почему-то хотелось уехать из Индии. Кроме того, меня привлекала возможность повидать новую страну и приобрести опыт. Я смог бы также высылать брату 105 фунтов стерлингов и помогать ему в расходах на хозяйство. Не торгуясь, я принял предложение и стал готовиться к отъезду в Южную Африку.

VI

Приезд в Наталь

Уезжая в Южную Африку, я не испытывал при разлуке той щемящей боли, которую пережил, отправляясь в Англию. Матери теперь не было в живых. Я имел некоторое представление о мире и о путешествии за границу, да и поездка из Раджкота в Бомбей стала уже обычным делом. На этот раз я почувствовал лишь внезапную острую боль, расставаясь с женой. С тех пор как я вернулся из Англии, у нас родился еще один ребенок. Нельзя сказать, чтобы наша любовь была уже свободной от похоти, но постепенно она становилась все чище. Со времени моего возвращения из Европы мы очень мало жили вместе. А так как теперь я был ее учителем, хотя и не беспристрастным, и помогал ей реформировать ее жизнь, то мы оба чувствовали, что нам необходимо больше быть вместе, чтобы и в дальнейшем осуществлять свои реформы. Однако соблазнительность поездки в Южную Африку делала разлуку терпимой. «Мы обязательно увидимся через год», — сказал я жене, утешая ее, и выехал из Раджкота в Бомбей.

Здесь я должен был получить билет от агента фирмы «Дада Абдулла и К°». Однако на корабле не оказалось мест, но не уехать тотчас — означало застрять в Бомбее.

— Мы сделали все, что могли, чтобы получить билет в первом классе, но безуспешно, — сказал агент. — Может быть, вы согласитесь ехать на палубе? Можно договориться, чтобы кушать вам подавали в салоне.

То было время, когда я считал, что путешествовать необходимо только в первом классе, кроме того, я не представлял себе, чтобы адвокат мог ехать в качестве палубного пассажира, и отклонил это предложение. Я усомнился в правдивости слов агента, ибо не мог поверить, чтобы в первом классе не было билетов. С согласия агента я сам занялся получением билета. Я отправился на судно и обратился к капитану. Тот совершенно откровенно объяснил мне, в чем дело:

— Обычно у нас не бывает такого наплыва. Но на нашем судне едет генерал-губернатор Мозамбика, и все места заняты.

— Вы не смогли бы меня куда-нибудь приткнуть? — спросил я.

Он осмотрел меня с головы до ног и улыбнулся:

— Выход, пожалуй, есть, — сказал он. — В моей каюте стоит еще одна койка, которая обычно не предоставляется пассажирам. Но я готов уступить ее вам.

Я поблагодарил его и предложил агенту приобрести билет. В апреле 1893 года, полный нетерпения, я отправился в Южную Африку попытать счастья.

Первым портом назначения был Ламу, куда мы прибыли на тринадцатый день путешествия. За это время мы с капитаном крепко подружились. Он любил играть в шахматы, но так как был начинающим шахматистом, хотел, чтобы партнер был еще более неопытным, и поэтому пригласил меня. Я много слышал об этой игре, но никогда не пробовал свои силы. Игроки обычно говорили, что шахматы предоставляют больший возможности для тренировки интеллекта. Капитан предложил обучить меня игре в шахматы. Он считал меня способным учеником, ибо терпение мое было безгранично. Я все время проигрывал, и это усиливало его желание обучать меня. Мне нравилась игра, но мои симпатии к ней так и остались на борту корабля, а познания не пошли дальше умения передвигать фигуры.

В Ламу корабль стоял на якоре три-четыре часа, и я сошел на берег, чтобы осмотреть порт. Капитан также отправился в порт, предупредив меня, что гавань коварна и что я должен вернуться на корабль без опоздания.

Это было небольшое местечко. Я зашел на почту и очень обрадовался, увидев там индийских клерков. Мы разговорились. Я увидел также африканцев и попытался разузнать, как они живут, что меня очень интересовало. На все это ушло время.

Несколько уже знакомых мне палубных пассажиров тоже сошли на берег, чтобы приготовить себе еду и спокойно поесть. Когда я встретил их, они уже собирались вернуться на пароход. Мы все сели в одну лодку. Прилив в гавани достиг максимума, а лодка была перегружена. Сильное течение не позволяло удерживать лодку у трапа. Едва она касалась трапа, как течением ее относило в сторону. Был уже дан первый гудок. Я нервничал. Капитан со своего мостика наблюдал за нами. Он приказал задержать пароход на пять минут. У судна появилась еще одна лодка, которую он нанял для меня за десять рупий. Я пересел в нее. Трап был уже поднят. Поэтому мне пришлось

подняться на палубу по веревке, после чего пароход отплыл. Другие пассажиры лодки остались. Только теперь я понял предостережение капитана.

После Ламу корабль зашел в Момбасу, а затем в Занзибар. Стоянка здесь была долгая — восемь — десять дней, а затем мы пересели на другое судно.

Капитан питал ко мне большую симпатию, но она приняла нежелательный оборот. Он пригласил своего приятеля англичанина и меня составить ему компанию во время прогулки, и мы отправились на берег в его лодке. Я не имел ни малейшего представления о цели прогулки. А капитан и не подозревал, что за невежда я в таких делах. Сводник повел нас к негритянским женщинам. Каждого провели в отдельную комнату. Сгорая от стыда, я стоял посреди комнаты. Одному богу известно, что должна была подумать обо мне несчастная женщина. Когда капитан окликнул меня, я вышел таким же невинным, каким и вошел. Он понял это. Сначала мне было очень стыдно, но так как я не мог думать о случившемся иначе, как с отвращением, то чувство стыда исчезло, и я благодарил бога, что вид женщины не побудил меня к дурному. Слабость моя вызвала во мне негодование. Мне было жаль себя за то, что я не нашел мужества отказаться войти в комнату. Это было уже третье в моей жизни злоключение такого рода. Должно быть, многие невинные юноши впадали в грех из-за ложного чувства стыда. Я не мог считать своей заслугой, что вышел неосквернённым. Я заслужил бы уважение, если бы отказался вообще войти в ту комнату. За свое спасение я должен всецело благодарить всеблагого. Этот случай укрепил еще более мою веру в бога и до некоторой степени научил преодолевать ложное чувство стыда.

Поскольку мы должны были пробыть в порту неделю, я снял комнаты и, бродя по городу, увидел много интересного. Уже Малабарское побережье может дать представление о роскошной растительности Занзибара. Меня поразили гигантские деревья и размеры плодов.

Следующая стоянка была в Мозамбике, а к концу мая мы прибыли в Наталь.

VII

Некоторые впечатления

Портовым городом провинции Наталь является Дурбан, его называют также ПортНаталь. Там и встретил меня Абдулла Шет. Когда пароход подошел к причалу и на палубу поднялись друзья и знакомые прибывших, я заметил, что с индийцами обращались не очень почтительно. Я не мог не обратить внимания на то, что знакомые Абдуллы Шета проявляли в обращении с ним какое-то пренебрежительное высокомерие, Меня это задело за живое, а Абдулла Шет привык к этому. На меня смотрели с некоторым любопытством. Одежда выделяла меня среди прочих индийцев. На мне был сюртук и тюрбан наподобие бенгальского пагри.

Меня провели в помещение фирмы и показали комнату, отведенную для меня рядом с кабинетом Абдуллы Шета. Он не понимал меня, Я не мог понять его. Он прочел письма, которые я привез от его брата, и недоумение его возросло. Он решил, что брат прислал к нему «белого слона». Моя манера одеваться и образ жизни поразили его, и он подумал, что я расточителен, как европеец. Какого-нибудь определенного дела, которое он мог бы мне поручить, не было. Процесс проходил в Трансваале. Сразу же посылать меня туда не было смысла. Да он и не знал, в какой степени можно было положиться на мое умение и честность. Ведь его самого не будет в Претории, чтобы наблюдать за мной. В Претории находились ответчики, и, насколько ему было известно, они могли предпринять попытки воздействовать на меня в нежелательном направлении. Но если мне нельзя делать работу в связи с процессом, то что же мне можно было поручить, ибо все остальное гораздо лучше меня выполнят его служащие? Если клерк ошибется, его можно призвать к ответу. Можно ли сделать то же самое в отношении меня, если мне случится допустить ошибку? Таким образом, если мне нельзя дать работу в связи с процессом, то от меня вообще не будет никакого прока.

Абдулла Шет в сущности был неграмотен, но у него был богатый жизненный опыт. Он обладал острым умом и знал это. Он научился немного говорить по-английски. И этого было достаточно, чтобы вести все дела: столковаться с директорами банков и европейскими купцами, а также объяснить свое дело юрисконсульту. Индийцы очень уважали его. Фирма его была самой крупной или, по крайней мере, одной из

самых крупных индийских фирм. При всех своих достоинствах он имел один недостаток — был по натуре подозрителен.

Он с уважением относился к исламу и любил рассуждать о философии ислама. Не владея арабским языком, он тем не менее прекрасно знал Коран и был хорошо знаком с исламистской литературой вообще. Примеров он знал великое множество, и они всегда были у него наготове. Общение с ним дало мне возможность получить великолепный запас практических сведений об исламе. Познакомившись ближе, мы стали вести долгие беседы на религиозные темы.

На второй или третий день после моего приезда он повел меня в дурбанский суд. Здесь он представил меня некоторым лицам и посадил рядом со своим поверенным. Мировой судья пристально разглядывал меня и, наконец, предложил снять тюрбан. Я отказался и вышел из здания суда.

— Тот, кто носит мусульманскую одежду, — сказал он, — может оставаться в тюрбане, все же остальные индийцы при входе в суд как правило должны его снимать.

Для того чтобы такое тонкое различие было понятно, необходимо остановиться на некоторых подробностях. За эти два — три дня я понял, что индийцы разделены на несколько групп. Одна из них, называвшая себя «арабами», состояла из купцов мусульман. Другую составляли «индусы». И еще одна группа были клерки-парсы. Клерки-индусы не примыкали ни к одной из этих групп, если только не связывали свою судьбу с «арабами». Клерки-парсы называли себя персами. Эти три группы находились в определенных социальных отношениях друг с другом. Но наиболее многочисленной была группа законтрактованных или свободных рабочих — тамилов, телугу и выходцев из Северной Индии. Законтрактованные рабочие приехали в Наталь по договору и должны были отработать пять лет. Их называли здесь «гирмитья», от слова «гирмит» исковерканное английское «эгримент» (agreement). Первые три группы вступали с этой группой только в деловые отношения. Англичане называли этих людей «кули», а так как большинство индийцев принадлежало к трудящемуся классу, то и всех индийцев стали называть «кули», или «сами». Сами — тамильский суффикс, встречающийся в виде добавления ко многим тамильским именам и представляющий не что иное, как санскритское

«свами», что в переводе означает господин. Поэтому, когда индиец обижался, что к нему обращаются «сами», и был достаточно остроумен, он старался возвратить комплимент следующим образом: «Можете называть меня «сами», но вы забываете, что «сами» означает господин. А я не господин ваш!» Одни англичане принимали это с кислой миной, другие сердились, ругали индийцев, а при случае даже били их: ведь «сами» в их представлении было презрительной кличкой, и выслушивать от «сами» объяснение, что это слово означает «господин», казалось им оскорбительным!

Меня стали называть «адвокат-кули». Купцов называли «купец-кули». Таким образом, первоначальное значение слова «кули» было забыто, и оно превратилось в обычное обращение к индийцам. Купец мусульманин мог возмутиться и сказать: «Я не кули, а араб», или «я купец», — и англичанин, если он был учтив, извинялся перед ним.

При таком положении вещей ношение тюрбана приобретало особое значение. Подчиниться требованию снять тюрбан было для индийца все равно, что проглотить оскорбление. Поэтому я решил распрощаться с индийским тюрбаном и носить английскую шляпу. Это избавило бы меня от оскорблений и неприятных пререканий.

Но Абдулла Шет не одобрил моего намерения. Он сказал:

— Если вы так поступите, это будет иметь плохие последствия. Вы скомпрометируете тех, кто настаивает на ношении индийского тюрбана. К тому же тюрбан вам очень к лицу, а в английской шляпе вы будете похожи на официанта.

В его совете была практическая мудрость, патриотизм и в то же время некоторая узость взглядов. Мудрость совета была очевидна; но только чувство патриотизма побудило его настаивать на индийском тюрбане. Намекая на то, что английскую шляпу носят лишь индийцы лакеи, он обнаружил узость своих взглядов. Среди законтрактованных индийцев были индусы, мусульмане и христиане. Христианство исповедовали дети законтрактованных индийцев, обращенные в христианство. В 1893 году их было уже много. Они носили английское платье, и большинство из них зарабатывало себе на жизнь, служа лакеями при гостиницах. Именно этих людей имел в виду Абдулла Шет, ополчившись против английской шляпы. Служить лакеем в гостинице считалось унизительным. Это мнение многие разделяют и поныне.

Вообще совет Абдуллы мне понравился. Я написал письмо в газеты, где рассказал об инциденте со своим тюрбаном и настаивал на праве не снимать его в суде. Вопрос этот оживленно обсуждался в газетах, которые называли меня «нежеланным гостем». Таким образом, инцидент с тюрбаном неожиданно создал мне рекламу в Южной Африке уже через несколько дней после приезда. Некоторые были на моей стороне, другие сурово осуждали за безрассудство. Фактически я носил тюрбан все время, пока жил в Южной Африке. Когда и почему я вообще перестал надевать головной убор в Южной Африке, увидим ниже.

VIII

Поездка в Преторию

Вскоре я познакомился с индийцами христианами, жившими в Дурбане. Среди них был судебный переводчик м-р Поль, который был католиком, а также ныне покойный м-р Субхан Годфри, в то время учитель при протестантской миссии, отец м-ра Джеймса Годфри, который посетил Индию в 1924 году как член депутации Южной Африки. Примерно в это же время я встретился с ныне покойным парсом Рустомджи и Адамджи Миякханом. Все эти люди, которые ранее встречались только по делу, в конце концов, как увидим ниже, установили между собой тесный контакт.

В то время как я расширял круг знакомств, фирма получила письмо от своего юрисконсульта, в котором сообщалось, что надо готовиться к процессу и что Абдулла Шет должен поехать в Преторию сам или прислать своего представителя.

Абдулла Шет показал мне это письмо и спросил, согласен ли я ехать в Преторию.

— Смогу вам ответить только после того, как разберусь в деле, — сказал я. — Сейчас мне еще не ясно, что я там должен делать.

Он тут же приказал клеркам ознакомить меня с делом.

Приступив к изучению дела, я почувствовал, что начинать следует с азов. Еще в Занзибаре я несколько дней посещал суд, чтобы ознакомиться с его работой. Адвокат парс допрашивал свидетеля, задавая ему вопросы о записях в кредит и дебет в конторских книгах. Все это было для меня сплошной тарабарщиной. Я не изучал бухгалтерии ни в школе, ни во время пребывания в Англии. А в деле, ради которого я приехал в Африку, речь шла главным образом о бухгалтерских расчетах. Только тот, кто знал бухгалтерский учет, мог понять и объяснить его. Служащий Абдуллы толковал мне о каких-то записях в дебет и кредит, и я чувствовал, что все больше запутываюсь. Я не знал, что означает Д. О. В словаре мне не удалось найти этого сокращения. Я признался в своем невежестве клерку и узнал от него, что Д. О. — долговое обязательство.

Тогда я купил учебник по бухгалтерскому учету и, проштудировав его, почувствовал себя увереннее и разобрался в существе дела. Я

заметил, что Абдулла Шет, который не умел вести бухгалтерских записей, свободно разбирался во всех хитросплетениях бухгалтерии благодаря своему практическому опыту. Я сказал ему, что готов ехать в Преторию.

— Где вы там остановитесь? — спросил меня Шет.

— Где вы пожелаете, — ответил я.

— В таком случае я напишу нашему юрисконсульту, и он позаботится о помещении. Кроме того, я напишу своим друзьям меманцам, но останавливаться у них я бы не советовал. Наши противники пользуются большим влиянием в Претории. Если кому-нибудь из них попадет в руки наша частная переписка, то это нанесет нам большой ущерб. Чем дальше вы от них будете, тем лучше для нас.

— Я остановлюсь там, где меня поместит ваш юрисконсульт, или же устроюсь самостоятельно. Пожалуйста, не беспокойтесь. Ни одна душа ничего не узнает о наших с вами секретах. Но я намерен познакомиться с нашими противниками. Мне хотелось бы установить с ними дружеские отношения. Я постараюсь, если возможно, уладить дело без суда. В конце концов, Тайиб Шет — ваш родственник.

Шет Тайиб Ходжи Хан Мухаммад был близким родственником Абдуллы Шета.

Упоминание о возможности полюбовного соглашения, как я мог заметить, несколько озадачило Шета. Но я находился в Дурбане уже дней шесть — семь, и мы знали и понимали друг друга. Я не был больше для него «белым слоном». Поэтому он сказал:

— Нда, понятно. Конечно, соглашение без суда было бы наилучшим исходом. Но мы все родственники и прекрасно знаем друг друга. Не такой человек Тайиб Шет, чтобы легко пойти на соглашение. При малейшей оплошности с нашей стороны он выжмет из нас все и, в конце концов, надует. Поэтому, пожалуйста, подумайте дважды, прежде чем предпринять что-либо.

— Можете не беспокоится на этот счет, — сказал я. — Мне нет нужды говорить с Тайиб Шетом или с кем-нибудь еще по существу дела. Я только предложу ему заключить соглашение и избавиться таким образом от ненужной тяжбы.

На седьмой или восьмой день после своего прибытия я выехал из Дурбана. Для меня приобрели билет первого класса. При этом обычно доплачивали еще пять шиллингов за постельные принадлежности.

Абдулла Шет настаивал, чтобы я заказал себе постель, но из упрямства, гордости и желания сэкономить пять шиллингов я отказался. Абдулла Шет предостерегал меня.

— Смотрите, здесь не Индия, — сказал он. — Слава богу, такие расходы нам по карману. Пожалуйста, не отказывайте себе в необходимом.

Я поблагодарил его и просил не беспокоиться.

Примерно в десять часов вечера поезд пришел в Марицбург, столицу Наталя. Постельные принадлежности обычно давали на этой станции. Ко мне подошел железнодорожный служащий и спросил, возьму ли я их. Я ответил: «Нет, у меня есть свои». Он ушел. Но вслед за ним в купе вошел новый пассажир и стал оглядывать меня с ног до головы. Ему не понравилось, что я «цветной». Он вышел и вернулся с одним или двумя служащими. Все они молча смотрели на меня, потом пришел еще один служащий и сказал:

— Выходите, вы должны пройти в багажный вагон.

— Но у меня билет первого класса, — сказал я.

— Это ничего не значит, — возразил он, — ступайте в багажное отделение.

— А я вам говорю, что в Дурбане получил место в этом вагоне, и настаиваю на том, чтобы остаться здесь.

— Нет, вы здесь не останетесь, — сказал чиновник. — Вы должны покинуть этот вагон, иначе мне придется позвать констебля, и он вас высадит.

— Пожалуйста, зовите. Я отказываюсь выйти добровольно.

Явился констебль, взял меня за руку и выволок из вагона.

Мой багаж тоже вытащили. Я отказался перейти в другой вагон, и поезд ушел. Я пошел в зал ожидания и сел там. При мне был только чемодан, остальной багаж я бросил на произвол судьбы. О нем позаботилась железнодорожная администрация.

Дело было зимой, а зима в высокогорных районах Южной Африки суровая, холодная. Марицбург расположен высоко над уровнем моря, и холода здесь бывают ужасные. Мое пальто было в багаже, но я не решался спросить о нем, чтобы не подвергнуться новым оскорблениям. Я сидел и дрожал от холода. В зале было темно. Около полуночи вошел какой-то пассажир и, по-видимому, намеревался поговорить со мной..

Но мне было не до разговоров.

Я думал о том, что делать: бороться ли за свои права или вернуться в Индию, или, быть может, продолжать путь в Преторию, не обращая внимания на оскорбления, и вернуться в Индию по окончании дела? Убежать назад в Индию, не исполнив своего обязательства, было бы трусостью. Лишения, которым я подвергался, были проявлением серьезной болезни — расовых предрассудков. Я должен попытаться искоренить этот недуг, насколько возможно, и вынести ради этого все предстоящие лишения. Удовлетворения за обиду я должен требовать лишь постольку, поскольку это необходимо для устранения расовых предрассудков.

Поэтому я решил ехать в Преторию ближайшим поездом.

На следующее утро я отправил длинную телеграмму главному управляющему железной дороги и одновременно известил о происшедшем Абдуллу Шета, который немедленно посетил управляющего. Последний оправдывал действия железнодорожных властей, однако заверил его, что уже отдал распоряжение начальнику станции проследить, чтобы я беспрепятственно доехал до места назначения. Абдулла Шет протелеграфировал индийским купцам в Марицбурге, а также своим друзьям в других пунктах следования, чтобы они меня встретили и позаботились обо мне. Купцы пришли на станцию и попытались утешить меня, рассказав о собственных обидах; инцидент, происшедший со мной, оказался обычным явлением. Они сказали, что индиец, едущий в первом или втором классе постоянно должен ожидать неприятностей со стороны железнодорожных служащих или белых пассажиров. Целый день провел я, слушая эти прискорбные истории. Наконец, пришел вечерний поезд. Место для меня было заказано заранее. Теперь я купил в Марицбурге билет и на постельные принадлежности, который не пожелал приобрести в Дурбане. Поезд доставил меня в Чарлстаун.

IX

Новые унижения

Поезд пришел в Чарлстаун утром. В то время между Чарлстауном и Иоганнесбургом еще не было железнодорожного сообщения. Приходилось ехать в дилижансе, который делал остановку en route[6]

на ночь в Стандертоне. У меня был билет на дилижанс, и он не утратил силу, несмотря на мою задержку на день в Марицбурге. Кроме того, Абдулла Шет телеграфировал обо мне агенту компании дилижансов в Чарлстауне.

Чтобы не впустить меня в дилижанс, нужен был предлог, и агент нашел его. Заметив, что я иностранец, он сказал:

«Ваш билет недействителен». Я разъяснил ему, в чем дело. Но он продолжал настаивать на своем и не потому, что в дилижансе не было мест, а совсем по другой причине. Пассажиров надо было разместить внутри дилижанса, но так как я был для них «кули», да еще не здешний, то «проводник», как называли белого, распоряжавшегося дилижансом, решил, что меня не следует сажать вместе с белыми пассажирами. В дилижансе было еще два сиденья по обе стороны от козел. Обычно проводник занимал одно из наружных мест. На этот раз он сел внутри дилижанса, а меня посадил на свое место. Я понимал, что это полнейший произвол и издевательство, но счел за лучшее промолчать. Я бы все равно не добился, чтобы меня пустили в дилижанс, а если бы я стал спорить, дилижанс ушел бы без меня. Я потерял бы еще день, и только небу известно, не повторилась ли бы эта история и на следующий день. Поэтому, как ни кипело у меня все внутри, я благоразумно уселся рядом с кучером.

Приблизительно в три часа дня дилижанс прибыл в Пардекоф. Теперь проводнику захотелось сесть на мое место, чтобы покурить, а может быть, просто подышать свежим воздухом. Взяв у кучера кусок грязной мешковины, он разостлал его на подножке и, обращаясь ко мне, сказал:

— Сами, ты сядешь здесь, а я хочу сидеть рядом с кучером.

Такого оскорбления я не мог снести. Дрожа от негодования и страха, сказал ему:

— Вы посадили меня здесь, хотя обязаны были поместить внутри дилижанса. Я стерпел это оскорбление. Теперь же, когда вам хочется курить, вы заставляете меня сесть у ваших ног. Этого я не сделаю, но готов перейти внутрь дилижанса.

В то время как я с трудом выговаривал эти слова, проводник набросился на меня и надавал мне хороших затрещин, затем схватил за руку и попытался стащить вниз. Я вцепился в медные поручни козел и решил не выпускать их, даже с риском переломать руки. Пассажиры

были свидетелями этой сцены, — они видели, как этот человек бранил и бил меня, в то время как я не проронил ни слова. Он был гораздо сильнее меня. Некоторым пассажирам стало жаль меня, и они начали уговаривать проводника:

— Да оставьте его в покое. Не бейте его. Он же ни в чем не виноват. Он прав. Если ему нельзя сидеть там, пустите его к нам в дилижанс.

— Не беспокойтесь! — крикнул мужчина, но, по-видимому, несколько струхнул и перестал меня бить. Он отпустил меня и, продолжая браниться, приказал слуге готтентоту, сидевшему по другую сторону от кучера, пересесть на подножку, сам же сел на освободившееся место. Пассажиры заняли свои места; раздался свисток, и дилижанс загромыхал по дороге. Сердце мое сильно билось. Я уже не верил, что доберусь живым до места назначения. Агент все время злобно поглядывал на меня и ворчал: «Вот только дай добраться до Стандертона, там я тебе покажу!» Я сидел молча и лишь молил бога о помощи. Уже стемнело, когда мы приехали в Стандертон, и я с облегчением вздохнул, увидев индийские лица. Как только я сошел вниз, мои новые друзья сказали: «Мы получили телеграмму от Дада Абдуллы и пришли, чтобы отвести вас в лавку Исы Шета». Я был очень обрадован этим. Мы пошли в лавку шета Исы Ходжи Сумара. Шет и его служащие окружили меня. Я рассказал обо всем случившемся. Горько было им слушать это, и они старались утешить меня рассказами о такого же рода неприятностях, которые пришлось пережить и им.

Я хотел сообщить обо всем случившемся агенту компании дилижансов. С этой целью я написал ему письмо, изложив все подробности и особенно обратив его внимание на угрозы его подчиненного в мой адрес. Я просил также гарантировать, чтобы меня поместили вместе с другими пассажирами в дилижансе на следующее утро, когда мы снова отправимся в путь. На это агент ответил мне: «Из Стандертона пойдет дилижанс гораздо большего размера, его сопровождают другие лица. Человека, на которого вы жалуетесь, завтра здесь не будет, и вы сядете вместе с другими пассажирами». Это несколько успокоило меня. Я, конечно, не собирался возбуждать дело против человека, который нанес мне оскорбление действием, так что инцидент можно было считать исчерпанным.

Утром служащий Исы Шета проводил меня к дилижансу. Я получил удобное место и в тот же вечер благополучно прибыл в Иоганнесбург.

Стандертон — небольшая деревушка, а Иоганнесбург — крупный город. Абдулла Шет уже телеграфировал туда и сообщил мне адрес тамошней фирмы Мухаммада Касам Камруддина. Служащий этой фирмы должен был встретить меня на станции, но мы друг друга не узнали. Поэтому я решил отправиться в гостиницу. Я знал названия нескольких гостиниц. Взяв извозчика, я велел ехать в Большую национальную гостиницу. Там я прошел к управляющему и попросил комнату. С минуту он разглядывал меня, потом вежливо ответил:

— Очень жаль, но у нас нет свободных номеров, — и откланялся.

Тогда я поехал в магазин Мухаммада Касама Камруддина. Абдул Гани Шет уж ждал меня здесь и сердечно приветствовал. Он от души посмеялся над моим приключением в гостинице.

— Неужели вы думали, что вас пустят в гостиницу?

— А почему бы и нет? — спросил я.

— Это вы поймете, когда пробудете здесь несколько дней, — сказал он. — Только мы можем жить в такой стране, потому что, стремясь заработать деньги, не обращаем внимания на оскорбления, и вот результаты. Затем он рассказал о притеснениях, которые терпели индийцы в Южной Африке.

О шете Абдулла Гани мы еще многое узнаем в дальнейшем.

Он сказал:

— Страна эта не для таких, как вы. Вот, например, завтра вам надо будет ехать в Преторию. Вам придется ехать третьим классом. В Трансваале наше положение еще хуже, чем в Натале. Здесь индийцам вообще не дают билетов в первом и втором классе.

— Вы, наверное, не добивались этого упорно?

— Мы посылали депутации, но, признаюсь, обычно наши люди сами не хотят ехать ни первым, ни вторым классом.

Я попросил достать мне железнодорожные правила и прочитал их. Они были запутаны. Старое трансваальское законодательство не отличалось точностью формулировок, железнодорожные правила тем более.

Я сказал шету:

— Я хочу ехать первым классом, а если это невозможно, то предпочту нанять экипаж до Претории, ведь до нее всего 37 миль.

Шет Абдул Гани заметил, что это потребует больше времени и денег, однако одобрил мое намерение ехать первым классом. Я послал записку начальнику станции, в которой указал, что я адвокат и всегда езжу первым классом. Кроме того, я написал, что мне необходимо быть в Претории как можно скорее, что я лично приду за ответом на вокзал, так как у меня нет времени ждать, и что я надеюсь получить билет в первом классе. Я намеренно подчеркнул, что приеду за ответом, так как полагал, что письменный ответ скорее будет отрицательным: ведь у начальника станции могло быть свое собственное представление о «кули-адвокате». Если же я явлюсь к нему в безукоризненном английском костюме и поговорю с ним, возможно, мне удастся убедить его дать билет первого класса. Итак, я отправился на вокзал в сюртуке и галстуке, положил на конторку соверен в качестве платы за проезд и попросил дать мне билет первого класса.

— Это вы прислали мне записку? — спросил он.

— Да, вы очень меня обяжете, если дадите билет. Мне нужно быть в Претории сегодня же.

Он улыбнулся и, сжалившись, сказал:

— Я не трансваалец. Я голландец. Я понимаю вас и сочувствую вам, Я дам вам билет, однако обещайте мне, что если проводник потребует, чтобы вы перешли в третий класс, вы не будете впутывать меня в это дело, т. е. я хочу сказать, вы не будете возбуждать судебного дела против железнодорожной компании. Желаю вам благополучно доехать. Я вижу, вы джентльмен.

С этими словами он вручил мне билет. Я поблагодарил и дал требуемое обещание.

Шет Абдул Гани пришел проводить меня на вокзал. Он был приятно удивлен, узнав о происшедшем, но предупредил:

— Буду рад, если вы благополучно доберетесь до Претории. Боюсь только, Проводник не оставит вас в покое. А если даже оставит, пассажиры не потерпят, чтобы вы ехали в первом классе.

Я занял свое место в купе первого класса, и поезд тронулся. В Джермистоне проводник пришел проверять билеты. Увидев меня, он

рассердился и знаками предложил мне отправиться в третий класс. Я показал ему свой билет.

— Все равно, — сказал он, — переходите в третий класс. В купе, кроме меня, был только один пассажир — англичанин. Он обратился к проводнику:

— Зачем вы беспокоите джентльмена? Разве вы не видите, что у него билет первого класса? Я ничуть не возражаю, чтобы он ехал со мной.

И повернувшись ко мне, сказал:

— Располагайтесь здесь поудобнее.

— Желаете ехать с «кули», так мне нет до этого дела, — проворчал проводник и ушел.

Около восьми часов вечера поезд прибыл в Преторию.

X

Первый день в Претории

На вокзале в Претории я ожидал увидеть кого-нибудь из служащих поверенного Дада Абдуллы. Я знал, что никто из индийцев меня встречать не будет, так как я особо обещал не останавливаться в домах у индийцев. Но поверенный никого не прислал. Потом я узнал, что, поскольку я прибыл в воскресенье, неудобно было посылать служащего встречать меня. Я был озадачен и раздумывал, куда направиться, опасаясь, что ни в одном отеле меня не примут.

В 1893 году вокзал в Претории был совершенно не похож на тот, каким он стал в 1914 году. Освещение было скудное. Пассажиров мало. Я подождал, пока все вышли, рассчитывая попросить контролера, отбирающего билеты, когда он освободится, указать мне маленькую гостиницу, или какоенибудь другое место, где я мог бы остановиться, чтобы не пришлось ночевать на вокзале. Должен признаться, мне было трудно собраться с духом и обратиться к нему даже с такой незначительной просьбой из опасения подвергнуться оскорблениям.

Вокзал опустел. Я подал билет контролеру и стал его расспрашивать. Он отвечал вежливо, однако я понял, что толку от него будет мало. Но в разговор вмешался стоявший рядом американский негр.

— Вижу, — сказал он, — вы здесь совсем чужой, без друзей. Хотите, идемте со мной, я провожу вас в маленькую гостиницу. Хозяин ее — американец, которого я хорошо знаю. Думаю, он сумеет вас устроить.

У меня были свои опасения в отношении этого предложения, но я принял его и поблагодарил негра. Он повел меня в гостиницу Джонстона. Там он отвел хозяина в сторону, о чем-то поговорил с ним, и тот согласился пустить меня на ночь, но с условием, что я буду обедать в своей комнате.

— Уверяю вас, — сказал он, — у меня нет никаких расовых предрассудков. Но все мои постояльцы — европейцы, и если я пущу вас в столовую, они могут оскорбиться и даже уйти из гостиницы.

— Благодарю вас уже за то, что вы согласились приютить меня на ночь, — сказал я. — Со здешними порядками я более или менее знаком и понимаю ваши опасения. Я ничего не имею против того, чтобы обедать в своей комнате. Надеюсь, завтра мне удастся устроиться где-нибудь еще.

Мне отвели комнату, и я задумался в ожидании обеда.

Постояльцев в гостинице было немного, и я предполагал, что официант принесет обед скоро. Но вместо него пришел м-р Джонстон. Он сказал:

— Мне стало стыдно, что я просил вас обедать в комнате. Поэтому я переговорил с другими постояльцами и спросил, согласны ли они, чтобы вы обедали в столовой. Они сказали, что не возражают и что вы вообще можете жить здесь, сколько вам заблагорассудится. Пожалуйста, если угодно, пойдемте в столовую, и оставайтесь здесь, сколько хотите.

Я снова поблагодарил его, пошел в столовую и с аппетитом принялся за обед.

На следующий день я отправился к адвокату А. У. Бейкеру. Абдулла Шет рассказал мне о нем, и я не удивился оказанному мне радушному приему. Бейкер отнесся ко мне очень тепло и любезно обо всем расспрашивал. Я подробно рассказал ему о себе. Потом он сказал:

— У нас нет здесь работы для вас как адвоката, так как мы пригласили самого лучшего поверенного. Дело это затянувшееся и сложное, и я буду обращаться к вам за помощью только для получения нужной информации. Вы облегчите мне также сношения с клиентом,

так как теперь все сведения, которые мне понадобятся от него, я буду получать через вас. Это несомненно принесет пользу. Помещения для вас я пока не подыскал. Я считал, что лучше это сделать, познакомившись с вами. Здесь страшно распространены расовые предрассудки, и поэтому найти помещение для таких, как вы, нелегко. Но я знаю одну бедную женщину, жену пекаря, которая, думаю, устроит вас у себя и таким образом немного подработает. Пойдемте к ней.

Он повел меня к ней, поговорил, и она согласилась взять меня на полный пансион за 35 шиллингов в неделю. М-р Бейкер был не только поверенным, он постоянно выступал в качестве нецерковного проповедника. Он еще жив и занимается теперь исключительно миссионерской деятельностью, оставив юридическую практику. Он человек состоятельный. Мы до сих пор переписываемся. В своих письмах он всегда подробно касается одной и той же темы. Он доказывает превосходство христианства с различных точек зрения и утверждает, что невозможно обрести вечный мир иначе, как признав Иисуса единственным сыном бога и спасителем человечества.

Уже во время первой беседы м-р Бейкер поинтересовался моими религиозными воззрениями. Я сказал ему:

— По рождению я индус. Но я еще мало знаю индуизм и еще меньше другие религии. По существу я не знаю, кто я, во что я верю и во что следует верить. Я собираюсь тщательно изучить свою религию, а по возможности и другие религии.

Бейкер обрадовался этому и сказал:

— Я один из духовников южноафриканской генеральной миссии. Я построил церковь на собственные средства и регулярно произношу там проповеди. Я свободен от расовых предрассудков. У меня есть единомышленники, и мы ежедневно в час дня собираемся на несколько минут и молимся о даровании нам мира и света. Буду рад, если вы присоединитесь к нам. Я представлю вас своим единомышленникам, которые будут счастливы познакомиться с вами, и, думаю, вам тоже понравится их общество. Кроме того, я дам вам почитать несколько религиозных книг, хотя, конечно, Библия — это книга книг, и ее я особенно рекомендую вам.

Я поблагодарил м-ра Бейкера и согласился посещать молитвенные собрания в час дня по возможности регулярно.

— В таком случае жду вас здесь завтра в час дня, а мы вместе отправимся молиться, — сказал Бейкер, и мы распрощались.

Пока у меня было немного времени для размышлений.

Я отправился к м-ру Джонстону, расплатился с ним и позавтракал уже на новой квартире. Хозяйка оказалась хорошей женщиной. Она готовила мне вегетарианскую пищу. Скоро я стал чувствовать себя в ее семье как дома.

Затем я отправился к человеку, к которому Дада Абдулла дал мне записку. От него я многое узнал о лишениях индийцев в Южной Африке. Он настаивал, чтобы я остановился у него, но я поблагодарил, сказав, что уже устроился. Он убеждал меня обращаться к нему, не стесняясь, по любому делу.

Стемнело. Я возвратился домой, поел, прошел в свою комнату, лег и глубоко задумался. У меня не было спешной работы. Я сообщил об этом Абдулле Шету. Что мог означать проявленный ко мне мром Бейкером интерес? Какую пользу принесет мне знакомство с его религиозными единомышленниками? Насколько глубоко мне следует изучить христианство? Как достать литературу по индуизму? И смогу ли я понять действительное место христианства, не зная как следует своей собственной религии? Я сделал лишь один вывод: надо беспристрастно изучать все, с чем мне придется столкнуться, и вести себя с группой м-ра Бейкера так, как бог направит меня; но не следует помышлять о принятии другой религии, пока я не пойму вполне свою собственную.

С этими мыслями я заснул.

XI

Знакомство с христианами

На следующий день в час дня я пришел к м-ру Бейкеру на молитвенное собрание. Там меня представили мисс Гаррис, мисс Гэбб, м-ру Коатсу и другим. Все они опустились на колени для молитвы, и я последовал их примеру. Молитвы представляли собой обращенные к богу просьбы применительно к личным желаниям каждого. Так, обычно просили, чтобы день прошел благополучно или чтобы бог раскрыл врата; души.

На сей раз была присоединена молитва о моем благополучии: «Господи, укажи путь новому брату, присоединившемуся к нам. Дай ему, боже, мир, который ты дал нам. Да спасет его Иисус Христос, спасший нас. Все это мы просим во имя Христа». На этих молитвенных собраниях не пелись псалмы, и не было никакой музыки. После молитвы, которая ежедневно посвящалась чему-нибудь одному, мы разошлись; каждый отправился завтракать, так как настало время приема пищи. Молитва заняла не более пяти минут.

Мисс Гаррис и мисс Гэбб были пожилыми старыми девами. М-р Коатс был квакером. Обе дамы жили вместе; они пригласили меня заходить к ним по воскресеньям на 4-х часовой чай.

Когда мы встречались по воскресеньям, я обычно рассказывал м-ру Коатсу о своих религиозных размышлениях за неделю, обсуждал с ним прочитанные книги и делился впечатлениями о них. Дамы обычно говорили о своих богоугодных делах и об обретенном ими душевном покое.

М-р Коатс был серьезным, искренним молодым человеком. Мы вместе совершали прогулки, кроме того, он водил меня к своим приятелям христианам.

Когда мы сошлись ближе, он стал давать мне книги по своему выбору, пока полка моя не заполнилась ими. Он буквально засыпал меня книгами. Я добросовестно читал все, а потом мы обсуждали прочитанное.

В 1893 году я прочел множество таких книг. Не помню названий всех, но тут были «Комментарии» д-ра Паркера из лондонского общества адвокатов, «Многочисленные неопровержимые доказательства» Пирсона и «Аналогия» Батлера. Некоторые места в этих книгах показались мне непонятными. Кое-что в них мне нравилось, а кое-что нет. «Многочисленные неопровержимые доказательства» содержали в себе доказательства в пользу библейской религии в авторском понимании ее. Эта книга не оказала на меня никакого влияния. «Комментарии» Паркера вдохновляли морально, но для тех, кто не верил в общеизвестные христианские догматы, эта книга была бесполезной. «Аналогия» Батлера показалась мне чересчур мудреной и трудной, ее надо было перечитать раза четыре-пять, чтобы правильно понять. Мне думалось, что она написана с целью обратить атеистов в веру. Приведенная в ней аргументация в пользу

существования бога была для меня излишней, так как я уже прошел через стадию неверия; а доказательства того, что Иисус — единственное воплощение бога на земле и посредник между богом и человеком, не произвели на меня впечатления.

Однако м-р Коатс не был человеком, который легко мирится с поражением. Он сильно привязался ко мне. Однажды он увидел висящее у меня на шее ожерелье вишнуита из тулассийского бисера. Он считал это суеверием, и это покоробило его.

— Суеверия не для вас, — сказал он. — Дайте, я разорву ожерелье.

— Нет, я не позволю. Это ожерелье — священный дар моей матери.

— Но вы верите в него?

— Я не знаю его таинственного значения. Не думаю, что со мной случится чтнибудь, если я не буду носить его. Но я не могу без достаточных оснований отказаться от ожерелья, которое мать надела мне на шею из любви ко мне, убежденная, что это будет способствовать моему благополучию. Когда со временем оно порвется и рассыплется само собой, я не надену другого. Но это ожерелье порвать нельзя.

М-р Коатс не мог понять мои доводы, так как не признавал моей религии. Он предвкушал, что вызволит меня из тьмы невежества, и старался убедить, что независимо от того, есть ли доля истины в других религиях, для меня спасение невозможно, пока я не приму христианства, которое есть сама истина. Он уверял, что грехи мои могут быть прощены лишь благодаря заступничеству Христа, в противном случае все добрые дела бесполезны.

Он не только познакомил меня с книгами, но представил и своим друзьям, которых считал настоящими христианами. Среди этих друзей была семья, принадлежавшая к христианской секте плимутских братьев.

Многие знакомства, состоявшиеся благодаря м-ру Коатсу, были приятными. Большинство новых знакомых поразили меня своей богобоязнью. Но как-то во время моего посещения этой семьи один из плимутских братьев выдвинул неожиданный для меня довод.

— Вы не можете понять всей красоты нашей религии. Из того, что вы говорите, следует, что каждое мгновение вы должны размышлять над своими проступками, всегда стараться исправить и искупить их. Разве могут подобные непрерывные размышления дать вам

искупление? Так вы не обретете мира никогда. Вы считаете, что все мы грешники. Теперь поймите совершенство нашей веры. Мы считаем, что попытки самоусовершенствования и искупления — тщетны. И все же мы получим искупление. Для нас непосильно бремя наших грехов. Но мы можем переложить его на Иисуса. Он один безгрешный сын бога. Он сказал, что те, кто верит в него, будут жить вечно. В этом безграничное милосердие бога. А так как мы верим в искупительную жертву Иисуса, наши собственные грехи не тяготеют над нами. Грешить мы должны. В этом мире не грешить невозможно. И потому Иисус страданиями искупил все грехи человечества. Только тот, кто приемлет его великое искупление, обретет вечный покой. Подумайте, как беспокойна ваша жизнь и какая надежда на покой есть у нас.

Эта речь совершенно не убедила меня. Я смиренно ответил:

— Если это и есть христианская вера, принятая всеми христианами, то я принять ее не могу. Я не ищу искупления за греховные проступки. Я стараюсь освободиться от самого греха или, скорее, от самой мысли о грехе. Пока я не достигну этой цели, я согласен не знать покоя.

На что плимутский брат возразил:

— Уверяю вас, ваши усилия бесплодны. Подумайте еще раз над тем, что я сказал.

И брат доказал, что слово у него не расходится с делом. Он сознательно совершал проступки и показывал мне, что его не беспокоит мысль о них. Но до встречи с плимутскими братьями я знал, что не все христиане верят в эту теорию искупления. Сам м-р Коатс жил в страхе перед богом. Его душа была чиста, и он верил в возможность самоочищения. Обе дамы разделяли эту веру. Некоторые книги, попавшие мне в руки, были полны преданности богу. Поэтому, увидев, что м-р Коатс встревожен моим последним опытом, я успокоил его, сказав, что извращенная вера плимутских братьев не вызвала у меня предубеждения против христианства.

Мои трудности заключались в другом. Они касались Библии и ее принятого толкования.

XII

Попытки сблизиться с индийцами

Прежде чем писать дальше о знакомствах с христианами, я должен рассказать о других переживаниях того же периода.

Шет Тайиб Ходжи Хан Мухаммад занимал в Претории такое же положение, как Дада Абдулла в Натале. Ни одно общественное начинание не обходилось без него. Я познакомился с ним в первую же неделю и сказал, что намерен сблизиться со всеми индийцами в Претории. Я выразил желание ознакомиться с их положением и просил его помочь мне, на что он охотно согласился.

Я начал с того, что созвал собрание, пригласив всех индийцев Претории, и нарисовал им картину их положения в Трансваале. Собрание состоялось в доме шета Ходжи Мухаммада Ходжи Джоосаба, к которому у меня было рекомендательное письмо. На собрании присутствовали главным образом купцы меманцы, но было и несколько индусов. Впрочем, индусов в Претории вообще было очень мало. Речь, произнесенная мною на этом собрании, была, можно сказать, моим первым публичным выступлением. Я хорошо подготовился к выступлению, посвятив его вопросу о добросовестности в коммерции. Я то и дело слышал от купцов, что правдивость невозможна в коммерческих делах. Я этого мнения не разделял и не разделяю до сих пор. И теперь у меня есть друзья коммерсанты, которые утверждают, что правдивость и коммерция несовместимы. Коммерция, говорят они, дело практическое, а правдивость — из области религии; и они доказывают, что практические дела одно, а религия совсем другое. Не может быть и речи о том, считают они, чтобы в коммерческих делах оставаться до конца правдивым, говорить правду можно только, когда это удобно. В своей речи я решительно оспаривал это мнение, стараясь пробудить в купцах сознание долга, которое им вдвойне необходимо. Их обязанность быть добросовестными была тем важнее в чужой стране, что по поступкам немногих индийцев здесь судят о миллионах наших соотечественников, Я считал, что наш народ живет в антисанитарных условиях по сравнению с. англичанами, окружающими нас, и привлек внимание собравшихся к этому факту. Я подчеркнул необходимость забыть всякие различия между индусами, мусульманами, парсами,

христианами, гуджаратцами, мадрасцами, пенджабцами, синдхами, каччхами, суратцами и т. д.

В заключение я предложил организовать ассоциацию, от имени которой можно было бы сделать представления властям относительно притеснений, испытываемых индийскими поселенцами, и изъявил готовность отдать этому делу столько времени и сил, сколько смогу.

Я видел, что речь моя произвела большое впечатление на собравшихся.

Вокруг нее развернулась дискуссия. Многие из присутствовавших захотели сообщить мне некоторые факты. Я чувствовал, что меня поддерживают. Лишь немногие из собравшихся говорили по-английски. Понимая, что знание английского языка полезно в этой стране, я предложил, чтобы все, у кого есть время, изучали английский язык. Я сказал, что овладеть языком можно даже в преклонном возрасте, и сослался на соответствующие примеры. Кроме того, я обещал вести группу, если такая будет создана, для обучения языку, а также помогать лицам, желающим заниматься языком.

Группа не была создана, но три молодых человека выразили готовность учиться при условии, что я буду приходить к ним. Двое из них были мусульмане — один парикмахер, другой клерк, а третий — индус, мелкий лавочник. Я согласился помочь им. Я не сомневался в своих педагогических способностях. Случалось, ученики мои уставали, но я не знал устали. Иногда бывало и так, что я приходил к ним только за тем, чтобы застать их занятыми своими делами. Но я не терял терпения. Ни один из троих не стремился к глубокому знанию языка, но двое примерно за восемь месяцев сделали весьма большие успехи. Они приобрели знания, позволившие им вести бухгалтерские книги и писать обычные деловые письма. Парикмахер ограничился познаниями, достаточными для того, чтобы обслуживать клиентов. Итак, за время учебы двое учеников овладели языком настолько, чтобы свободно вести дела на английском языке. Я был удовлетворен результатами собрания. Было решено созывать такие собрания, насколько мне помнится, раз в неделю или, может быть, раз в месяц. Они устраивались более или менее регулярно, и на них происходил свободный обмен мнениями. Вскоре в Претории не было ни одного индийца, которого бы я не знал и с условиями жизни которого не был бы знаком. Это побудило меня познакомиться с британским агентом в

Претории м-ром Джэкобом де Ветом. Он сочувственно относился к индийцам, но пользовался очень малым влиянием. Однако он все же согласился помогать нам по мере возможности и просил меня заходить к нему в любое время.

Я снесся также с железнодорожными властями и сообщил им, что те притеснения, которым подвергаются индийцы в поездах, не могут быть оправданы даже утвержденными ими правилами. На это мне ответили письмом, в котором сообщали, что впредь индийцам, если они одеты соответствующим образом, будут выдаваться билеты первого и второго класса. Это было далеко не удовлетворительное решение вопроса, так как за начальником станции оставалось право решать, кто «одет соответствующим образом».

Британский агент в Претории ознакомил меня с некоторыми документами, касающимися индийского вопроса. Тайиб Шет также предоставил мне соответствующие документы. Из них я узнал, как жестоко обошлись с индийцами в Оранжевой республике.

Короче говоря, мое пребывание в Претории позволило мне глубоко изучить социальное, экономическое и политическое положение индийцев в Трансваале и Оранжевой республике. Я и не предполагал, что это изучение принесет мне огромную пользу в будущем. Я думал вернуться домой к концу года или даже раньше, в случае если бы судебный процесс окончился до истечения года.

Но бог располагал иначе.

XIII

Что значит быть «кули»

Здесь не место подробно описывать положение индийцев в Трансваале и Оранжевой республике. Желающие получить полное представление об этом могут обратиться к моей «Истории сатьяграхи в Южной Африке». Однако остановиться на этом вопросе в общих чертах необходимо.

В Оранжевой республике индийцы были лишены всех прав специальным законом, принятым в 1888 году или даже раньше. Индийцу разрешалось поселиться здесь только в том случае, если он служил лакеем в гостинице или занимал Другую должность того же рода. Торговцы были изгнаны, получив лишь номинальную

компенсацию. Они протестовали, подавали петиции, но безрезультатно.

Весьма суровый закон был принят в Трансваале в 1885 году. В 1886 году в него были внесены некоторые изменения. Этот закон с принятыми к нему поправками обязывал индийцев при въезде в Трансвааль платить подушный налог в сумме трех фунтов стерлингов. Им разрешалось приобретать земли только в специально для них отведенных местах, причем правом собственности они и там фактически не пользовались. Индийцы были лишены также избирательного права. Все это предусматривалось специальным законом для «азиатов», на которых распространялись, кроме того, все законы, установленные для «цветных». Согласно законам для «цветных», индийцы не имели права ходить по тротуару и появляться без разрешения на улице после девяти часов вечера. Правда, те индийцы, которых принимали за арабов, этой регламентации не подвергались. Таким образом, получалось, что — применение закона зависело от произвола полиции.

Мне пришлось на собственном опыте испытать, что означали оба эти правила. По вечерам я часто ходил гулять вместе с м-ром Коатсом, и мы редко возвращались домой раньше десяти часов. Что, если полиция арестует меня? М-ра Коатса это беспокоило даже больше, чем меня. Своим слугам неграм он должен был выдавать разрешение. Но разве мог он дать его мне? Разрешение получал только слуга от своего хозяина. Если бы даже я пожелал взять такое разрешение, а Коатс согласился бы выдать его мне, это все равно было бы невозможно, так как явилось бы подлогом.

Поэтому м-р Коатс или кто-то из его знакомых свел меня к адвокату д-ру Краузе. Оказалось, что в Лондоне мы состояли в одной юридической корпорации. Он был вне себя, узнав, что мне нужно получить разрешение для того, чтобы выходить на улицу после девяти часов вечера. Он выразил мне свое сочувствие. Вместо того, чтобы приказать выдать мне пропуск, он написал письмо, разрешавшее мне выходить в любое время, не подвергаясь преследованиям полиции. Выходя на улицу, я всегда брал это письмо с собой. И если мне не пришлось ни разу им воспользоваться, то это чистая случайность.

Д-р Краузе пригласил меня к себе, и мы, можно сказать, стали друзьями. Иногда я заходил к нему и у него познакомился с его

знаменитым братом, который был прокурором в Иоганнесбурге. Во время англо-бурской войны он был предан военному суду за участие в подготовке к убийству английского офицера и приговорен к тюремному заключению на семь лет. Старшина юридической корпорации лишил его права адвокатской практики. По окончании военных действий он был освобожден и, будучи с почестями восстановлен в трансваальской адвокатуре, возобновил практику.

Впоследствии эти связи принесли мне пользу в моей общественной деятельности и во многом облегчили работу. Запрещение ходить по тротуарам имело для меня более серьезные последствия. Я всегда ходил гулять в поле через Президентскую улицу. На этой улице находился дом президента Крюгера. Это было весьма скромное здание, без сада, ничем не отличающееся от соседних домов. Многие дома в Претории выглядели гораздо претенциознее, их окружали сады. Скромность президента Крюгера вошла в поговорку. Только наличие полицейской охраны у дома свидетельствовало о том, что здесь живет должностное лицо. Почти всегда я беспрепятственно проходил по тротуару мимо полицейского.

Но дежурные менялись. Однажды полицейский без всякого предупреждения, даже не попросив сойти с тротуара, грубо столкнул меня на мостовую. Я испугался. Прежде чем я успел спросить, что это значит, меня окликнул м-р Коатс, который случайно проезжал здесь верхом.

— Ганди, я видел все. Я охотно буду свидетелем на суде, если вы возбудите дело против этого человека. Очень огорчен, что с вами так грубо обошлись.

— Не стоит расстраиваться, — сказал я. — Что понимает этот несчастный? Все цветные для него одинаковы. Он поступил со мной так же, как со всеми неграми. Я взял себе за правило не обращаться в суд с жалобами личного характера. Поэтому я не собираюсь подавать на него в суд.

— Это на вас похоже! — сказал Коатс. — Но все-таки подумайте. Его следует проучить.

Затем он обратился к полицейскому и сделал ему выговор. Я не понял, о чем они говорили, так как полицейский оказался буром, и они разговаривали по-голландски. Но полицейский извинился передо мной, в чем не было никакой необходимости. Я уже простил ему.

С тех пор я никогда больше не ходил по этой улице: на месте этого человека мог оказаться другой, который, не зная о происшедшем, мог сделать то же самое. Зачем без нужды рисковать быть снова сброшенным на мостовую? Я стал ходить другой дорогой.

Этот случай усилил мое сочувствие к индийским поселенцам. Я обсудил с ними, насколько целесообразной будет попытка возбудить дело по поводу этих законов, если это окажется необходимым после свидания с британским агентом.

Таким образом, я узнал тяжелые условия жизни индийских поселенцев, не только читая и слушая рассказы, но и на личном опыте. Я видел, что Южная Африка не та страна, где может жить уважающий себя индиец, и меня все больше занимал вопрос о том, как изменить такое положение вещей.

Однако моей глазной обязанностью в то время было дело Дада Абдуллы.

XIV

Подготовка к процессу

Годичное пребывание в Претории обогатило мою жизнь. Именно здесь получил я возможность научиться и овладеть кое-какими навыками общественной деятельности. Именно здесь религиозный дух стал моей жизненной опорой, и здесь также я приобрел настоящее знание юридической практики. Здесь я научился вещам, которые молодой адвокат узнает в кабинете старшего адвоката, и здесь же в меня вселилась уверенность, что, в конце концов, из меня получится настоящий адвокат. В Претории я узнал, в чем секрет успеха адвоката.

Дело Дада Абдуллы было не мелким. Исковая сумма составляла 40 тысяч фунтов стерлингов. Возникшее из коммерческих сделок, оно складывалось из запутанных расчетов. Частично иск основывался на выданных векселях, частично на обязательствах, содержавших обещание выдать вексель. Защита базировалась на том, что долговые обязательства были составлены обманным образом и не имели достаточного обеспечения. К этому запутанному делу относились многочисленные прецеденты и применялись различные законы.

Обе стороны наняли лучших защитников и поверенных. Таким образом, у меня была прекрасная возможность изучить их работу. Мне поручили подготовить дело истца для поверенного и отобрать факты в пользу истца. Я учился, наблюдая, что поверенный принимает и что он отвергает, а также, что использует защитник из досье, подготовленного поверенным. Я понимал, что подготовка к процессу — прекрасное мерило моих умственных сил и способностей отбирать доказательства.

Я проявил к делу огромный интерес, весь ушел в него.

Я перечитал все документы по сделкам, имевшие отношение к иску. Мой клиент был человеком очень способным; он полностью доверял мне, что облегчало работу. Я тщательно изучил бухгалтерию и совершенствовался в искусстве перевода, так как мне приходилось переводить корреспонденцию, которая большей частью велась на гуджарати.

Хотя, как я уже говорил, меня интересовали вопросы вероисповедания и общественной деятельности и я всегда уделял этому время, в тот период не это было для меня главным. Главным

была подготовка к процессу. Чтение законов и разыскивание, когда это бывало необходимо, судебных прецедентов всегда отнимали большую часть времени. В результате, поскольку я располагал документами обеих сторон, я приобрел такое знание фактов, относящихся к делу, какого, по-видимому, не имели даже сами тяжущиеся стороны.

Я помнил слова покойного м-ра Пинкатта: факты — три четверти закона. Позже это со всей силой подтвердил известный адвокат из Южной Африки, тоже покойный теперь, м-р Леонард. Как-то изучая порученное мне дело, я увидел, что хотя право на стороне моего клиента, закон оборачивается против него. В отчаянии обратился я за помощью к м-ру Леонарду. Он также почувствовал, что обстоятельства дела очень трудные.

— Ганди, — воскликнул он, — я знаю только одно: если мы позаботимся о фактах, закон позаботится сам о себе. Давайте глубже вникнем в факты. И посоветовал мне продолжить изучение дела, а затем вновь прийти к нему. Когда я снова стал изучать факты, я увидел их в совершенно новом свете, раскопал также старое южноафриканское дело, имевшее отношение к данному случаю. Обрадованный, отправился я к м-ру Леонарду и все ему рассказал.

— Прекрасно, — сказал он, — мы выиграем дело. Только надо знать, кто из судей будет вести его.

Когда я готовил дело Дада Абдуллы к процессу, я не понимал до конца первостепенного значения фактов. Факты несут в себе истину, и если мы придерживаемся истины, закон, естественно, приходит нам на помощь. Я видел, что в деле Дада Абдуллы факты действительно очень веские и что закон должен быть на его стороне. Но вместе с тем я видел, что эта тяжба, если в ней упорствовать, разорит обе стороны — и истца и ответчика, которые были родственниками и земляками. Никто не знал, как долго может тянуться процесс. Если допустить, чтобы дело разбиралось в суде, оно могло бы тянуться до бесконечности и без всякой пользы для обеих сторон. Обе стороны, следовательно, желали немедленного прекращения дела, если бы это было возможно.

Я посоветовал Тайиб Шету согласиться на третейский суд и рекомендовал переговорить об этом с его адвокатом. Я намекнул, что если найти арбитра, пользующегося доверием обеих сторон, дело быстро закончится. Гонорар адвокатов рос столь стремительно, что

вполне мог пожрать все средства даже таких состоятельных купцов, какими были клиенты. Дело требовало с их стороны такого внимания, что не оставалось времени для другой работы. Между тем взаимная недоброжелательность возрастала. Я чувствовал отвращение к своей профессии. Как и адвокаты, поверенные обеих сторон обязаны были выискивать пункты закона, говорящие в пользу своих клиентов. В первый раз я понял, что выигравшая сторона никогда не возмещает всех понесенных расходов. Согласно положению о судебных вознаграждениях, существовала твердая шкала расценок для расчетов между сторонами, но фактически расценки в расчетах между клиентом и адвокатом были значительно выше. Я чувствовал, что мои долг состоит в том, чтобы помочь обеим сторонам и привести их к примирению. Я прилагал все усилия, чтобы добиться соглашения, и Тайиб Шет, наконец, пошел на это. Стороны избрали третейского судью, которому изложили свои доводы, и Дада Абдулла выиграл дело.

Но это меня не удовлетворило. Если бы мой клиент потребовал немедленно выполнить решение суда, Тайиб Шет не смог бы уплатить всю присужденную сумму, а у порбандарских меманцев, проживавших в Южной Африке, существовал неписаный закон, гласивший, что смерть предпочтительнее банкротства. Тайиб Шет был не в состоянии сразу уплатить полную сумму примерно в 37 тысяч фунтов стерлингов, также — судебные издержки, но он был полон решимости выплатить всю сумму до последней паи; ему не хотелось, чтобы его объявили банкротом. Выход был только один. Дада Абдулла должен был разрешить ему выплачивать эту сумму сравнительно небольшими взносами. Дада Абдулла оказался на высоте и дал рассрочку на весьма продолжительный срок. Добиться этой уступки было для меня труднее, чем уговорить обе стороны согласиться на третейский суд. Но теперь и те, и другие были довольны исходом дела, а престиж каждого из них возрос. Радости моей не было предела. Я научился правильно применять законы, находить лучшее в человеческой душе и завоевывать сердца людей. Я понял, что настоящая цель адвоката — примирять тяжущиеся стороны.

Этот урок остался в моей памяти на всю жизнь, и в течение последующих двадцати лет своей адвокатской практики в сотнях случаев мне удавалось заканчивать дела частным соглашением. При этом я не оставался в убытке — не потерял денег и не растратил души.

XV

Религиозный фермент

Теперь пора снова вернуться к тем переживаниям, которые я испытал, общаясь с друзьями христианами. М-р Бейкер сильно беспокоился о моем будущем. Он взял меня с собой на веллингтонское собрание. Протестанты устраивают такие собрания раз в несколько лет с целью религиозного просвещения или, говоря иначе, самоочищения. Такое собрание называют также религиозным восстановлением или возрождением. Веллингтонское моление было как раз таким. Председательствовал известный в городе богослов преподобный Эндрью Меррей. М-р Бейкер надеялся, что атмосфера религиозной экзальтации на молении, а также энтузиазм и ревность молящихся неизбежно приведут меня к принятию христианства.

Но самые большие надежды он возлагал на действенность молитвы. Он твердо верил в молитву. Бог, по его глубокому убеждению, не мог не услышать пылкую молитву. Он ссылался на случаи из жизни таких людей, как Джордж Мюллер из Бристоля, который всйцело полагался на молитву даже в своих мирских делах. Я внимательно и без предубеждения выслушал его рассказ о действенности молитвы и заверил его, что ничто не сможет помешать мне принять христианство, если я почувствую к нему влечение. Давая такое обещание, я ни минуты не колебался, так как давно научился следовать внутреннему голосу. Мне доставляло наслаждение подчиняться этому голосу. Действовать же вопреки ему было трудно и мучительно.

Итак, мы отправились в Веллингтон. Имея в качестве компаньона «цветного», каковым был я, м-р Бейкер пережил немало трудных минут. Не раз ему приходилось испытывать неудобства только изза меня. В пути мы должны были прервать поездку, так как один из дней нашего путешествия оказался воскресным, а мр Бейкер и его единоверцы не совершают поездок по воскресеньям. Хозяин станционной гостиницы после долгой перебранки согласился, наконец, впустить меня, но категорически отказал мне в разрешении обедать в столовой. Мр Бейкер был не из тех, кто легко сдается. Он отстаивал права постояльцев гостиницы. Но я понимал, как неловко он себя чувствовал. В Веллингтоне я также остановился вместе с мром

Бейкером. Несмотря на все его старания скрыть от меня те мелкие неприятности, которые ему приходилось терпеть, я видел все.

На моление собралось множество благочестивых христиан. Я был восхищен их верой. Я встретился с преподобным Меррге м. Многие молились за меня. Мне понравились некоторые очень мелодичные гимны.

Моление длилось три дня. Я имел возможность понять и оценить благочестие собравшихся. Однако я не видел никаких оснований для того, чтобы переменить свою веру — свою религию. Я не мог поверить, что попаду в рай и спасусь, только став христианином. Когда я откровенно сказал об этом некоторым добрым христианам, они были поражены. Однако ничего нельзя было поделать.

Мои затруднения были гораздо серьезнее. Поверить в то, что Иисус — воплощенный сын бога и что только тот, кто верит в него, получит в награду вечную жизнь, было свыше моих сил. Если бог мог иметь сыновей, тогда все мы его сыновья.

Если Иисус подобен богу или является самим богом, тогда все люди подобны богу и могут быть самим богом. Мой разум; не был подготовлен к тому, чтобы поверить, что Иисус своею смертью и кровью искупил грехи мира. Метафорически в этом могла быть доля истины. Согласно христианскому вероучению, только человеческие существа имеют душу, а у всех остальных живых существ, для которых смерть означает полное исчезновение, ее нет. Я не разделял такую точку зрения. Я мог принять Иисуса как мученика, воплощение жертвенности, как божественного учителя, а не как самого совершенного человека, когда-либо рождавшегося на земле. Его смерть на кресте давала великий пример миру, однако моя душа не могла принять это как какую-то таинственную или сверхъестественную добродетель. Набожная жизнь христианина не дала бы мне ничего такого, чего не могла бы дать жизнь человека другого вероисповедания, Я видел в жизни и других людей то самое нравственное преображение, о котором наслышался от христиан. С точки зрения философии в христианских принципах нет ничего необычайного. Пожалуй, в смысле жертвенности индусы даже значительно превосходят христиан. Я не мог воспринимать христианство как самую совершенную или величайшую из религий.

При любой возможности я делился своими сомнениями с друзьями христианами, но их ответы меня не удовлетворяли.

Но если я не мог принять христианство как совершенную или величайшую из религий, то и индуизм не был для меня в то время такой религией. Недостатки индуизма были совершенно очевидны. Если учение о неприкасаемости стало составной частью индуизма, то оно могло быть лишь его прогнившей частью или каким-то наростом. Я не в состоянии был понять raison d'etre[7] множества сект и каст. В чем состоит смысл утверждения, что веды представляют собой вдохновенное слово божие? Если веды вдохновлены богом, то почему нельзя сказать то же самое о Библии и Коране?

В то время, когда друзьяхристиане пытались обратить меня в свою веру, такие же попытки предпринимали и друзья мусульмане. Абдулла Шет побуждал меня к изучению Корана, и, конечно, он всегда восхищался им.

Я написал о своих сомнениях Райчандбхаю. Переписывался я и с другими лицами, авторитетными в вопросах религии в Индии. Письмо Райчандбхая несколько успокоило меня. Он советовал быть терпеливым и более глубоко изучить индуизм. Вот одна из фраз его письма: «Беспристрастно рассматривая вопрос, я убедился, что ни в одной религии нет таких тонких и глубоких мыслей, как в индуизме, нет его видения души или его милосердия».

Я купил Коран в переводе Сэйла и начал его читать, приобрел и другие книги по исламу. Связался также со своими друзьями христианами в Англии. Один из них познакомил меня с Эдвардом Мейтлендом, и я начал с ним переписываться. Он прислал мне книгу «Безупречный путь», которую написал совместно с Анной Кингсфорд. Эта книга была отречением от современного христианского вероучения. Я получил от него и другую книгу «Новое толкование Библии». Обе книги мне понравились. Они, казалось, говорили в пользу индуизма. Книга Толстого «Царство божие внутри нас» буквально захватила меня. Она оставила неизгладимый след в моей душе. Перед независимым мышлением, глубокой нравственностью и правдивостью этой книги показались неинтересными все другие книги, рекомендованные мне м-ром Коатсом.

Таким образом, мои занятия увели меня в направлении, о котором и не помышляли друзья христиане. Моя переписка с Эдвардом

Мейтлендом длилась очень долго, а с Райчандбхаем я переписывался до самой его смерти. Я прочел ряд присланных им книг. Среди них были «Панчикаран», «Маниратнамала», «Мумукшу Пракаран» Иогавасиштхи, «Саддаршана Самуччая» Гарибхадра Сури и другие.

Несмотря на то что я пошел не тем путем, по которому хотели вести меня друзья христиане, я навсегда у них в долгу за то, что они пробудили во мне стремление к религиозным исканиям. Я буду свято помнить о том времени, которое провел с ними. В последующие годы меня ожидали многие такие же приятные знакомства.

XVI

Человек предполагает, а бог располагает

Процесс закончился, и у меня не было причин оставаться дольше в Претории. Я вернулся в Наталь и начал готовиться к отъезду в Индию. Но не таким человеком был Абдулла Шет, чтобы отпустить меня без проводов. Он устроил прощальный прием в мою честь в Сайденхеме.

Предполагалось провести там целый день. Просматривая газеты, я случайно наткнулся в углу газетного листа на заметку под заголовком «Избирательное право индийцев». В ней упоминалось о находившемся на рассмотрении парламента законопроекте, по которому индийцы лишались права избирать членов парламента в Натале. Я ничего не знал об этом законопроекте, да и остальные гости не имели о нем понятия.

Я обратился за разъяснением к Абдулле Шету. Он сказал:

— Что мы понимаем в таких вопросах? Мы разбираемся только в том, что касается нашей торговли. Вы знаете, что в Оранжевой республике уничтожили всю нашу торговлю. Мы пытались тогда протестовать, но из этого ничего не вышло. Мы беспомощны и необразованны. Как правило, просматриваем газеты только для того, чтобы узнать рыночные цены на сегодняшний день, и т. п. Что мы знаем о законодательстве? Нашими ушами и глазами стали адвокаты европейцы.

— Но многие молодые индийцы родились и получили образование здесь. Разве они не в силах вам помочь? — спросил я.

— Что вы! — огорченно воскликнул Абдулла Шет. — У них нет никакого желания сблизиться с нами, да и мы, по правде сказать, не

оченьто хотим с ними знаться. Они христиане и находятся всецело под влиянием белых священников, действующих по указке правительства.

Я многое понял. Я чувствовал, что этих индийцев следует считать своими, разве став христианами, они перестали быть индийцами? Но я собирался вернуться на родину и не решался поделиться мыслями, роившимися в моей голове, а только сказал Абдулле Шету:

— Наше положение чрезвычайно осложнится, если законопроект станет законом. Для нас это равносильно смерти. Он в корне подорвет наше чувство собственного достоинства.

— Возможно, — отозвался Шет Абдулла. — Я расскажу вам историю этого вопроса. Мы не имели никакого понятия об избирательном праве, пока м-р Эскомб, один из наших лучших адвокатов — вы его знаете, — не открыл нам глаза. Произошло это так. Он большой задира, а так как он не ладил с инженером порта, то опасался, что на выборах инженер отобьет у него избирателей и нанесет поражение. Тогда он ознакомил нас с нашими правами, и по его настоянию мы все зарегистрировались в качестве избирателей и проголосовали за него. Теперь вы видите, что избирательное право не представляет для нас той ценности, какую вы ему придаете. Но мы понимаем, что вы имеете в виду. Так что вы нам посоветуете?

Остальные гости внимательно слушали наш разговор. Один из них сказал:

— Сказать вам, что нужно делать? Вы отменяете вашу поездку, остаетесь здесь еще на месяц, и мы под вашим руководством начинаем борьбу.

Остальные поддержали его:

— Правильно, правильно! Абдулла Шет, вы должны задержать Гандибхая.

Шет был человек умный. Он сказал:

— Я уже не могу его задерживать. У меня теперь на него такие же права, как и у вас. Но вы правы. Давайте вместе уговорим его остаться. Только ведь он адвокат. Как быть с его гонораром?

Упоминание о гонораре меня задело, и я прервал его:

— Абдулла Шет, не будем говорить о гонораре. За общественную работу нельзя платить деньги. Если уж на то пошло, я могу остаться здесь как служащий. Вы знаете, что я не знаком со многими присутствующими здесь. Однако, если вы уверены, что они будут

помогать мне, я готов остаться еще на месяц. Но вот что еще я хотел бы сказать. Хотя вам не придется платить мне, некоторые средства для начала все же необходимы. Нужно будет посылать телеграммы, печатать кое-какую литературу, совершать разные поездки, советоваться с местными адвокатами. Необходимо приобрести юридические справочники, так как я не знаком с вашими законами. Все это потребует денег. Ясно, что один человек со всем этим не справится. Ему должны помогать многие другие.

— Аллах велик и милосерден, — раздался хор голосов. — Деньги будут. Людей у нас сколько угодно. Пожалуйста, оставайтесь, и все будет хорошо.

Прощальный прием превратился в заседание рабочего комитета. Я предложил поскорее закончить обед и вернуться домой. Мысленно я уже выработал план кампании. Я выяснил имена тех, кто был занесен в списки избирателей, и решил остаться еще на месяц.

Так в Южной Африке господь заложил фундамент моей жизни и посеял семена борьбы за национальное достоинство.

XVII

Я поселяюсь в Натале

В 1893 году шет Хаджи Мухаммад Хаджи Дада считался одним из главных лидеров индийской общины в Натале. Самым богатым был шет Абдулла Хаджи Адам, но в общественных делах он, как и другие, всегда уступал первое место шету Хаджи Мухаммаду. Поэтому собрание, на котором было решено организовать сопротивление избирательному закону, проводилось под его председательством в доме шета Абдуллы.

Мы провели запись добровольцев. На собрание были приглашены также и индийцы, родившиеся в Натале. Большей частью это была молодежь, обращенная в христианство. На собрании присутствовали переводчик дурбанского суда м-р Поль и директор школы при христианской миссии м-р Субхан Годфри. Именно эти люди привели на собрание большинство христианской молодежи. Все они записались добровольцами.

Записывались, конечно, и многие местные купцы. Среди них следует упомянуть шета Дауда Мухаммада, шета Мухаммада Казама

Камруддипа, шета Адамджи Миякхана, А. Колондавеллу Пиллаи, С. Лачхирама, Рангазами Падиачи и Амада Джива. Среди записавшихся был, конечно, парс Рустомджи, а из клерков Манекджи, Джоши, Нарсинхрам и другие служащие фирмы «Дада Абдулла и К°» и еще нескольких крупных фирм. Все они были приятно удивлены, почувствовав себя участниками общественного дела. Это было для них ново. Перед лицом бедствия, обрушившегося на общину, были забыты различия между людьми знатными и низкого происхождения, между богатыми и бедными, господами и слугами, между индусами, мусульманами, парсами и христианами, между гуджаратцами, синдхами и т. д. Все в равной степени были детьми и слугами своей родины.

Законопроект уже прошел в первом чтений, и предстояло второе его обсуждение. Многие выступавшие говорили о том, что тот факт, что индийцы не заявили протеста против ограничительного закона, является подтверждением их неспособности пользоваться избирательным правом.

Я объяснил собранию создавшееся положение. Прежде всего, мы отправили телеграмму председателю законодательного собрания с требованием приостановить дальнейшее обсуждение законопроекта. Такая же телеграмма была послана премьер-министру сэру Джону Робинсону и еще одна — другу Дада Абдуллы м-ру Эскомбу. Председатель законодательного собрания немедленно ответил, что обсуждение будет отложено на два дня. Это вселило радость в наши сердца.

Мы составили петицию для представления в законодательное собрание. Надо было подготовить три копии и сделать еще одну для печати. Поступило предложение собрать как можно больше подписей. И все это нужно было сделать в течение одной ночи. Добровольцы, знавшие английский язык, и еще несколько человек просидели всю ночь. М-р Артур — пожилой мужчина, известный как обладатель каллиграфического почерка, написал первый экземпляр петиции. Остальные экземпляры писались под диктовку. Таким образом, одновременно удалось изготовить пять экземпляров. Добровольцы купцы в собственных экипажах или в колясках, нанятых за свой счет, отправились собирать подписи. Это было сделано быстро, и петицию послали по назначению. Газеты напечатали ее, сопроводив

сочувственными комментариями. На членов законодательного собрания она также произвела впечатление. Петиция обсуждалась в парламенте. Сторонники законопроекта, по общему признанию, неудачно возражали против доводов, приведенных в петиции. Однако законопроект все же прошел.

Мы все знали, что такой исход был предрешен, но проведенная работа вдохнула свежую струю в жизнь общины и вселила в ее членов убеждение, что община едина и неделима и должна бороться за свои политические права в такой же мере, как за право торговли.

В то время министром колоний был лорд Рипон, Ему решили направить длинную петицию.

Задача была непростой, и решить ее за день было невозможно. Записались добровольцы, которые и внесли свой вклад в это дело.

Я тоже немало потрудился над составлением петиции, предварительно перечитав всю литературу по этому вопросу. Я оперировал доводами принципиального порядка и соображениями целесообразности, указывая, что в Натале за нами следует сохранить избирательное право, поскольку мы пользуемся таковым в Индии. Настаивая на сохранении избирательного права, я аргументировал и тем, что индийское население, могущее воспользоваться им, весьма немногочисленно.

В течение двух недель под петицией было собрано десять тысяч подписей. Собрать такое число подписей по всей провинции было нелегко, особенно если принять во внимание, что дело это для его участников было совершенно новым. Для такой работы отобрали особо компетентных добровольцев, так как, решено было не брать ни одной подписи, не убедившись в том, что подписывающийся хорошо понял петицию. Деревни находились далеко друг от друга. Только при условии добросовестного отношения к делу можно было сделать его быстро. Так и действовали. Каждый выполнял возложенную на него задачу с энтузиазмом. Теперь, когда я пишу эти строки, передо мною встают образы шета Дауда Мухаммада Рустомджи, Адамджи Миякхана и Амада Джива. Они собрали больше всех подписей. Шет Дауд по целым дням не вылезал из экипажа. И все они трудились из любви к делу, ни один не просил возместить ему расходы. Дом Дада Абдуллы стал одновременно караван-сараем и общественным

учреждением. У него обедали многие мои помощники, а это, естественно, требовало значительных расходов.

Наконец, петицию подали. Тысячу экземпляров напечатали для распространения среди населения. Это был документ, впервые познакомивший индийцев с политической обстановкой в Натале. Я разослал по экземпляру петиции всем газетам и знакомым публицистам.

«Тайме оф Индиа» в передовой статье, посвященной петиции, энергично поддержала требования индийцев. Отправили петицию и в Англию журналистам, и в редакции газет различных партий. Лондонская газета «Тайме» также поддержала наши требования, и у нас появилась надежда, что на законопроект будет наложено вето.

Теперь я никак не мог покинуть Наталь. Мои индийские друзья со всех сторон осаждали меня просьбами поселиться здесь навсегда.

Я ссылался на всякого рода трудности. Я решил не жить на общественный счет и подумывал о том, чтобы обзавестись собственным хозяйством. Мне казалось необходимым иметь хороший дом в хорошей местности. Кроме того, я полагал, что смогу способствовать поднятию престижа общины только в том случае, если буду вести образ жизни, принятый у адвокатов.

Мне представлялось невозможным вести хозяйство, расходуя менее 300 фунтов стерлингов в год. Поэтому я решил, что останусь лишь в том случае, если члены общины гарантируют, мне юридическую практику, приносящую доход в пределах этого минимума, и я сказал им об этом.

Но мы готовы, — говорили они, — платить вам эту сумму за общественную деятельность и легко можем собрать ее. Конечно, это помимо гонорара, который вы будете получать за частную юридическую практику.

Нет, я не могу допустить, чтобы вы несли такое бремя ради того, чтобы я занимался общественной работой, — заявил я. — Ведь она не потребует приложения моих адвокатских знаний. Моя деятельность будет заключаться главным образом в том, чтобы заставить работать всех вас. Как же я могу брать с вас за это деньги? Мне придется часто обращаться к вам за деньгами для дела, и если я буду существовать на ваш счет, мне будет неловко просить у вас большие суммы, что в конце концов заведет нас в тупик. Кроме того, я хочу, чтобы община могла

выделять не менее 300 фунтов стерлингов в год для общественных нужд.

— Но мы ведь уже знаем вас какое-то время и уверены, что вы возьмете только то, что вам крайне необходимо. А если вы захотите остаться здесь ради нас, неужели мы не сможем вас обеспечить?

— Вы говорите так, побуждаемые любовью ко мне и энтузиазмом, которым сейчас охвачены. Но разве можно быть уверенным, что эта любовь и этот энтузиазм будут вечны?

Как ваш друг и слуга, я порою буду вынужден говорить вам неприятные вещи. Одному небу известно, сохраню ли я и тогда ваше расположение. Во всяком случае, плату за общественную работу я брать не должен. Достаточно, если вы согласитесь поручить мне свои судебные дела. Даже это будет вам трудно. Ведь я же не белый адвокат. Разве я могу быть уверен, что суд отнесется ко мне с уважением? Я также не уверен в том, буду ли я удачливым адвокатом. Поэтому, даже заключая со мной договор о ведении дел, вы идете на известный риск. Но тот факт, что вы все-таки заключаете со мной договор о ведении дел, я уже могу рассматривать как вознаграждение за свою общественную работу.

В результате этой дискуссии около двадцати купцов поручили мне на год ведение своих дел. Кроме того, Абдулла купил мне необходимую мебель вместо денежного вознаграждения, которое он намеревался вручить мне при отъезде.

XVIII

Цветной барьер

Символ справедливого суда — весы, которые спокойно держит беспристрастная, слепая на оба глаза, но прозорливая женщина. Судьба преднамеренно ослепила ее — для того, чтобы она судила о стоящем перед ней, основываясь не на внешнем облике его, а на внутренних достоинствах. Но общество адвокатов в Натале хотело убедить Верховный суд отказаться от этого принципа и исказить этот символ.

Я подал прошение о приеме в адвокатуру Верховного суда. У меня было свидетельство о приеме в адвокатуру бомбейского Верховного суда. Английское свидетельство я должен был передать в бомбейский

Верховный суд, когда был там зарегистрирован. К прошению о приеме необходимо было приложить две письменные рекомендации. Полагая, что эти рекомендации будут более авторитетны, если мне их дадут европейцы, я заручился таковыми у двух крупных европейских купцов, с которыми познакомился через шета Абдуллу. Прошение надо было вручить через члена адвокатуры. Как правило, генеральный атторней вручал такие прошения бесплатно. Генеральным атторнеем был м-р Эскомб, который, если помните, являлся юрисконсультом фирмы «Дада Абдулла и К°». Я попросил его, и он охотно согласился вручить мое прошение.

Общество адвокатов неожиданно уведомило меня, что возражает против моего принятия. Во-первых, потому, что к прошению не приложен подлинник английского свидетельства, а, во-вторых, и это главное, правила о приеме адвокатов не предусматривали подачу прошений цветными. Считалось, что Наталь обязан своим развитием предприимчивости европейцев и потому необходимо, чтобы европейские элементы преобладали и в адвокатуре. Если принимать в адвокатуру «цветных», то постепенно число их там превысит число европейцев, и тогда они лишатся своего оплота. Для защиты своего протеста Общество адвокатов нанял известного адвоката. Так как адвокат этот был связан с фирмой «Дада Абдулла и К°», он передал мне с шетом Абдуллой приглашение зайти к нему. Говорил он со мной совершенно откровенно и расспрашивал о моем прошлом. Потом сказал:

— Я ничего против вас не имею. Опасался лишь только, не авантюрист ли вы, родившийся в колонии. И тот факт, что к вашему прошению не приложен подлинник свидетельства, подтверждал мои подозрения. Мне встречались люди, которые использовали чужие дипломы. Представленные вами рекомендации от европейских купцов для меня никакого значения не имеют. Что они знают о вас? И насколько знакомы с вами?

— Но любой человек здесь для меня чужой, — возразил я. — Даже с шетом Абдуллой я познакомился здесь.

— Но ведь вы говорите, что он ваш земляк? Если ваш отец, был там премьер-министром, шет Абдулла несомненно должен знать вашу семью. Если вы сможете представить его письменное показание под присягой, у меня не будет никаких возражений. Тогда я с

удовольствием сообщу Обществу адвокатов о невозможности возражать против вашего принятия.

Этот разговор меня возмутил, но я подавил свои чувства. «Если я приложу рекомендацию Дада Абдуллы, — подумал я, — ее отвергнут и потребуют рекомендаций от европейцев. Какое отношение мое рождение и мое прошлое имеют к приему меня в адвокатуру? Разве можно использовать обстоятельства моего рождения против меня?» Однако я сдержался и спокойно ответил:

— Я не считаю правильным, что Общество адвокатов имеет право требовать от меня такие подробные сведения, но готов представить нужное вам письменное показание под присягой.

Показание шета Абдуллы было подготовлено и в должном порядке передано поверенному Общества адвокатов. Тот заявил, что вполне удовлетворен. Иначе обстояло дело с Обществом. Оно опротестовало мое прошение перед Верховным судом, который, однако, отклонил протест, даже не вызвав м-ра Эскомба. Верховный судья заявил:

— Возражение, что проситель не приложил подлинника свидетельства, неосновательно. Если он представил ложное показание, то его можно преследовать в судебном порядке и, если вина его будет доказана, вычеркнуть его из списков адвокатов. Закон не делает различий между белыми и цветными. Поэтому суд не имеет права препятствовать зачислению м-ра Ганди в списки адвокатов. Мы предоставляем ему право адвокатской практики в суде. М-р Ганди, теперь вы можете принести присягу.

Я встал и принес присягу перед регистратором. Как только я произнес слова клятвы, верховный судья, обращаясь ко мне, сказал:

— Теперь снимите тюрбан, м-р Ганди. Вы должны подчиниться принятым у нас правилам в отношении одежды выступающих в суде адвокатов.

Я понял, что обезоружен. Повинуясь требованию Верховного суда, я снял тюрбан, право на ношение которого так отстаивал в суде магистрата. Дело было не в том, что если бы я воспротивился требованию, то мое сопротивление оправдать было бы невозможно. Я хотел сберечь силы для более значительных боев. Я не должен был растрачивать свои силы, настаивая на праве носить тюрбан. Мое упорство заслуживало лучшего применения.

Шету Абдулле и другим друзьям не понравилась моя покорность (или это была слабость?). Они считали, что я должен отстаивать право не снимать тюрбана во время выступлений в суде. Я пытался образумить их, убедить в правоте изречения: «В Риме надо жить, как римляне».

— В Индии, — сказал я, — отказ подчиниться требованию английского чиновника или судьи снять тюрбан был бы правильным; но для служащего суда провинции Наталь, которым я теперь стал, не уважать обычай этого суда было бы неблагоразумно.

Этими и подобными аргументами я несколько успокоил своих друзей, но не думаю, что в данном случае полностью убедил их в том, что на вещи надо смотреть в различных условиях по-разному. Однако на протяжении всей жизни именно верность истине научила меня высоко ценить прелесть компромисса. Позже я понял, что дух компромисса представляет собой существенную часть сатьяграхи. Не раз это угрожало моей жизни и вызывало недовольство друзей. Но истина тверда, как алмаз, и нежна, как цветок.

Протест Общества адвокатов создал мне широкую рекламу в Южной Африке. Большинство газет осудило протест и обвинило Общество в подозрительности. Реклама до некоторой степени облегчила мою работу.

XIX

Индийский конгресс Наталя

Адвокатская практика была и осталась для меня делом второстепенным. Мне необходимо было целиком сосредоточиться на общественной работе, чтобы оправдать дальнейшее пребывание в Натале. Одной петиции по поводу законопроекта, лишавшего нас избирательных прав, было мало. Чтобы повлиять на министра колоний, требовалось развернуть широкую агитации в поддержку этой петиции. Для этого нужна была постоянная общественная организация. Мы обсудили этот вопрос с шетом Абдуллой и другими друзьями и решили создать такую организацию.

Очень трудно было выбрать название для нее. Ее нельзя было отождествить ни с какой партией. Название «Конгресс» было, как я знал, непопулярно среди английских консерваторов, но Конгресс

являлся жизненным центром Индии. Я хотел популяризировать его в Натале, Было бы трусостью отказаться от этого названия. Итак, высказав все свои соображения по этому поводу, я посоветовал назвать новую организацию «Индийский конгресс Наталя», и день 22 мая стал днем рождения Индийского конгресса Наталя.

В этот день огромный зал в доме Дада Абдуллы был переполнен. Присутствовавшие восторженно встретили учреждение Конгресса. Его устав был прост. Но взносы были высокие. Только тот, кто платил пять шиллингов в месяц, мог быть членом Конгресса. Зажиточных людей убедили платить, сколько они смогут. Шет Абдулла открыл подписной лист взносом в два фунта стерлингов. Двое других знакомых подписались на такую же сумму. Я считал, что мне не следует портить подписной лист, и подписался на один фунт в месяц — сумму по моим средствам немалую.

Но я решил, что если только устроюсь, то это будет мне по средствам. И господь помог мне. В общем, у нас оказалось довольно много членов, подписавшихся на фунт в месяц. Еще больше было подписавшихся на десять шиллингов. Кроме того, кое-кто пожелал сделать пожертвования, которые были с благодарностью приняты.

Впоследствии, как показал опыт, никто не платил взносов по первому требованию. По нескольку раз обращаться за этим к членам, жившим за пределами Дурбана, было невозможно. Энтузиазм, вспыхнувший вначале, по-видимому, стал потом затухать. Даже жившим в Дурбане членам Конгресса надо было настойчиво напоминать о необходимости уплатить взносы.

Так как я был секретарем, на мне лежала обязанность собирать членские взносы. И наступило время, когда я вместе со своим помощником вынужден был заниматься этим целыми днями. Он устал от такой работы, и я подумал, что для того, чтобы исправить положение, нужно взимать взносы не ежемесячно, а ежегодно и к тому же за год вперед. Я созвал собрание Конгресса. Все одобрили мое предложение; минимальный годовой взнос был определен в три фунта стерлингов. Это значительно облегчило работу по сбору взносов.

С самого начала я решил не вести общественной работы на средства, которые нужно было одалживать. На обещания любого человека можно положиться во многих вопросах, за исключением денежных. Я никогда не встречал людей, которые бы без проволочек

уплатили обещанную сумму, и индийцы Наталя не составляли в этом смысле исключения. Индийский конгресс Наталя без наличных средств не начинал никакой работы и поэтому никогда не был в долгу.

Мои сотрудники проявили исключительный энтузиазм в привлечении в нашу организацию новых членов. Эта работа увлекала их и в то же время обогатила чрезвычайно ценным опытом. Многие охотно шли нам навстречу и уплачивали взносы вперед. В деревнях, расположенных в глубине страны, работать было труднее. Там понятия не имели, что такое общественная деятельность. Тем не менее, к нам поступали приглашения посетить весьма отдаленные уголки, и всюду крупные торговцы встречали нас гостеприимно.

Во время одной такой поездки произошел случай, поставивший нас в затруднительное положение. Мы надеялись, что наш хозяин внесет шесть фунтов стерлингов, но он отказался заплатить больше трех. Если бы мы приняли от него эту сумму, другие последовали бы его примеру, и наши сборы значительно уменьшились бы. Был поздний час, все мы проголодались. Но разве можно было сесть за стол, не получив обещанной суммы? Никакие доводы не помогали. Казалось, хозяин, был непреклонен. Его убеждали и купцы из этого же города, но все было напрасно. Мы просидели так всю ночь, а хозяин не желал прибавить ни пенса. Мы также стояли на своем. Большинство моих коллег были вне себя, но старались сдержаться. Наконец, когда уже настало утро, хозяин уступил. Он уплатил все шесть фунтов и накормил нас. Все это произошло в Тонгаате, однако слух об этом дошел даже до Станджера на Северном побережье идо Чарлстауна в глубине страны, что облегчило нашу работу по сбору взносов.

Но сбор денежных средств был не единственной формой деятельности Конгресса. Я давно уже усвоил принцип — не иметь в своем распоряжении денег больше, чем необходимо.

Обычно раз в месяц, а иногда, если в том была надобность, и еженедельно мы устраивали собрания. На собраниях зачитывали протокол предыдущего собрания и обсуждали различные вопросы. Люди не привыкли принимать участие в открытых дебатах, говорить кратко и по существу. Никто не решался взять слово. Я объяснял присутствующим, как следует вести собрание, и они подчинялись этим правилам, понимая, что это имеет для них воспитательное значение. И многие, никогда не выступавшие перед аудиторией, научились

публично обсуждать вопросы, представляющие общественный интерес. Зная, что в общественной работе маловажные нужды временами поглощают крупные суммы, я в целях экономии решил вначале не печатать даже квитанционных книжек. В конторе у меня был шапирограф,[8] с помощью которого я снимал копии с квитанций и докладов. Но и это начал делать лишь тогда, когда казна Конгресса пополнилась, а число членов и объем работы увеличились. Такая экономия очень важна для любой организации, и все же она не всегда соблюдается. Вот почему я счел необходимым остановиться на этих мелких деталях начального периода деятельности нашей маленькой, но растущей организации.

Люди редко заботятся о том, чтобы получить квитанцию за уплаченную сумму, но мы всегда настаивали, чтобы такие квитанции выдавались. Таким образом удавалось учитывать каждую паю (1/12 аны), и я смею утверждать, что даже сегодня в архивах Индийского конгресса Наталя можно найти в целости и сохранности конторские книги за 1894 год. Тщательное ведение книг — sine qua поп[9] работы любой организации. Без этого она может навлечь на себя дурную славу. Без должного ведения счетов невозможно сохранить истину в ее первозданной непорочности.

Одной из сторон деятельности Конгресса была работа с получившими образование индийцами, родившимися в колонии. Под покровительством Конгресса была создана Ассоциаций по вопросам образования индийцев — уроженцев колонии. Членами ассоциации были, главным образом, молодые люди. С них взимались номинальные членские взносы. Ассоциация была призвана выявлять их нужды и жалобы, содействовать их духовному развитию, способствовать сближению с индийскими купцами, а также привлекать их к общественной деятельности. Члены ассоциации регулярно собирались, читали и обсуждали статьи по различным вопросам. При ассоциации была создана небольшая библиотека.

В задачу Конгресса входила также пропаганда. Она заключалась в разъяснении действительного положения вещей в Натале англичанам в Южной Африке и Англии и нашим соотечественникам в Индии. С этой целью я написал две брошюры. Первая называлась «Обращение ко всем британцам Южной Африки». На основании фактов она знакомила с общим положением индийцев в Натале. Другая брошюра

— «Избирательное право индийцев. Призыв». В ней излагалась краткая история избирательного права индийцев в Натале и приводились соответствующие цифры и факты. Я затратил немало усилий на эти брошюры, но результаты оправдали мои усилия. Брошюры получили широкое распространение.

В результате своей деятельности мы завоевали многочисленных друзей для индийцев в Южной Африке и получили активную поддержку всех политических партий Индии. Для южноафриканских индийцев наметилась также четкая программа действий.

XX

Баласундарам

Горячие и чистые веления сердца всегда исполняются. В этом я часто убеждался на личном опыте. Служение бедным — таково веление моего сердца, оно всегда толкало меня к беднякам и позволяло слиться с ними.

В Индийский конгресс Наталя входили индийцы — уроженцы колонии и конторские служащие, а неквалифицированные рабочие и законтрактованные рабочие оставались за его пределами. Конгресс все еще не был для них своим. Они не в состоянии были платить взносы и в Конгресс не вступали. Конгресс мог бы завоевать их симпатии, только если бы стал служить им. Такая возможность представилась, когда ни Конгресс, ни я не были готовы к этому. Я проработал всего три или четыре месяца, и Конгресс переживал еще младенческий возраст. Ко мне явился тамил в рваной одежде, с головным убором в руках. У него были выбиты два передних зуба и весь рот в крови. Плача и дрожа всем телом, он рассказал, что его избил хозяин. Рассказ его во всех подробностях мне перевел мой конторщик, тоже тамил. Баласундарам — так звали посетителя — был законтрактованным рабочим у известного в Дурбане европейца. Рассердившись на него, хозяин вышел из себя и жестоко поколотил Баласундарама, выбив ему два зуба.

Я отправил рабочего к доктору. В то время врачи были только белые. Я хотел получить медицинское свидетельство с указанием характера нанесенных Баласундараму побоев. Получив такое свидетельство, я немедленно свел потерпевшего к судье, которому передал показания Баласундарама, данные под присягой. Прочитав их, судья возмутился и вызвал хозяина повесткой в суд.

Я отнюдь не стремился к тому, чтобы хозяин понес наказание, а хотел только, чтобы он отпустил Баласундарама. Закон о законтрактованных рабочих был мне известен. Если обыкновенный слуга бросал службу без предупреждения, хозяин мог предъявить ему иск через гражданский суд. Положение же законтрактованного рабочего было совсем иным. При подобных же обстоятельствах он отвечал перед уголовным судом и в случае вынесения обвинительного

приговора подлежал тюремному заключению. Вот почему, как сказал сэр Уильям Хантер, система вербовки рабочих почти то же, что рабство. Как и рабы, законтрактованные рабочие были собственностью хозяев.

Освободить Баласундарама можно было только одним из двух способов: либо заставить протектора по делам законтрактованных рабочих аннулировать контракт (или передать этот контракт кому-нибудь другому), либо заставить хозяина Баласундарама освободить его. Я пошел к хозяину и сказал ему:

— Я не хочу возбуждать против вас дело и добиваться наказания для вас. Полагаю, вы понимаете, как жестоко вы избили человека. Я удовольствуюсь тем, что вы передадите контракт кому-нибудь другому.

Он охотно согласился. Тогда я обратился к протектору по делам законтрактованных рабочих. Тот тоже дал согласие при условии, что я найду нового хозяина для Баласундарама.

Я занялся поисками предпринимателя. Нужен бы европеец, так как индийцы не имели права держать законтрактованных рабочих. У меня в то время знакомых среди европейцев было мало. Я обратился к одному из них, и он согласился взять к себе Баласундарама. Я поблагодарил его за любезность. Мировой судья признал виновным хозяина Баласундарама и занес в протокол, что он обязался передать законтрактованного рабочего другому лицу.

Дело Баласундарама стало известно всем законтрактованным рабочим, и они теперь считали меня своим другом. Я от всей души радовался этой дружбе. Ко мне в контору приходило много законтрактованных рабочих, и я получил прекрасную возможность ознакомиться с их радостями и горестями.

Весть о деле Баласундарама дошла даже до Мадраса. Рабочие из разных мест этой провинции, прибывшие в Наталь по контракту, узнавали об этом от своих законтрактованных собратьев.

Само по себе дело не представляло ничего особенного, но уже сам факт, что в Натале нашелся человек, занявшийся законтрактованными рабочими и публично выступивший в их защиту, был для них событием радостным и обнадеживающим.

Я уже отметил, что Баласундарам вошел ко мне в контору, держа головной убор в руках. Эта черточка характерна для поведения человека, привыкшего к унижениям. Я уже говорил об инциденте в

суде, когда от меня потребовали снять тюрбан. Все законтрактованные рабочие и вообще индийцы обязаны были снимать головной убор в присутствии европейца, была ли то фуражка, тюрбан или шарф, обмотанный вокруг головы. Приветствие, хотя бы обеими руками, считалось недостаточным. Баласундарам полагал, что должен соблюсти это правило также и в отношении меня. Это был первый случай в моей практике. Я почувствовал себя неловко и попросил его надеть шарф. Он не сразу решился на это, но я заметил выражение удовольствия на его лице.

Для меня всегда было загадкой, как могут люди считать для себя почетным унижение ближнего.

XXI

Налог в 3 фунта стерлингов

В деле Баласундарама я столкнулся с законтрактованными индийцами. Однако серьезно заняться изучением их положения побудила меня кампания об установлении для них тяжелого особого налога.

В том же 1894 году правительство Наталя предполагало обложить законтрактованных индийцев ежегодным налогом в 25 фунтов стерлингов. Этот проект поразил меня. Я поставил вопрос об этом на обсуждение Конгресса, и было решено немедленно организовать сопротивление этому мероприятию. Следует вкратце объяснить происхождение этого налога. Приблизительно в 1860 году европейцы в Натале нуждались в рабочей силе для возделывания сахарного тростника и производства сахара. Это было невозможно без ввоза рабочих из других стран, так как жившие в Натале зулусы для такой работы не годились. Правительство в Натале снеслось с индийским правительством и получило разрешение на вербовку рабочих. Завербованные рабочие должны были подписывать контракт, обязывавший их отработать в Натале пять лет. По истечении этого срока им предоставлялась возможность поселиться в Натале и приобрести землю на правах полной собственности. Обещание таких прав послужило приманкой, которая необходима была в то время белым, так как они рассчитывали поднять свое сельское хозяйство при помощи индийских рабочих, отслуживших срок по контракту.

Но индийцы дали больше, чем от них ожидали. Они развели в большом количестве овощи, стали возделывать многие культуры, привезенные из Индии, дали возможность выращивать дешевле местные сорта, внедрили культуру манго. При этом индийцы не ограничились сельским хозяйством, а занялись и торговлей. Они покупали земельные участки также и для строительства. Многие простые рабочие стали землевладельцами и домовладельцами. За ними из Индии последовали купцы. Покойный шет Абубакар Амод был одним из первых среди них. Он довольно быстро основал крупное дело. Белые купцы забили тревогу. Когда они желали приезда индийских рабочих, они не учитывали их деловых способностей. Они еще готовы были примириться с тем, что индийцы станут независимыми землевладельцами, но не могли допустить конкуренции в торговле.

Так были посеяны первые семена вражды к индийцам. Другие факторы способствовали ее углублению. Наш особый образ жизни, простота, умение довольствоваться небольшой прибылью, равнодушие к правилам гигиены и санитарии и скаредность, если речь шла о необходимости поддерживать свои дома в хорошем состоянии, — все это в сочетании с религиозными различиями раздувало пламя вражды. В законодательстве вражда эта нашла отражение в законопроектах о лишении нас избирательных прав и об обложении налогом законтрактованных индийцев. Помимо этого, были проведены и другие меры, направленные на ущемление прав и достоинства индийцев.

Первое предложение было о принудительной репатриации индийских рабочих с таким расчетом, чтобы срок их контрактов истекал уже в Индии. Но на это не согласилось бы индийское правительство. Тогда было внесено другое предложение:

1) законтрактованный рабочий по истечении срока контракта должен возвратиться в Индию; или же

2) подписывать каждые два года новый контракт, причем при возобновлении контракта он получает прибавку;

3) в случае отказа вернуться в Индию или возобновить контракт рабочий должен платить ежегодный налог в 25 фунтов стерлингов.

В Индию была послана делегация в составе сэра Генри Биннса и м-ра Мейсона с целью добиться одобрения этого предложения

индийским правительством. Вице-королем Индии был в то время лорд Элджин. Он отверг налог в 25 фунтов, но согласился на установление подушного налога в 3 фунта.

— Я считал тогда и убежден до сих пор, что это был серьезный промах со стороны вице-короля. Давая такое согласие, он совершенно не подумал об интересах Индии. В его обязанности совсем не входило оказывать услуги европейцам в Натале.

Законтрактованный рабочий, имеющий жену, сына старше шестнадцати лет и дочь старше тринадцати лет, должен был платить налог с четырех человек в размере 12 фунтов в год, а между тем средний доход главы семьи никогда не превышал 14 шиллингов в месяц. Такого чудовищного налога не существовало ни в одной стране. Мы развернули бурную кампанию протеста. Если бы не вмешался Индийский конгресс Наталя, вице-король, пожалуй, согласился бы и на налог в 25 фунтов. Снижение его до 3 фунтов было, по-видимому, всецело результатом агитации Конгресса. Впрочем, может быть, я ошибаюсь. Возможно, что независимо от сопротивления Конгресса индийское правительство с самого начала отвергло бы налог в 25 фунтов стерлингов и сократило бы его до 3 фунтов. Во всяком случае санкционирование налога представляло собой злоупотребление доверием со стороны индийского правительства. Вице-королю как лицу, ответственному за благосостояние Индии, ни в коем случае не следовало бы одобрять этот бесчеловечный налог.

Конгресс не мог расценить сокращение налога с 25 до s 3 фунтов стерлингов как большое достижение. Сожалели, что не удалось полностью отстоять интересы законтрактованных индийцев. Конгресс сохранил решимость освободить индийцев от уплаты этого налога, однако прошло двадцать лет, прежде чем этого удалось добиться. Но это явилось результатом усилий индийцев уже не только Наталя, а всей Южной Африки. Вероломство по отношению к ныне покойному м-ру Гокхалестало поводом для последней кампании, в которой приняли участие все законтрактованные индийцы. В этой борьбе некоторые из них поплатились жизнью — они были расстреляны, а свыше десяти тысяч брошены в тюрьмы.

Однако истина в конце концов восторжествовала. Страдания индийцев были выражением этой истины. Но истина не победила бы, если бы не было твердой веры, огромного терпения и непрестанных

усилий. Если бы община прекратила борьбу, если бы Конгресс свернул кампанию и принял налог как нечто неизбежное, ненавистную подать продолжали бы взимать с законтрактованных индийцев до сего дня к вечному стыду индийцев Южной Африки и всей Индии.

XXII

Сравнительное изучение религий

Если я оказался всецело поглощен служением общине, то причина этого заключалась в моем стремлении к самопознанию. Я сделал своей религией религию служения, так как чувствовал, что только так можно познать бога. Служение было для меня служением Индии, потому что оно пришло ко мне без исканий, просто я имел склонность к этому. Я отправился в Южную Африку, чтобы попутешествовать, а также избежать катхиаварских интриг и добывать самому средства к жизни. Но, как я уже говорил, я обрел себя в поисках бога и в стремлении к самопознанию. Друзья христиане пробудили во мне жажду знаний, которая стала почти неутолимой, и даже если бы мне захотелось быть равнодушным, они не оставили бы меня в покое. Меня разгадал глава южноафриканской генеральной миссии в Дурбане м-р Спенсер Уолтон. Я стал почти членом его семьи. Конечно, предпосылкой для этого знакомства были мои связи с христианами в Претории. М-р Уолтон действовал весьма своеобразно. Я не помню, чтобы он когда-либо предлагал мне принять христианство. Но он раскрыл передо мной свою жизнь и предоставил мне возможность проследить все его поступки.

М-с Уолтон была кроткая и одаренная женщина. Мне нравилось отношение ко мне этой пары. Мы знали, что между нами существуют глубокие расхождения. Никакие дискуссии не могли бы сгладить их. Но и расхождения оказываются полезными там, где есть терпимость, милосердие и истина. Мне нравились смирение и настойчивость м-ра и м-с Уолтон, их преданность делу. Мы встречались очень часто.

Эта дружба поддерживала мой интерес к религии. Теперь я уже не мог уделять столько времени изучению религии, как в Претории. Но я использовал и тот небольшой досуг, каким располагал. Моя переписка по вопросам религии продолжалась. Райчандбхай направлял меня. Один из друзей прислал мне книгу Нармадашанкара «Дхарма Вичар» и

предисловие в ней во многом помогло мне. Я слышал, что поэт жил жизнью богемы, и описание в предисловии переворота, происшедшего с ним благодаря изучению религии, пленило меня. Я полюбил эту книгу и внимательно перечитал ее. С интересом прочел я и книгу Макса Мюллера «Индия — чему она может научить нас?», а также опубликованный Теософическим обществом перевод «Упанишад». Эти книги увеличили мое уважение к индуизму, его очарование все более захватывало меня. Однако я не стал предубежденно относиться к другим религиям. Я прочел «Жизнь Магомета и его преемников» Вашингтона Ирвинга и панегирик пророку Карлейля. Эти книги возвысили Мухаммеда в моих глазах. Я также прочел книгу, называвшуюся «Так говорил Заратустра».[10]

Таким образом, я приобрел больше знаний о различных религиях. Изучение их способствовало развитию самоанализа и привило мне привычку осуществлять на практике все, что привлекало меня во время занятий. Так, я начал делать некоторые упражнения по системе йогов в той мере, в какой смог понять, в чем они заключаются, из описания, приведенного в индусских книгах. Мне не удалось далеко продвинуться в этих упражнениях, и я решил, что, когда вернусь в Индию, продолжу свои занятия под руководством какого-нибудь специалиста. Но желание это так и осталось неосуществленным.

Я усиленно изучал также произведения Толстого. «Краткое евангелие», «Так что же нам делать?» и другие его книги произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже понимал безграничные возможности всеобъемлющей любви.

Примерно в это же самое время я познакомился еще с одной христианской семьей. По ее предложению я каждое воскресенье посещал методистскую церковь. В этот день меня всегда приглашали и на обед. Церковь не произвела на меня хорошего впечатления. Проповеди показались невдохновляющими. Прихожане не поразили никакой особой религиозностью. Они были не собранием набожных душ, а скорее по-мирски мыслящими людьми, которые посещают церковь для развлечения или в соответствии с обычаем. Иногда я невольно начинал дремать во время богослужения. Мне было стыдно, но чувство стыда облегчалось тем, что некоторые из моих соседей тоже клевали носом. Я не смог посещать подобные богослужения долгое время. Моя связь с семьей, которую я обычно навещал каждое

воскресенье, порвалась внезапно. Можно сказать, мне предложили прекратить визиты. Случилось это так. Хозяйка была добрая и простая, но несколько ограниченная женщина. Мы много говорили на религиозные темы. Я тогда перечитывал «Свет Азии» Арнолда. Однажды мы начали сравнивать жизнь Иисуса с жизнью Будды.

— Вспомните Гаутаму сострадающего — сказал я. — Его сострадание распространялось не только на человечество, но и на все живые существа. Разве душа не переполняется умилением при взгляде на агнца, лежащего на его плечах? Этой любви ко всем живым существам нет у Иисуса.

Такое сравнение огорчило добрую женщину. Я понял ее чувства, прекратил разговор, и мы перешли в столовую. Ее сын, настоящий херувим, едва достигший пяти лет, тоже был с нами. Я чувствую себя самым счастливым человеком, когда нахожусь среди детей, а с этим малышом мы давно уже были друзьями. Я с пренебрежением отозвался о куске мяса, лежавшем на его тарелке, и принялся расхваливать яблоко, лежавшее на моей. Невинный малыш был увлечен и вслед за мной стал восхвалять яблоко.

А мать? Она была в ужасе.

Мне сделали замечание. Я переменил тему разговора. На следующей неделе я, как обычно, навестил семью, не понимая, что мне следует прекратить визиты, да и не считая, что это было бы правильно. Но добрая женщина внесла ясность в создавшееся положение.

— М-р Ганди, — сказала она, — пожалуйста, не обижайтесь на меня. Я считаю своим долгом сказать вам, что ваше общество отнюдь не благоприятным образом действует на мальчика. Каждый день он колеблется, есть ли ему мясо, и просит фрукты, напоминая мне о ваших доводах. Это уж слишком.

Если он не будет есть мясо, он ослабеет, если не заболеет. Я не в состоянии переносить это. Отныне вы должны разговаривать только с нами, взрослыми. Ваши беседы, очевидно, плохо влияют на детей.

— М-с… — ответил я, — мне очень жаль, что так получилось. Я понимаю ваши родительские чувства, так как у меня самого есть дети. Мы можем очень просто покончить с этим неприятным положением. То, что я ем и от чего отказываюсь, больше влияет на ребенка, чем мои

слова. Поэтому лучше всего мне вообще прекратить посещения. Это, конечно, не должно повлиять на нашу дружбу.

— Благодарю вас, — сказала она с явным облегчением.

XXIII

В качестве хозяина дома

Обзаводиться хозяйством было для меня не ново. Однако хозяйство мое в Натале отличалось от того, какое было у меня в Бомбее и Лондоне. На этот раз часть расходов производилась исключительно ради престижа. Мне казалось необходимым, чтобы мое хозяйство соответствовало моему положению индийского адвоката и представителя общественности в Натале. Поэтому я поселился в прекрасном маленьком домике, в хорошем районе. Домик был также соответственным образом обставлен. Еда была простой, но так как я обычно приглашал к себе на обед друзей англичан и индийских товарищей по работе, то расходы на ведение домашнего хозяйства всегда были очень велики.

В каждом хозяйстве нужен хороший слуга. Но я не представлял себе, что можно обращаться с кем бы то ни было как со слугой.

Моим помощником, а также поваром был мой приятель, который стал членом семьи. Были у меня и конторские служащие, которые также столовались и жили вместе со мной.

Я полагаю, что мой эксперимент был успешным, но его несколько омрачили горькие жизненные переживания.

Мой приятель был очень умен и, как я думал, предан мне. Но оказалось, что я заблуждался. Он воспылал завистью к одному из конторских служащих, который жил у меня, и сплел вокруг него такую паутину, что я стал подозрительно относиться к клерку. Клерк был человек с характером. Увидев, что он вызывает у меня подозрения, клерк тотчас оставил мой дом и службу. Меня это огорчило. Я чувствовал, что, вероятно, был несправедлив к нему, и мучился угрызениями совести.

Тем временем повару потребовался отпуск на несколько дней. На время его отсутствия пришлось пригласить другого.

Потом я заметил, что новый повар был бездельником. Но мне он был послан богом. Поселившись у меня, он уже через два-три дня

обнаружил непорядки, творившиеся под моей крышей без моего ведома, и решил предупредить меня. Я слыл доверчивым и прямым человеком. Поэтому непорядки эти тем более удивили его. Я приходил из конторы домой завтракать всегда к часу дня. Однажды, примерно часов в двенадцать, повар, запыхавшись, вбежал в контору.

— Пожалуйста, скорее идите домой, — сказал он. — Там творится неладное.

— Но что там такое? — спросил я. — Скажите же, в чем дело. Не могу же я оставить сейчас контору, чтобы бежать туда.

— Пожалеете, если не пойдете. Это все, что я могу сказать.

На меня подействовала его настойчивость. Я направился домой в сопровождении одного из клерков и повара, который шел впереди нас. Он провел меня прямо на верхний этаж и, указав на комнату моего приятеля, сказал:

— Откройте дверь и посмотрите сами.

Я все понял; постучал в дверь. Никакого ответа! Постучал сильнее, так, что затряслись стены. Дверь отворилась. В комнате я увидел проститутку. Я велел ей оставить дом и никогда сюда больше не приходить.

Приятелю я сказал:

— С этого момента между нами все кончено. Я жестоко обманут и одурачен. Вот как вы отплатили мне за доверие!

Вместо того чтобы раскаяться, он стал угрожать мне разоблачением.

— Меня не в чем разоблачать, — сказал я. — Можете рассказывать о любых моих поступках. Но немедленно покиньте мой дом.

Это еще больше обозлило его. У меня не оставалось выхода, кроме как сказать клерку, стоявшему внизу:

— Пожалуйста, пойдите и передайте старшему полицейскому офицеру, что человек, живущий в моем доме, дурно ведет себя. Я не желаю, чтобы он оставался в моем доме, но он отказывается покинуть его. Буду очень благодарен, если мне пришлют на помощь полицию.

Поняв, что я не шучу, он испугался; извинившись передо мной, он умолял не сообщать полиции о происшедшем и согласился немедленно оставить мой дом, что и сделал.

Этот случай оказался своевременным предупреждением для меня. Только теперь я понял, как жестоко был обманут этим моим злым

гением. Приютив его, я избрал плохое средство для достижения хорошей цели. Я намеревался «собирать фиги с чертополоха». Я знал, что мой приятель нехороший человек, и все же верил, что он предан мне. Пытаясь перевоспитать его, я чуть не погубил себя. Я пренебрег предостережением добрых друзей. Пристрастие совершенно ослепило меня.

Не появись в доме новый повар, я никогда не узнал бы истины и, находясь под влиянием этого приятеля, был бы, вероятно, не в состоянии вести независимую жизнь, которую я тогда начинал. Мне пришлось бы всегда попусту тратить время на него. А он держал бы меня в неведении и обманывал.

Но бог, как и прежде, пришел мне на помощь. Мои намерения были чисты, и поэтому я был спасен, несмотря на свои ошибки. Этот жизненный урок послужил мне предостережением на будущее.

Повар был мне ниспослан небом. Он не умел готовить и не мог остаться у меня в качестве повара. Но никто другой не смог бы открыть мне глаза. Как я узнал потом, в мой дом приводили женщину не раз. Она часто приходила и раньше, но ни у кого не нашлось смелости сказать мне об этом, ибо все знали, как слепо верил я своему приятелю. Повар был послан мне как бы лишь для того, чтобы выполнить эту задачу, так как он тотчас же попросил разрешения уйти от меня.

— Не могу оставаться в вашем доме, — сказал он. — Вас так легко провести. Здесь не место для меня.

Я отпустил его.

Теперь я вспомнил, что именно этот приятель наговаривал мне на клерка. Я всячески старался загладить свою вину перед клерком за несправедливость к нему, но чувствовал, что так и не смог добиться этого, о чем всегда сожалел. Трещина остается трещиной, как бы вы ни старались ее заделать.

XXIV

Домой

Прошло уже три года, как я приехал в Южную Африку. Я познакомился с живущими здесь индийцами, и они узнали меня. В 1896 году я попросил разрешения поехать на полгода домой, в Индию,

так как чувствовал, что останусь в Южной Африке надолго. Я имел теперь довольно хорошую практику и убедился, что нужен людям. Поэтому я решил отправиться на родину, взять жену и детей, затем вернуться и обосноваться здесь. Вместе с тем я считал, что, приехав в Индию, сумею проделать там некоторую работу в целях воздействия на общественное мнение и пробуждения интереса к положению индийцев в Южной Африке. Вопрос о налоге в 3 фунта стерлингов все еще не был решен. Пока не был отменен этот налог, не могло быть мира.

Но кто в мое отсутствие возглавит работу Конгресса и Ассоциации по вопросам образования? Я думал о двух кандидатурах: Адамджи Миякхане и парсе Рустомджи. Среди коммерсантов теперь было много подходящих для дела работников. Но наиболее выдающимися из тех, кто мог регулярно выполнять обязанности секретаря, а также пользоваться уважением индийской общины, были эти двое. Конечно, секретарь должен достаточно знать английский язык. Я рекомендовал Конгрессу Адамджи Миякхана, и Конгресс утвердил его назначение в качестве секретаря. Опыт показал, что этот выбор был очень удачен. Адамджи Миякхан отличался настойчивостью, терпимостью, любезностью и учтивостью и доказал всем, что для работы секретарем не обязательно нужен человек с дипломом адвоката или с высшим образованием, полученным в Англии.

Примерно в середине 1896 года я отплыл домой на судне «Понгола», направлявшемся в Калькутту. Пассажиров на борту было совсем немного. Среди них два английских чиновника, с которыми я близко познакомился. С одним из них мы по часу в день играли в шахматы.

Корабельный врач дал мне самоучитель языка тамилов, который я начал изучать. Мой опыт работы в Натале показал, что мне нужно изучить урду, чтобы сблизиться с мусульманами, и тамильский язык, чтобы сблизиться с мадрасскими индийцами.

По просьбе приятеля англичанина, вместе с которым мы читали на урду, я отыскал среди палубных пассажиров хорошего переводчика, владевшего этим языком, и мы добились блестящих результатов в занятиях. У чиновника память была лучше моей. Раз встретив слово, он уже не забывал его. Мне же нередко с трудом удавалось разобрать

буквы в тексте урду. Я проявлял большую настойчивость, но не смог превзойти чиновника.

Успешно шло у меня и изучение тамильского языка. Помочь мне никто не мог, однако самоучитель оказался хорошим пособием и я не ощущал необходимости в посторонней помощи.

Я надеялся продолжить изучение языков в Индии, но это оказалось невозможным. Большую часть того, что я прочел начиная с 1893 года, я читал в тюрьме. Там я достиг некоторых успехов в изучении языков тамили и урду: тамили — в южно-африканских тюрьмах, урду — в Иервадской тюрьме. Но я никогда не мог говорить на языке тамилов, а то немногое, что я усваивал благодаря умению читать по-тамильски, теперь забывается из-за отсутствия практики. До сих пор я чувствую, какая помеха в моей деятельности это мое незнание языка тамили или телугу. Любовь, которой меня окружили в Южной Африке дравиды, оставалась одним из самых светлых воспоминаний. Встретив тамила или телугу, не могу не вспомнить, с какой верой, настойчивостью, самопожертвованием многие из их соотечественников включались в борьбу в Южной Африке. Причем в большинстве своем и мужчины и женщины были неграмотными. Борьба в Южной Африке шла ради них, и вели ее неграмотные солдаты; это была борьба ради бедняков, и бедняки участвовали в ней. Однако незнание их языка никогда не мешало мне завоевывать сердца этих простых и добрых соотечественников. Они говорили на ломаном хиндустани или на ломаном английском, и нам было нетрудно работать сообща. Но мне хотелось завоевать их любовь знанием языков тамили и телугу. В овладении тамили, как уже говорилось, я добился некоторых успехов, однако в языке телугу, которым я пытался заниматься в Индии, я не пошел дальше алфавита. Боюсь, что теперь никогда уже не выучу эти языки, но надеюсь, что дравиды выучат хиндустани. В Южной Африке те из них, кто не знает английского, действительно, говорят, пусть посредственно, на хиндустани. Лишь владеющие английским языком не хотят учить хиндустани, словно знание английского является препятствием к изучению наших собственных языков.

Однако я отвлекся. Позвольте мне закончить рассказ о моем путешествии. Должен представить читателям капитана судна «Понгола». Мы с ним стали друзьями. Капитан принадлежал к секте плимутских братьев. Наши разговоры больше касались тем духовных,

чем мирских. Капитан проводил различие между нравственностью и верой. Библейское учение казалось ему детской игрой. Обаяние этого учения заключалось для него в его простоте. Пусть все — мужчины, женщины, дети, говорил он, верят в Иисуса и его жертву, и их грехи обязательно будут отпущены. Новый друг оживил в моей памяти образ плимутского брата из Претории. Религию, которая накладывала какие-нибудь нравственные ограничения, он считал никуда не годной. Поводом для наших дискуссий послужила моя вегетарианская пища. Почему я не должен есть мясо? Разве бог не создал всех низших животных на радость человеку, подобно тому как он создал, например, царство растений? Эти вопросы неизбежно приводили нас к спорам на религиозные темы.

Мы не могли убедить друг друга. Я отстаивал мнение, что религия и мораль тождественны. Капитан верил в правоту противоположного убеждения.

После двадцатичетырехдневного приятного путешествия я высадился в Калькутте, восхитившись красотой Хугли, и в тот же день поездом выехал в Бомбей.

XXV

В Индии

По дороге в Бомбей поезд остановился на 45 минут в Аллахабаде. Я решил воспользоваться остановкой, чтобы осмотреть город. Кроме того, мне нужно было купить лекарство. Полусонный аптекарь долго возился, отпуская его мне, и, — когда я, наконец, вернулся на вокзал, поезд уже пошел. Начальник станции ради меня любезно задержал поезд на минуту, но, видя, что меня еще нет, распорядился, чтобы мой багаж вынесли из вагона на платформу.

Я остановился в гостинице Кельнера и решил немедленно приняться за дело. Я много слышал о газете «Пайонир», издававшейся в Аллахабаде, и считал ее органом, враждебным устремлениям индийцев. Помнится, редактором ее в то время был м-р Чеснимладший. Мне хотелось заручиться поддержкой всех партий, и я начал с того, что написал м-ру Чесни записку, в которой объяснил, что опоздал на поезд, и просил принять меня, прежде чем я уеду завтрашним поездом. Он тотчас же пригласил меня к себе, чем я был

очень обрадован, особенно когда убедился, что он слушает меня внимательно. Чесни обещал отмечать в своей газете все, о чем я буду писать, но добавил, что не может гарантировать мне поддержку всех требований индийцев, так как должен считаться также с точкой зрения англичан.

— Вполне достаточно, если вы займетесь изучением вопроса и обсудите его в своей газете. Я прошу и хочу только простой справедливости, на которую мы имеем право, — сказал я.

Остаток дня я провел, любуясь великолепным зрелищем — слиянием трех рек — Тривени и обдумывая планы предстоящей работы.

Неожиданная беседа с редактором «Пайонир» положила начало ряду событий, которые в конечном итоге привели к тому, что меня линчевали в Натале.

Не останавливаясь в Бомбее, я проехал прямо в Раджкот и начал работать над брошюрой о положении в Южной Африке. На составление брошюры и печатание ее ушло около месяца, Брошюра вышла в зеленой обложке и потому впоследствии стала известна под названием «Зеленая брошюра». Рисуя положение индийцев в Южной Африке, я нарочно смягчил краски. Тон был взят более умеренный, чем в двух предыдущих брошюрах, о которых я уже рассказывал. Я знал, что факты, переданные на расстоянии, становятся более внушительными, чем в действительности.

Брошюра вышла тиражом в десять тысяч экземпляров и была разослана редакциям всех газет и лидерам всех пар… тий Индии. Первым редакционную статью о ней поместил «Пайонир». Агентство Рейтер передало в Англию по телеграфу краткое изложение брошюры, а лондонское отделение агентства Рейтер послало, еще более сократив его содержание, в Наталь, Телеграмма в Наталь была не длиннее трех строк. Мое описание того, как обращаются с индийцами в Натале, было доведено до минимального размера и искажено. Кроме того, все излагалось уже не моими словами. Дальше мы увидим, к каким последствиям это привело в Натале. А пока все крупные газеты подробно обсуждали поднятый мною вопрос.

Разослать экземпляры брошюры почтой было делом нелегким. Я вынужден был бы прибегнуть к платным услугам по упаковке и т. п., и это обошлось бы слишком дорого. Но я позвал детей, живших по-

соседству, и попросил их пожертвовать мне на упаковку часа два-три утром, до школьных занятий. Они охотно согласились. Я обещал благословить их и подарить им за это погашенные почтовые марки, которые собрал. Они справились с работой необычайно быстро. То был мой первый опыт в привлечении детей в качестве добровольцев. Двое из них, моих маленьких друзей, стали впоследствии моими товарищами по работе.

В это время в Бомбее вспыхнула чума. Всюду началась паника. Опасались, что эпидемия распространится и на Раджкот. Я считал, что смогу принести некоторую пользу в санитарном отряде, и предложил правительству свои услуги. Они были приняты, и меня ввели в состав комиссии, которая должна была заняться этим вопросом. Я особенно настаивал на очистке отхожих мест, и комиссия решила проверить их состояние во всем городе. Бедняки не возражали против осмотра и, что еще важнее, выполняли указания, которые делала комиссия относительно улучшения состояния отхожих мест. Но когда мы добрались до домов богачей, то некоторые отказывались даже впустить нас и уж, конечно, совершенно не обращали внимания на наши предложения. В общем, у нас у всех создалось впечатление, что уборные в богатых домах были гораздо грязнее. Они были темны, зловонны, полны отбросов и кишели червями. Улучшения, предложенные нами, были очень просты, например: иметь бадью для экскрементов, вместо того чтобы выбрасывать их на землю; следить за тем, чтобы мочу также собирали в бадью, а не выливали на землю; снести перегородку между наружной стеной и уборной, чтобы в уборной было больше света и воздуха, и дать возможность мусорщику как следует чистить уборные. Высшие классы выдвинули многочисленные возражения против этого мероприятия и в большинстве случаев его не осуществляли.

Комиссия должна была также осмотреть кварталы неприкасаемых. Только один из членов комиссии согласился сопровождать меня туда. Остальным посещение этих кварталов представлялось какойто нелепостью, тем более осмотр отхожих мест там. Но для меня кварталы неприкасаемых оказались приятным сюрпризом. Я впервые заглянул туда. Мужчины и женщины были удивлены нашим посещением. Я попросил разрешения осмотреть уборные.

— У нас — уборные? — с изумлением воскликнули они. — Мы оправляемся на открытом воздухе. Уборные нужны вам, важным людям.

— Ну хорошо, в таком случае вы разрешите нам осмотреть ваши дома? — осведомился я.

— Милости просим, сэр. Можете осмотреть все углы и закоулки в наших домах. У нас не дома, а норы.

Я вошел и с удовольствием увидел, что внутри была такая же чистота, как и снаружи. Перед входом было чисто выметено, полы аккуратно покрыты коровьим навозом, а немногочисленные горшки и блюда блестели и сверкали. Можно было не опасаться, что в этом квартале вспыхнет эпидемия.

В кварталах высшего класса мы натолкнулись на уборную, которую невозможно не описать. В каждой комнате был сделан сток. Его использовали и для воды, и для мочи. В результате весь дом был полон зловонием. В другом доме сток для мочи и кала шел из спальни, расположенной на втором этаже, по трубе, спускавшейся на первый этаж. Терпеть отвратительную вонь, стоявшую в этой комнате, было невозможно. Каким образом жильцы умудрялись спать в этом зловонии — пусть читатель сам представит себе.

Комиссия посетила также хавели вишнуитов. Жрец хавели был в дружественных отношениях с моей семьей. Поэтому он согласился дать нам возможность полностью все осмотреть и обещал сделать все необходимые улучшения. Мы обнаружили в храме места, которые он и сам видел впервые. В углу у стены была свалка отбросов и листьев, использованных вместо тарелок. Там гнездились вороны и коршуны. Уборные были, конечно, грязные. Вскоре я уехал из Раджкота и не знаю, какие из предложенных нами мероприятий были выполнены жрецом. Мне было неприятно видеть такую грязь в месте богослужения. Казалось бы, можно было ожидать тщательного соблюдения правил чистоты и гигиены в помещении, считавшемся святым. Авторы «Смрити», насколько я уже тогда знал, особенно настаивали на необходимости соблюдать внутреннюю и внешнюю чистоту.

XXVI

Два увлечения

Пожалуй, я не знаю никого, кто так лояльно относился бы к британской конституции, как я. Я понимаю теперь, что был при этом совершенно искренен. Я никогда не мог бы изображать лояльность, как и любую другую добродетель. На каждом собрании, которое я посещал в Натале, исполнялся государственный гимн. Тогда мне казалось, что и я должен принимать участие в его исполнении. Нельзя сказать, чтобы я не замечал недостатков британского управления, но в ту пору я считал, что в целом оно вполне приемлемо и даже благодетельно для управляемых.

Я полагал, что расовые предрассудки, с которыми я столкнулся в Южной Африке, явно противоречат британским традициям и что это явление временное и носит местный характер. Поэтому в лояльности по отношению к трону я соперничал с англичанами. Я тщательно заучил мотив национального гимна и всегда принимал участие в его исполнении. Всюду, где представлялся случай выказать лояльность без шума и хвастовства, я охотно делал это.

Никогда в жизни не спекулировал я на своей лояльности, никогда не стремился добиться таким путем личной выгоды. Лояльность была для меня скорее обязательством, которое я выполнял, не рассчитывая на вознаграждение.

Когда я приехал в Индию, там готовились праздновать шестидесятилетие царствования королевы Виктории. Меня пригласили участвовать в комиссии, созданной для этой цели в Раджкоте. Я принял предложение, но у меня зародилось опасение, что празднество получится показным. Я видел вокруг подготовки к нему много пустой шумихи, и это произвело на меня тягостное впечатление. Я начал раздумывать, следует ли мне работать в комиссии, но в конце концов решил довольствоваться той лептой, которую мог внести в это дело, оставаясь членом комиссии.

Одним из подготовительных мероприятий была посадка деревьев. Я видел, что многие делают это лишь напоказ или стараясь угодить властям. Я пытался убедить членов комиссии, что посадка деревьев не обязательна, а только желательна; этим надо заниматься либо серьезно, либо совсем не браться за дело. У меня создалось впечатление, что над

моими идеями смеются. Помнится, я очень серьезно отнесся к делу, посадил свое деревцо, тщательно поливал его и ухаживал за ним.

Я научил своих детей петь национальный гимн. Помню, что обучал тому же учащихся местного педагогического колледжа, но забыл, было ли это по случаю шестидесятилетия царствования королевы Виктории, или по случаю коронования короля Эдуарда VII императором Индии. Впоследствии от слов гимна меня стало коробить. Когда же мое понимание ахимсы стало более зрелым, я начал больше следить за своими мыслями и словами. Особенно расходилось с моим пониманием ахимсы то место в гимне, где поют:

Рассей ее врагов,
И пусть они погибнут;
Спутай их политику,
Разоблачи их мошеннические хитрости.

Я поделился своими чувствами с д-ром Бутом, и он согласился, что верящему в ахимсу едва ли стоит петь эти строки. Почему так называемые «враги» являются «мошенниками»? Или потому, что они враги, они обязательно должны быть неправы? Справедливости мы можем просить только у бога. Д-р Бут всецело одобрил мои чувства и сочинил новый гимн для своей паствы. Но о д-ре Буте речь будет впереди.

Склонность ухаживать за больными, как и лояльность, глубоко коренилась в моей натуре. Я любил ухаживать за больными — знакомыми и незнакомыми.

В то время как я писал в Раджкоте брошюру о Южной Африке, мне представился случай съездить ненадолго в Бомбей. Я хотел воздействовать на общественное мнение в городах по этому вопросу путем организации митингов и для начала избрал Бомбей. Прежде всего я обратился к судье Ранаде, который внимательно выслушал меня и посоветовал обратиться к Фирузшаху Мехте. Затем я встретился с судьей Бадруддином Тьябджи, и он мне посоветовал то же самое.

— Мы с судьей Ранаде мало чем можем вам помочь, — сказал он. — Вы знаете наше положение. Мы не можем принимать активное участие в общественных делах, но наши симпатии принадлежат вам. Сэр Фирузшах Мехта — вот кто сможет быть вам полезен.

Разумеется, мне хотелось повидаться с сэром Фирузшахом Мехтой, а тот факт, что эти почтенные люди рекомендовали мне действовать в соответствии с его советами, еще больше свидетельствовал о его огромном влиянии. В назначенный час я встретился с ним. Я ожидал, что испытаю в его присутствии благоговейный трепет. Я слышал о популярных прозвищах, которыми его наделяли, и приготовился увидеть «льва Бомбея», некоронованного «короля Бомбейского президентства».

Но король не подавлял. Он встретил меня, как любящий отец встречает своего взрослого сына. Встреча произошла в его комнате. Он был окружен друзьями и последователями. Среди них были м-р Д. Вача и м-р Кама, которым меня представили. О м-ре Вача я уже слышал. Его называли правой рукой фирузшаха, и адвокат Вирчанд Ганди говорил мне о нем как о крупном статистике. Прощаясь, м-р Вача сказал:

— Ганди, мы должны встретиться.

На представления ушло едва ли больше двух минут. Сэр Фирузшах внимательно выслушал меня. Я сообщил ему, что уже встречался с судьями Ранаде и Тьябджи.

— Ганди, — сказал он, — вижу, что должен помочь вам.

Я созову здесь митинг.

С этими словами он повернулся к своему секретарю м-ру Мунши и просил его назначить день митинга. Дата была установлена, затем он простился со мной и попросил зайти накануне митинга. Эта встреча рассеяла все мои опасения, и я радостный вернулся домой.

В Бомбее я навестил своего зятя, который в то время был болен. Он был небогатым человеком, а моя сестра (его жена) не умела ухаживать за ним. Болезнь была серьезная, и я предложил взять его в Раджкот. Он согласился, и таким образом я вернулся домой с сестрой и ее мужем. Болезнь затянулась дольше, чем я предполагал. Я поместил зятя в своей комнате и просиживал у его постели дни и ночи. Я вынужден был не спать по ночам и проделать часть работы, связанной с моей деятельностью в Южной Африке, во время его болезни. Все же пациент умер, не я утешал себя тем, что имел возможность ухаживать за ним до его последнего часа.

Склонность моя ухаживать за больными постепенно вылилась в увлечение. Случалось, что я пренебрегал ради этого своей работой и

по возможности вовлекал в это не только жену, но и всех домашних.

Подобное занятие не имеет смысла, если не находить в нем удовольствия. А когда оно выполняется напоказ или из страха перед общественным мнением, это вредит человеку и подавляет его дух. Служение без радости не помогает ни тому, кто служит, ни тому, кому служат. Но все другие удовольствия превращаются в ничто перед лицом служения, ставшего радостью.

XXVII

Митинг в Бомбее

На другой день после смерти зятя я должен был уехать в Бомбей на митинг. У меня почти не было времени обдумать свою речь. Я чувствовал себя изнуренным после многих дней и ночей тревожного бодрствования, голос у меня стал хриплым. Однако я отправился в Бомбей, всецело полагаясь на бога. И я не помышлял о том, чтобы написать свою речь.

Следуя указанию сэра Фирузшаха, я явился к нему в контору накануне митинга к пяти часам.

— Ваша речь готова, Ганди? — спросил он меня.

— Нет, — сказал я, дрожа от страха. — Я собираюсь говорить extempore.[11]

— В Бомбее этого делать нельзя. Репортеры здесь плохие, и если мы хотим извлечь пользу из нашего митинга, вам нужно предварительно написать свою речь и успеть напечатать ее к завтрашнему утру. Надеюсь, вы справитесь с этим? Я очень нервничал, но сказал, что постараюсь.

— Когда мой секретарь сможет зайти к вам за рукописью?

— В одиннадцать часов вечера, — ответил я.

На следующий день, придя на митинг, я понял, насколько мудрым был совет Фирузшаха. Митинг происходил в зале института сэра Ковасджи Джехангира. Я слышал, что, если на митинге собирается выступить Фирузшах Мехта, зал всегда бывает битком набит главным образом студентами, желающими послушать его. Впервые я присутствовал на таком митинге. Я увидел, что лишь немногие смогут услышать меня. Я дрожал, когда начал читать свою речь. Фирузшах все время меня подбадривал и просил говорить громче, еще громче. Но от этого я только сильнее робел, и голос мой становился все глуше и глуше.

Мой старый друг адвокат Кешаврао Дешпанде пришел мне на выручку. Я передал ему текст. Голос у него был как раз подходящий. Но аудитория не желала его слушать. Зал оглашался криками: — Вача, Вача! Тогда встал мр Вача и прочел речь удивительно успешно. Аудитория совершенно успокоилась и прослушала речь до конца,

прерывая ее в должных местах аплодисментами и возгласами «позор!» Все это радовало меня.

Фирузшаху речь понравилась. Я был несказанно счастлив.

Я завоевал горячую симпатию адвоката Дешпанде и одного приятеля парса, чье имя не решаюсь назвать, так как он сейчас занимает высокий пост в правительстве. Оба обещали сопровождать меня в Южную Африку. Однако м-р Курсетджи, в то время судья, занимавшийся мелкими гражданскими делами, отговорил парса от поездки, так как задумал женить его. Мой приятель парс должен был выбирать между женитьбой и поездкой в Южную Африку: он предпочел первое.

Рустомджи возместил убытки, которые я понес вследствие нарушения парсом обещания, а сестры парса, посвятив себя работе «кхади», тем самым искупили вину невесты, ради которой парс отказался от поездки. Поэтому я охотно простил эту пару. У адвоката Дешпанде не было соблазна жениться, но он также не смог поехать. В настоящее время он в достаточной мере расплачивается за нарушение обещания. На обратном пути в Южную Африку я встретил в Занзибаре одного из Тьябджи. Он также обещал приехать и помочь мне, но не приехал. М-р Аббас Тьябджи искупает этот проступок. Таким образом, ни одна из моих трех попыток склонить адвокатов к поездке в Южную Африку не увенчалась успехом.

В этой связи я вспоминаю м-ра Пестонджи Падшаха. Мы были в дружеских отношениях со времени моего пребывания в Англии. Встретились мы в вегетарианском ресторане в Лондоне. Я слышал о его брате м-ре Барджорджи Падшахе, который слыл чудаком. Я никогда не видел его, но друзья говорили, что он эксцентричный человек. Из жалости к лошадям он никогда не пользовался омнибусом; отказался получить ученую степень, хотя обладал необыкновенной памятью; выработал в себе независимый дух; ел только вегетарианскую пищу, несмотря на то что был парсом. У Пестонджи не было такой репутации, но своей эрудицией он славился даже в Лондоне. Однако общим у нас была приверженность к вегетарианству, а не ученость, где догнать его было мне не по силам.

В Бомбее я снова разыскал Пестонджи. Он служил первым нотариусом в Верховном суде. Когда мы встретились, он работал над словарем верхнего гуджарати. Не было ни одного приятеля, к которому

бы я не обращался с просьбой помочь мне в работе в Южной Африке. Но Пестонджи Падшах не только отказался помочь, но советовал и мне не возвращаться в Южную Африку.

— Помочь вам невозможно, — заявил он. — И скажу откровенно — мне не нравится даже ваша поездка в Южную Африку. Разве мало работы в своей стране? Взгляните, сколько еще надо работать над нашим языком. Я поставил себе целью подобрать научные термины. Но это лишь одна из областей деятельности. Подумайте о бедности страны. Индийцы в Южной Африке, конечно, живут в трудных условиях, но мне не хотелось бы, чтобы такой человек, как вы, жертвовал собой ради этой работы. Давайте добьемся самоуправления здесь, и этим мы автоматически поможем своим соотечественникам там. Я знаю, что не смогу переубедить вас, но я не стану поощрять других делить с вами свою судьбу.

Мне не понравился его совет, но мое уважение к м-ру Пестонджи Падшаху возросло. Меня поразила его любовь к Индии и родному языку. Эта встреча сблизила нас. Мне понятна была его точка зрения. Но будучи и прежде далек от мысли бросить работу в Южной Африке, я еще больше укрепился теперь в своем решении. Патриот не может позволить себе пренебречь какой бы то ни было стороной служения родине. И для меня были ясны и полны глубокого смысла строки «Гиты»:

> «Когда каждый выполняет свое дело так, как может, если даже ему это не удается, это все же лучше, чем брать на себя чужие обязанности, какими бы прекрасными они ни казались. Умереть, выполняя долг, не есть зло, но ищущий других путей будет блуждать по-прежнему».

XXVIII

Пуна и Мадрас

Благодаря сэру Фирузшаху дело мое наладилось. Из Бомбея я отправился в Пуну. Здесь действовали две партии. Я добивался поддержки со стороны людей любых взглядов. Прежде всего я посетил Локаманью Тилака.

— Вы совершенно правы, что стремитесь заручиться поддержкой всех партий. В вопросе, касающемся Южной Африки, не может быть разных мнений. Но нужно, чтобы на митинге председательствовал беспартийный. Повидайтесь с проф. Бхандаркаром. Он давно не принимает участия в общественной деятельности. Но возможно, этот вопрос затронет его. Встретьтесь с ним и сообщите мне, что он вам ответит. Я хочу всячески помочь вам. Конечно, мы с вами увидимся, когда вы пожелаете. Я в вашем распоряжении.

Это была моя первая встреча с Локаманьей. Она открыла мне секрет его исключительной популярности. Потом я пошел к Гокхале. Я нашел его в парке колледжа Фергасона. Он очень любезно меня приветствовал, а его манера держаться совершенно покорила меня. С ним я также встретился впервые, но казалось, будто мы старые друзья. Сэр Фирузшах представлялся мне Гималаями, Локаманья — океаном, а Гокхале — Гангом. В священной реке можно искупаться и освежиться. На Гималаи нельзя взобраться, по океану нелегко плавать, но Ганг манит в свои объятия. Так приятно плыть по нему в лодке. Гокхале устроил мне серьезный экзамен, как учитель ученику, поступающему в школу. Он сказал, к кому мне следует обратиться за помощью и как это сделать…

Он попросил разрешения просмотреть текст моей речи. Затем, показав мне колледж, заверил, что всегда будет рад мне помочь и попросил сообщить ему о результатах переговоров с д-ром Бхандаркаром. Расставшись с ним, я ликовал от радости. Как политик Гокхале на протяжении всей своей жизни занимал, да и теперь занимает в моем сердце особое место.

Д-р Бхандаркар принял меня с отеческим радушием. Я пришел к нему в полдень. Уже самый факт, что в такой час я занят деловыми свиданиями, очень понравился этому неутомимому ученому, а мои настояния, чтобы на митинге председательствовал беспартийный, встретили с его стороны полное одобрение, которое он выражал восклицаниями: — Так, так!

Выслушав меня, он сказал:

— Все подтвердят вам, что я стою в стороне от политики. Но я не могу отказать вам в вашей просьбе. Вы делаете важное дело и проявляете достойную восхищения энергию, так что я просто не в состоянии уклониться от участия в вашем митинге. Вы правильно

поступили, посоветовавшись с Тилаком и Гокхале. Пожалуйста, передайте им, что я охотно возьму на себя председательствование на собрании, которое организуется двумя партиями. Я не назначаю часа начала собрания. Любое время, удобное для вас, будет удобно и для меня.

С этими словами он распрощался со мной, напутствовав всяческими благословениями.

Без всякой шумихи эти ученые самоотверженные люди организовали в Пуне митинг в небольшом скромном зале. Я уехал в приподнятом настроении, еще глубже уверовав в свою миссию.

Затем я отправился в Мадрас. Там митинг прошел с небывалым подъемом. Рассказ о Баласундараме произвел большое впечатление на собравшихся. Моя речь была напечатана н показалась мне очень длинной. Но аудитория с неослабевающим вниманием ловила каждое слово. После митинга публика буквально расхватала «Зеленую брошюру». Я выпустил второе, исправленное издание тиражом десять тысяч экземпляров. Их раскупали, как горячие пирожки, но я понял, что тираж все же был чересчур большой. Я увлекся и переоценил спрос. Моя речь предназначалась только для людей, говорящих по-английски, а в Мадрасе они не могли раскупить все десять тысяч экземпляров.

Большую поддержку оказал мне ныне покойный адвокат Г. Парамешваран Пиллаи, редактор «Мадрас стандард». Он тщательно изучил вопрос, часто приглашал меня к себе в контору и помогал советами. Адвокат Г. Субрахманьям из «Хинду» и д-р Субраесманьям также сочувственно отнеслись к моему делу. Адвокат Г. Парамешваран Пиллаи предоставил в полное мое распоряжение страницы «Мадрас стандард», и я не преминул воспользоваться этим. Насколько мне помнится, д-р Субрахманьям председательствовал на митинге в «Пачаяппа холл».

Любовь, проявленная ко мне большинством друзей, с которыми я встречался, и их энтузиазм в отношении моего дела были столь велики, что, хотя мы вынуждены были говорить по-английски, я чувствовал себя совсем как дома. Да разве существуют препятствия, которых не устранила бы любовь!

XXIX

«Возвращайтесь скорее»

Из Мадраса я направился в Калькутту, где столкнулся с рядом затруднений. Я никого не знал в этом городе и поэтому поселился в Большой восточной гостинице. Здесь я познакомился с представителем «Дейли телеграф» м-ром Эллерторпом. Он пригласил меня в Бенгальский клуб, где остановился. Однако Эллерторп не учел, что индийцев не пускают в гостиную клуба. Узнав об этом, он повел меня в свою комнату. Он выразил сожаление по поводу предрассудков, господствующих среди местных англичан, и извинился передо мной, что не смог повести меня в гостиную.

Я посетил, конечно, Сурендранатха Банерджи, «идола Бенгалии». Я застал его в кругу друзей. Он сказал;

— Боюсь, наша публика не заинтересуется вашей деятельностью. Вы знаете, что у нас и здесь немало трудностей. Но попытайтесь сделать все возможное. Вам следует заручиться поддержкой махараджей. Повидайтесь с представителями Британской Ассоциации Индии. Побывайте также у раджи сэра Пьяримохана Мукерджи и махараджи Тагора. Оба они настроены либерально и принимают активное участие в общественных делах.

Я посетил этих господ, но безрезультатно. Оба приняли меня холодно и сказали, что в Калькутте нелегко созвать митинг, и если что-нибудь можно сделать, то практически это всецело зависит от Сурёндранатха Банерджи.

Я понял, как трудно мне будет достигнуть цели. Я зашел в редакцию «Амрита базар патрика». Господин, встретивший меня там, принял меня за бродягу. Но «Бангабаси» превзошла всех. Редактор заставил ждать меня целый час. У него было много посетителей, но, даже освободившись, он не обращал на меня никакого внимания. Когда же после долгого ожидания я попытался изложить цель своего визита, он сказал:

— Разве вы не видите, что у нас и так дела по горло? Таких посетителей, как вы, тысячи. Идите-ка лучше отсюда. У меня нет ни малейшего желания с вами разговаривать.

Сначала я почувствовал себя обиженным, но потом понял положение редактора. Я знал, какой популярностью пользовалась «Бангабаси». Я видел, как без конца шли посетители. И всех их

редактор знал. Газета не испытывала недостатка в темах, а о Южной Африке едва ли тогда кто слышал. Какой бы серьезной ни казалась обида потерпевшему, он был всего лишь одним из многих, приходивших в редакцию со своими бедами. Разве мог редактор удовлетворить всех? Более того, обиженная сторона воображала, что редактор представляет силу в стране. И только сам редактор знал, что его сила едва ли будет силой за порогом его учреждения. Но я не был обескуражен и продолжал заходить к редакторам других газет. Я побывал также в редакциях англо-индийской прессы. «Стейтсмен» и «Инглишмен» поняли важность вопроса. Я дал им обширные интервью, которые они напечатали полностью.

Для м-ра Сондерса, редактора газеты «Инглишмен», я стал совсем своим. Он предоставил в мое распоряжение редакционное помещение и газету. Он даже разрешил мне внести по моему усмотрению поправки в корректуру написанной им передовой статьи о положении в Южной Африке. Мы, можно сказать без преувеличения, подружились. Он обещал оказывать мне всяческое содействие, что в точности выполнил, и поддерживал со мной переписку, пока серьезно не заболел.

Мне не раз в моей жизни удавалось завязывать такие дружеские отношения совершенно неожиданно. Сондерсу понравилось во мне отсутствие склонности к преувеличению и приверженность истине. Прежде чем сочувственно отнестись к моему делу, он подверг меня строжайшему допросу и убедился, что я стараюсь совершенно беспристрастно обрисовать не только положение индийцев в Южной Африке, но даже позицию белых.

Опыт научил меня, что можно добиться справедливости, если только относиться и к противнику справедливо.

Неожиданная помощь, оказанная мне Сондерсом, обнадежила меня, и я стал думать о том, что, может быть, все-таки удастся созвать митинг в Калькутте. Но в это время я получил телеграмму из Дурбана: «Парламент начинает работу в январе. Возвращайтесь скорее».

Тогда я написал письмо в газету, в котором объяснял причину своего внезапного отъезда из Калькутты, и выехал в Бомбей. Предварительно я телеграфировал бомбейскому агенту фирмы «Дада Абдулла и К°» с просьбой достать мне билет на первый же пароход, отплывавший в Южную Африку. Как раз в это время Дада Абдулла

купил пароход «Курлянд» и настаивал, чтобы я отправился именно на этом пароходе, предложив бесплатный проезд для меня и моей семьи. Я с благодарностью принял это предложение и в начале декабря вторично отправился в Южную Африку, на этот раз с женой, двумя сыновьями и единственным сыном овдовевшей сестры. Одновременно с нами в Дурбан отошел еще один пароход «Надери». Обслуживала его компания, представителем которой была фирма «Дада Абдулла и К°». На обоих пароходах было около 800 человек, половина из которых направлялась в Трансвааль.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Приближение шторма

Это было мое первое путешествие с женой и детьми. Я уже говорил, что в результате детских браков между индусами, принадлежащими к средним слоям населения, только муж мог получить какое-то образование, а жена фактически оставалась неграмотной. Вследствие этого они оказывались разделенными глубокой пропастью, и обучать жену должен был муж. Так, я должен был позаботиться о подходящей одежде для жены и детей, следить, чтобы их питание и поведение соответствовали правилам, принятым в этом новом для них окружении. Некоторые воспоминания, относящиеся к тому времени, довольно занимательны.

Жена индуса считает своим высшим религиозным долгом беспрекословное повиновение мужу. Муж-индус чувствует себя господином и повелителем жены, обязанной всегда служить ему.

Я полагал тогда, что быть цивилизованным — значит возможно больше походить в одежде и манерах на европейцев. Я думал, что только таким путем можно приобрести значение, без которого невозможно служение общине. Поэтому я тщательно выбирал одежду для жены и детей. Мне не хотелось, чтобы их считали катхиаварскими бания. В то время наиболее цивилизованными среди индийцев считались парсы, а так как европейский стиль нам не подходил, мы стали придерживаться стиля поведения парсов. Так, моя жена носила сари парсов, а сыновья — куртки и штаны, как у парсов, и, разумеется все надевали ботинки и чулки. К этой обуви они тогда еще не привыкли и натирали себе мозоли, а носки их пахли потом. У меня всегда были наготове ответы на все их возражения. Но я чувствовал, что убеждали не столько ответы, сколько сила авторитета. Мое семейство мирилось с новшествами в одежде только потому, что иного выбора не было. Еще с большим отвращением они стали пользоваться ножами и вилками. Когда же мое увлечение этими атрибутами цивилизации прошло, вилки и ножи снова вышли из употребления. От них легко отказались даже после длительного пользования. Теперь я

вижу, что мы чувствуем себя гораздо свободнее, когда не обременяем себя мишурой «цивилизации».

Тем же пароходом, что и мы, ехали наши родственники и знакомые. Я часто навещал их, также как и пассажиров других классов. Мне разрешалось ходить куда угодно, так как пароход принадлежал друзьям моего клиента.

Поскольку пароход направлялся прямо в Наталь, не заходя в другие порты, наше путешествие продолжалось всего восемнадцать дней. Но как бы в предзнаменование уготованной нам бури на суше разразился ужасный шторм, когда мы были всего в четырех днях пути от Наталя. Декабрь — месяц летних муссонов в южном полушарии, и на море в это время часто бывают штормы. Но шторм, в который попали мы, был таким сильным и продолжительным, что пассажиры начали тревожиться. Это выглядело величественно: все сплотились перед лицом общей опасности. Мусульмане, индусы, христиане и все остальные забыли о религиозных различиях в мольбе, обращенной к единому богу. Некоторые давали различные обеты. Капитан стал уверять молящихся, что шторм хотя и опасен, но ему приходилось испытывать и сильнее; он убеждал пассажиров, что хорошо построенный корабль может выдержать почти любую непогоду. Но люди были безутешны. Непрерывный грохот и треск создавали впечатление, что корабль опрокидывается. Его так кружило и бросало из стороны в сторону, что казалось, он вотвот перевернется. Разумеется, все ушли с палубы. «Да исполнится воля господня», — было на устах у каждого. Насколько помню, шторм продолжался около суток. Наконец небо прояснилось, появилось солнце, и капитан сказал, что буря кончилась. Лица людей просияли, опасность миновала, и имени бога уже не было на их устах. Они опять стали есть и пить, петь и веселиться. Страха смерти как не бывало, и кратковременное состояние искренней молитвы уступило место майя. Пассажиры, разумеется, совершали намгз и читали другие молитвы, но все это утратило ту особую торжественность, которая была в те ужасные часы.

Шторм сблизил меня с пассажирами. Я не очень боялся бури, у меня в этом отношении уже был некоторый опыт. Я хорошо переношу качку и не подвержен морской болезни, поэтому во время шторма я свободно мог ходить от одного пассажира к другому, ухаживая за ними и ободряя их. Каждый час я приносил им известия от капитана.

Дружба, приобретенная таким образом, как увидим, сослужила мне хорошую службу. 18 или 19 декабря пароход бросил якорь в порту Дурбан. В тот же день прибыл и «Надери». Но настоящий шторм был еще впереди.

II

Буря

Как я уже сказал, оба парохода пришли в Дурбан 18 или 19 декабря. В южноафриканских портах пассажирам не разрешается высаживаться, пока их не подвергнут тщательному медицинскому осмотру. Если на корабле имеется пассажир, больной заразной болезнью, объявляется карантин. Когда мы вышли из Бомбея, там была чума, и мы опасались, что нам придется пробыть некоторое время в карантине. Пока не пройден медицинский осмотр всеми пассажирами, над кораблем развевается желтый флаг, который спускают только после выдачи врачом соответствующего свидетельства. Родственникам и знакомым доступ на корабль разрешается только после спуска желтого флага.

На нашем пароходе тоже вывесили желтый флаг. Прибыл доктор, осмотрел нас и назначил пятидневный карантин. Он исходил из расчета, что бациллам чумы для полного развития требуется двадцать три дня и поэтому мы должны оставаться в карантине до истечения этого срока, считая со дня нашего отплытия из Бомбея. Но на этот раз карантин был объявлен не только из соображений медицинского порядка.

Белое население Дурбана требовало отправки нас обратно на родину. Это и явилось одной из причин установления карантина. Фирма «Дада Абдулла и К°» регулярно сообщала нам о том, что делалось в городе. Белые устраивали ежедневно многолюдные митинги, всячески угрожая нам и пытаясь соблазнить фирму «Дада Абдулла и К°» предложением возместить убытки, если оба парохода будут отправлены обратно. Но фирму не так легко было уговорить. Управляющим фирмы был тогда шет Абдул Карим Хаджи Адам. Он решил отвести суда на верфь и любой ценой добиться высадки пассажиров. Ежедневно он присылал мне подробные сообщения обо всем происходившем. К счастью, тогда в Дурбане находился адвокат

Мансухлал Наазар, ныне покойный, который приехал, чтобы встретить меня. Этот способный и бесстрашный человек возглавлял индийскую общину. Адвокат общины мр Лактон тоже был не из робких. Он осуждал поведение белых и помогал индийской общине не только как состоящий на жалованье адвокат, но и как истинный друг.

Таким образом, Дурбан стал ареной неравной борьбы. С одной стороны, была горстка бедных индийцев и их немногочисленных друзей англичан, с другой — белые, сильные своим оружием, численностью, образованием и богатством, пользовавшиеся к тому же поддержкой государства (правительство Наталя открыто помогало им). М-р Гарри Эскомб, самый влиятельный член правительства, принимал участие в их митингах.

Таким образом, подлинная цель установления карантина состояла в том, чтобы, запугав пассажиров и агентов компании, заставить индийцев вернуться в Индию. Слышались такие угрозы: «Если не поедете назад, мы вас сбросим в море. Но если вы согласитесь вернуться, то сможете даже получить обратно деньги за проезд». Я все время обходил своих товарищей пассажиров, всячески их подбадривая. Кроме того, я посылал успокоительные послания пассажирам «Надери». Люди держались спокойно и мужественно.

Чтобы как-то развлечься, мы на корабле затевали различные игры. На рождество капитан пригласил пассажиров первого класса на обед. Я со своей семьей оказался в центре внимания. После обеда я произнес речь, в которой говорил о западной цивилизации. Я знал, что серьезная тема неуместна в данном случае, но иначе поступить не мог. Я принимал участие в развлечениях, а душою был с теми, кто вел борьбу в Дурбане. Эта борьба была направлена главным образом против меня. Мне предъявлялись два обвинения: во-первых, в том, что во время пребывания в Индии я позволил себе несправедливые нападки на белых в Натале, и, во-вторых, — что я привез два парохода с колонистами специально, чтобы наводнить Наталь индийцами.

Я понимал, какая на мне лежит ответственность. Взяв меня на борт своего корабля, фирма «Дада Абдулла и К°» пошла на большой риск. Жизнь пассажиров, так же как и членов моей семьи, была в опасности.

Однако я ни в чем не был виноват. Я не побуждал никого из пассажиров ехать в Наталь. Я даже не знал их, когда они садились на пароход, да и теперь, за исключением своих родственников, едва ли

знал по имени одного из сотни. Во время своего пребывания в Индии я не сказал о белых Наталя ничего нового по сравнению с тем, что уже говорил прежде в самом Натале. На все это у меня было множество доказательств. В своем выступлении на обеде я осуждал цивилизацию, продуктом, представителями и поборниками которой являлись белые в Натале. Я уже давно и много думал об этой цивилизации и теперь в своей речи высказал соображения по этому поводу перед собравшимся небольшим обществом. Капитан и остальные мои друзья терпеливо слушали меня и поняли мою речь именно в том смысле, который я хотел вложить в нее. Не знаю, произвела ли она на них должное впечатление. Впоследствии мне случалось беседовать только с капитаном и другими офицерами о западной цивилизации. В своей речи я утверждал, что западная цивилизация в отличие от восточной основана главным образом на насилии. Задававшие вопросы стремились поколебать мою убежденность в этом. Кто-то, кажется капитан, сказал:

— Допустим, белые осуществят свои угрозы; что вы тогда будете делать со своим принципом ненасилия?

На что я ответил:

— Надеюсь, господь даст мне мужество и разум, чтобы простить им и воздержаться от привлечения их к суду. Я не сержусь на них, а только скорблю по поводу их невежества и ограниченности. Я знаю, что они искренне верят, будто бы все, что они делают сейчас, справедливо и хорошо. У меня поэтому нет оснований сердиться на них.

Вопрошавший улыбнулся, возможно, недоверчиво. Дни тянулись уныло: когда кончится карантин, было все еще неизвестно. Начальник карантина говорил, что вопрос этот изъят из его компетенции и он сможет разрешить нам сойти на берег, только когда получит распоряжение от правительства.

Наконец, пассажирам и мне был предъявлен ультиматум.

Нам предлагали подчиниться, если нам дорога жизнь. В своем ответе мы настаивали на нашем праве сойти в Порт Натале и заявили о своем решении высадиться в Натале, чем бы это нам ни угрожало.

Через двадцать три дня было получено разрешение ввести пароходы в гавань и спустить пассажиров на берег.

III

Испытание

Итак, суда пришвартовались в гавани, а пассажиры начали сходить на берег. Но м-р Эскомб передал через капитана, что белые крайне озлоблены против меня и что моя жизнь в опасности, а потому лучше, чтобы я с семьей сошел на берег, когда стемнеет, и тогда управляющий портом м-р Татум проводит нас домой. Капитан передал мне это, и я решил последовать совету. Но не прошло и получаса, как к капитану явился м-р Лаутон и заявил:

— Если вы не возражаете, я хотел бы забрать м-ра Ганди с собой. Как юрисконсульт пароходной компании должен сказать, что вы не обязаны следовать указаниям м-ра Эскомба.

Затем он подошел ко мне и сказал примерно следующее:

— Если вы не боитесь, то я предложил бы, чтобы м-с Ганди с детьми поехала к м-ру Рустомджи, а мы пойдем вслед за ними пешком. Мне не хотелось бы, чтобы вы проникли в город ночью, словно вор, Я не думаю, чтобы вам угрожала какая-либо опасность. Теперь все успокоилось. Белые разошлись. Во всяком случае я убежден, что вам не нужно пробираться в город тайком.

Я охотно согласился. Жена с детьми благополучно отправилась к Рустомджи, а я с разрешения капитана сошел на берег вместе с Лаутоном. Дом Рустомджи находился на расстоянии около двух миль от порта.

Как только мы сошли на берег, какие-то мальчишки узнали меня и стали кричать: «Ганди! Ганди!» К ним присоединилось еще несколько, человек. Лаутон испугался, что соберется толпа, и подозвал рикшу. Я не любил пользоваться рикшей и впервые в жизни прибег к этому способу передвижения, но мальчишки не дали мне сесть. Они так испугали рикшу; что тот убежал. По мере того как мы шли дальше, толпа росла и, наконец, загородила нам дорогу. Лаутона оттеснили в сторону, а меня забросали камнями, осколками кирпичей и тухлыми яйцами. Кто-то стащил с моей головы тюрбан, меня стали бить. Я почувствовал себя дурно и попытался опереться на ограду дома, чтобы перевести дух. Но это было невозможно. Меня продолжали избивать. Случайно мимо проходила жена старшего полицейского офицера, знавшая меня. Эта смелая женщина пробралась сквозь толпу ко мне,

раскрыла свой зонтик, хотя никакого солнца уже не было, и стала между мною и толпой. Это остановило разъяренную толпу, меня невозможно было достать, не задев м-с Александер.

Тем временем какой-то индийский юноша, видевший всю эту сцену, побежал в полицейский участок. Старший полицейский офицер, м-р Александер, послал полицейский отряд, чтобы окружить меня и в сохранности доставить к месту назначения. Отряд пришел как раз вовремя. Полицейский участок находился по дороге к дому Рустомджи. Когда мы дошли до участка, м-р Александер предложил мне укрыться там, Но я с благодарностью отклонил его предложение. «Они, наверное, успокоятся, когда поймут свою ошибку, — сказал я. — Я верю в их чувство справедливости». Под эскортом полиции, без дальнейших приключений я дошел до дома Рустомджи. Все — мое тело было покрыто синяками, но ссадин почти не было. Судовой врач Дади Зарджор тут же оказал мне необходимую медицинскую помощь.

В доме было тихо, но вокруг собралась толпа белых. Надвигалась ночь, а из толпы неслись крики: «Давайте сюда Ганди!» Предусмотрительный старший полицейский офицер уже прибыл к дому и старался образумить толпу не при помощи угроз, а вышучивая ее. Но все-таки он тревожился и послал сказать мне: «Если вы не хотите, чтобы вашей семье, а также дому и имуществу вашего друга нанесли ущерб, советую вам покинуть этот дом, переодевшись в чужое платье».

Таким образом, в один и тот же день я последовал двум совершенно противоположным советам. Когда опасность для жизни существовала только в воображении, м-р Лаутон посоветовал мне выступить открыто, и я принял его совет. Когда же опасность стала вполне реальной, другой друг дал мне совет прямо противоположный, и я его тоже принял. Почему я так поступил? Потому ли, что моя жизнь была в опасности, или потому, что я не хотел подвергать риску жизнь и имущество друга, жизнь жены и детей? И в каком из этих случаев поступил я правильно? Тогда ли, когда в первый раз вышел к толпе, или во второй раз, когда скрылся переодетый?

Но нет смысла судить о правильности или неправильности уже совершенных поступков. Необходимо разобраться во всем, чтобы по возможности извлечь урок на будущее. Трудно с уверенностью сказать, как тот или иной человек будет вести себя при определенных

обстоятельствах. Но трудно и оценить человека по его поступкам, поскольку такая оценка не будет достаточно обоснованной.

Как бы то ни было, подготовка к побегу заставила меня забыть об ушибах. По предложению м-ра Александера я надел форму индийского полицейского, а голову обернул мадрасским шарфом так, чтобы он меня закрывал, как шлем. Один из двух сопровождавших меня агентов сыскной полиции переоделся индийским купцом и загримировался, чтобы быть похожим на индийца. Как был одет другой, я забыл. Тесным переулком мы пробрались в соседнюю лавку; через склад товаров, набитый джутовыми мешками, вышли на улицу и, проложив себе дорогу через толпу, подошли к экипажу, который уже ждал нас в конце улицы, В нем мы приехали в тот самый полицейский участок, где недавно мр Александер предлагал мне укрыться. Я был благодарен ему и агентам сыскной полиции.

В то время как я осуществлял свой побег, м-р Александер развлекал толпу песенкой:

Повесьте старого Ганди
На дикой яблоне!

Узнав, что мы благополучно добрались до полицейского участка, он преподнес эту новость толпе:

— Вашей жертве удалось улизнуть через соседнюю лавку.

— Расходитесь-ка лучше по домам!

Некоторые рассердились, другие засмеялись, а кое-кто просто не поверил ему:

— Ну хорошо, — сказал м-р Александер, — если вы мне не верите, выберите одного-двух представителей, и я разрешу им войти в дом: если они найдут там Ганди, я охотно его вам выдам. Но если Ганди там не окажется, вы должны разойтись. Ведь не собираетесь же вы разрушить дом Рустомджи или причинять беспокойство жене и детям Ганди?

Толпа послала своих представителей обыскать дом. Вскоре они вернулись и сказали, что никого не нашли. Толпа стала расходиться, наконец, большинство одобрительно высказывались о поведении старшего офицера, но некоторые ворчали и злились.

Ныне покойный м-р Чемберлен, бывший тогда министром колоний, телеграфировал правительству Наталя, предложив ему возбудить дело

против лиц, участвовавших в нападении.

Мр Эскомб пригласил меня к себе и сказал:

— Поверьте, я очень сожалею обо всех, даже самых незначительных оскорблениях, нанесенных вам. Вы были вправе принять предложение м-ра Лаутона и пойти на риск, но я уверен, что если бы вы более благосклонно отнеслись к моим словам, то этой печальной истории не произошло бы. Если вы сможете опознать виновных, я готов арестовать их и привлечь к суду. М-р Чемберлен тоже хочет, чтобы я это сделал.

На это я ответил:

— Я не желаю возбуждать никакого дела. Вероятно, я и сумел бы опознать одного или двух виновных, но какая польза от того, что они будут наказаны? Кроме того, я считаю, что осуждать следует не тех, кто нападал на меня. Им сказали, будто я распространял в Индии неверные сведения относительно белых в Натале и оклеветал их. Они поверили этим сообщениям и не удивительно, что пришли в бешенство. Осуждать надо их руководителей и, прошу прощения, вас. Вам следовало бы должным образом направлять народ, а не верить агентству Рейтер, сообщившему, будто я позволил себе какие-то нападки. Я не собираюсь никого привлекать к суду и уверен, что когда эти люди узнают правду, то пожалеют о своем поведении.

— Не изложите ли вы все это в письменном виде? — спросил Эскомб. — Дело в том, что мне нужно ответить на телеграмму м-ру Чемберлену. Я не хочу, чтобы вы делали поспешные заявления. Можете, если хотите, посоветоваться с м-ром Лаутоном и другими друзьями, прежде чем примете окончательное решение. Должен признаться, однако, что если вы откажетесь от своего права привлечь виновных к суду, то в значительной степени поможете мне восстановить спокойствие и, кроме того, поднимете свой престиж.

— Благодарю вас, — сказал я. — Мне не надо ни с кем советоваться. Я принял решение до того, как пришел к вам. Я убежден, что не должен привлекать виновных к ответу, и готов тотчас изложить свое решение в письменном виде.

И я написал требуемое заявление.

IV

Спокойствие после бури

За мной пришли от Эскомба на третий день моего пребывания в полицейском участке. Для охраны прислали двух полицейских, хотя необходимости в этом уже не было.

В тот день, когда нам разрешили сойти на берег, сразу же после спуска желтого флага ко мне явился представитель газеты «Наталь адвертайзер», чтобы взять интервью. Он задал мне ряд вопросов, и своими ответами я сумел опровергнуть все выдвинутые против меня обвинения. Следуя совету сэра Фирузшаха Мехты, я произносил в Индии только предварительно написанные речи и сохранил их копии, как и копии всех моих статей. Я передал корреспонденту весь этот материал и доказал ему, что не говорил в Индии ничего такого, что не было бы сказано мною раньше в Южной Африке и в еще более резкой форме. Я доказал также, что совершенно непричастен к прибытию пассажиров на пароходах «Курлянд» и «Надери». Многие из прибывших жили здесь уже с давних пор, а большинство даже не собиралось оставаться в Натале, намереваясь отправиться в Трансвааль. В то время в Трансваале для людей, жаждущих разбогатеть, перспективы были заманчивее, чем в Натале, и индийцы предпочитали ехать туда.

Это интервью и мой отказ привлечь к суду лиц, напавших на меня, произвели такое сильное впечатление, что европейцы в Дурбане устыдились своего поведения. В печати признавалась моя невиновность и осуждалось нападение толпы. Таким образом, попытка линчевать меня в конечном счете пошла на пользу мне, т. е. моему делу. Этот инцидент поднял престиж индийской общины в Южной Африке и облегчил мне работу.

Дня через три-четыре я вернулся домой и вскоре вновь принялся за свои дела. Происшествие способствовало также расширению моей юридической практики. Хотя это и подняло престиж индийской общины, но расовая ненависть к индийцам усилилась. Убедившись, что индийцы способны мужественно бороться, белые увидели в этом опасность для себя. В Натальское законодательное собрание было внесено два законопроекта: один был направлен против индийских торговцев, другой устанавливал строгие ограничения иммиграции индийцев. Существовало особое постановление, принятое в результате

борьбы за избирательные права, которое запрещало издание законов, направленных против индийцев как таковых. Это означало, что законы должны были быть одинаковыми для всех, независимо от цвета кожи и расовой принадлежности. Оба упомянутых законопроекта были составлены таким образом, что распространялись якобы на всех, но цель их была — ввести новые ограничения именно для индийского населения Наталя.

Борьба против этих законопроектов значительно расширила сферу моей общественной деятельности и еще более усилила сознание долга среди членов индийской общины. Законопроекты были переведены на индийские языки с подробными комментариями, для того, чтобы индийцы могли понять весь скрытый в них смысл. Мы обратились к министру колоний, но он отказался вмешаться, и законы вошли в силу.

Общественная деятельность поглощала большую часть моего времени. Адвокат Мансухлал Наазар, который тогда был уже в Дурбане, поселился у меня и тоже занялся общественной работой. Тем самым он несколько облегчил мою ношу.

Во время моего отсутствия шет Адамджи Миякхан с честью выполнял свои обязанности. При нем увеличилось число членов Индийского конгресса Наталя, а в кассе прибавилась почти 100 фунтов стерлингов. Я воспользовался возбуждением, вызванным законопроектами, а также выступлением против прибывших со мной пассажиров, и обратился к индийцам с воззванием, в котором призывал вступать в Индийский конгресс Наталя и делать взносы в фонд Конгресса. Денежный фонд Конгресса вскоре увеличился до 5 тысяч фунтов стерлингов. Я стремился создать для Конгресса постоянный фонд, чтобы приобрести недвижимость, на доходы от которой Конгресс мог бы развивать свою деятельность. Это был мой первый опыт руководства общественной организацией. Я поделился своими соображениями с товарищами по работе, и они одобрили мой план. Недвижимость была приобретена, сдана в аренду, а арендной платы было достаточно на покрытие текущих расходов Конгресса. Недвижимость была вверена попечению большой группы доверенных лиц, которые управляют ею и сейчас. Но со временем между доверенными лицами возникли ссоры, так что теперь доход от недвижимости поступает в суд.

Это неприятное положение создалось уже после моего отъезда из Южной Африки. Но еще задолго до этого я изменил свое мнение о пользе постоянных фондов для общественных учреждений. Теперь, опираясь на большой опыт руководства многочисленными общественными организациями, я пришел к твердому убеждению, что общественным организациям не следует иметь постоянных фондов. Такие фонды становятся источником морального разложения организации. Общественные организации создаются при поддержке и на средства общественности. Когда они лишаются такой поддержки, они утрачивают и право на существование. Между тем организации, функционирующие за счет постоянных фондов, нередко игнорируют общественное мнение и часто ответственны за действия, противоречащие интересам общественности. В нашей стране мы сталкиваемся с этим на каждом шагу. Некоторые так называемые религиозные организации вообще перестали отчитываться в своей деятельности. Доверенные лица, управляющие их имуществом, фактически стали собственниками этого имущества и ни перед кем не несут ответственности. Я убежден, что общественная организация должна жить сегодняшним днем, как живет природа. Организация, не пользующаяся поддержкой общественности, не имеет права на существование как таковая. Ежегодные пожертвования в фонд организации — это проверка ее популярности и честности ее руководства; и я считаю, что каждая организация должна пройти такую проверку. Но надо, чтобы меня поняли правильно. Мои замечания не относятся к организациям, которые по самой своей природе не могут существовать на временной основе. Я имею в виду текущие расходы, которые должны производиться за счет добровольных пожертвований, получаемых ежегодно.

Такие воззрения укрепились во мне в период проведения сатьяграхи в Южной Африке. Эта замечательная кампания, продолжавшаяся более шести лет, велась без всяких постоянных фондов, хотя для нее требовались сотни тысяч рупий. Помнится, бывали случаи, когда я не знал, что мы будем делать завтра, если не будет пожертвований. Но я не буду здесь предвосхищать события. Читатель найдет обоснования моих взглядов в следующих главах.

V

Обучение детей

Когда в январе 1897 года я прибыл в Дурбан, со мною было трое детей: десятилетний сын моей сестры и двое моих сыновей девяти и пяти лет. Возник вопрос — где их обучать. Я мог бы послать их в школы, предназначенные для детей европейцев, но это можно было сделать только по протекции и в виде исключения. Детям индийцев не разрешалось учиться в таких школах. Для них существовали школы, созданные христианскими миссиями, но я не хотел посылать своих детей и туда, так как мне не нравилась там постановка преподавания. Оно велось исключительно на английском языке, иногда же на неправильном хинди или тамильском. Причем и в эти школы нелегко было попасть. Я никак не мог примириться с таким положением вещей и пытался обучать детей сам. Но я мог делать это в лучшем случае нерегулярно, а подходящего учителя, знающего гуджарати, найти не удавалось.

Я не знал, как быть. Я поместил в газетах объявление, что ищу преподавателя англичанина, который согласился бы обучать детей под моим руководством. Ему я мог бы поручить вести систематические занятия по некоторым дисциплинам, а в остальном достаточно было бы и тех немногих нерегулярных уроков, которые мог давать детям я сам. В результате я нашел гувернантку англичанку за семь фунтов стерлингов в месяц. Так продолжалось некоторое время. Но я был недоволен. Благодаря тому, что я говорил с детьми только на родном языке, они немного научились гуджарати. Отсылать их обратно в Индию я не хотел, так как считал, что малолетние дети не должны расставаться со своими родителями. Воспитание, которое естественно прививается детям в хорошей семье, невозможно получить в обстановке школьных общежитии. Поэтому я держал детей при себе. Правда, я попробовал послать племянника и старшего сына на несколько месяцев в школу интернат в Индию, но вскоре вынужден был взять их домой. Впоследствии старший сын, став уже взрослым, отправился в Индию, чтобы поступить в среднюю школу в Ахмадабаде. Племянник же, мне кажется, удовлетворился тем, что сумел ему дать я. К несчастью, он умер совсем молодым после непродолжительной болезни. Другие трое моих сыновей никогда не посещали школы, но получили все же систематическую подготовку в

импровизированной школе, организованной мною для детей участников сатьяграхи в Южной Африке.

Все мои опыты были, однако, недостаточными. Я не имел возможности уделять детям столько времени, сколько хотелось бы. Невозможность оказывать им достаточно внимания и другие неустранимые причины помешали мне дать им то общее образование, какое мне хотелось, и все мои сыновья выражали недовольство по этому поводу. Всякий раз, как они встречаются с магистром или бакалавром, или даже с обладателем аттестата зрелости, они чувствуют себя неловко оттого, что им недостает школьного образования.

Тем не менее я считаю, что если бы я настоял на их обучении в школе, они не получили бы того, что могла им дать только школа жизни или постоянное общение с родителями.

Я никогда не чувствовал бы себя спокойным за них, как теперь, а искусственное воспитание, которое они могли бы получить в Англии или в Южной Африке, будучи оторванными от меня, никогда не научило бы их той простоте и готовности служить обществу, которую они проявляют теперь. Искусственно приобретенные там жизненные навыки могли бы стать серьезной помехой для моей общественной деятельности. Но хотя мне не удалось дать детям общее образование, которое отвечало бы и моим запросам и их, все же, оглядываясь на прошлое, я не могу сказать, что не сделал всего, что обязан был сделать для них по мере своих сил. Не сожалею я и о том, что не посылал их в школу. Мне всегда казалось, что нежелательные для меня черты в старшем сыне до некоторой степени — отголосок моих собственных недостатков, свойственных мне в юные годы, когда не было еще самодисциплины и ясной цели в жизни. Я считаю, что то время было для меня периодом незрелости ума и слабости характера. Но оно совпало с наиболее впечатлительным возрастом сына. Он, естественно, не хочет признать, что то был для меня период слабости и неопытности, а, наоборот, полагает, что это самое светлое время моей жизни и что изменения, происшедшие впоследствии, вызваны заблуждением, которое я неправильно называю просветлением. И действительно, почему бы ему не думать, что мои юные годы были периодом пробуждения, а последующие — годами радикальной перемены, годами заблуждений и самомнений? Друзья часто ставили

меня в тупик такими вопросами: что было бы плохого в том, если бы я дал сыновьям академическое образование? Какое право имел я подрезать им крылья? Зачем я помешал им приобрести ученые степени и избрать карьеру по собственному вкусу?

Вопросы эти, мне кажется, не имеют особого смысла. Мне приходилось сталкиваться со многими учащимися. Я пытался сам или через посредство других применять по отношению к другим детям свои «новшества» в области образования и видел результаты этого. Я знаю многих молодых людей, сверстников моих сыновей, и не нахожу, что они лучше их или что мои сыновья могут у них многому научиться. Будущее покажет, каков окончательный результат моих экспериментов. Цель обсуждения этого предмета в данной главе заключается в том, чтобы предоставить возможность изучающему историю цивилизации проследить разницу между систематическим обучением дома и в школе и познакомиться с вопросом о значении для детей изменений, вносимых родителями в свою жизнь. Эта глава призвана также показать, как далеко могут завести приверженца истины его искания, а также продемонстрировать приверженцу свободы, как много жертв требует эта суровая богиня. Если бы я был лишен чувства собственного достоинства и стремился бы к тому, чтобы мои дети получили такое образование, которое не могут получить другие, то я, наверное, лишил бы их наглядного урока свободы и самоуважения, который я им преподал за счет общего образования. Когда приходится выбирать между свободой и учением, кто же станет отрицать, что свобода в тысячу раз предпочтительнее учения?

Юноши, которых я в 1920 году вырвал из этих оплотов рабства — школ и колледжей — и которым я советовал во имя свободы лучше остаться необразованными и стать каменщиками, чем получить общее образование в цепях рабства, вероятно, сумеют понять теперь, чем был вызван такой совет.

VI

Дух служения

Моя профессиональная деятельность развивалась довольно успешно, но я не испытывал удовлетворения от этого. Меня постоянно

волновал вопрос, как бы еще упростить свой образ жизни и совершить какой-нибудь конкретный акт служения своим соотечественникам. Однажды ко мне в дверь постучался прокаженный. У меня не хватило духу ограничиться лишь тем, чтобы накормить его, и я приютил его у себя, перевязывал ему раны и ухаживал за ним. Но это не могло продолжаться бесконечно: не было материальных возможностей, да и не хватало силы воли держать его у себя постоянно. В конце концов я отправил его в государственную больницу для законтрактованных рабочих.

Я продолжал испытывать чувство неудовлетворенности. Мне хотелось гуманистической деятельности, и притом постоянной. Д-р Бут был главой миссии св. Эйдана. Он был добрым человеком и лечил своих пациентов безвозмездно. Благодаря щедрости парса Рустомджи оказалось возможным открыть небольшую больницу, которой ведал д-р Бут. Мне очень хотелось служить в больнице в качестве брата милосердия. Отпуск лекарств отнимал ежедневно один-два часа, и я решил выкроить время от занятий в конторе, чтобы исполнять обязанности фармацевта в больничной аптеке. Большую часть моей профессиональной деятельности составляли юридические консультации в моей конторе, дела по передаче имущества и третейское разбирательство. Правда, у меня обычно бывало несколько дел в городском суде, но большинство из них не имели спорного характера. М-р Хан, вслед за мной приехавший в Южную Африку и живший вместе со мной, согласился взять часть этих дел на себя. Таким образом, у меня было время для работы в больнице. На это уходило два часа каждое утро, включая время на дорогу до больницы и обратно. Работа с больными несколько успокоила меня. Я выслушивал жалобы пациентов, докладывал о них доктору и выдавал лекарства по рецептам. Все это позволило мне ближе познакомиться с больными индийцами, которые в большинстве своем были законтрактованными рабочими — тамилами, телугу и выходцами из Северной Индии.

Приобретенный опыт сослужил мне хорошую службу во время бурской войны, когда я предложил свои услуги по уходу за больными и ранеными солдатами.

Воспитание детей по-прежнему занимало меня. У меня родилось двое сыновей в Южной Африке, и опыт работы в больнице оказался полезным и в вопросах, касающихся воспитания. Мой дух

независимости был для меня источником постоянных осложнений. Мы с женой решили обратиться к лучшим врачам во время родов, но что стал бы я делать, если бы доктор и няня оставили нас на произвол судьбы в критический момент? Кроме того, няня должна была быть индианкой. Между тем достать опытную няню индианку в Южной Африке было во всяком случае не менее трудно, чем в самой Индии. Тогда я начал изучать необходимую литературу для обеспечения надлежащего ухода. Я прочел книгу д-ра Трибхувандаса «Мане Шикхаман» («Советы матери») и ухаживал за своими детьми, следуя указаниям книги, дополняя их в отдельных случаях ранее приобретенными познаниями. Услугами няни я пользовался не более двух месяцев каждый раз, главным образом для оказания помощи жене, а не для ухода за детьми, за которыми следил сам.

Рождение последнего ребенка было для меня серьезным испытанием. Роды начались неожиданно. Сразу же привести врача не удалось, некоторое время ушло на поиски акушерки. Но если бы даже ее застали дома, то и тогда она не поспела — бы к родам. На мою долю выпало следить за благополучным течением родов. Внимательное изучение этого вопроса по книге доктора Тркбхувандаса принесло мне неоценимую пользу. Я даже не нервничал.

Я убежден, что для правильного воспитания детей родители должны обладать общими познаниями по уходу за ними. На каждом шагу я ощущал пользу, которую принесло мне тщательное изучение этого вопроса. Мои дети не были бы такими здоровыми, если бы я не изучил это дело и не применял приобретенные знания на практике. Мы страдаем от своего рода предрассудка, будто ребенку нечему учиться в течение первых пяти лет его жизни. Между тем в действительности происходит как раз наоборот — ребенок никогда уже не научится тому, что он приобретает в течение первых пяти лет.

Воспитание детей начинается с зачатия. На ребенке отражается физическое и духовное состояние родителей в момент зачатия. Затем в период беременности ребенок находится под влиянием настроений матери, ее желаний и характера, так же как и ее образа жизни. После рождения ребенок начинает подражать родителям, и в течение многих лет его развитие всецело зависит от них.

Супруги, отдающие себе в этом отчет, никогда не вступят в половую связь только для удовлетворения своей похоти, а лишь из

желания иметь потомство. Думать, что половой акт — самостоятельная функция, в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество. Существование мира зависит от акта рождения, а поскольку мир является ареной деятельности бога и отражением его славы, рождаемость должна контролироваться для надлежащего развития мира. Тот, кто отдает себе в этом отчет, сумеет сдержать свое вожделение во что бы то ни стало, вооружится знаниями, необходимыми для обеспечения своим потомкам физического, духовного и морального здоровья, и передаст эти знания потомству.

VII

Брахмачария — I

Мы уже достигли в нашем повествовании того периода, когда я стал серьезно думать о принятии обета брахмачарии. Единобрачие было моим идеалом еще со времени женитьбы, а верность жене вытекала для меня из любви к правде. Но в Южной Африке я стал сознавать важность соблюдения брахмачарии даже по отношению к жене. Я затрудняюсь в точности определить, какое обстоятельство или какая книга дали такое направление моим мыслям, но, помнится, решающим фактором было влияние Раичандбхая, о котором я уже рассказывал. До сих пор помню разговор с ним на эту тему. Как-то в беседе я стал превозносить преданность мужу м-с Гладстон. Я читал, что м-с Гладстон настаивала на праве готовить чай для мужа даже в палате общин, что стало правилом в жизни этой знаменитой супружеской пары, все действия которой отличались регулярностью. Я рассказывал об этом поэту, попутно восхваляя супружескую любовь.

— Что вы цените выше, — спросил Райчандбхай, — любовь м-с Гладстон как жены к своему мужу или ее преданное служение ему независимо от ее отношения к м-ру Гладстону? Допустим, она была бы его сестрой или преданной служанкой и обслуживала бы его столь же старательно, что бы вы на это сказали? Разве не бывает таких преданных сестер или служанок? Допустим, вы встретили бы такую же нежную преданность слуги мужчины, понравилось бы это вам так же, как поведение мс Гладстон? Подумайте над тем, что я сказал.

Сам Райчандбхай был женат. Эти слова сначала показались мне проявлением его бесчувственности, но они произвели на меня неизгладимое впечатление. Я понял, что преданность прислуги в тысячу раз больше достойна похвалы, чем преданность жены мужу. Нет ничего удивительного в преданности жены мужу, так как они связаны неразрывными узами. Такая преданность вполне естественна. Но чтобы отношения, исполненные такой же преданности, установились между хозяином и слугой, требуется особое усилие. Точка зрения поэта все больше нравилась мне.

Я задавал себе вопрос: как же в таком случае должен я относиться к жене? Разве моя верность жене состоит в том, чтобы сделать ее средством для удовлетворения моей похоти? Пока я раб вожделения, моя верность ничего не стоит. Должен отдать справедливость жене: она никогда не была искусительницей. Для меня поэтому не представляло никакой трудности принять обет брахмачарии, если бы мне этого захотелось. Однако слабая воля и чувственное влечение были тому помехой.

Даже после того, как я стал это понимать, я дважды терпел неудачу. Мои неудачи объясняются тем, что мотивы моих попыток были низменного свойства. Моей главной целью было не иметь больше детей. В Англии я читал о противозачаточных средствах. В главе о вегетарианстве я уже говорил о деятельности д-ра Аллинсона, пропагандировавшего контроль рождаемости. На какой-то период его деятельность оказала известное влияние на меня. Но м-р Хилл, бывший противником подобных методов и настаивавший на внутренних усилиях в противоположность внешним средствам, т. е. на самоконтроле, произвел на меня гораздо большее впечатление, и со временем я стал его убежденным сторонником. Не желая больше иметь детей, я стал стремиться к воздержанию. Это оказалось бесконечно трудным. Мы стали спать отдельно. Я решил ложиться спать лишь тогда, когда чувствовал себя совершенно измученным после проделанной за день работы. Все эти усилия не давали, на первый взгляд, существенных результатов, но теперь я вижу, что к окончательному решению я пришел через совокупность этих отдельных неудачных попыток.

Окончательное решение я принял лишь в 1906 году. Сатьяграха еще не начиналась; я и не подозревал, что она надвигается. Я занимался

адвокатской практикой в Иоганнесбурге, когда произошло «восстание» зулусов в Натале, вспыхнувшее вскоре после англобурской войны. Я считал, что в связи с этим должен предложить свои услуги правительству Наталя.

Предложение было принято, о чем будет сказано в другой главе. Эта работа заставляла постоянно думать о необходимости воздержания, и я, как обычно, поделился мнением на этот счет со своими товарищами по работе. Я пришел к выводу, что деторождение и постоянная забота о детях несовместимы со служением обществу. Я должен был ликвидировать свое домашнее хозяйство в Иоганнесбурге, для того, чтобы быть в состоянии нести службу во время «восстания». По истечении месяца после того, как я предложил свои услуги, я вынужден был отказаться от дома, столь заботливо мною обставленного. Я отправил жену и детей в Феникс, а сам возглавил индийский санитарный отряд, приданный вооруженным силам Наталя. Во время трудных походов, которые нам приходилось совершать, меня осенила мысль, что если я хочу посвятить себя общественному служению, то должен забыть о желании иметь детей, о благосостоянии и должен вести жизнь ванапрастха — человека, отказавшегося от домашних забот.

Делами, связанными с «восстанием», я занимался не более шести недель. Но этот небольшой период времени оказался очень важным в моей жизни. Я в большей степени, чем когда-либо ранее, начал осознавать значение обетов. Я понял, что обет не только не закрывает доступ к действительной свободе, но, напротив, открывает его. До этого времени мне не удавалось достигнуть успеха из-за отсутствия силы воли, неверия в себя и в милосердие бога. Поэтому мой разум носился по бурному морю сомнений. Я понял, что, отказываясь принять обет, человек вводит себя в искушение. Обет как бы служит ему средством перехода от распущенности к действительно моногамному супружеству. «Я верю в усилие: я не хочу себя связывать обетами» — это умонастроение слабости, и в нем проявляется скрытое желание того, от чего надо отказаться. В чем же трудность принятия окончательного решения? Давая обет убежать от змеи, которая, я знаю, укусит меня, я просто не делаю попытки убежать от нее. Я знаю, что только лишь попытка может означать верную смерть, так как попытка — игнорирование того очевидного факта, что змея ужалит

обязательно. Таким образом, тот факт, что я могу довольствоваться только попыткой, означает, что я еще не до конца уяснил себе необходимость решительного действия. Нас часто пугают сомнения такого рода: «Предположим, мои взгляды в будущем изменятся, как же могу я связывать себя обетом?» Но такое сомнение часто выдает отсутствие ясного понимания необходимости отказаться от определенной вещи. Вот почему Нишкулананд пел:

Отказ от чего-либо без отвращения не будет продолжительным.

Следовательно, обет отречения — естественный и неизбежный результат исчезновения желания.

VIII

Брахмачария — II

В 1906 году после всестороннего обсуждения и обдумывания я дал обет. До этого я не делился своими мыслями с женой и посоветовался с ней только тогда, когда уже давал обет. Она не возражала. Однако мне было очень трудно принять окончательное решение. Не хватало сил. Сумею ли подчинить свои чувства? Отказ мужа от половых сношений с женой казался тогда странным. Но я решился предпринять этот шаг, веря в укрепляющую силу бога.

Оглядываясь назад на те двадцать лет, которые прошли с того времени, как я дал обет, я испытываю удовольствие и изумление. Начиная с 1901 года, мне удавалось с большим или меньшим успехом проводить в жизнь воздержание. Но чувства свободы и радости, появившегося после того, как я дал обет, я никогда не испытывал до 1906 года. До этого я постоянно опасался победы соблазна. Теперь обет стал верной защитой от него. Огромные возможности брахмачарии с каждым днем становились для меня все очевиднее. Я дал обет во время пребывания в Фениксе. Освободившись от работы в санитарном отряде, я отправился в Феникс, откуда должен был вернуться в Иоганнесбург. После возвращения в Иоганнесбург приблизительно за месяц были заложены основы сатьяграхи. Обет брахмачария подготовлял меня к этому помимо моего сознания. Сатьяграха была принята не в результате заранее обдуманного плана. Она родилась внезапно, помимо моей воли. Однако я ясно видел, что все предшествующие мои шаги Неизбежно вели к этому. Я сократил свои расходы по дому в Иоганнесбурге и отправился в Феникс, так сказать, для того, чтобы дать там обет брахмачарии.

Своим пониманием, что точное соблюдение брахмачарии ведет к достижению состояния брахман, я не был обязан изучению шастр. Я пришел к этому постепенно, путем жизненного опыта. Тексты шастр, касающиеся этого вопроса, я прочел гораздо позднее. Дав обет, я с каждым днем все больше убеждался в том, что брахмачария включает защиту тела, ума и души. Ибо брахмачария не была теперь для меня процессом трудного покаяния, а доставляла утешение и радость. Каждый день я обнаруживал в ней новую красоту. Не подумайте,

однако, что соблюдение обета, хотя оно и приносило все больше радости, давалось мне легко. Даже теперь, когда мне уже 56 лет, я чувствую, как это трудно. Все более убеждаюсь, что соблюдение обета напоминает хождение по острию ножа, и ежеминутно чувствую, как необходимо быть вечно бдительным.

Контроль над своими вкусовыми ощущениями — главное условие при соблюдении обета брахмачарии. Я убедился в том, что полный контроль над вкусом чрезвычайно облегчает соблюдение обета, и стал проводить свои диетические опыты не только как вегетарианец, но и как брахмачари. В результате этих опытов я пришел к выводу, что пища брахмачари должна быть не обильной, простой, без пряностей и по возможности не вареной.

Шестилетний опыт показал мне, что идеальная пища для брахмачари — свежие фрукты и орехи. При такой пище я был совершенно свободен от страстей. Следование брахмачарии не требовало никаких усилий с моей стороны в Южной Африке, когда я питался одними фруктами и орехами. Но уже с тех пор, как я начал пить молоко, мне стало значительно труднее соблюдать обет. О том, как случилось, что я вновь стал употреблять в пищу молоко, расскажу позже. Здесь же замечу, что нисколько не сомневаюсь в том, что молоко затрудняет соблюдение брахмачарии. Однако не следует делать вывод, что все брахмачари должны отказаться от молока. Влияние различного рода пищи на соблюдение брахмачарии можно определить лишь после длительных опытов. Мне предстоит еще найти замену для молока, приготовленную из фруктов, которая в такой же степени содействовала бы развитию мускулатуры и легко усваивалась организмом. Врачи, вайдьи и хакимы не смогли дать мне дельный совет на этот счет. Поэтому, хотя мне известно, что молоко отчасти и возбуждающее средство, я пока никому не могу дать совет отказаться от него.

Чтобы облегчить соблюдение брахмачари, необходимо не только выбирать пищу и ограничивать себя в еде, но и поститься. Наши страсти столь всесильны, что ими можно управлять лишь при условии, если заключить их в строгие рамки как извне, так и изнутри. Всем известно, что страсти бессильны, если вовсе не принимать пищи, и, таким образом, пост в целях подчинения страстей, без сомнения, очень полезен. Правда, есть люди, которым и пост не помогает, ибо они

считают, что можно стать невосприимчивыми к соблазнам, чисто механически соблюдая пост. Они лишают организм необходимой пищи, но в то же время услаждают свой ум всякого рода лакомствами, думая все время о том, что они будут есть и пить по окончании поста. Такого рода пост не поможет им подавлять ни чревоугодие, ни вожделение. Пост полезен лишь тогда, когда ум поддерживает испытывающее голод тело, другими словами, когда он вызывает отвращение к предметам, в которых отказано телу. Ум находится у истоков всякой чувственности. Поэтому полезность поста ограниченна, так как человек, соблюдающий пост, может быть тем не менее обуреваем страстями.

Однако можно с уверенностью утверждать, что подавление полового влечения, как правило, невозможно без поста, который для соблюдения брахмачарии необходим. Многие, стремившиеся соблюдать брахмачарию, терпели неудачу лишь потому, что поступали в отношении своих остальных чувств как люди, не являющиеся брахмачари. Их попытка поэтому подобна попытке испытать бодрящий зимний холод в изнуряющие летние месяцы. Весьма важно осознать различие между жизнью брахмачари и жизнью не брахмачари. Сходство между ними только кажущееся. Между тем различие должно быть ясно, как дневной свет. И тот и другой пользуются зрением, но брахмачари пользуется им, чтобы видеть славу божью, а другой — чтобы видеть окружающую его суетность. И тот и другой пользуются своими ушами, но в то время, как один не слышит ничего, кроме хвалы господу, другой внимает только непристойностям, Оба часто бодрствуют до глубокой ночи, но тогда как один посвящает эти часы молитве, другой растрачивает их на пустые сумасбродные развлечения. Оба питают свой желудок, но первый для того, чтобы поддержать в хорошем состоянии вместилище бога, второй же объедается и превращает священный сосуд в зловонную клоаку. Таким образом, оба живут как бы на противоположных полюсах, и расстояние, разделяющее их, с течением времени не сокращается, а увеличивается.

Брахмачария означает сдержанность чувств в мыслях, словах и поступках. С каждым днем я все более убеждался в необходимости ограничений упомянутого выше характера. Нет предела возможностям отречения, как нет предела и возможностям брахмачарии. Брахмачарии

нельзя достигнуть лишь частичными усилиями. Для многих брахмачария остается идеалом. Человек, стремящийся к брахмачарии, всегда будет сознавать свои недостатки, выискивать страсти, таящиеся в глубине его души, и постоянно стремиться освободиться от них. До тех пор, пока мысль не полностью контролируется волей, нет настоящей брахмачарии. Непроизвольно возникающая мысль есть болезнь ума; обуздание ее означает обуздание ума, что еще труднее, чем обуздание ветра. Тем не менее сущий в нас бог позволяет контролировать даже ум. Не следует думать, что это невозможно, потому что трудно. Это высшая цель, и потому естественно, что необходимо приложить самые большие усилия, чтобы достигнуть ее.

Лишь вернувшись в Индию, я убедился, что достигнуть брахмачарии при помощи одних человеческих усилий невозможно. Раньше я заблуждался, полагая, что одна фруктовая диета позволит мне искоренить все страсти, и тешил себя мыслью, что ничего другого делать не нужно.

Однако не буду забегать вперед. Позвольте мне разъяснить, что те, которые хотят соблюдать брахмачарию, стремясь познать бога, не должны отчаиваться, ибо их вера в бога равносильна их вере в собственные силы. Для отрешенной души исчезают чувственные объекты, не вкус к ним, но для узревшего высшее и вкус исчезает.[12] Поэтому Его имя и Его милосердие — последнее прибежище для того, кто стремится достичь состояния мокша. Эту истину я понял только после возвращения в Индию.

IX

Простая жизнь

Я стал вести спокойную и удобную жизнь, но продолжалось это недолго. Дом мой был обставлен уютно, но не прельщал мен». Вскоре я опять стал сокращать свои расходы. Счета из прачечной были огромными, а поскольку прачка не отличалась пунктуальностью, мне не хватало даже двух-трех дюжин рубашек и воротничков. Воротнички приходилось менять ежедневно, а рубашки по крайней мере через день. Все это было связано с расходами, которые показались мне излишними, и в целях экономии я обзавелся принадлежностями для стирки белья. Я купил руководство по стирке, изучил искусство стирки

сам и обучил ему жену. Работы, конечно, мне прибавилось, но новизна этого занятия делала его приятным.

Никогда не забуду первого выстиранного мною воротничка. Я накрахмалил его больше, чем полагается, и из опасения сжечь его лишь слегка прикасался к нему чуть нагретым утюгом. Воротничок оказался довольно жестким, а лишний крахмал все время осыпался. Я отправился в суд, надев этот воротничок, что вызвало смех моих коллег адвокатов. Но уже тогда я умел не обращать внимания на насмешки.

— Что же, — сказал я, — ведь это мой первый опыт стирки воротничков, а отсюда и излишний крахмал. Но это меня нисколько не трогает, тем более, что я доставил вам столько удовольствия.

— Но ведь у нас полно прачечных! — сказал один из приятелей.

— В прачечных берут за стирку очень дорого, — ответил я. — Постирать воротничок стоит почти столько же, сколько купить новый, да еще приходится постоянно зависеть от прачки. Я предпочитаю стирать свои вещи сам.

Но я не в силах был заставить друзей понять всю прелесть самообслуживания. Со временем я стал заправской прачкой и стирал не хуже, чем в прачечной. Мои воротнички были не менее твердыми и блестели не хуже, чем у других.

Когда Гокхале приехал в Южную Африку, он привез с собой шарф, полученный им в подарок от Махадева Говинда Ранаде. Гокхале очень берег эту вещь как память: он надевал шарф лишь в исключительных случаях. Както ему понадобилось надеть его на банкет, который давали в его честь индийцы в Иоганнесбурге. Шарф был мятый, и его нужно было выгладить. Отдать шарф в прачечную и своевременно получить его уже не было возможности. Я предложил испробовать мое искусство.

— Я верю в ваши способности как адвоката, но не верю в ваши таланты по части стирки, — сказал Гокхале. — Что же будет, если вы испортите мне шарф? Вы понимаете, что он для меня значит? И он с удовольствием рассказал, при каких обстоятельствах получил этот подарок. Но я продолжал настаивать, поручился за качество работы и добился разрешения выгладить шарф. В результате я получил похвальный отзыв. И теперь мне совершенно безразлично, если кто-нибудь откажет мне в таком отзыве. Я освободился не только от ига

прачечной, но достиг также независимости и от парикмахера. Люди, побывавшие в Англии, нередко научаются там бриться самостоятельно, но никто, насколько мне известно, не научился стричь себе волосы. Мне пришлось освоить и это. Однажды я зашел к английскому парикмахеру в Претории. Он с презрением отказался подстричь меня. Я почувствовал себя обиженным, однако немедленно купил ножницы и остриг волосы перед зеркалом. Стрижка передней части головы более или менее удалась, но затылок я испортил. Друзья в суде покатывались со смеху.

— Что с вашими волосами, Ганди? Не обгрызли ли их крысы?

— Нет, белый парикмахер не снизошел до того, чтобы прикоснуться к моим черным волосам, — ответил я, — и я предпочел сам подстричь их, как бы плохо это у меня ни получилось.

Ответ мой не удивил друзей.

Парикмахер был тут ни при чем. Обслуживая черных, он рисковал потерять свою клиентуру. В Индии мы не разрешаем нашим парикмахерам обслуживать наших неприкасаемых братьев. Мне отплатили за это в Южной Африке — и не раз. Мысль о том, что это наказание за наши грехи, удерживала меня от возмущения.

Те крайние формы, которые в конце концов приняла моя страсть к самообслуживанию и к простоте, я опишу в другом месте. Семена были брошены давно. Они только нуждались в поливке, чтобы прорасти, зацвести и дать плоды. И в нужный момент они получили поливку.

X

Бурская война

Я вынужден опустить здесь многое из пережитого мною между 1897 и 1899 годами и перейти прямо к бурской войне.

Когда война была объявлена, мои личные симпатии были целиком на стороне буров. Но тогда я полагал, что в таких случаях не имею права высказывать свое сугубо личное отношение. Я подробно описал пережитую мною внутреннюю борьбу в книге по истории сатьяграхи в Южной Африке и теперь не хочу повторяться. Интересующихся отсылаю к этой книге. Достаточно сказать, что моя лояльность по отношению к английскому правительству побудила меня принять

участие в войне на стороне англичан. Я считал, что если требую прав как британский гражданин, то обязан, как таковой, участвовать в защите Британской империи. Я полагал тогда, что Индия может стать независимой только в рамках Британской империи и при ее содействии. Поэтому я собрал как можно больше товарищей и с большим трудом добился, чтобы нас приняли в армию санитарами.

Рядовой англичанин считает, что индийцы трусливы, не способны рисковать собой или быть выше своих личных интересов. Поэтому многие мои друзья англичане отнеслись к моему плану скептически. Но д-р Бут горячо поддержал меня. Он обучил нас работе санитаров, и мы получили свидетельства о подготовленности к медицинской службе. М-р Лаутон и м-р Эскомб с энтузиазмом поддержали мой план, и мы попросили послать нас на фронт. Правительство поблагодарило нас, но сообщило, что в данный момент в наших услугах не нуждается.

Однако этот ответ меня не удовлетворил. Воспользовавшись рекомендацией д-ра Бута, я посетил епископа Наталя. В нашем отряде было много индийцев христиан. Епископ был в восторге от моего предложения и обещал нам помочь.

Время также работало на нас. Буры проявили больше отваги, мужества и решительности, нежели от них ожидали, и, в конце концов, понадобилась наша помощь.

Наш отряд состоял из тысячи ста человек, из которых сорок были командирами. Около трехсот человек были свободными индийцами, остальные — законтрактованными рабочими.

Д-р Бут также был с нами. Отряд хорошо справлялся со своей работой. Хотя мы должны были действовать за линией огня и находились под защитой «Красного Креста», но в критический момент нас попросили перейти на передовые позиции. Пребывание в арьергарде обусловливалось не нашим желанием: сами власти не хотели пускать нас на передовую линию. Но после поражения у Спион Копа положение изменилось, и генерал Буллер известил нас, что хотя мы и не обязаны подвергать себя риску, но правительство будет нам признательно, если мы согласимся выносить раненых с поля боя. Безо всяких колебаний мы стали работать во время операций у Спион Копа на передовой линии. В те дни нам приходилось совершать переходы по 20–25 миль ежедневно, неся раненых на носилках. Нам выпала честь

переносить и таких воинов, как генерал Вудгейт. После шести недель службы отряд был распущен. Потерпев неудачу у Спион Копа и Ваалькранца, британский главнокомандующий отказался от попытки взять Ледисмит и другие пункты внезапной атакой и решил продвигаться медленно в ожидании подкреплений из Англии и Индии.

Наша скромная работа принесла нам тогда широкую популярность, и это подняло престиж индийцев. В газетах были опубликованы хвалебные стихи в нашу честь с таким припевом: «В конце концов, мы сыны Империи».

Генерал Буллер в официальном донесении отметил работу отряда, и все его командиры были награждены медалями за войну.

Организация индийской общины постепенно улучшалась.

Я ближе сошелся с законтрактованными индийцами. Они становились сознательнее, и убеждение, что индусы, мусульмане, христиане, тамилы, гуджаратцы и синдхи являются индийцами и детьми одной родины, глубоко укоренилось в их умах. Все верили, что белые загладят свою вину за нанесенные индийцам обиды. Нам казалось, что позиция белых тогда существенным образом изменилась. Отношения, установившиеся с ними во время войны, были самые теплые. Нам приходилось иметь дело с тысячами английских солдат. Они относились к нам по дружески и благодарили за услуги.

Не могу не поделиться приятным воспоминанием о событии, которое может служить примером того, как человеческая натура проявляет себя с лучшей стороны в моменты испытаний. Мы совершали переход к Сивели Кэмпу, где лейтенант Роберте, сын лорда Робертса, был смертельно ранен. Нашему отряду выпала честь, выносить его тело с поля боя. Был жаркий день, и всех мучила жажда. По дороге попался маленький ручеек, где мы могли утолить жажду. Но кому пить первому?

Мы предложили, чтобы сначала пили английские солдаты. Однако они настаивали, чтобы раньше напились мы. И некоторое время длилось это приятное соревнование в предоставлении первенства друг другу.

XI

Реформа санитарии и помощь голодающим

У меня не укладывалось в голове, что гражданин государства может жить, не принося никакой пользы обществу. Я никогда не любил скрывать недостатки общины или настаивать на ее правах, предварительно не очистив ее от постыдных пятен. Поэтому с самого начала своего пребывания в Натале я старался снять с общины справедливое до некоторой степени обвинение в том, что индийцы неаккуратны, что в домах у них грязно. Видные члены общины уже стали наводить порядок в своих домах, но обследование санитарного состояния каждого дома началось лишь после того, как над Дурбаном нависла угроза чумы. К обследованию приступили, предварительно обсудив этот вопрос с отцами города и заручившись их одобрением. Наше участие в обследовании всячески приветствовалось, так как оно облегчало работу отцам города и в то же время уменьшало наши трудности. Во время эпидемии власти, как правило, теряют терпение, принимают крайние меры, вызванное ими недовольство жестоко подавляют. Община оградила себя от подобных действий, добровольно согласившись провести ряд мероприятий гигиенического характера.

Но на мою долю выпали неприятности. Я понимал, что, требуя от общины выполнения ее обязанностей, я не могу рассчитывать на такую же помощь, какая мне была оказана в период, когда я добивался прав для общины. Иногда меня встречали оскорблениями, иногда — вежливым равнодушием. Было очень трудно расшевелить людей и заставить их следить за чистотой своих жилищ. Нечего было и думать, что они найдут средства для проведения такой работы. Теперь я убедился еще более, что надо обладать неистощимым терпением, чтобы заставить людей что-нибудь делать. Осуществить реформу жаждет всегда сам реформатор, а не общество, от которого нельзя ожидать ничего, кроме противодействия, недовольства и даже суровых гонений. В самом деле, почему бы обществу не считать регрессом то, что для реформатора дороже жизни? И все-таки в результате моей деятельности индийская община постепенно в большей или меньшей степени стала осознавать необходимость содержать свои дома в чистоте. Я заслужил уважение властей. Они поняли, что, хотя я вменил себе в обязанность выяснять причины недовольства и требовать прав для общины, я не менее ревностно добивался от нее самоочищения.

Оставалась еще одна задача — пробудить у индийских поселенцев чувство долга по отношению к родине. Индия была бедной страной,

индийские поселенцы приехали в Южную Африку в поисках богатства, и нужно, чтобы они были готовы отдать часть заработанных денег своим соотечественникам в нужде. Поселенцы так и поступили во время ужасного голода, постигшего Индию в 1897 и 1899 годах. Они внесли значительный вклад в фонд помощи голодающим, причем в 1899 году больше, чем в 1897. Мы обращались с просьбой о помощи и к англичанам, и они живо откликнулись. Свою лепту внесли даже законтрактованные индийцы. Организация по сбору средств в помощь голодающим существует и поныне, и мы знаем, что индийцы Южной Африки всегда оказывали существенную денежную помощь Индии в годины национальных бедствий.

Так служение индийцам Южной Африки открывало мне каждый раз новое значение истины. Истина подобна огромному дереву, которое приносит тем больше плодов, чем больше за ним ухаживают. Чем более глубокие поиски в кладезе истины вы будете производить, тем больше зарытых там сокровищ откроется вам. Они облечены в форму многообразных возможностей служения обществу.

XII

Возвращение в Индию

Освободившись от военных, обязанностей, я почувствовал, что моя дальнейшая деятельность должна протекать не в Южной Африке, а в Индии. Нельзя сказать, что в Южной Африке мне нечего было делать. Но я боялся, что моя деятельность сведется в основном к работе для заработка.

Друзья на родине также настаивали на моем возвращении, и я сам чувствовал, что смогу принести больше пользы в Индии. А для работы в Южной Африке оставались м-р Хан и м-р Мансухлал Наазар. Поэтому я просил товарищей по работе освободить меня. После долгого сопротивления они согласились, наконец, удовлетворить мою просьбу, но при условии, что я вернусь в Южную Африку, если в течение года понадоблюсь общине. Я считал это трудным условием, но привязанность к общине заставила меня принять его.

Господь связал меня
Нитями любви
Я его раб.

Так пела Мирабай. Нить любви, связавшая меня с общиной, также была крепка и нерасторжима. Глас народа — глас божий, а в данном случае голос друзей был голосом истины, и я не мог не внять ему. Я принял условие и получил разрешение уехать.

В тот период я был тесно связан только с Наталем. Индийцы Наталя буквально купали меня в нектаре любви. Повсюду они организовывали прощальные собрания и подносили мне ценные подарки.

Подарки мне делали и раньше — перед отъездом в Индию в 1899 году, но на этот раз меня просто засыпали ими. Среди подарков, разумеется, были изделия из золота, серебра, бриллиантов.

Имел ли я право принимать эти подарки? А приняв их, смогу ли я убедить себя, что бескорыстно служил общине? Все подарки, за исключением немногих, полученных от моих клиентов, были преподнесены мне за служение общине, и таким образом стиралась грань между клиентами и товарищами по работе, так как клиенты также помогали мне в моей общественной деятельности.

Одним из подарков было золотое ожерелье, стоимостью 50 гиней, предназначавшееся для моей жены. Но даже и оно было преподнесено мне за общественную деятельность, и его нельзя было отделить от других.

Я провел бессонную ночь после того вечера, когда мне поднесли все эти вещи. Взволнованно ходил по комнате и не мог найти никакого решения. Мне трудно было отказаться от подарков, стоивших сотни рупий, но еще труднее было оставить их у себя.

Допустим даже, я приму их, но как быть тогда с детьми, женой? Я приучал их к мысли, что жизнь должна быть отдана служению обществу и что само это служение есть награда.

У меня не было дорогостоющих украшений в доме. Мы все более упрощали нашу жизнь. В таком случае разве могли мы позволить себе покупку золотых часов? Разве могли мы носить золотые цепочки и кольца с бриллиантами? Уже тогда я призывал всех бороться против увлечения драгоценностями. Как же теперь мне поступить с драгоценностями, свалившимися на меня?

Я решил, что не могу принять подарки, и составил письмо, в котором писал, что все подарки передаю в распоряжение общины и назначаю парса Рустомджи и других доверенными лицами. Утром, посоветовавшись с женой и детьми, я окончательно избавился от этого кошмара.

Я знал, что убедить жену будет довольно трудно, а с детьми получится иначе, поэтому я и решил заручиться их поддержкой в качестве своих адвокатов.

Дети сразу же согласились на мое предложение.

— Нам не нужны эти дорогие подарки, мы вернем их общине, а если когданибудь нам понадобятся такие вещи, мы сможем купить их, — сказали они.

Я был в восторге.

— Так вы поговорите с мамой? — спросил я детей.

— Конечно, — ответили они. — Это наше дело. Ведь ей не нужны украшения. Она, вероятно, захочет оставить их для нас, но, если мы скажем, что они не нужны нам, почему бы ей не расстаться с ними?

На словах все было гораздо проще, чем на деле.

— Тебе они, вероятно, не нужны, — сказала жена. — Возможно, что детям они тоже не нужны. Ведь детей ты уговорил и они теперь пляшут под твою дудку. Я могу понять, ты не разрешаешь носить украшения мне. Ну, а невестки? Имто обязательно понадобятся драгоценности. И потом, кто знает, что случится завтра? Я ни за что не расстанусь с подарками, преподнесенными с такой любовью.

Аргументы следовали один за другим, подкрепленные в конце слезами. Но дети были непоколебимы. На меня же это вообще не произвело никакого впечатления.

Я сказал спокойно:

— Детям еще надо жениться. Мы ведь не хотим, чтобы они женились рано. А когда вырастут, они сами смогут позаботиться о себе. И мы, разумеется, не пожелаем нашим сыновьям невест, которые обожают драгоценности. Но все же, если понадобится, мы достанем украшения, я готов к этому.

Ты тогда попросишь меня.

— Попросить тебя? Теперь-то я узнала тебя. Ты отнял у меня мои собственные украшения, ты не успокоился бы до сих пор, если бы не сделал этого. Могу себе представить, как ты будешь дарить украшения

невесткам! Ты, который уже теперь пытаешься превратить моих сыновей в садху! Нет, украшения не будут возвращены. И какое право ты имеешь на мое ожерелье?

— Но, — возразил я, — ожерелье подарено тебе за твое или за мое служение?

— Верно. Но твое служение в равной степени и мое. Я работаю на тебя день и ночь. Разве это не служение? Ты взвалил на меня все, ты заставил меня плакать горькими слезами, превратил в рабыню!

Удары были хорошо рассчитаны, и некоторые попали в цель. Но я был непреклонен. Коекак мне удалось вырвать у нее согласие. Все подарки, поднесенные мне в 1896 и 1901 годах, были возвращены. Была составлена доверенность, и драгоценности положены в банк для использования их в интересах общины в соответствии с моими пожеланиями или пожеланиями доверенных лиц.

Когда мне бывали нужны средства на общественные дела, я считал, что могу взять требуемую сумму из этого фонда, оставив нетронутым основной капитал. Деньги до сих пор находятся в банке, и сумма их постоянно растет за счет процентов. Мы пользовались ими по мере необходимости.

Впоследствии я никогда не жалел о том, что передал драгоценности общине, и по прошествии ряда лет жена тоже осознала мудрость моего поступка. Он спас нас от многих искушений.

Я твердо придерживаюсь мнения, что человек, посвятивший себя служению обществу, не должен принимать дорогих подарков.

XIII

Снова в Индии

Итак, я отплыл на родину. Корабль зашел по пути в портострова св. Маврикия. Стоянка была длительной, и я сошел на берег, чтобы ознакомиться получше с местными условиями. В один из вечеров я побывал в гостях у сэра Чарльза Бруса, губернатора колонии.

По прибытии в Индию я некоторое время разъезжал по стране. В 1901 году в Калькутте собралось заседание Конгресса под председательством ныне покойного мистера (впоследствии сэра) Диншоу Вача. Разумеется, я отправился на заседание Конгресса и там впервые ознакомился с его работой.

Из Бомбея я выехал одним поездом с сэром Фирузшахом Мехтой, так как должен был поговорить с ним о делах в Южной Африке. Я знал, что живет он покоролевски. Ехал он в специальном, заказанном им салонвагоне, и, чтобы побеседовать, мне было предложено проехать вместе с ним один перегон. На заранее условленной станции я подошел к салонвагону и попросил доложить о себе. С Мехтой ехали м-р Вача и м-р (теперь сэр) Чиманлал Сеталвад. Они говорили о политике. Увидев меня, сэр Фирузшах Мехта сказал:

— Ганди, кажется, ничего нельзя сделать для вас. Конечно, мы примем резолюцию, которую вы предложите. Но какими правами мы располагаем в своей стране? Я думаю, что пока мы не обладаем властью в собственной стране, вы не сможете добиться улучшения положения в колониях.

Я был поражен. М-р Сеталвад, казалось, был согласен с ним. Мр Вача бросил на меня сочувственный взгляд.

Я пытался возражать сэру Фирузшаху, но такому человеку, как я, было совершенно немыслимо переубедить некоронованного короля Бомбея. Я удовлетворился тем, что мне разрешили внести на обсуждение свою резолюцию.

— Вы, конечно, покажете мне резолюцию, — сказал р Вача, чтобы приободрить меня.

Я поблагодарил его и на следующей остановке вышел из вагона.

Мы прибыли в Калькутту. Организационный комитет устроил пышную встречу президенту. Я спросил добровольца, куда мне идти. Он довел меня до Рипонколледжа, где разместилась часть делегатов. Судьба ко мне благоволила. Вместе со мной в одном здании поселился Локаманья. Насколько помню, он прибыл днем позже.

Локаманью, разумеется, нельзя представить себе без его дарбара. Будь я художником, я нарисовал бы его сидящим на кровати. Таким он запечатлелся в моей памяти. Из бесчисленного множества людей, заходивших к нему, припоминаю лишь одного — ныне покойного бабу Мотилала Гхозе, редактора «Амрита базар патрика». Громкий смех присутствовавших и разговоры о преступных делах правящих кругов забыть невозможно.

Расскажу подробнее об обстановке, в которой работал Конгресс. Добровольцы ругались друг с другом. Если вы просили одного из них

сделать чтолибо, он перепоручал это другому, а тот в свою очередь — третьему и т. д. Что касается делегатов, то они вообще были не у дел.

Я подружился с несколькими добровольцами и рассказал им коечто о Южной Африке; они немного устыдились своей бездеятельности. Я попытался разъяснить им скрытый смысл служения обществу. Казалось, они поняли меня. Но дух служения быстро не вырабатывается. Он предполагает в первую очередь наличие желания, а потом уже опыта. У этих простодушных хороших юношей не было недостатка в желании, но опыт совершенно отсутствовал. Конгресс собирался раз в год на три дня, а остальное время бездействовал. Какой опыт можно было приобрести, лишь участвуя в его трехдневных заседаниях? Делегаты ничем не отличались от добровольцев. У них было не больше опыта. Они ничего не делали сами. «Доброволец, сделай это. Доброволец, сделай то», — постоянно приказывали они. Даже здесь я столкнулся с проблемой неприкасаемости. Кухня тамилов была расположена далеко от всех остальных. Делегаты тамилы чувствовали себя осквернеными лишь при одном взгляде постороннего на их обед. Поэтому для них и была построена специальная кухня в компаунде колледжа, отгороженная от всех остальных стенами. Там всегда было дымно и душно. Это была одновременно кухня, столовая и умывальная — тесная коробка без окон. Мне она казалась пародией на варнадхарма. «Если существует нетерпимость между делегатами Конгресса, — думал я, вздыхая, — можно себе представить степень ее распространенности среди их избирателей».

Делегаты жили в антисанитарных условиях. Повсюду стояли лужи. Имелось всего дветри общественные уборные; воспоминание о зловонии, исходившем оттуда, до сих пор вызывает у меня отвращение. Я сказал об этом добровольцам.

Они резко ответили мне:

— Это дело не наше, а мусорщика.

Я попросил метлу. Человек, к которому я обратился, посмотрел на меня с удивлением. Я достал метлу и вычистил уборную. Но народу было так много, а уборных столь мало, что их надо было чистить очень часто, а это было мне просто не по силам. Поэтому я был вынужден обслуживать только себя. А остальные, повидимому, не обращали внимания на грязь и вонь.

Но и это еще не все. Некоторые делегаты не стеснялись пользоваться верандами своих комнат для отправления естественных потребностей по ночам. Утром я все это показал добровольцам. Но никто не согласился заняться уборкой, не захотел разделить эту честь со мной. С тех пор условия заметно изменились к лучшему, но даже еще и теперь некоторые легкомысленные делегаты позорят Конгресс, отправляя естественные потребности, где им заблагорассудится, а добровольцы не всегда хотят убирать за ними.

Если бы сессии Конгресса были более продолжительными, могли бы вспыхнуть эпидемии, так как условия вполне благоприятствовали этому.

XIV

Клерк и слуга

До начала сессии Конгресса оставалось еще два дня. Желая приобрести некоторый опыт, я решил предложить свои услуги бюро Конгресса. Поэтому, прибыв в Калькутту и закончив ежедневные омовения, я тотчас отправился в бюро.

Секретарями бюро были бабу Бупендранатх Басу и адвокат Госал. Я подошел к первому из них и предложил свои услуги. Он посмотрел на меня и сказал:

— У меня нет работы, но, может быть, у Госалабабу что-нибудь найдется. Зайдите, пожалуйста, к нему.

Я направился к Госалу. Он пристально посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

— Могу вам предложить лишь канцелярскую работу.

— Возьметесь ли вы за нее?

— Разумеется, возьмусь, — ответил я. — Я явился сюда, чтобы выполнять любую посильную для меня работу.

— Такой разговор, молодой человек, мне нравится, — сказал он и, обращаясь к окружавшим его добровольцам, добавил:

— Слышали, что он сказал?

Затем снова повернулся ко мне:

— Вот кипа писем, на которые нужно ответить. Берите стул и начинайте. Как видите, ко мне сюда приходят сотни людей. Что я должен делать: принимать их или отвечать на этот бесконечный поток

писем? У меня нет служащих, которым я мог бы доверить эту работу. Во многих письмах нет ничего интересного, но вы всетаки, пожалуйста, просмотрите их. Отметьте те, которые заслуживают внимания, и дайте мне те, которые требуют серьезного ответа.

Я был счастлив оказанным мне доверием. Адвокат Госал не знал меня, когда поручал мне работу. Только потом он спросил, кто меня рекомендовал.

Работа оказалась очень легкой. Я весьма быстро справился с разборкой писем, и Госал остался мною очень доволен. Он был болтлив и способен говорить часами. Когда он узнал о некоторых подробностях моей жизни, то пожалел, что поручил мне канцелярскую работу. Но я его успокоил:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Что я по сравнению с вами? Вы поседели на службе Конгрессу и намного старше меня. А я всего лишь неопытный молодой человек. Вы меня чрезвычайно обязали, поручив эту работу. Я хочу принять участие в работе Конгресса, а вы дали мне прекрасную возможность познакомиться с ней во всех деталях.

— Сказать вам по правде, — ответил Госал, — это самый верный путь. Но современная молодежь не понимает этого. Конечно, я знаю Конгресс с момента его возникновения и действительно имею некоторое основание считать себя вместе с мром Юмом одним из его организаторов.

Так мы стали друзьями. Он настаивал на том, чтобы я завтракал с ним. Обычно рубашку Госалу застегивал слуга. Я предложил Госалу свои услуги. Мне нравилось делать это, так как я всегда очень уважал старших. Узнав об этом, он не стал возражать, чтобы я оказывал ему небольшие услуги. Он в самом деле был доволен. Обращаясь ко мне с просьбой застегнуть пуговицы на рубашке, он обычно говорил: «Теперь вы сами видите, что у секретаря Конгресса нет времени даже застегнуть рубашку. Он вечно занят». Меня забавляла некоторая наивность Госала, но у меня никогда не пропадало желание оказывать ему подобные услуги. Эти услуги принесли мне неоценимую пользу.

За несколько дней я ознакомился с работой Конгресса и получил возможность встретиться с большинством его лидеров, в частности, с такими столпами, как Гокхале и Сурендранатх. Я убедился, что значительная часть времени Конгресса тратилась впустую. Уже тогда я с сожалением отмечал, какое огромное место мы отводим в наших

делах английскому языку. Вообще силы расходовались чрезвычайно неэкономно. Работу, которую мог сделать один, выполняло несколько человек, а многие важные дела оставались совсем без внимания.

Несмотря на критическое отношение ко всему происходившему, я был достаточно милосердным, чтобы думать; что, вероятно, в подобных обстоятельствах невозможно действовать лучше. Эта мысль спасла меня от недооценки работы.

XV

На конгрессе

Наконец Конгресс открылся. Огромный павильон, стройные ряды добровольцев и старейшины, сидящие на возвышении, — все это произвело на меня сильное впечатление. Я не знал, куда сесть на таком многолюдном собрании.

Обращение президента составило целую книгу. Прочесть ее от начала до конца не представлялось возможным. Поэтому были зачитаны лишь отдельные места.

Затем состоялись выборы Организационного комитета.

Гокхале брал меня на его заседания.

Сэр Фирузшах дал свое согласие внести на обсуждение мою резолюцию, но я совершенно не представлял себе, кто и когда должен будет предложить ее комитету. Дело в том, что по поводу каждой резолюции произносились длинные речи, к тому же на английском языке, и каждую резолюцию поддерживал какойнибудь известный лидер. Мой голос прозвучал бы как слабый писк среди грома барабанов ветеранов Конгресса. К концу дня сердце мое учащенно забилось. Насколько помню, резолюции, вносимые на обсуждение в конце дня, пропускались с молниеносной быстротой. Все спешили покинуть собрание. Было одиннадцать часов. У меня не хватало духу произнести речь. Я уже виделся с Гокхале, и он просмотрел мою резолюцию. Я пододвинул свой стул к нему и шепнул:

— Пожалуйста, сделайте чтонибудь для меня.

Он ответил:

— Я не забыл о вашей резолюции. Вы видите, как они спешат. Но я не допущу, чтобы ваша была оставлена без внимания.

— Итак, мы кончили? — спросил Фирузшах Мехта.

— Нет, нет, осталась еще резолюция по Южной Африке.

Мр Ганди ждет уже давно, — крикнул Гокхале.

— А вы читали эту резолюцию? — спросил Фирузшах.

— Конечно.

— Вы одобряете ее?

— Она вполне приемлема.

— Хорошо, пусть Ганди нам ее прочитает.

С трепетом в голосе я прочитал. Гокхале поддержал меня.

— Принята единогласно, — закричали все.

— У вас будет пять минут для выступления, Ганди, — сказал м-р Вача.

Вся эта процедура мне очень не понравилась. Никто и не думал вникнуть в содержание резолюции. Все спешили уйти, а так как Гокхале уже ознакомился с резолюцией, то остальные не сочли нужным прочесть ее и понять!

С утра я начал беспокоиться о своей речи. Что я смогу сказать за пять минут? Я хорошо подготовился, но слова были не те. Я решил не читать речь, а говорить экспромтом. Но легкость речи, которую я приобрел в Южной Африке, видимо, изменила мне на этот раз.

Когда очередь дошла до моей резолюции, м-р Вача назвал мое имя. Я встал. Голова закружилась. Коекак я прочитал резолюцию. Ктото отпечатал и роздал делегатам экземпляры поэмы, в которой воспевалась эмиграция из Индии. Я прочел поэму и начал говорить о горестях поселенцев в Южной Африке. Как раз в этот момент мр Вача позвонил в колокольчик. Я был уверен, что не говорил еще пяти минут. Я не знал, что это предупреждение и у меня осталось еще две минуты. Я слышал, как другие говорили по полчаса, по три четверти часа, и их не прерывали звонком. Я почувствовал себя обиженным и сел сразу после того, как председатель позвонил. Но мой детский разум подсказывал мне тогда, что в поэме содержался ответ сэру Фирузшаху. Моя резолюция не встретила никаких возражений. В те дни между гостями и делегатами почти не делалось различия. В голосовании принимали участие и те и другие, и все резолюции принимались единогласно. Моя резолюция была принята точно так же и потеряла поэтому для меня всякое значение. И тем не менее то обстоятельство, что она была принята Конгрессом, вселяло в мое сердце радость и

надежду. Сознание, что санкция Конгресса означает одобрение всей страны, могло обрадовать кого угодно.

XVI

Дарбар лорда Керзона

Заседания Конгресса окончились, но поскольку мне надо было посетить Торговую палату и встретиться с некоторыми людьми, имевшими отношение к моей работе в Южной Африке, я остался в Калькутте еще на месяц. Предпочитая не жить в гостинице, я достал рекомендательное письмо для получения комнаты в Индийском клубе. Членами этого клуба были многие видные индийцы, и я намеревался познакомиться с ними, дабы заинтересовать их работой в Южной Африке.

Гокхале часто приходил в клуб играть на биллиарде. Узнав, что я остаюсь в Калькутте еще на некоторое время, он пригласил меня поселиться у него. Я поблагодарил за приглашение, но счел неудобным самому отправиться к нему. Гокхале ждал день или два, а потом пришел ко мне сам. Разыскав меня в моем убежище, он сказал:

— Ганди, вы должны остаться в стране. А помещение надо переменить. Вам следует установить контакт по возможности с большим числом людей. Я хотел бы, чтобы вы занимались работой для Конгресса.

Прежде чем перейти к описанию моей жизни у Гокхале, я хочу рассказать об инциденте, происшедшем в Индийском клубе.

Приблизительно в это время лорд Керзон созвал дарбар. Некоторые раджи и махараджи из числа приглашенных на дарбар были членами клуба. Я всегда встречал их в клубе, одетых в прекрасные бенгальские дхоти, рубашки и шарфы, Отправляясь на дарбар, они надевали брюки, которые годились только для хансама, и блестящие ботинки. Мне было больно видеть это, и я спросил одного из них о причинах таких изменений в одежде.

— Нам одним известно, насколько жалко наше положение. Только мы знаем о тех оскорблениях, которые нам суждено сносить, чтобы не лишиться богатства и титулов, — ответил он.

— А есть ли разница между нами и хансама? — спросил он и добавил: — Это наши хансама, а мы — хансама у лорда Керзона. Если

я не буду присутствовать на приеме, неприятные последствия скоро скажутся. Если же я приду в своей обычной одежде, это будет воспринято как оскорбление. Может быть, вы думаете, что я собираюсь говорить с лордом Керзоном? И не подумаю!

Мне стало жаль этого столь откровенного человека, и я вспомнил еще об одном дарбаре. Он был устроен по случаю закладки фундамента Индийского университета, первый кирпич которого положил лорд Хардинг. На дарбаре, разумеется, присутствовали раджи и махараджи. Пандит Малавияджи специально пригласил меня, и я пришел.

Я расстроился при виде махарадж, разодетых подобно женщинам — в шелковых пижамах и ачканах, с жемчужными ожерельями на шее, браслетами на запястьях, жемчужными и бриллиантовыми подвесками на тюрбанах. В довершение всего на поясах висели сабли с золотыми эфесами.

Я чувствовал, что все это знаки не королевского достоинства, а рабства. Я думал, что эти символы бессилия они надели по своей воле, но мне сказали, что раджи обязаны надевать все свои драгоценности по случаю подобных церемоний. Я обнаружил, что некоторые даже не любят драгоценностей и никогда не надевают их, за исключением особых случаев, вроде дарбара.

Не знаю, насколько верны эти мои сведения, но независимо от того, надевают они драгоценности при других обстоятельствах или нет, обычай посещать дарбары вице-короля в украшениях, надевать которые к лицу только женщинам, довольно унизителен.

Как тяжела плата за грехи и поступки, совершенные человеком во имя богатства, власти и престижа!

XVII

Месяц с Гокхале — I

С первого дня пребывания у Гокхале я почувствовал себя совершенно как дома. Он обращался со мной, как с младшим братом, изучил мои привычки и следил за тем, чтобы у меня было все необходимое. К счастью, мои потребности были очень скромны, и так как я привык делать все сам, то чрезвычайно мало нуждался в услугах посторонних. Моя привычка все делать самому, опрятность, аккуратность и внутренняя дисциплина произвели на него сильное впечатление, и он часто буквально захваливал меня.

Мне кажется, у него не было от меня секретов. Он знакомил меня со всеми выдающимися людьми, которые у него бывали. Лучше всего мне запомнился д-р (теперь сэр) П.Рай. Он жил совсем рядом и очень часто навещал Гокхале.

Гокхале представил его следующим образом:

— Это проф. Рай. Он зарабатывает восемьсот рупий в месяц, на общественные нужды. Он не женат и жениться не собирается.

С тех пор д-р Рай мало изменился. Он одевался тогда почти так же просто, как и теперь, с той только разницей, разумеется, что теперь он носит платье, сделанное из кхади, а тогда — из индийского фабричного сукна. Я мог без конца слушать Гокхале и д-ра Рая, так как их беседа всегда касалась вопросов общественного блага и имела воспитательное значение. Но порою было неприятно, когда они критиковали общественных деятелей. В результате некоторые люди, раньше казавшиеся мне стойкими борцами, лишались своего ореола.

Было и радостно и поучительно наблюдать работу Гокхале. Он никогда не терял ни минуты; свои личные отношения и дружеские связи всецело подчинял интересам общественного блага. Все его беседы были только о благе Индии, и в них не было и тени лжи или неискренности. Он постоянно думал и говорил о нищете и порабощении Индии. Многие пытались заинтересовать его другими вещами, но он неизменно отвечал:

— Делайте это сами, а мне позвольте продолжать свою работу. Я хочу свободы для Индии. Когда мы добьемся ее, можно будет подумать

и о другом. На сегодняшний день этого достаточно, чтобы поглотить все мое время и энергию.

Его благоговение перед Ранаде проявлялось на каждом шагу. Мнение Ранаде по любому вопросу было для него решающим и он часто его цитировал. Гокхале регулярно отмечал годовщину со дня смерти (или рождения, точно не помню) Ранаде. Так было и в период моей жизни у Гокхале. Кроме меня, в то время с ним были его друзья — проф. Катавате и помощник судьи. Гокхале пригласил нас принять участие в торжестве и поделился своими воспоминаниями о Ранаде. Он сравнил, между прочим, Ранаде с Телангом и Мандликом. Он превозносил чарующий стиль Теланга и величие Макдлика как реформатора. Вспоминая заботу Мандлика о своих клиентах, он рассказал нам анекдот о том, как однажды, опоздав на поезд, которым он обычно ездил, Мандлик заказал специальный поезд, чтобы вовремя попасть в суд, где должен был защищать своего клиента. Но Ранаде, говорил Гокхале, возвышается над ними своей разносторонней одаренностью. Он был не только великим судьей, но в равной степени и великим историком, экономистом и реформатором. Будучи судьей, он все же смело посещал заседания Конгресса. Все так верили в его прозорливость, что без обсуждения принимали предложенные им решения. Описывая умственные и душевные качества своего учителя, Гокхале испытывал бесконечное наслаждение.

Гокхале ездил в те времена в экипаже. Я не понимал, какая была в этом необходимость, и однажды упрекнул его:

— Неужели вы не можете ездить трамваем? Или это унижает достоинство лидера?

Его, видимо, несколько огорчило мое замечание, и он сказал:

— Значит, и вы не поняли меня! Я не трачу своего жалованья на личные удобства. Я завидую вашей свободе, благодаря которой вы можете ездить в трамвае, но, к сожалению, я не могу поступать так же. Если бы вы были жертвой такой широкой популярности, как я, то вам было бы также трудно и даже невозможно ездить в трамвае. Не следует думать, что лидеры все делают для личного удобства. Мне нравится простота вашего образа жизни, и я стараюсь жить как можно проще, но некоторые расходы неизбежны для такого человека, как я.

Таким образом, одно из моих сомнений было легко разрешено, но осталась еще одна претензия.

— Но вы никогда не выходите даже погулять, — сказал я. — Не удивительно, что вы всегда нездоровы. Неужели служение обществу не оставляет времени для физических упражнений?

— А вы видели когда-нибудь, чтобы у меня оставалось свободное время для прогулки? — ответил он.

Я настолько уважал Гокхале, что никогда не возражал ему. Промолчал я и на этот раз, хотя его ответ не удовлетворил меня. Я считал тогда, да и теперь считаю, что независимо от того, сколько работы у человека, он должен найти время для физических упражнений, как он находит его для еды. Полагаю, что физические упражнения не только не уменьшают работоспособности, но, наоборот, увеличивают ее.

XVIII

Месяц с Гокхале — II

Живя под одной крышей с Гокхале, я отнюдь не сидел все время дома.

Своим друзьямхристианам из Южной Африки я обещал повидаться с индийцами христианами в Индии и познакомиться с условиями их жизни. Я слышал о бабу Каличаране Банерджи и был о нем высокого мнения. Он принимал деятельное участие в работе Конгресса, и я не испытывал по отношению к нему того предубеждения, которое внушили мне рядовые индийцы христиане, стоявшие в стороне от работы Конгресса и чуждавшиеся как индусов, так и мусульман. Когда я сообщил Гокхале о своем желании увидеться с Банерджи, он спросил:

— Зачем это вам? Он очень хороший человек, но, боюсь, не удовлетворит вас. Я очень хорошо его знаю. Но если уж вы так хотите, то можете с ним повидаться.

Я просил Банерджи принять меня, и он с готовностью согласился. Когда я пришел, оказалось, что его жена лежит на смертном одре. Домашняя обстановка была совсем простой. На Конгрессе Банерджи был в пиджаке и брюках, а теперь, к своему удовольствию, я увидел его в бенгальском дхоти и рубашке. Мне понравилась простота его одежды, хотя сам я тогда носил сюртук и брюки парсов. Без всяких предисловий я заговорил с ним о своих сомнениях. Он спросил:

— Верите ли вы в учение о первородном грехе?

— Да, верю, — ответил я.

— Ну так вот, индуизм не обещает искупления этого греха, а христианство обещает. — И добавил: Возмездие за грех — смерть, и библия говорит, что единственный путь искупления — довериться Христу.

Я ссылался на Бхактимарга (Путь почитания) из «Бхагаватгиты», но это было бесполезно. Я поблагодарил его за любезность. Беседа с ним не удовлетворила меня, но все же я извлек из нее некоторую пользу.

Я исходил (большей частью я передвигался пешком) Калькутту вдоль и поперек. Я встретился с судьей Миттером и сэром Гурудас Банерджи, чья помощь мне была нужна для моей работы в Южной Африке. Примерно в это же время я познакомился с раджой сэром Пьяримоханом Мукерджи.

Каличаран Банерджи рассказывал мне о храме Кали, который я очень хотел посетить, в особенности после того, как прочитал о нем в книгах. В один прекрасный день я отправился туда. В этом же районе жил и судья Миттер, поэтому я посетил храм в тот же день, когда заходил к Миттеру. По дороге я увидел большое стадо овец, которых гнали в храм Кали, чтобы принести в жертву. Вдоль дороги, ведущей к храму, выстроились ряды нищих. Среди них были нищие монахи, но я уже тогда был решительным противником того, чтобы подавать милостыню здоровым людям. Целая толпа их шла за мной. Нищий, сидевший на веранде, остановил меня вопросом:

— Куда ты направляешься, сын мой?

Я ответил. Он попросил меня и моего спутника присесть, что мы и сделали. Я спросил его:

— Считаете ли вы подобное жертвоприношение религией?

— Кто может считать религией убийство животных?

— Тогда почему же вы не проповедуете против этого?

— Это не мое дело. Наше дело молиться богу.

— Но разве нет другого места, где бы вы могли молиться?

— Все места одинаково хороши для нас. Люди подобны стаду овец, они идут туда, куда их ведут вожди. Это не наше дело. Мы садху.

Мы не стали продолжать спора и пошли к храму. Навстречу нам текли потоки крови. Я не мог вынести этого зрелища. Я был возмущен

и взволнован. Никогда не забуду той картины.

В этот самый вечер я был приглашен на обед к бенгальским друзьям. С одним из них я заговорил об этой жестокой форме богослужения. Но он ответил:

— Овцы ничего не чувствуют. Шум и барабанный бой заглушают ощущение боли.

Я не мог стерпеть и возразил, что если бы овцы обладали даром речи, то, наверное, сказали бы другое. Я чувствовал, что необходимо положить конец этому жестокому обычаю. Я вспомнил историю Будды, но понял, что подобная задача мне не по силам.

Я и теперь придерживаюсь этих убеждений. Для меня жизнь ягненка не менее драгоценна, чем жизнь человеческого существа. И я не согласился бы отнять жизнь у ягненка ради человеческого тела. Я считаю, что чем беспомощней существо, тем больше у него прав рассчитывать на защиту со стороны человека от человеческой жестокости. Но тот, кто не подготовил себя к такому служению, не способен его защитить. Я должен пройти через большее самоочищение и жертву, прежде чем смогу надеяться спасти ягнят от нечестивого жертвоприношения. Я готовлюсь умереть, заботясь о самоочищении и жертве, и неустанно молюсь, чтобы на земле родился сильный духом человек — мужчина или женщина, — исполненный божественного милосердия, который освободил бы нас от этого омерзительного греха, спас жизнь невинных существ и очистил храм. Непонятно, как Бенгалия с присущими ее населению знаниями, умом, жертвенностью и эмоциональностью терпит подобную резню.

XIX

Месяц с Гокхале — III

Зрелище ужасного жертвоприношения в храме Кали, совершенного во имя религии, еще более усилило мое желание познакомиться с жизнью Бенгалии. Я много читал и слышал о «Брахмо самадже». Я знал кое-что о жизни Пратапа Чандра Мазумдара и присутствовал на нескольких митингах, где он выступал. О его жизни я узнал из книги Кешаба Чандра Сена, которую прочел с большим интересом. Эта книга помогла мне понять разницу между «Сабхаран Брахмо самадж» и «Ади Брахмо самадж». Я встретился с пандитом Шиванатом

Шайбстри и в сопровождении проф. Катавате отправился повидать махараджу Дебендранатха Тагора, но нам это не удалось, так как к нему тогда никого не пускали. Все же нас пригласили на праздник «Брахмо самадж» в его доме, и там я услышал прекрасную бенгальскую музыку, которую с тех пор очень люблю.

Мы вдоволь насмотрелись на «Брахмо самадж», но для полного удовлетворения необходимо было увидеть Свами Вивекананда. Испытывая большой душевный подъем, я направился в Белур Матх, причем большую часть пути, если не весь путь, шел пешком. Мне нравились уединенные окрестности Матха. Я был разочарован и опечален, когда узнал, что Свами лежит больной в своем доме в Калькутте и его нельзя повидать.

Тогда я разузнал о местопребывании сестры Ниведиты и встретился с ней во дворце Чоуринги. Меня поразило окружавшее ее великолепие, но общей темы для разговора у нас не нашлось. Я рассказал об этом Гокхале, а он нисколько не удивился, что в беседе между мной и этой мятущейся женщиной не нашлось точек соприкосновения.

В другой раз я встретился с нею в доме м-ра Пестонджи Падшаха. Я вошел как раз в тот момент, когда она разговаривала с его старушкой матерью, и мне пришлось выступить в роли переводчика. Несмотря на то, что мне не удалось найти общего языка с Ниведитой, я должен отметить, что меня восхитило ее безграничное преклонение перед индуизмом. С ее книгами я познакомился впоследствии.

Свое время я делил между визитами к людям, занимавшим видное положение в Калькутте и имевшим отношение к моей деятельности в Южной Африке, и изучением религиозных и общественных учреждений Калькутты. Однажды я выступил на митинге, на котором председательствовал д-р Муллик, с рассказом о работе индийского санитарного отряда во время войны с бурами. Мое знакомство с редакцией «Инглишмен» и на этот раз сослужило мне полезную службу. М-р Сондерс был тогда болен, но тем не менее сумел помочь мне не меньше, чем в 1896 году. Гокхале понравилась моя речь, и он был очень доволен, когда д-р Рай похвалил ее.

Таким образом, мое пребывание в доме Гокхале значительно облегчило мою работу в Калькутте, дало возможность установить контакты с самыми известными бенгальскими семьями и положило

начало моей тесной связи с Бенгалией. Мне придется опустить многое из воспоминаний об этом незабываемом месяце. Я только упомяну о кратковременной поездке в Бирму и о тамошних фунги. Меня поразила их апатия. Я осмотрел золотую пагоду. Мне не понравилось, что в храме горят бесчисленные маленькие свечи, а крысы, бегавшие около святыни, навеяли мысли о переживаниях Свами Даянанда в Морви. Свободные и энергичные женщины Бирмы мне понравились, а бездеятельные мужчины произвели тягостное впечатление. За время своего краткого пребывания я успел убедиться, что подобно тому, как Бомбей — не Индия, так и Рангун — не Бирма, и что совершенно так же, как мы в Индии стали посредниками между английскими купцами, здесь в Бирме совместно с английскими купцами мы используем бирманцев в качестве таких посредников.

По возвращении из Бирмы я распрощался с Гокхале. Расставаться было тяжело, но работу в Бенгалии, вернее в Калькутте, я закончил, и не было оснований оставаться там дольше.

Прежде чем где-либо обосноваться, я решил предпринять небольшое путешествие по Индии в третьем классе, чтобы ознакомиться с мытарствами пассажиров, едущих в этих вагонах. Я сказал об этом Гокхале. Сначала он высмеял мое намерение, но когда я объяснил, с какой целью собираюсь это сделать, с радостью одобрил мой план. Я предполагал поехать в первую очередь в Бенарес и отдать дань уважения м-с Безант, которая в то время была больна.

Мне необходимо было кое-что приобрести для поездки в третьем классе. Гокхале подарил мне металлическую коробку для завтрака и наполнил ее сладостями и пури. Я купил холщовую сумку за двенадцать ана и длинный сюртук из чхайяской шерсти. Я собирался положить в сумку этот сюртук, дхоти, полотенце и рубашку. Кроме того, у меня было одеяло и кувшин для воды. С этими вещами я и начал свое путешествие. Гокхале и д-р Рай пришли на станцию проводить меня. Я просил их не беспокоиться, но они настояли на своем. Гокхале сказал:

— Я мог бы и не приходить, если бы вы ехали первым классом, но в данном случае я считаю своей обязанностью сделать это.

Гокхале не остановили при выходе на платформу. На нем были куртка, дхоти и шелковый тюрбан. Д-р Рай был в бенгальской одежде.

Когда контролер задержал его, Гокхале объяснил, что это его друг, и Рая тотчас пропустили.

Напутствуемый их добрыми пожеланиями, я отправился в путешествие.

XX

В Бенаресе

Мой путь лежал из Калькутты в Раджкот. По дороге я собирался остановиться в Бенаресе, Агре, Джайпуре и Паланпуре. Повидать другие места у меня не было времени. В каждом городе, за исключением Паланпура, я оставался не более одного дня, жил, как богомольцы, в дхармашала или у панда. Помнится, я истратил на эту поездку тридцать одну рупию (включая стоимость проезда по железной дороге).

Путешествуя в третьем классе, я отдавал предпочтение пассажирским поездам, так как почтовые были всегда переполнены, а проезд в них обходился дороже.

Купе третьего класса тогда были так же грязны, а уборные так же плохи, как и теперь. Может быть, какие-то улучшения и произошли, но во всяком случае между удобствами, которыми пользуются пассажиры в первом и третьем классе, огромная разница, совершенно не соответствующая разнице в стоимости билета. С пассажирами третьего класса обращаются, как со стадом баранов, и удобства им предоставляют те же, что баранам. В Европе я тоже ездил в третьем классе и как-то раз в первом, желая посмотреть, что это такое. Такой огромной разницы между первым и третьим классом я там не обнаружил. В Южной Африке в третьем классе ездят преимущественно негры, и все же третий класс там лучше, чем в Индии. Кое-где в Южной Африке в вагонах третьего класса сиденья мягкие, пассажирам выдают спальные принадлежности. Там следят также за тем, чтобы вагоны не были переполнены, в то время как в Индии, по моим наблюдениям, установленная норма всегда превышается.

Равнодушие железнодорожной администрации к удобствам пассажиров третьего класса, в сочетании с грязью и неаккуратностью самих пассажиров, превращали путешествие в третьем классе для

людей, привыкших к чистоте, в настоящую пытку. Мусор бросали прямо на пол; повсюду в любое время курили, жевали бетель и табак. Все было заплевано, все кричали, вопили, ругались, нисколько не считаясь с удобствами других пассажиров. Я не заметил большой разницы между моей первой поездкой в третьем классе в 1902 году и продолжительными поездками в этом же классе с 1915 по 1919 год.

Я вижу только один путь к улучшению этих ужасных условий: культурные люди должны взять себе за правило ездить в третьем классе и перевоспитывать народ; надо также не оставлять в покое железнодорожную администрацию и в случае необходимости жаловаться, не нужно никогда давать взятки и пользоваться другими незаконными средствами для обеспечения личных удобств. Кроме того, ни при каких обстоятельствах нельзя смотреть сквозь пальцы на нарушение кем бы то ни было железнодорожных правил. Это, я уверен, приведет к значительному улучшению положения. Серьезная болезнь в 1918–1919 годах вынудила меня отказаться от поездок в третьем классе, о чем я крайне сожалел, тем более что эти поездки стали для меня невозможными именно тогда, когда кампания за устранение неудобств для пассажиров третьего класса начинала давать положительные результаты. Мытарства, претерпеваемые на железных дорогах и пароходах неимущими пассажирами, усугубляются их дурными привычками, а также тем, что правительство предоставляет чрезмерные льготы иностранной торговле. Все это важно и заслуживает того, чтобы этим делом специально занялись один-два энергичных и упорных работника, которые могли бы целиком посвятить себя ему.

Но сейчас мне придется оставить пассажиров третьего класса и перейти к рассказу о пребывании в Бенаресе. Я приехал туда утром и решил остановиться у панда. Как только я вышел из поезда, меня окружила толпа брахманов. Я выбрал одного, который выглядел чище и приятнее остальных. Выбор оказался удачным. Человек этот имел корову, а в доме был второй этаж, где мне и предложили поселиться. Я не хотел прикасаться к пище, пока не совершу омовения в Ганге по всем правилам правоверных. Панда приступил к приготовлениям. Я предупредил, что не смогу дать больше одной рупии четырех ана в качестве дакшина, чтобы он имел это в виду при приготовлениях.

Панда охотно на это согласился.

— Беден или богат паломник, — сказал он, — служба одна и та же. Но размер дакшина, который мы получаем, зависит от желания и возможностей богомольца.

Я не заметил, чтобы мой панда хоть сколько-нибудь сократил обычные обряды. Пуджа закончилась в 12 часов, и я отправился в храм Каши Вишванатх на даршан. То, что я увидел там, произвело на меня крайне тягостное впечатление. Когда я занимался адвокатской практикой в Бомбее в 1891 году, мне довелось в зале «Прартхана самадж» прослушать лекцию на тему «Паломничество в Каши». Таким образом, я уже был до некоторой степени подготовлен, но все же разочарование оказалось сильнее, чем я предполагал.

Идти нужно было по узкому и скользкому переулку. Никто не соблюдал тишины. Тучи мух и шум, который производили лавочники и паломники, были просто нестерпимы.

Все ждали, что здесь атмосфера будет располагать к размышлению и причастию, и тем сильнее поражало ее отсутствие. Приходилось создавать такую атмосферу в самом себе. Я видел монахинь, погруженных в размышления и не замечавших ничего вокруг. Но деятельность блюстителей храма едва ли заслуживала одобрения. На их обязанности лежало создать и поддерживать вокруг храма атмосферу чистоты, благодушия и спокойствия, физического и морального. Вместо этого я увидел базар, на котором пронырливые лавочники продавали сладости и модные безделушки.

Когда я вошел в храм, в нос ударил запах гниющих цветов. Пол был выстлан красивым мрамором. Но какие-то святоши, лишенные эстетического вкуса, выломали отдельные куски, а пустые места усыпали рупиями. Там теперь скоплялась грязь.

Я приблизился к Джинана вапи (Кладезь знания); я искал там бога, но не нашел его. Настроение поэтому у меня было не очень хорошее. Вокруг Джинана вапи также было грязно. Я не собирался давать дакшина и протянул только одну паю. Панда рассердился, швырнул монету, выругал меня и пригрозил:

— За такое оскорбление вы попадете прямо в ад.

Меня его слова не смутили.

— Махараджа, — сказал я, — что бы судьба ни уготовила мне, но особе вашего звания не приличествует говорить такие слова. Если хотите, возьмите эту паю, а то не получите и его.

— Ступайте вон, — ответил он, — я не нуждаюсь в вашей пае.

Последовал новый поток ругательств.

Я поднял паю и пошел своей дорогой, утешаясь мыслью о том, что брахман потерял паю, а я сберег ее. Но махараджа был не такой человек, чтобы упустить хотя бы паю. Он окликнул меня и сказал:

— Ладно, давайте сюда свою паю. Я не хочу уподобляться вам. Ведь если я не возьму паю, вам придется плохо. Я молча отдал монету и со вздохом удалился. С тех пор я еще дважды побывал в Каши Вишванатх, но уже после того как мне, к моему огорчению, присвоили титул махатмы; когда происшествия, подобные упомянутому, стали уже невозможны. Люди, жаждавшие обладать моим даршаном, не разрешали мне иметь даршан храма. Беды махатм известны только махатмам. А грязь и шум оставались прежними.

Если кто-нибудь усомнится в бесконечном милосердии бога, пусть взглянет на эти святые места. Сколько приходится терпеть богу йогов ханжества и безверия, которые прикрываются его именем? Уже давно бог провозгласил: что посеешь, то и пожнешь.

Закон кармы неумолим, и обойти его невозможно. Поэтому едва ли есть необходимость во вмешательстве бога. Он установил закон и как бы устранился.

После посещения храма я решил навестить м-с Безант, которая только что оправилась после болезни. Я послал ей свою визитную карточку. Она сразу же вышла. Намереваясь лишь засвидетельствовать ей свое почтение, я сказал:

— Знаю, что вы чувствуете себя не очень хорошо, и хочу лишь засвидетельствовать вам свое почтение. Очень благодарен, что вы были настолько добры, что приняли меня несмотря на плохое самочувствие. Не буду больше беспокоить вас. После этого я ушел.

XXI

Устраиваюсь в Бомбее

Гокхале очень хотелось, чтобы я обосновался в Бомбее, работал там в качестве адвоката и помогал ему в общественной деятельности. Общественная деятельность в то время означала работу в Конгрессе, а основной задачей организации, основанной при содействии Гокхале, было вести дела Конгресса.

Совет Гокхале пришелся мне по душе, но я не верил в свой успех на адвокатском поприще. Слишком памятны мне были прошлые неудачи, и я все еще как отраву не выносил лесть, к которой приходилось прибегать, чтобы получить практику.

Поэтому начать я решил в Раджкоте. Кевалрам Мавджи Даве, мой давний доброжелатель, уговоривший меня в свое время поехать в Англию, сразу предложил мне три дела. Два из них были апелляциями юридическому помощнику при политическом агенте в Катхиаваре, а третье — довольно серьезное дело — подлежало рассмотрению в Джамнагаре. Когда я сказал Кевалраму Даве, что не могу поручиться за успех дела, он воскликнул:

— Не думайте о том, выиграете вы или проиграете. Делайте, что в ваших силах, а я, разумеется, всегда помогу вам во всем.

Адвокатом противной стороны был ныне покойный Самарт. Я неплохо подготовился. Нельзя сказать, чтобы я очень хорошо знал индийское право. Просто Кевалрам Даве основательно меня проинструктировал. Еще до отъезда в Южную Африку я слышал от друзей, что Фирузшах Мехта прекрасно разбирается в теории судебных доказательств и в этом секрет его успеха. Я помнил об этом и во время путешествия по морю тщательно изучил индийские законы о судебных доказательствах и комментарии к ним. Кроме того, мне пригодился адвокатский опыт, приобретенный в Южной Африке.

Дело я выиграл, и это придало мне некоторую уверенность в себе. В отношении апелляционных жалоб я страха не испытывал, и эти два дела также завершились успешно. Все это вселило в меня надежду, что, может быть, и в Бомбее я не потерплю неудачу.

Но прежде чем изложить обстоятельства, окончательно побудившие меня переехать в Бомбей, расскажу об одном случае, свидетельствующем о легкомыслии и невежестве английских чиновников. Суд юридического помощника постоянно переезжал с места на место, а вакилы и их клиенты должны были повсюду следовать за ним. Каждый раз, когда вакилам надо было выезжать, они брали за услуги дороже, а поэтому клиенты, естественно, несли двойные расходы. Но эти неудобства мало беспокоили судью.

Апелляционная жалоба по одному из дел, которое я вел, должна была слушаться в Веравале, где свирепствовала чума. Помнится, в этом местечке с населением в пять тысяч пятьсот человек отмечалось

по пятидесяти заболеваний в день. Местечко фактически опустело, и я поселился недалеко от города в покинутом дхармашала. Но где должны были искать себе пристанище клиенты? Если они были бедны, им оставалось только положиться на милость божию.

Приятель, который тоже вел дела в суде, телеграфировал мне, чтобы я подал заявление о переносе суда в другое место, мотивируя свою просьбу тем, что в Веравале чума.

— Вы боитесь? — спросил сахиб, когда я подавал заявление.

— Дело совсем не в этом, — ответил я. — Самто я, пожалуй, устроюсь, но что делать клиентам?

— Чума прочно обосновалась в Индии, — заявил сахиб. — Чего же бояться ее? А климат в Веравале хороший. (Сахиб жил далеко от города в роскошной палатке, раскинутой на морском берегу.) Люди, разумеется, должны научиться жить на открытом воздухе.

Возражать против подобных рассуждений было бесполезно. Сахиб все же отдал распоряжение ширастедару:

— Запишите, что сказал м-р Ганди, и если это действительно неудобно для вакилов и клиентов, сообщите мне.

Сахиб честно делал так, как считал правильным. Откуда ему было знать о страданиях бедной Индии? Разве он мог понять нужды, нравы, взгляды и обычаи народа? И как мог он, привыкший оценивать вещи в золотых соверенах, начать считать на медяки? Подобно тому как слон бессилен мыслить по-муравьиному, несмотря на самые лучшие намерения, так и англичанин бессилен мыслить понятиями индийцев, а следовательно, и устанавливать законы для них.

Но возвращаюсь к своему повествованию. Несмотря на успехи, я подумывал о том, чтобы остаться в Раджкоте еще на некоторое время. Вдруг в один прекрасный день ко мне явился Кевалрам Даве и сказал:

— Ганди, мы не потерпим, чтобы вы прозябали здесь. Вы должны обосноваться в Бомбее.

— Но кто найдет мне там работу? — спросил я. — Будете ли вы помогать мне?

— Да, да, буду, — ответил он. — Изредка мы вас будем привозить сюда, но уже как известного адвоката из Бомбея, а подготавливать дела вы будете в Бомбее. Прославить или очернить адвоката зависит отчасти от нас, вакилов. Вы показали себя с хорошей стороны в Джамнагаре и Веравале, поэтому я уже о вас ничуть не беспокоюсь.

Судьба предназначила вас для общественной деятельности, и мы не позволим вам похоронить себя в Катхиаваре. Итак, скажите мне, когда вы переедете в Бомбей?

— Я жду денежный перевод из Наталя, — ответил я. — Как только получу, немедленно выеду.

Примерно через две недели я получил деньги и отправился в Бомбей. Там снял помещение в бюро Пейна, Джилберта и Саяни. Получалось, что я обосновываюсь в Бомбее.

XXII

Испытание веры

Хотя я арендовал помещение в Форте и дом в Гиргауме, но бог не позволил мне обосноваться там. Едва я переехал в новый дом, как мой второй сын Манилал, который несколько лет назад уже перенес оспу в тяжелой форме, заболел брюшным тифом, сопровождавшимся воспалением легких, с бредом по ночам.

Позвали доктора. Он сказал, что лекарства вряд ли помогут, но куриный бульон и яйца будут полезны.

Манилалу минуло всего десять лет, поэтому нельзя было руководствоваться его желаниями. Как его наставник, должен был решать я. Я объяснил доктору — очень хорошему парсу, что мы все вегетарианцы и я не могу дать сыну ни одного из этих блюд. Может быть, он посоветует что-нибудь другое?

— Жизнь вашего сына в опасности, — сказал добрый доктор. — Мы можем дать ему молоко, разбавленное водой, но это недостаточно питательно. Как вам известно, меня приглашают во многие индусские семьи и там не возражают против того, что я прописываю. Думаю, что и вам не следует быть столь суровым по отношению к сыну.

— Все, что вы говорите, совершенно верно, — сказал я. Как доктор, вы не можете поступить иначе, но на мне лежит огромная ответственность. Если бы сын был взрослым, я, разумеется, спросил бы у него самого о его желаниях и отнесся бы к ним с уважением. Но в данном случае я должен все обдумать сам и решить за него. На мой взгляд, только в такие моменты вера человека действительно подвергается испытанию. Я не знаю, правильно это или нет, но в соответствии со своими религиозными убеждениями я считаю, что

человек не должен есть мясо, яйца и тому подобное. Следует ограничивать себя и в той пище, которая поддерживает в нас жизнь. Даже ради самой жизни не должно совершать определенных поступков. Религия в моем понимании не разрешает ни мне, ни моим близким есть мясо и яйца даже при подобных обстоятельствах. Поэтому я обязан пойти на риск, о котором вы говорите. Но прошу вас об одном. Поскольку я не могу воспользоваться вашими советами, предлагаю попробовать водолечение. Я знаю, как его применять, но не знаю, как следить за пульсом и дыханием. Если вы время от времени будете выслушивать моего сына и сообщать мне о его состоянии, буду вам благодарен.

Доктор понял меня и согласился удовлетворить мою просьбу. Хотя Манилал не мог еще самостоятельно сделать выбор, я рассказал ему о разговоре с доктором и спросил, каково его мнение.

— Попробуйте свое водолечение, — сказал он. — Я не хочу ни куриного бульона, ни яиц.

Это обрадовало меня, хотя я понимал, что если бы ему дать одно из этих блюд, он, вероятно, съел бы его.

Мне было известно лечение по методу Куне, и я испробовал его. Кроме того, я знал, что пост также очень полезен в подобных случаях. Применяя метод Куне, я сажал Манилала в воду до пояса и держал в ванне не более трех минут. Затем в течение трех дней давал ему только апельсиновый сок, разбавленный водой.

Но температура не спадала и доходила до 38°. По ночам Манилал бредил. Я начал беспокоиться. Что скажут обо мне? Что подумает старший брат? Не позвать ли другого доктора? Почему бы не воспользоваться услугами аюрведического врача? Какое право имеют родители распространять свои причуды на детей?

Подобные мысли не давали мне покоя. Потом начался обратный процесс. Богу, разумеется, приятно видеть, что я лечу сына тем же способом, каким лечился бы сам. Я верил в водолечение и не очень доверял аллопатам. Доктора не могут гарантировать выздоровление. В лучшем случае они могут экспериментировать. Нить жизни находилась в руках бога. Почему же не вверить эту жизнь ему и во имя его не продолжать лечение, которое я считал правильным? Противоречивые мысли измучили меня. Наступила ночь. Я лежал рядом с Манилалом на его постели. Решив завернуть его в мокрую

простыню, я встал, намочил простыню, выжал и обернул ею Манилала, оставив только голову, а затем накрыл его двумя одеялами. На голову положил мокрое полотенце. Все тело его горело, как раскаленное железо, и было абсолютно сухим. Он совсем не потел.

Усталый и удрученный, вверив Манилала заботам матери, я вышел пройтись до Чаупати, чтобы немного освежиться. Было около десяти часов. Прохожих было мало. Погруженный в свои мысли, я почти не видел их и лишь повторял про себя:

— Моя честь в твоих руках, о господи, в этот час испытания.

Я повторял Раманаму. Спустя некоторое время я вернулся с бьющимся сердцем.

Не успел я войти в комнату, как услышал голос Манилала:

— Ты возвратился, бапу?

— Да, дорогой.

— Пожалуйста, разверни меня. Я весь горю.

— Ты вспотел, мой мальчик?

— Я весь мокрый. Пожалуйста, разверни меня.

Я положил руку ему на лоб. Он был покрыт каплями пота. Температура спадала. Я возблагодарил господа.

— Манилал, теперь твоя лихорадка обязательно пройдет.

Надо еще немного пропотеть, а потом я разверну тебя.

— Умоляю, не надо. Вынь меня из этой печки. Потом, если хочешь, заверни меня снова.

Стараясь отвлечь его, я продержал его укутанным еще несколько минут. Пот струился с его лба. Я развернул его и насухо обтер. Отец и сын уснули в одной постели.

Мы спали как убитые. На следующее утро Манилала уже не так сильно лихорадило. Сорок дней я держал его на разбавленном молоке и фруктовых соках. Но теперь я уже не боялся за него. Это была затяжная форма лихорадки, но с того момента мы уже могли направлять ход болезни.

Сейчас Манилал самый крепкий из моих сыновей. Чему, обязан он выздоровлением: милости ли бога, водолечению или заботливому уходу и строгой диете? Пусть каждый решит в соответствии со своей верой. Я же был уверен, что бог спас мою честь, и эту уверенность сохраняю и по сей день.

XXIII

Снова в Южную Африку

Манилал выздоравливал, но я убедился, что в доме в Гиргауме жить очень неудобно. Там было сыро и темно. Посоветовавшись с Шри Ревашанкаром Джагдживаном, я решил снять хорошее бунгало в пригороде Бомбея. Я занялся поисками в Бандре и. Санта Крусе. Но в Бандре была бойня; и поэтому мы не захотели там поселиться. Гхоткопар и его окрестности были слишком далеко от моря. В конце концов мы остановились на красивом бунгало в Санта Крусе и сняли его, так как с точки зрения санитарии оно было лучшим из того, что мы видели.

Я купил сезонный билет в первом классе от Санта Круса до Черчгейта и радовался, оказываясь подчас единственным пассажиром первого класса в своем купе. Очень часто я ходил в Бандру, чтобы сесть там на скорый поезд, шедший прямо в Черчгейт.

Адвокатская практика в Бомбее шла успешнее, чем я ожидал. Клиенты из Южной Африки часто поручали мне разные дела, и этого было достаточно, чтобы обеспечить существование.

Получить дело в Верховном суде мне все еще не удавалось, но я присутствовал на инсценировках судебного процесса, которые устраивались в те времена, хотя никогда не решался принять в них участие. Вспоминаю, что видную роль всегда играл Джамиатрам Нанабхай. Подобно другим адвокатам новичкам, я слушал дела в Верховном суде скорее ради того, чтобы насладиться легким бризом с моря, чем заботясь о расширении знаний. Я заметил, что не я один так поступаю — это было модно и никто этого не стыдился.

Я начал посещать библиотеку Верховного суда, завязывал новые знакомства и чувствовал, что скоро получу работу в Верховном суде.

С одной стороны, я в некотором роде уже освоился со своей профессией, с другой стороны, Гокхале не переставал следить за мной и строил собственные планы на мой счет. Два-три раза в неделю он навещал меня в моей конторе, часто с кем-нибудь из друзей, которых хотел со мной познакомить, и рассказывал о своих методах работы.

Но, можно сказать, бог ни разу не дал осуществиться моим планам и всегда направлял мою жизнь по своей воле.

Как раз тогда, когда я, казалось, начал устраиваться так, как хотел, я неожиданно получил из Южной Африки телеграмму следующего содержания: «Ожидается приезд Чемберлена. Пожалуйста, возвращайтесь немедленно». Я вспомнил о своем обещании и сообщил, что выеду, как только мне будут высланы деньги. Вскоре я получил ответ, отказался от аренды конторы и выехал в Южную Африку.

Я думал, что пробуду в Южной Африке не больше года, поэтому оставил жену и детей в арендованном мною бунгало.

В то время я считал, что способные юноши, которые не смогли найти себе применения в родной стране, должны эмигрировать в другие страны. Поэтому я взял с собой четыре-пять юношей; одним из них был Маганлал Ганди.

Семья Ганди была большой. Она и теперь большая. Я решил найти всех, кто хотел идти нехоженными тропами и стремился выехать за границу. Моему отцу удавалось устроить кое-кого из них на государственную службу. Я же задался целью освободить их от этих чар. Я не мог и не собирался давать им другую работу, а лишь хотел, чтобы они приобрели веру в свои силы.

Я старался убедить этих юношей сообразовать свои идеалы с моими. Самого большого успеха я добился, наставляя Маганлала Ганди. Но об этом расскажу позже.

Разлука с женой и детьми, нарушение налаженной жизни и переход от определенности к неопределенности — все это некоторое время мучило меня, но я приучил себя к неопределенности в жизни. Не следует ожидать чего-то определенного в этом мире, где все, кроме бога, который есть истина, неопределенно. Все, что появляется и происходит с нами и вокруг нас, неопределенно, преходяще. Но есть высшее существо, сокрытое под видом определенности, и блажен тот, кто сможет уловить проблеск этой определенности и проникнуться ею. Поиски этой истины являются summun bonum[13] жизни.

В Дурбан я прибыл вовремя. Работа уже ожидала меня, так как день приема депутации Чемберленом был назначен заранее. Мне предстояло составить петицию для вручения ему и сопровождать депутацию.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Тщетные усилия

М-ру Чемберлену удалось получить от Южной Африки подарок в 35 миллионов фунтов стерлингов и завоевать сердца англичан и буров. Поэтому он оказал холодный прием индийской депутации.

— Вы знаете, — сказал он, — что имперское правительство не обладает большой властью в самоуправляющихся колониях, но ваши жалобы кажутся нам обоснованными, и я сделаю все, что смогу. Однако вы и сами должны стараться ладить с европейцами, если хотите жить среди них.

На членов депутации этот ответ произвел удручающее впечатление. Я тоже был разочарован и понял, что нам следует начинать все de novo.[14] Я разъяснил создавшееся положение своим коллегам.

По существу ответ м-ра Чемберлена был правильным. И хорошо, что он высказал нам все это напрямик. Он довольно вежливо напомнил нам о праве сильного, который всегда прав, иначе говоря, о праве владеющего мечом.

Но у нас меча не было. И едва ли нашим измотанным нервам и мускулам можно было нанести еще раны мечом.

М-р Чемберлен пробыл в Южной Африке очень недолго. И если учесть, что от Сринагара до мыса Коморин 1900 миль, а от Дурбана до Кейптауна не меньше 1100, то ему надо было преодолевать эти огромные расстояния с ураганной скоростью. Из Наталя он спешил в Трансвааль. Я должен был подготовить записку о положении индийцев и вручить ему. Но как добраться до Претории? Проживавшие там мои соплеменники не могли выхлопотать мне разрешение для срочного выезда туда. Война превратила Трансвааль в унылую пустыню. Невозможно было достать ни продовольствия, ни одежды. Магазины были пусты или заколочены, и требовалось время, чтобы вновь наполнить их товарами и возобновить торговлю. Ждали улучшения продовольственного положения, а пока даже беженцам не разрешали возвращаться домой. Поэтому каждому трансваальцу необходимо

было выхлопотать себе пропуск. Получить пропуск легко мог только европеец, а индийцу это было крайне затруднительно.

Во время войны в Южную Африку приехало много чиновников и военных из Индии и с Цейлона, и британские власти считали своим долгом в первую очередь обеспечить тех из них, кто предполагал остаться в Южной Африке. Правительству все равно приходилось назначать новых чиновников, а эти опытные люди оказались весьма кстати. Благодаря изобретательности некоторых чиновников было создано новое ведомство. В этом проявилась их находчивость. Для негров уже существовало особое ведомство. Почему бы в таком случае не организовать нечто подобное и для азиатов? Аргументация казалась вполне убедительной. Когда я прибыл в Трансвааль, такое ведомство было уже создано и постепенно протягивало все дальше свои щупальца. Чиновники, выдававшие пропуска возвращавшимся беженцам, могли выдавать их всем, но разве мыслимо это было сделать для азиатов без вмешательства нового ведомства? Чиновники рассуждали так: если выдавать пропуска по рекомендации ведомства, то их собственные заботы и ответственность уменьшатся. Такова была их аргументация. Дело же заключалось в том, что новое ведомство для оправдания своего существования нуждалось в работе, а его сотрудники — в деньгах. Если бы работы не было, ведомство бы сочли ненужным и упразднили. Поэтому его чиновники и придумывали, чем бы заняться.

Индийцы должны были обращаться в это ведомство. Ответа они удостаивались лишь спустя много дней. Желавших вернуться в Трансвааль оказалось много, и сразу же образовалась целая армия посредников, которые вместе с чиновниками грабили бедных индийцев. Мне сказали, что нельзя получить пропуск без протекции, а в некоторых случаях, даже и имея протекцию, надо было давать взятку до 100 фунтов стерлингов. Казалось, таким образом, все пути для меня были отрезаны. Я отправился к своему старому приятелю, старшему полицейскому офицеру в Дурбане, и сказал ему:

— Пожалуйста, представьте меня чиновнику, выдающему пропуска, и помогите получить пропуск. Как вы знаете, прежде я постоянно проживал в Трансваале.

Он тотчас надел шляпу, пошел и устроил мне пропуск. До отхода поезда едва оставался час. Багаж мой был готов. Я поблагодарил

старшего полицейского офицера Александера и выехал в Преторию.

Теперь можно было подумать о предстоящих трудностях. Тотчас по приезде в Преторию я составил прошение. Насколько могу припомнить, в Дурбане от индийцев не требовали, чтобы они заранее называли имена своих представителей, но здесь, в Претории, существовало новое ведомство, и оно настаивало на этом. Индийцы в Претории уже узнали, что чиновники хотели исключить меня из состава депутации.

Однако об этом тягостном, хотя и забавном, инциденте речь пойдет в следующей главе.

II

Деспоты из Азии

Чиновники, возглавлявшие новое ведомство, не могли понять, как я проник в Трансвааль. Они расспрашивали приходивших к ним индийцев, но те ничего определенного сказать не могли. Поэтому у чиновников возникло подозрение, что мне удалось приехать без пропуска, использовав свои прежние знакомства. В этом случае я подлежал аресту!

По окончании всякой большой войны существует обычай облекать правительственные органы особыми полномочиями. Так было и в Южной Африке, Правительство издало «Декрет о сохранении мира», по которому каждый, проникший на территорию Трансвааля без пропуска, подлежал аресту и тюремному заключению. Был поставлен вопрос и о моем аресте на основании этого декрета, но никто не осмеливался потребовать, чтобы я предъявил пропуск. Разумеется, чиновники телеграммой запросили Дурбан. Узнав, что пропуск мне выдан, они были очень разочарованы. Но люди эти были не из тех, кто при первой же неудаче мог признать себя побежденным. Хотя мне и удалось приехать в Трансвааль, они могли еще воспрепятствовать моей встрече с м-ром Чемберленом. Поэтому местной индийской общине было предложено дать список представителей, намеченных в состав депутации. Расовые предрассудки, конечно, существовали повсюду в Южной Африке, но я не был подготовлен к тому, чтобы встретить здесь среди чиновников такую же нечестность, к которой привык в Индии. В Южной Африке государственные учреждения существовали

для блага населения и были ответственны перед общественным мнением. Поэтому местные чиновники были здесь довольно вежливы и скромны, и эти их качества в той или иной степени распространялись и на их отношение к цветным. Но чиновники из Азии привезли с собой не только привычку к самовластию, но и укоренившиеся замашки самодуров. В Южной Африке было своего рода ответственное правительство, т. е. установилась демократия, товар же, ввезенный из Азии, представлял собой деспотию в ее чистом виде, потому что в Азии не существовало никакого ответственного правительства и господствовала чужеземная власть. В Южной Африке европейцы были осевшими эмигрантами. Они стали южноафриканскими гражданами, которые контролировали ведомственных чиновников. Теперь на сцене появились деспоты из Азии, и индийцы оказались между молотом и наковальней.

Мне пришлось испытать на себе этот деспотизм. Меня вызвали к начальнику ведомства, чиновнику с Цейлона. Я не преувеличиваю, говоря, что был «вызван» к начальнику. Расскажу, как это было. Никакого письменного приказания я не получал. Индийским деятелям часто приходилось ходить к азиатским чиновникам. В числе этих деятелей был и шет Тайиб Ходжи Хан Мухаммад. Начальник ведомства спросил у него, кто я и зачем приехал.

— Он наш юрисконсульт, — ответил Тайиб Шет, — и приехал сюда по нашей просьбе.

— Ну, а мы здесь на что? Разве мы назначены не для того, чтобы вас защищать? Что может знать Ганди о здешних условиях? — спросил этот деспот.

Таийб Шет отвечал на обвинение, как мог:

— Разумеется, вы тоже здесь нужны. Но Ганди — наш человек. Он знает наш язык и хорошо понимает нас. Вы же в конце концов всего лишь чиновники.

Сахиб приказал Таийб Шету привести меня к нему. Я отправился к сахибу вместе с Тайиб Шетом и другими индийцами. Нам даже не предложили сесть.

— Зачем вы приехали сюда? — спросил сахиб, обращаясь ко мне.

— Я приехал сюда по просьбе своих соотечественников, чтобы помочь им советом, — ответил я.

— Но разве вы не знаете, что не имели права этого делать? Пропуск был выдан вам по ошибке. Вас нельзя считать местным индийцем. Вы должны вернуться обратно. К м-ру Чемберлену вас не допустят. Азиатское ведомство учреждено со специальной целью защищать интересы индийцев. Итак, можете отправляться обратно.

С этими словами он распрощался со мной, не дав мне возможности ответить.

Моих спутников он задержал, задал им хорошую головомойку и посоветовал отправить меня обратно.

Они ушли от него, в полном унынии. Мы столкнулись с совершенно непредвиденными обстоятельствами.

III

Обида проглочена

Я был оскорблен. Но в прошлом мне пришлось проглотить уже столько оскорблений, что я перестал быть к ним особенно чувствительным. Поэтому я решил забыть и об этом и стал беспристрастно наблюдать за дальнейшим ходом событий.

Мы получили от начальника азиатского ведомства письмо, в котором говорилось, что, так как я уже имел беседу с м-ром Чемберленом в Дурбане, следует исключить меня из. состава депутации, которую он должен принять.

Это письмо в высшей степени возмутило моих товарищей. Они предложили вообще не посылать депутацию. Я разъяснил им, что община в этом случае оказалась бы в весьма щекотливом положении.

— Если вы не представите м-ру Чемберлену своих требований, — сказал я, — то решат, что их у вас вообще нет. Но ведь наше ходатайство должно быть представлено в письменном виде, и текст его уже выработан. Совершенно неважно, прочту его я или кто-нибудь другой. М-р Чемберлен не станет обсуждать с нами этот вопрос. Полагаю, нам надо проглотить это оскорбление.

Едва я закончил, Тайиб Шет воскликнул:

— Разве оскорбление, нанесенное вам, не равносильно оскорблению всей общины? Разве можно забыть о том, что вы наш представитель?

— Совершенно верно, — сказал я. — Но и общине в целом придется проглатывать подобного рода оскорбления. Разве у нас есть другой выход?

— Будь что будет, но к чему терпеть? Ничего хуже с нами не случится. Какие еще права мы рискуем потерять? — возразил Тайиб Шет.

Возражение было остроумным, но толку от этого было мало. Я вполне сознавал затруднительность положения общины и успокоил друзей, посоветовав им пригласить вместо меня м-ра Джорджа Годфри, адвоката индийца.

Итак, депутацию возглавил м-р Годфри. В своем ответе депутации м-р Чемберлен намекнул на мое исключение из ее состава.

— Вместо того, чтобы всегда и всюду выслушивать одного и того же представителя, неплохо повидать и других, — сказал он, пытаясь смягчить нанесенную обиду.

Но все это вовсе не исчерпывало вопроса, а только осложняло работу общины, а также и мою. Приходилось начинать все сначала.

Некоторые укоряли меня:

— По вашему настоянию община помогала англичанам в войне, и вот к чему это привело.

Но колкости меня не задевали.

— Я не раскаиваюсь ни в чем, — говорил я, — и продолжаю утверждать, что мы поступили правильно, приняв участие в войне. Делая это, мы лишь исполняли свой долг. Не следует ждать награды за труды, но всякое доброе дело в конце концов обязательно принесет свои плоды. Забудем же о прошлом и будем думать о задаче, стоящей перед нами в настоящий момент.

Все согласились со мной. Я добавил:

— Откровенно говоря, дело, ради которого вы меня вызвали сюда, фактически уже сделано. Но я считаю, что я не должен уезжать из Трансвааля, даже если вы позволите мне вернуться домой. Раньше я делал свое дело в Натале, теперь же должен делать его здесь и в течение года даже и не помышлять о возвращении в Индию, а приписаться к Верховному суду Трансвааля. Я достаточно уверен в своих силах, чтобы иметь дело с новым ведомством. Если же мы этого не сделаем, община будет изгнана из страны, не говоря уже о том, что ее разорят. Каждый день ей будут наносить все новые оскорбления.

Отказ м-ра Чемберлена принять меня и оскорбление, которое нанес мне чиновник, — ничто по сравнению с унижением всей общины. Немыслимо станет выносить ту поистине собачью жизнь, которая нам угрожает.

Такие беседы вел я с индийцами в Претории и Иоганнесбурге, обсуждая их положение, и в конце концов решил открыть контору в Иоганнесбурге.

Впрочем, было сомнительно, чтобы мне позволили вести дела в трансваальском Верховном суде. Но местные адвокаты не возражали против моей практики, и суд разрешил мне ее. Индийцу было трудно найти подходящее помещение для конторы. Но я близко познакомился с м-ром Ритчем, одним из местных купцов. С помощью знакомого ему агента по найму помещения я нашел подходящие для конторы комнаты в деловой части города и занялся своей профессиональной работой.

IV

Оживший дух жертвенности

Прежде чем рассказать о борьбе за права индийских поселенцев в Трансваале и об их взаимоотношениях с Азиатским ведомством, я должен остановиться на некоторых сторонах своей жизни.

До сих пор мной руководили противоречивые чувства. Дух самопожертвования умерялся желанием отложить что-нибудь на будущее.

Как-то в Бомбее ко мне явился американский агент по. страхованию жизни — сладкоречивый человек благообразной наружности. Он заговорил о моем будущем благосостоянии так, словно мы были с ним старые друзья.

— В Америке все люди вашего положения страхуют свою жизнь. Не застраховаться ли и вам? Жизнь переменчива. Мы, американцы, смотрим на страхование как на свою священную обязанность. Нельзя ли предложить вам страховой полис на небольшую сумму?

Прежде я всегда оказывал холодный прием всем страховым агентам, с которыми мне приходилось сталкиваться в Южной Африке и Индии, так как считал, что страхование жизни равносильно страху и неверию в бога. Но перед искусительными речами американского агента я не устоял. Слушая его доводы, я мысленно представлял свою

жену и детей. «Ты продал почти все украшения жены, — подумал я. — Если же с тобой что-нибудь случится, то все заботы о содержании жены и детей падут на плечи несчастного брата, который с таким великодушием занял место умершего отца. Каково бы пришлось тебе в его положении?» Этими и подобными доводами уговорил я себя застраховаться на 10 тысяч рупий.

В Южной Африке вместе с переменой моего образа жизни изменились и мои взгляды. В этот период испытаний каждый свой шаг я совершал во имя бога и ради служения ему. Я не знал, как долго мне придется пробыть в Южной Африке, и опасался, что никогда больше не смогу вернуться в Индию. Поэтому я решил: пусть жена и дети живут вместе со мной, а я постараюсь заработать на их содержание. Этот план заставил меня пожалеть, что я застраховал свою жизнь, и мне стало стыдно, что я попался в сети страхового агента. Если брат действительно занимает в нашем доме место отца, думал я, то он, конечно, не сочтет слишком тяжелым бременем содержание моей вдовы, если дело дойдет до этого. А какие у меня основания предполагать, что смерть придет ко мне раньше, чем к другим? Всемогущий господь — вот наш настоящий защитник, а не я или брат. Застраховав жизнь, я лишил жену и детей уверенности в себе. Разве они не смогут позаботиться о себе сами? А как же семьи бесчисленных бедняков? Почему я не должен считать себя одним из них?

Множество подобных мыслей приходило на ум, но я не тотчас начал действовать. Помнится, в Южной Африке я выплатил по крайней мере одну страховую премию. Внешние обстоятельства также способствовали такому направлению мыслей. Во время первого пребывания в Южной Африке религиозное чувство поддерживалось во мне под влиянием христиан. Теперь же это чувство усилилось под влиянием теософов. М-р Ритч был теософом и ввел меня в общество теософов в Иоганнесбурге. Я не стал членом этого общества, так как у меня были иные взгляды, но близко сошелся почти со всеми теософами. Ежедневно мы вели споры на религиозные темы. Обычно на собраниях читали теософские книги, а иногда мне представлялся случай выступить с речью. Главное в теософии — насаждать и распространять идею братства. По этому вопросу мы много спорили, и я критиковал членов общества, когда мне казалось, что их поведение

не сообразуется с их идеалом. Критика эта не могла не оказать на меня благотворного воздействия. Она помогала самоанализу.

V

Результаты самоанализа

В 1893 году, когда я сблизился с друзьями христианами, я был совсем новичком в вопросах религии. Они усиленно старались растолковать мне слово Иисуса и заставить принять его, и я был смиренным и почтительным слушателем с открытой душой. В то время я, естественно, по мере сил и способностей изучал индуизм и старался понять другие религии.

В 1903 году положение несколько изменилось. Друзья теософы, конечно, намеревались вовлечь меня в свое общество, однако при этом они хотели получить и от меня кое-что как от индуса. В теософской литературе заметно сильное влияние индуизма, поэтому они рассчитывали, что я буду им полезен. Я объяснил, что мои познания в санскрите оставляют желать лучшего, что я не читал индуистских священных книг в оригинале и даже с переводами их знаком весьма поверхностно. Однако, веря в сансара (тенденции, Обусловленные предшествующими рождениями) и в пунарджанма (перевоплощение), они полагали, что я смогу в какой-то мере им помочь. И потому я чувствовал себя великаном среди карликов. Нескольким теософам я начал читать «Раджайогу» Свами Вивекананды, а вместе с другими читал «Раджайогу» М. Н. Двиведи. Один из знакомых просил меня прочесть «Йога сутрас» Патанджали. Целой группе я прочел «Бхагаватгиту». Мы создали своего рода «клуб ищущих», где происходили регулярные чтения. «Гита» просто очаровала меня, я и прежде питал к ее текстам большое доверие, а теперь почувствовал необходимость изучить ее еще глубже. В моем распоряжении были один или два перевода «Гиты», при помощи которых я старался разобраться в оригинале, написанном на санскрите.

Я решил также заучивать наизусть одно-два стихотворения в день. Этому я посвятил время своих утренних омовений. Эта процедура длилась тридцать пять минут: пятнадцать минут уходило на чистку зубов и двадцать — на ванну. Зубы я обычно чистил стоя, как это делают на Западе. Поэтому на противоположной стене я прикалывал

листки бумаги с написанными на них строками из «Гиты» и время от времени смотрел на них, что облегчало запоминание. Этого времени оказалось совершенно достаточно, чтобы запоминать ежедневную порцию стихов и повторять уже заученные. Помнится, я выучил таким образом тринадцать глав. Однако заучивание «Гиты» должно было уступить место другой работе — созданию и развитию движения сатьяграхи, которое поглотило все мое время.

Какое влияние оказало чтение стихов из «Гиты» на моих друзей, могут сказать только они сами; для меня же «Гита» стала непогрешимым руководством в поведении, моим повседневным справочником. Подобно тому как я смотрел в английский словарь, чтобы узнать значение новых слов, так обращался я и к этому учебнику поведения за готовыми ответами на все свои тревоги и сомнения. Такие слова, как «апариграха» (отказ от собственности, нестяжательство) и «самабхава» (уравновешенность), всецело завладели моим вниманием. Как воспитать и сохранить эту уравновешенность — вот в чем проблема. Разве можно одинаково относиться к оскорбляющим вас наглым и продажным чиновникам, к вчерашним соратникам, затеявшим бессмысленный спор, и к людям, которые всегда хорошо относились к вам? Разве можно отказаться от владения собственностью? Не является ли само наше тело собственностью? А жена и дети — тоже собственность? Должен ли я уничтожить все свои шкафы с книгами? Должен ли отдать все, что имею, и идти по стопам бога? Сразу же был найден ответ: я не могу идти по его стопам, если откажусь от всего, что имею. Мои занятия английским правом помогли мне в этом. Я вспомнил максимы права справедливости, рассмотренные в книге Снелла. В свете учения «Гиты» я более отчетливо понял значение слова «доверенное лицо». Мое уважение к юриспруденции сильно возросло, потому что я открыл в ней религию. Я понял, что учение «Гиты» о не стяжательстве означает; что тот, кто желает спасения, должен действовать подобно доверенному лицу, которое, хотя и распоряжается большим имуществом, не считает ни одной части его своей собственностью. Мне стало совершенно ясно, что нестяжательство и уравновешенность предполагают изменение души, изменение склада ума. Тогда я написал Ревашанкарохаю, раз решив аннулировать страховой полис и получить то, что еще можно было вернуть. Если же это не удастся, то нужно

рассматривать уже выплаченные страховые премии как потерянные, поскольку я убедился, что бог, создавший мою жену и детей, как и меня, позаботится о них. Брату, который был мне как отец, я написал, что отдаю ему все, что накопил до сих пор, и что отныне он не должен ожидать от меня ничего больше, так как все будущие мои сбережения, если таковые окажутся, пойдут на благо общины.

Нелегко было убедить брата в правильности такого шага. Сурово разъяснял он мой долг перед ним. Не следует, говорил он, стремиться быть умнее своего отца. Я должен помогать семье, как это делал он. Я ответил брату, что поступаю так же, как поступал наш отец. Следует лишь немного расширить значение понятия «семья», и тогда мудрость моего шага станет очевидной.

Брат отказался от меня и фактически прекратил со мной всякие отношения. Я глубоко страдал, но отказаться от того, что считал своим долгом, было бы еще большим страданием для меня, и я предпочел меньшее. Однако это не повлияло на мою привязанность к брату, которая оставалась столь же чистой и сильной. В основе его несчастья лежала огромная любовь ко мне. Он хотел не столько моих денег, сколько того, чтобы я вел себя правильно по отношению к своей семье. Однако в конце жизни он одобрил мою точку зрения. Будучи уже почти на смертном одре, он осознал правильность моего поступка и написал мне очень трогательное письмо. Он просил у меня прощения, если только отец может просить прощения у своего сына. Он вверял мне заботу о своих сыновьях с тем, чтобы я их воспитал так, как считаю правильным, и выражал свое нетерпеливое желание встретиться со мной. Он телеграфировал мне о своем желании приехать в Южную Африку, и я послал ему ответную телеграмму, что жду его. Но этому не суждено было сбыться. Также не могло быть выполнено его желание относительно его сыновей. Он умер прежде, чем смог отправиться в Южную Африку. Его сыновья были воспитаны в старых традициях и не могли уже изменить свой образ жизни. Я не смог сблизиться с ними. Это была не их вина. «Разве когда-нибудь мог кто-либо приказом остановить мощный поток своей собственной натуры?». Кто может стереть отпечаток, с которым он родился? Напрасно ждать, чтобы дети и те, о которых ты заботишься, проходили обязательно тот же путь развития, что и ты сам.

Этот пример, до некоторой степени, показывает, какая страшная ответственность быть главой семьи.

VI

Жертва вегетарианству

По мере того, как все более очевидным становился идеал жертвенности и простоты, по мере того, как во мне все больше пробуждалось религиозное сознание, я все сильнее увлекался вегетарианством, распространение которого считал своей миссией. Мне известен только один метод миссионерской деятельности — это личный пример и беседы с ищущими знания.

В Иоганнесбурге существовал вегетарианский ресторан, хозяином которого был немец, веривший в гидропатическое лечение Куне, Я посещал этот ресторан и старался помочьхозяину, приводя туда своих английских друзей, но понимал, что он долго не просуществует изза постоянных финансовых затруднений. По возможности я старался помогать хозяину ресторана и потратил с этой целью небольшую сумму денег, но в конце концов ресторан пришлось все же закрыть.

Большинство теософов в той или иной степени вегетарианцы, и вот явилась на сцену предприимчивая дама, принадлежавшая к обществу теософов, которая организовала ветегарианский ресторан на широкую ногу. Она любила искусство, была сумасбродна и ничего не понимала в бухгалтерии. Круг ее друзей был очень широк. Она начала с небольшого дела, но потом решила расширить свое предприятие, сняла для ресторана большое помещение и обратилась ко мне за помощью. Я не знал, какими средствами она располагает, но понадеялся на правильность составленной ею сметы. У меня была возможность снабдить ее деньгами. Мои клиенты обычно доверяли мне большие суммы для хранения. Получив согласие одного из них, я одолжил примерно 1000 фунтов стерлингов из находившейся у меня суммы. Клиент этот был очень великодушен и доверчив. Приехал он в Южную Африку в качестве законтрактованного рабочего. Он сказал:

— Дайте деньги, если хотите. Я ничего не смыслю в этих делах. Я знаю только вас. Его звали Бадри. Впоследствии он сыграл видную роль в сатьяграхе и подвергся тюремному заключению. Итак, я ссудил деньги в долг, считая, что его согласия достаточно.

Через дватри месяца я узнал, что эта сумма никогда не будет мне возвращена. Вряд ли можно было позволить себе потерять такую крупную сумму. Я бы мог истратить ее на множество других целей. Долг не был уплачен. Но разве можно было допустить, чтобы пострадал доверчивый Бадри? Он знал только меня. И я возместил потерю.

Один мой знакомый клиент, которому я рассказал об этом случае, мягко отчитал меня за глупость.

— Бхаи, — сказал он; к счастью, я не стал еще ни «Махатма», ни даже «Бапу» (отец); друзья обычно называли меня прекрасным именем «Бхаи» (брат), — нельзя было этого делать. Мы зависим от вас во многих отношениях, вы не надеетесь вернуть эту сумму. Я знаю, что вы никогда не допустите, чтобы Бадри попал в беду, поэтому вы заплатите ему из своего кармана. Но если вы будете осуществлять свои реформы, расходуя деньги клиентов, бедные парни будут разорены, вы же скоро станете нищим. Вы наше доверенное лицо и должны понять, что если вы станете нищим, то вся наша общественная деятельность прекратится.

Рад сообщить, что этот мой друг еще жив. Я не встречал более честного человека ни в Южной Африке, ни где-нибудь еще. Мне известно, что, если ему случалось заподозрить кого-либо в чем-нибудь нехорошем и он потом обнаруживал, что эти подозрения беспочвенны, он просил прощения и тем самым очищал себя.

Я понимал, что он прав, предостерегая меня. Ибо, хотя я и возместил Бадри эту потерю, в будущем я был бы не в состоянии компенсировать подобные потери и влез бы в долги, чего я не делал никогда и что всегда ненавидел. Я понял, что даже усердие реформатора не должно выходить за определенные границы. Я понял также, что, одолжив доверенные мне деньги, нарушил основное положение учения «Гиты», а именно: долг уравновешенного человека — действовать беспристрастно во имя конечного результата. Эта ошибка послужила мне предостережением на будущее.

Жертва, принесенная на алтарь вегетарианства, не была ни преднамеренной, ни предвиденной. Это произошло по необходимости.

VII

Опыты лечения землей и водой

Вместе с упрощением моей жизни в значительной степени возросло и мое отвращение к лекарствам. Находясь в Дурбане, я некоторое время чувствовал слабость и страдал от приступов ревматизма. Д-р П. Дж. Мехта, осмотрев меня, прописал мне лечение, и я вскоре выздоровел. После этого вплоть до своего возвращения в Индию, насколько помню, я не болел ничем серьезным.

Но во время жизни в Иоганнесбурге меня беспокоили запоры и частые головные боли. Слабительными средствами и правильно регулируемой диетой я поддерживал свое здоровье, но едва ли мог назвать себя вполне здоровым и всегда жаждал избавиться от этих ужасных слабительных.

Примерно в это же время я прочел об образовании в Манчестере «Общества незавтракающих». Создатели этого общества доказывали, что англичане едят слишком часто и много, что их расходы на лечение велики, так как они едят до полуночи, и что им нужно отказаться по крайней мере от завтрака, если они хотят улучшить свое здоровье. Хотя этого нельзя было сказать обо мне, я понял, что в какой-то степени эти доводы относятся и ко мне. Я обычно плотно ел три раза в день, не считая послеполуденного чая. Я никогда не был воздержан в еде и наслаждался, поглощая разнообразные лакомства, допускавшиеся вегетарианской диетой, без употребления пряностей. Раньше шести-семи часов я почти никогда не вставал. Поэтому я подумал, что, если я откажусь и от утреннего завтрака, у меня могут прекратиться головные боли. Я решил произвести такой опыт. В течение нескольких дней не есть по утрам было очень трудно, но головные боли совсем прекратились. Это привело меня к выводу, что я ем больше, чем нужно.

Но это изменение в режиме питания не излечило меня от запоров. Я попытался принимать поясные ванны Куне. Они хотя и принесли некоторое облегчение, но полностью меня тоже не излечили. Между тем мой знакомый (забыл, кто именно, кажется, немец, бывший хозяин вегетарианского ресторана) дал мне книгу Джаста «Возврат к природе». В этой книге я прочел о лечении землей. Автор также пропагандировал свежие фрукты и орехи как естественную пищу человека. Не сразу перешел я на одну фруктовую диету, но тотчас же

начал проводить опыты по лечению землей, и это дало удивительные результаты. Процедура лечения сводилась к тому, чтобы подвязывать живот бандажем из льняного полотна, т. е. делать своего рода компресс из чистой земли, увлажненной холодной водой. Ложась спать, я надевал этот бандаж и снимал его при первом же своем пробуждении ночью или утром. Это оказалось радикальным средством. С тех пор я несколько раз проверял это лечение на себе и на своих друзьях и никогда не жалел об этом. В Индии у меня не было возможности столь же успешно испытывать это лечение, поскольку не было времени обосноваться в одном месте и проводить такие опыты. Но моя вера в эффективность лечения землей и водой практически осталась прежней. Я прибегаю к лечению землей даже теперь и рекомендую его своим соратникам, когда это необходимо.

Несмотря на то, что я дважды серьезно болел в своей жизни, считаю, что человеку особенно не нужны лекарства. В 999 случаях из тысячи можно вылечиться с помощью правильной диеты, лечением водой и землей и тому подобными домашними средствами. Тот, кто обращается к врачу, вайдья или хакиму по поводу каждого незначительного недомогания и глотает всякие растительные и минеральные лекарства, не только укорачивает свою жизнь, но и становится рабом своего тела, вместо того чтобы быть его господином, теряет самоконтроль и перестает быть человеком.

Пусть эти соображения не смущают читателя на том основании, что они пишутся больным, прикованным к постели. Я знаю причины своих болезней. И всецело сознаю, что я один в ответе за них и именно вследствие этого сознания не потерял еще терпения. В самом деле, я благодарен богу за эти свои болезни, являющиеся для меня жизненным уроком, и успешно сопротивляюсь искушению принимать множество лекарств. Знаю, что мое упрямство часто удручает врачей, но они несмотря на это обращаются со мной сердечно и не отказываются от меня.

Однако не будем отвлекаться. Прежде чем перейти к дальнейшему рассказу, я должен предостеречь читателя. Тот, кто купит книгу Джаста под влиянием прочитанного в этой главе, не должен все принимать в ней за истинную правду. Писатель почти всегда раскрывает только одну сторону дела, в то время как каждое дело надо рассматривать по меньшей мере с семи точек зрения, каждая из которых, вероятно,

правильна сама по себе, но не верна в определенный момент и при определенных обстоятельствах. Кроме того, многие книги пишутся только для продажи и ради приобретения имени и славы. Поэтому пусть тот, кому попадутся такие книги, прочтет их критически и посоветуется с опытным человеком, прежде чем пытаться проделать какой-либо опыт, описанный там, или же пусть он читает эти книги терпеливо и хорошо усвоит их содержание, прежде чем руководствоваться ими в своих поступках.

VIII

Предостережение

Боюсь, что мне придется и в этой главе отступить от темы.

Наряду с опытами по лечению землей я проводил также опыты в области питания, и здесь будет не лишним высказать некоторые замечания относительно этих опытов, хотя у меня будет еще возможность вернуться к ним.

Я не могу подробно останавливаться здесь на опытах в области питания: это я уже делал в ряде статей, написанных на гуджарати и опубликованных несколько лет назад в «Индиан опиньон», а затем появившихся в виде брошюры на английском языке под названием «Руководство к здоровью».

Из всех моих брошюр эта самая известная, как на Востоке, так и на 3 ападе, — чего я до сих пор не могу понять.

Брошюра была написана для читателей «Индиан опиньон». Но мне хорошо известно, что она оказала большое влияние на жизнь многих на Западе и на Востоке, которые в глаза не видели «Индиан опиньон». Я знаю об этом, так как эти люди писали мне по данному вопросу. Поэтому считаю необходимым упомянуть здесь о брошюре, ибо хотя я и не вижу оснований пересматривать изложенные в ней взгляды, однако в своей практике я провел ряд коренных изменений, о которых читатели этой брошюры не знают и о которых, мне думается, им следует сообщить.

Подобно всем другим моим книгам и статьям эта брошюра была написана с религиозной целью, всегда вдохновлявшей все мои поступки, и если сегодня я не могу применить на практике некоторые свои теории, изложенные в этой брошюре, то это мое большое горе.

Я твердо убежден, что человек совсем не должен пить молоко, за исключением молока своей матери, которое он потребляет в младенческом возрасте. Его питание должно состоять из высушенных на солнце фруктов и орехов. Для своих тканей и нервов он может получить достаточно питательных веществ из таких фруктов, как виноград, и орехов вроде миндаля. Человеку, питающемуся этими продуктами, легко умерить половое влечение и другие страсти. Вместе со своими товарищами по работе я убедился на опыте, насколько верна индийская пословица: человек есть то, что он ест. Эти взгляды обстоятельно изложены в моей брошюре.

Но, к сожалению, на практике я был вынужден отказаться от некоторых своих теорий. Когда я проводил вербовочную кампанию в Кхеде, ошибка в диете истощила меня, и я был на пороге смерти. Напрасно пытался я восстановить подорванное здоровье без молока. Я обращался к врачам, вайдья и известным мне ученым с просьбой порекомендовать мне какой-нибудь заменитель молока. Одни предлагали манговую воду, другие — масло махуа, третьи — миндальное молоко. Я истощил свое тело, экспериментируя подобным образом, но ничто не могло помочь мне подняться с постели. Вайдья читали мне строфы из произведений Чараки, чтобы доказать, что в терапии нет места религиозной щепетильности в отношении пищи. Так что от них трудно было ожидать, что они помогут мне остаться в живых, не употребляя молока. И разве мог тот, кто без колебаний рекомендует крепкие бульоны и коньяк, помочь мне сохранить жизнь на безмолочной диете? Связав себя обетом, я не мог уже пить молоко коровы или буйволицы. Конечно же, обет этот означал, что я отказываюсь от любого молока, но поскольку, давая этот обет, я имел в виду лишь молоко коров и буйволиц и поскольку мне очень хотелось жить, я решил всетаки пить молоко, но козье, оправдывая свой поступок тем, что я придерживаюсь буквы обета. Начав пить козье молоко, я прекрасно сознавал, что нарушаю дух своего обета.

Но мной овладела идея провести кампанию против закона, Роулетта. И вместе с тем росло желание жить. Так прекратился один из величайших опытов моей жизни.

Некоторые, как мне известно, говорят, что душа не имеет ничего общего с тем, что человек ест или пьет, так как она сама не ест и не пьет; что имеет значение не то, что мы принимаем внутрь извне, а то,

что мы выражаем изнутри вовне. Несомненно, в этом есть некоторая доля истины, но, не вдаваясь подробно в эти доводы, я только выражу свою твердую убежденность в том, что воздержание в пище, как в отношении качества ее, так и количества, столь же важно, как и сдержанность в мыслях и словах для ищущего истину, который живет в страхе божьем и готовится предстать пред господом.

Однако должен сообщить не только о том, что моя теория подвела меня, но и предостеречь от применения ее. Поэтому я убедительно прошу того, кто под воздействием выдвинутой мною теории откажется от молока, не упорствовать в своем опыте в случае, если этот опыт будет неблагоприятным в каком-либо отношении, или же проводить его, только посоветовавшись с опытными врачами. До сих пор этот опыт показал мне, что для тех, у кого слабое пищеварение и кто прикован к постели, нет более легкой и питательной пищи, чем молоко.

Я был бы очень обязан тем, кто, обладая опытом в этом отношении и прочитав эту главу, сообщит мне, удалось ли ему на основании опыта, а не из книг, найти растительную замену молока, которая была бы столь же питательна и легко усвояема.

IX

Борьба с властями

Вернемся к Азиатскому ведомству.

Иоганнесбург был оплотом азиатских чиновников. Я видел, что они, вместо того чтобы защищать индийцев, китайцев и других, притесняли их. Ежедневно ко мне поступали жалобы следующего содержания: «Отказывают тем, кто имеет право, а за сто фунтов стерлингов дают разрешения не имеющим никаких прав. Если вы не вмешаетесь, то от кого же тогда ждать помощи?» Я разделял их мнение. Если мне не удастся искоренить зло, то пребывание мое в Трансваале будет напрасным.

Я стал собирать доказательства и, когда у меня их накопилось более чем достаточно, обратился к полицейскому комиссару. Он оказался человеком справедливым и отнесся ко мне не только не холодно, но, напротив, внимательно выслушал и попросил ознакомить с фактами, которыми я располагал. Он сам опросил свидетелей и был

удовлетворен их показаниями. Однако, так же как и я, он знал, что в Южной Африке трудно рассчитывать на то, чтобы белые присяжные осудили белого, нанесшего обиду цветному.

— Во всяком случае попробуем, — сказал он. — Вряд ли стоит оставлять таких преступников безнаказанными из опасения, что присяжные их оправдают. Я должен добиться их ареста. Уверяю вас, что приложу к этому все силы.

Мне не нужны были подобные заверения. Я подозревал многих чиновников, но поскольку прямых улик против них собрать не удалось, был отдан приказ об аресте только двоих из них, в виновности которых не было ни малейшего сомнения.

Мои действия невозможно было сохранить в тайне. Многие знали, что я бываю у полицейского комиссара почти ежедневно. Два чиновника, которых должны были арестовать, пользовались услугами агентов, более или менее искусных. Они наблюдали за моей конторой и доносили чиновникам, где я бываю. Но чиновники эти настолько скомпрометировали себя, что никакие агенты уже не могли им помочь. Тем не менее, не располагай я поддержкой индийцев и китайцев, чиновники эти никогда бы не были арестованы.

Один из них скрылся. Полицейский комиссар добился приказа о его выдаче: его арестовали и доставили в Трансвааль. Обоих судили, но несмотря на серьезные улики, а также на то, что один из них скрывался от суда, присяжные признали их невиновными и оправдали.

Я испытывал болезненное чувство разочарования. Полицейский комиссар также был весьма огорчен. Профессия юриста мне опостылела. Самый интеллект стал мне противен, поскольку оказывалось возможным проституировать его для сокрытия преступлений.

Виновность этих двух чиновников была все же столь очевидна, что, хотя они и были оправданы судом, правительство не сочло возможным оставить кх на службе. Оба были уволены, и в Азиатском ведомстве воздух стал сравнительно чище, а индийская община вздохнула свободнее.

Событие это подняло мой престиж, и дел у меня стало еще больше. Удалось сберечь многие сотни фунтов стерлингов, вымогавшихся ежемесячно у членов общины. Однако всего спасти было нельзя,

потому что бесчестные люди продолжали свое дело. Но честный человек получил теперь возможность оставаться честным.

Должен сказать, что лично я ничего не имел против тех двух чиновников. Зная это, они обратились ко мне, когда оказались в затруднительном положении, и я оказал им содействие. Чиновникам представился случай получить службу в иоганнесбургском муниципалитете при условии, если я не буду против. Один из их друзей сообщил мне об этом, я согласился не препятствовать им, и они устроились.

Такое поведение с моей стороны весьма ободрило чиновников, с которыми мне приходилось сталкиваться, и, несмотря на то, что мне часто случалось воевать с их ведомством и я — прибегал к резким выражениям, они сохранили ко мне самые дружеские чувства. Тогда я еще не вполне сознавал, что мое поведение было свойственно моей природе. Впоследствии я понял, что это неотъемлемая часть сатьяграхи и характерная черта ахимсы.

Человек и его поступок — вещи разные. В то время как хороший поступок заслуживает одобрения, а дурной — осуждения, человек, независимо от того, хороший или дурной поступок он совершил, всегда достоин либо уважения, либо сострадания, смотря по обстоятельствам. «Возненавидь грех, но не грешника» — правило, которое редко осуществляется на деле, хотя всем понятно. Вот почему яд ненависти растекается по всему миру.

Ахимса — основа для поисков истины. Каждый день я имею возможность убеждаться, что поиски эти тщетны, если они не строятся на ахимсе. Вполне допустимо осуждать систему и бороться против нее, но осуждать ее автора и бороться против него — все равно, что осуждать себя и бороться против самого себя. Ибо все мы из одного теста сделаны, все мы дети одного творца, и божественные силы в нас безграничны. Третировать человеческое существо — значит третировать эти божественные силы и тем самым причинять зло не только этому существу, но и всему миру;

X

Святое воспоминание и покаяние

События в моей жизни развивались таким образом, что я сталкивался с людьми различных вероисповеданий и различного общественного положения. Я всегда относился одинаково к своим родным и посторонним, соотечественникам и иностранцам, белым и цветным, индусам и индийцам других религий, будь то мусульмане, парсы, христиане или иудеи. С уверенностью могу сказать, что сердце мое было неспособно воспринимать их по-разному. Я не могу поставить себе это в заслугу, так как это свойственно моей природе, а не результат какого-либо усилия с моей стороны, тогда как в отношении таких основных добродетелей, как ахимса (ненасилие), брахмачария (целомудрие), апариграха (нестяжательство) и другие, могу сказать, что я вполне сознательно стремился постоянно их придерживаться.

Когда я практиковал в Дурбане, служащие моей конторы часто жили вместе со мной. Среди них были и индусы, и христиане, или, если определять их по месту рождения, гуджаратцы и тамилы. Не помню, чтобы я относился к ним иначе, чем к родным и друзьям. Я обращался с ними как с членами одной семьи, и у меня бывали неприятности с женой всякий раз, когда жена моя противилась этому. Один из служащих был христианином и происходил из семьи панчамы.

Дом, в котором мы тогда жили, был построен по западному образцу, и в комнатах отсутствовали стоки для нечистот. Поэтому во всех комнатах ставились ночные горшки. Мы с женой сами выносили и мыли их, без помощи слуг или уборщиков. Служащие, которые вполне обжились в доме, конечно, сами выносили за собой горшки, но служащий христианин только что приехал, и мы считали своим долгом самим убирать его спальню. Жена могла выносить горшки за другими квартирантами, но выносить горшок, которым пользовался человек, родившийся в семье панчамы, казалось ей невозможным. Мы поссорились. Она не хотела допустить, чтобы этот горшок выносил я, но и сама не желала делать это. Мне вспоминается момент, как она, спускаясь по лестнице с горшком в руках, ругает меня, глаза ее красны

от гнева, и слезы градом катятся по щекам. Но я был жестоким мужем. Я считал себя ее наставником и из слепой любви к ней изводил ее.

Меня не удовлетворяло, что она просто выносит горшок. Мне хотелось, чтобы она делала это с радостью. Поэтому я сказал, возвысив голос:

— Я не потерплю такого безобразия в своем доме!

Эти слова больно ужалили ее. Она воскликнула:

— Оставайся в своем доме, а меня, выпусти отсюда.

Я потерял совсем голову, и чувство сострадания покинуло меня. Схватив ее за руку, я дотащил беспомощную, женщину до ворот, которые были как раз против лестницы, и стал отворять их, намереваясь вытолкнуть ее вон. Слезы ручьями текли по ее щекам, она кричала:

— Как тебе не стыдно? Можно ли так забываться? Куда я пойду? У меня нет здесь ни родных, ни близких, кто бы мог меня приютить. Думаешь, что если я твоя жена, так обязана терпеть твои побои? Ради бога, веди себя прилично и запри ворота. Я не хочу, чтобы видели, какие сцены ты мне устраиваешь.

Я принял вызывающую позу, но почувствовал себя пристыженным и закрыл ворота. Как жена не могла меня покинуть, так и я не мог оставить ее. Между нами часто случались перебранки, но они всегда заканчивались миром. Жена, с ее ни с чем не сравнимым терпением, неизменно оказывалась победительницей.

Теперь я уже могу рассказывать об этом случае с беспристрастием, так как он относится к периоду жизни, к счастью, давно для меня закончившемуся. Я больше не слепец, не влюбленный до безумия муж и уже не наставник своей жены. Кастурбай могла бы при желании быть со мной теперь столь же нелюбезной, каким я прежде бывал с нею. Мы — испытанные друзья, и ни один из нас не рассматривает другого как объект похоти. Во время моей болезни жена моя была неутомимой сиделкой, неустанно ухаживавшей за мной без мысли о награде.

Случай, о котором я рассказал, произошел в 1898 году, когда я еще не имел никакого понятия о брахмачарии. Это были времена, когда я думал, что жена — лишь объект похоти мужа, что она предназначена исполнять его повеления, а не быть его помощником, товарищем и делить с ним радости и горести.

Только в 1900 году эти мои взгляды претерпели коренные изменения, а в 1906 году окончательно сформировались новые. Но об этом я буду говорить в соответствующем месте. Пока же достаточно сказать, что с постепенным исчезновением у меня полового влечения семейная жизнь становилась все более мирной, приятной и счастливой.

Пусть никто не делает вывода из этого святого для меня воспоминания, что мы идеальная супружеская чета или что наши идеалы полностью совпадают. Сама Кастурбай, пожалуй, даже и не знает, есть ли у нее какие-либо собственные идеалы. Даже и теперь она, по-видимому, не очень одобряет многие мои поступки. Но мы никогда не обсуждаем их, и я не вижу в этом ничего хорошего. Она не получила воспитания ни от своих родителей, ни от меня тогда, когда я должен был этим заняться. Но она в значительной степени наделена качеством, которым обладает большинство жен индусов. Вот в чем оно заключается: вольно или невольно, сознательно или бессознательно она считала себя счастливой, следуя по моим стопам, и никогда не препятствовала моему стремлению вести воздержанную жизнь. Поэтому, хотя разница в интеллекте у нас и велика, у меня всегда было такое ощущение, что наша жизнь полна удовлетворенности, счастья.

XI

Близкое знакомство с европейцами

Дойдя до этой главы, я почувствовал необходимость рассказать читателю, как я работаю над моей книгой.

Когда я начал писать ее, определенного плана у меня не было. У меня нет ни дневника, ни документов, на основании которых можно было бы вести повествование о моих опытах. Пишу я так, как меня направляет господь. Я не могу знать точно, что бог направляет все мои сознательные мысли и действия. Но, анализируя свои поступки, важные и незначительные, полагаю себя вправе считать, что все они направлялись господом.

Я не видел его и не знаю. Я верю в бога, как верит весь мир, и поскольку вера моя незыблема, считаю ее равноценной опыту. Однако определение веры как опыта означает измену истине, и поэтому,

пожалуй, правильнее сказать, что у меня нет подходящего слова, чтобы определить свою веру в бога.

Теперь, по-видимому, несколько легче понять, почему я считаю, что пишу эту книгу так, как внушает мне бог. Приступив к предыдущей главе, я озаглавил ее сначала так же, как эту, но в процессе работы понял, что, прежде чем рассказывать о своем опыте, приобретенном в результате общения с европейцами, необходимо написать нечто вроде предисловия. И я изменил название главы.

А теперь, начав эту главу, я столкнулся с новой проблемой. О чем следует упомянуть и что опустить, говоря о друзьях англичанах? Если не писать о событиях, необходимых для рассказа, пострадает истина. А сразу решить, какие факты необходимы для рассказа, трудно, поскольку я не уверен даже в уместности написания этой книги.

Сейчас я более ясно сознаю, почему обычно автобиографии неравноценны истории (когда-то давно я читал об этом). Я сознательно не рассказываю в этой книге обо всем, что помню. Кто может сказать, о чем надо рассказать и о чем следует умолчать в интересах истины? Какую ценность для суда представили бы мои недостаточные, ex parte[15] показания о событиях моей жизни? Любой дилетант, повергший меня перекрестному допросу, вероятно, смог бы пролить гораздо больше света на уже описанные мною события, а если бы допросом занялся враждебный мне критик, то он мог бы даже польстить себе тем, что выявил бы «беспочвенность многих моих притязаний».

Поэтому в данный момент я раздумываю, не следует ли превратить дальнейшую работу над этой книгой. Но до тех пор, пока внутренний голос не запретит мне, я буду писать. Я следую мудрому правилу: однажды начатое дело нельзя бросить, если только оно не окажется нравственно вредным.

Я пишу автобиографию не для того, чтобы доставить удовольствие критикам. Сама работа над ней — это тоже поиски истины. Одна из целей этой автобиографии, конечно, состоит в том, чтобы ободрить моих товарищей по работе и дать им пищу для размышлений. Я начал писать эту книгу по их настоянию. Ее бы не было, если бы не Джерамдас и Свами Ананд. Поэтому, если я неправ, что пишу автобиографию, пусть они разделят со мной мою вину.

Однако вернемся к теме, указанной в заглавии. В Дурбане у меня в доме на правах члена семьи жили не только индийцы, но и друзья англичане. Не всем нравилось это. Но я настаивал, чтобы они жили у меня. Далеко не всегда я поступал мудро. Мне пришлось пережить тяжелые испытания, но они были связаны и с индийцами, и с европейцами. И я не жалею о том, что пережил их. Несмотря на это, а также на неудобства и беспокойство, которые я часто причинял друзьям, я не изменил своего поведения, и все же между нами сохранились дружеские отношения. Когда же мои знакомства с пришельцами становились в тягость моим друзьям, я не колеблясь порицал их. Я считал, что верующему надлежит видеть в других того же бога, какого он видит в себе, и что он должен уметь жить, относясь терпимо к людям. А способность к терпимости можно выработать, когда ты не избегаешь таких знакомств, а идешь им навстречу, проникнувшись духом служения и вместе с тем не поддаваясь их воздействию.

Поэтому, несмотря на то, что мой дом к началу бурской войны был полон людей, я принял двух англичан, приехавших из Иоганнесбурга. Оба были теософами. С одним из них м-ром Еитчином — вам представится случай познакомиться ниже. Их пребывание в моем доме часто стоило жене горьких слез. К сожалению, на ее долю по моей вине выпало немало таких испытаний. Это был первый случай, когда друзья англичане жили у меня в доме на правах членов семьи. Во время пребывания в Англии я часто жил в семьях англичан, но там я приспосабливался к их образу жизни, и это было похоже на жизнь в пансионе. Здесь же было наоборот. Друзья англичане стали членами моей семьи. Они во многих отношениях приспособились к индийскому образу жизни. Хотя обстановка в доме была европейской, но внутренний распорядок был в основном индийский. Помнится, мне бывало иногда трудно обращаться с ними как с членами семьи, но я могу с уверенностью сказать, что у меня они чувствовали себя совсем как дома. В Иоганнесбурге у меня были более близкие знакомые среди европейцев, чем в Дурбане.

XII

Знакомство с европейцами

(продолжение)

В моей конторе в Иоганнесбурге одно время служили четыре клерка индийца, которые, пожалуй, были для меня скорее сыновьями, чем клерками. Но они не могли справиться со всей работой. Невозможно было вести дела без машинописи. Среди нас умел печатать на машинке только я один, да и то не очень хорошо. Я обучил этому двух клерков, однако они плохо знали английский язык. Одного из клерков мне хотелось обучить бухгалтерии, так как нельзя было вызывать нового сотрудника из Наталя: ведь, чтобы приехать в Трансвааль, нужно было разрешение, а из соображений личного порядка я не считал возможным просить об одолжении чиновника, выдающего пропуска в Трансвааль.

Я не знал, что делать. Дела стремительно скапливались, казалось невозможным, несмотря на все мои старания, справиться и с профессиональной и с общественной работой. Мне очень хотелось нанять клерка европейца, но я не был уверен, что белый мужчина или белая женщина станет служить в конторе цветного. И все-таки решил попробовать. Я обратился к знакомому агенту по пишущим машинкам и попросил подыскать мне стенографистку. У него было на примете несколько девушек, и он обещал уговорить одну из них служить у меня. Он встретился с шотландской девушкой по имени мисс Дик, которая только что приехала из Шотландии. Ей хотелось честно зарабатывать себе на жизнь в любом месте; кроме того, она очень нуждалась. Агент послал ее ко мне. С первого же взгляда она мне понравилась.

— Вы согласны служить у индийца? — спросил я.

— Конечно, — решительно ответила она.

— На какое жалованье вы рассчитываете?

— На 17,5 фунта стерлингов. Это очень много?

— Отнюдь нет, если вы будете работать так, как мне необходимо. Когда вы сможете начать?

— Хоть сейчас, если вам угодно.

Я был очень доволен и тотчас начал диктовать ей письма.

Она стала для меня не просто машинисткой, а скорее дочерью или сестрой. У меня почти не было оснований быть недовольным ее работой. Часто ей доверялись дела на суммы в тысячи фунтов

стерлингов, она вела и бухгалтерские книги. Она завоевала мое полное доверие, но что гораздо важнее, поверяла мне свои самые сокровенные мысли и чувства, обратилась за советом при выборе мужа, и я имел удовольствие выдать ее замуж. Когда же исс Дик стала м-с Макдональд, она вынуждена была оставить службу у меня, но даже и после замужества оказывала мне кое-какие услуги, когда мне приходилось к ней обращаться.

Однако теперь вместо нее нужно было найти новую стенографистку, и мне удалось нанять другую девушку. То была мисс Шлезин, представленная мне м-ром Калленбахом, о котором читатель узнает в свое время. Сейчас она работает учительницей в одной из средних школ в Трансваале. Когда же она пришла ко мне, ей было примерно лет семнадцать. Иногда м-р Калленбах и я просто выходили из себя из-за некоторых черт ее характера. Она пришла к нам не столько для того, чтобы работать в качестве стенографистки, сколько стремясь, приобрести опыт. Расовые предрассудки были ей совершенно s. чужды. Казалось, она не считалась ни с возрастом, ни с опытом человека. Она не колеблясь могла даже оскорбить человека, высказав ему в лицо все, что думает о нем. Ее порывистость часто ставила меня в затруднительное положение, но ее простодушие и непосредственность устраняли все трудности так же быстро, как они возникали. Я часто подписывал, не просматривая, письма, которые она печатала, так как считал, что она владеет английским языком гораздо лучше, чем я, и всецело полагался на ее преданность.

Долгое время она получала не более шести фунтов стерлингов в месяц и никогда не соглашалась получать больше десяти. Когда же я стал убеждать ее взять больше, она сказала:

— Я здесь не затем, чтобы получать у вас жалованье. Я пришла к вам потому, что мне нравится работать с вами, нравятся ваши идеалы.

Как-то ей пришлось попросить у меня 40 фунтов стерлингов, но она настояла на том, что берет их только в долг и выплатит всю сумму за год. Ее мужество было равно ее самоотверженности. Это была одна из тех немногих женщин, которых я имел удовольствие знать, чья душа была чиста, как кристалл, а в мужестве она не уступила бы любому воину. Теперь она уже взрослая женщина. Я не знаю сейчас так хорошо ее умонастроений, как в то время, когда она работала вместе со мной, но воспоминание о знакомстве с этой молодой дамой

навсегда останется для меня священным. Поэтому я покривил бы душой, если бы утаил то, что знаю о ней.

Работая, она не знала покоя ни днем, ни ночью. Отваживаясь отправляться поздно вечером с поручением, она сердито отвергала всякое предложение сопровождать ее. Множество индийцев обращались к ней за помощью и советом. Когда же во время сатьяграхи почти все руководители были брошены в тюрьму, она одна руководила движением. Она распоряжалась тысячами фунтов стерлингов, на ее руках была огромная корреспонденция и газета «Индиан опиньон», но она, казалось, не знала усталости.

Я мог бы очень долго говорить о мисс Шлезин, но лучше закончить эту главу характеристикой, данной ей Гокхале. Гокхале был знаком со всеми моими товарищами по работе. Многие ему нравились, и он не скрывал своего мнения о них, однако первое место он отводил мисс Шлезин.

— Я редко встречался с такой жертвенностью, чистотой и бесстрашием, как у мисс Шлезин, — заявил он. — Среди ваших сотрудников она, помоему, стоит на первом месте.

XIII

«Индиан опиньон»

Прежде чем продолжить рассказ о других моих хороших знакомыхевропейцах, должен остановиться на некоторых важных обстоятельствах. Однако прежде следует рассказать об одном из знакомств. Мисс Дик не могла справиться со всей работой, нужны были еще помощники. Выше я уже говорил о м-ре Ритче. Я хорошо знал его. Он был управляющим коммерческой фирмы, а теперь соглашался расстаться с фирмой и работать под моим руководством. Он сильно облегчил мне работу. Примерно в это же время адвокат Маданджит предложил мне вместе с ним издавать газету «Индиан опиньон». Прежде он уже занимался издательским делом, и я одобрил его предложение. Газета стала выходить в 1904 году. Первым ее редактором был адвокат Мансухлал Наазар. Но основное бремя работы легло на меня, и почти все время я был фактически издателем газеты. Это произошло не потому, что Мансухлал не мог выполнять эту работу. В бытность свою в Индии он много занимался

журналистикой, но никогда не решился бы писать по таким запутанным проблемам, как южноафриканские, предоставляя делать это мне. Он питал глубочайшее доверие к моей проницательности и поэтому возложил на меня ответственность за составление редакционных статей. Газета выходила еженедельно. Вначале она выпускалась на гуджарати, хинди, тамили и английском языках. Но я убедился, что издания на тамили и хинди не нужны. Они не выполняли своего назначения, и я прекратил их издание: я понимал, что продолжать выпуск газеты на этих языках было бы даже заблуждением.

Я не думал, что мне придется вкладывать средства в издание газеты, но скоро убедился, что она не может существовать без моей финансовой помощи. И индийцы, и европейцы знали, что, не являясь официальным редактором «Индиан опиньон», я фактически несу ответственность за ее направление. Ничего особенного не случилось бы, если бы газета вообще не издавалась, но прекращение ее выпуска было бы для нас и потерей и позором. Поэтому я беспрестанно ссужал средства, пока, наконец, не отдал газете все свои сбережения. Помнится, что иногда я вынужден был тратить на издание по 75 фунтов стерлингов в месяц.

Но газета, как мне теперь кажется, сослужила общине хорошую службу. Мы ее никогда не рассматривали как коммерческое предприятие. За весь период моего руководства газетой перемены в ее направлении отражали перемены в моем мировоззрении. В те времена «Индиан опиньон», так же как теперь «Янг Индиа» и «Навадживан», была зеркалом моей жизни. На ее страницах я изливал свою душу и излагал свое понимание принципов сатьяграхи и осуществления ее на практике. В течение десяти лет, т. е. вплоть до 1914 года, за исключением перерывов в связи с моим вынужденным отдыхом в; тюрьме, едва ли хоть один номер «Индиан опиньон» вышел без моей статьи. Помнится, в этих статьях не было ни одного необдуманного тщательно слова, не было сознательного преувеличения, и ничего не писалось только с целью понравиться читателям. Газета стала для меня школой выдержки, а для моих друзей — средством общения с моими мыслями. Критик не нашел бы в ней ничего вызывающего возражения. Действительно, тон «Индиан опиньон» вынуждал критика обуздать свое перо. Пожалуй, и проведение сатьяграхи было бы

невозможно без «Индиан опиньон». Читатели искали в ней правдивые известия о сатьяграхе и о положении индийцев в Южной Африке. Для меня же газета была средством изучения; человеческой природы во всех ее проявлениях, поскольку я всегда стремился к установлению тесного и откровенного общения между редактором и читателями. Мои корреспонденты буквально забрасывали меня письмами, в которых изливали свою душу. Письма были дружеские или критические, или резкие — в соответствии с характером писавших. Изучать, осмысливать эти письма и отвечать на них было для меня хорошей школой. Посредством переписки со мной община как бы размышляла вслух. Это помогало мне лучше осознать свою ответственность как журналиста, а завоеванный таким путем авторитет в общине способствовал тому, что в будущем наше движение стало эффективным, благородным и непреодолимым.

Уже в первый месяц издания «Индиан опиньон» я понял, что единственной целью журналиста должно быть служение обществу. Газета — великая сила, но подобно тому, как ничем не сдерживаемый поток затопляет берега и истребляет посевы, так и не направляемое перо журналиста служит только разрушению. Если его направляют со стороны, то это бывает еще губительнее, чем когда его не направляют совсем. Польза будет только тогда, когда журналист сам направляет свое перо. Если с этой точки зрения подойти к содержанию газет, пожалуй, немногие из них выдержат испытание. Но кто прекратит издание бесполезных газет? И кто может быть судьей? Полезное и бесполезное, как вообще добро и зло, идут рядом, а человек должен уметь сделать для себя выбор.

XIV

Поселки для кули или гетто?

Определенные слои населения (оказывающие нам важнейшие социальные услуги), те самые, которые у нас, индусов, считаются «неприкасаемыми», изгнаны на окраины городов и деревень. Эти окраинные кварталы называются на гуджарати «дхедвадо», и название это носит презрительный оттенок. Совершенно так же когда-то в христианской Европе евреи были «неприкасаемыми», и кварталы, отведенные для них, носили оскорбительное название «гетто».

Аналогичным образом в наши дни мы сделались «неприкасаемыми» в Южной Африке. Будущее покажет, насколько самопожертвование Эндрюса и волшебная палочка Шастри помогут нашей реабилитации.

Древние евреи считали себя, в отличие от всех других народов, народом, избранным богом. Это привело к тому, что их потомков постигла необычная и несправедливая кара. Почти так же индусы считали себя арийцами, или цивилизованным народом, а часть своих родичей — не арийцами, или «неприкасаемыми». Это и привело к тому, что необычное, пусть и справедливое, возмездие постигло не только индусов в Южной Африке, но также и мусульман и парсов, поскольку все они выходцы из одной страны и имеют тот же цвет кожи, что и их братья индусы.

Читатель теперь должен в известной мере понять значение слова «поселки», которое я поставил в заголовке этой главы.

В Южной Африке мы получили отвратительную кличку «кули». В Индии слово «кули» означает «носильщик» или «возчик», но в Южной Африке это слово приобрело презрительный оттенок. Оно означает там то же самое, что у нас «пария» или «неприкасаемый», а кварталы, отведенные для «кули», называются «поселками для кули». Такой поселок был и в Иоганнесбурге, но в противоположность другим населенным пунктам, где были такие поселки и где индийцы имели право на собственность, в иоганнесбургском поселке индийцы лишь получили свои участки в аренду на 99 лет. Площадь поселка не увеличивалась по мере роста населения, и люди жили в страшной тесноте. Если не считать бессистемных мероприятий по очистке отхожих мест, муниципалитет буквально ничего не делал для санитарного благоустройства; еще меньше делал он для улучшения дорог и освещения. Да и трудно было ожидать, чтобы муниципалитет стал интересоваться санитарными условиями поселка, в то время как он был вообще равнодушен к благосостоянию его жителей. Сами же индийцы были столь несведущи в вопросах коммунальной санитарии и гигиены, что ничего не могли сделать без помощи или наблюдения со стороны муниципалитета. Если бы все жившие в поселке индийцы были Робинзонами Крузо, дело обстояло бы иначе. Но во всем мире нет эмигрантской колонии, населенной Робинзонами. Обычно люди отправляются на чужбину в поисках материального достатка и работы. Основная масса индийцев, осевших в Южной Африке, состояла из

невежественных, нищих земледельцев, нуждавшихся в том, чтобы о них заботились и их оберегали. Торговцев и образованных людей среди них почти не было.

Преступная небрежность муниципалитета и невежество индийских поселенцев привели к тому, что поселок оказался в отвратительных санитарных условиях. Муниципалитет использовал это антисанитарное состояние поселка, бывшее следствием бездеятельности самого муниципалитета, как предлог для уничтожения индийского поселения и с этой целью добился от местных властей разрешения согнать индийцев с их земельных участков. Таково было положение, когда я обосновался в Иоганнесбурге.

Поселенцам же, имевшим право собственности на землю, предлагалось, конечно, возмещение убытков. Был назначен особый трибунал для рассмотрения дел о земельных участках. Если владелец не соглашался на компенсацию в размере, назначенном муниципалитетом, он имел право обратиться в трибунал, и если трибунал оценивал участок выше суммы, предложенной муниципалитетом, последний должен был платить судебные издержки.

Большинство владельцев пригласило меня в качестве своего поверенного. Я не хотел наживать деньги на этих делах, и поэтому я сказал владельцам, что буду удовлетворен любой суммой, какую установит трибунал в случае выигрыша дела, и гонораром в размере 10 фунтов стерлингов по каждому договору об аренде безотносительно к результатам процесса. Я предложил также половину вырученных мною денег пожертвовать на постройку больницы или иного подобного учреждения для бедных. Это, конечно, всем понравилось.

Примерно из семидесяти дел только одно было проиграно. Так что мой гонорар достиг весьма солидной суммы. Но «Индиан опиньон» постоянно нуждалась в средствах и поглотила, насколько могу припомнить, сумму в 1600 фунтов стерлингов. Я много работал по делам, связанным с этими процессами, и был постоянно окружен клиентами. Большинство из них в прошлом были законтрактованными рабочими из Бихара и близлежащих районов, а также Южной Индии. В целях защиты своих интересов они создали союз, не зависимый от союза свободных индийских торговцев и ремесленников. Некоторые из них были чистосердечными людьми с сильным характером и

широкими взглядами. Их лидерами были адвокат Джайрамсингх — председатель союза и адвокат Бадри, который ничем не уступал председателю. Обоих уже нет в живых. Они очень помогли мне. Бадри со мною сблизился и принял самое активное участие в сатьяграхе. С помощью их и других своих друзей я вступил в тесный контакт со многими индийскими переселенцами из Северной и Южной Индии. Я был не столько их поверенным, сколько братом, и делил с ними все их личные и общественные неудачи и трудности.

Читателю будет, пожалуй, интересно узнать, как индийцы называли меня. Абдулла Шет отказался звать меня Ганди. Никто, к счастью, не оскорбил меня обращением «сахиб» и не считал меня таковым. Абдулла Шет возымел счастливую мысль называть меня «бхаи», т. е. брат. Остальные последовали его примеру и стали звать меня «бхаи» вплоть до моего отъезда из Южной Африки. Это имя получило особый смысл в устах бывших законтрактованных индийских рабочих.

XV

Черная чума — 1

Когда право собственности на землю в поселке перешло к муниципалитету, индийцев выселили не сразу. Прежде чем изгнать жителей, необходимо было найти для них подходящее место, а так как муниципалитету сделать это было нелегко, индийцы вынуждены были по-прежнему оставаться в том же «грязном» поселке, с той лишь разницей, что положение их стало еще хуже. Перестав быть собственниками, они сделались арендаторами у муниципалитета, а квартал от этого стал еще грязнее. Когда они были собственниками, то все-таки поддерживалась какая-то чистота, хотя бы из страха перед законом. Муниципалитет же такого страха не испытывал. Число арендаторов возрастало, а вместе с ними росли запущенность и беспорядок.

В то время как индийцы мучились в таких условиях, вспыхнула эпидемия черной (или легочной) чумы, которая страшнее и губительнее бубонной.

Очагом эпидемии, по счастью, оказался не поселок, а один из золотых приисков в окрестностях Иоганнесбурга. Работали там в основном негры, а за санитарные условия отвечали только их белые

хозяева. По соседству с прииском работали индийцы. Двадцать три человека заболели сразу и к вечеру вернулись в свои жилища в поселке с острым приступом чумы. Случилось так, что адвокат Маданджит был как раз в это время в поселке, распространяя подписку на «Индиан опиньон». Он был на редкость бесстрашным человеком. При виде жертв этой ужасной болезни сердце его содрогнулось, и он послал мне записку следующего содержания: «Началась вспышка черной чумы. Немедленно приезжайте и примите срочные меры, в противном случае мы должны ожидать ужасных последствий. Пожалуйста, приезжайте немедля».

Маданджит смело сломал замок пустовавшего дома и разместил в нем всех больных. Я на велосипеде приехал в поселок и послал секретарю муниципального совета записку с сообщением об обстоятельствах, при которых мы завладели домом.

Д-р Уильям Годфри, имевший практику в Иоганнесбурге, прибежал на помощь, едва до него дошла весть о случившемся. Он стал для больных и сиделкой и врачом. Но больных было двадцать три, а нас только трое, и сил наших не хватало.

Я верю — и вера моя подтверждена опытом, — что, если сердце человека чисто, он всегда найдет нужных ему людей и нужные средства для борьбы с бедствием. В ту пору в моей конторе служило четверо индийцев: Кальяндас, Манеклал, Гунвантраи Десаи и еще один, имени которого я не помню. Кальяндаса препоручил мне его отец. Я редко встречал в Южной Африке человека, более готового к услугам и к беспрекословному повиновению, чем Кальяндас. К счастью, он был тогда еще не женат, и потому я не колеблясь возложил на него выполнение обязанностей, сопряженных с таким большим риском. Манеклал поступил ко мне на службу в Иоганнесбурге. Он также, насколько могу припомнить, не был тогда женат. Итак, я решил принести в жертву всех четырех — называйте их как хотите — служащих, товарищей по работе, сыновей. Мнение Кальяндаса не нужно было спрашивать. Остальные выразили согласие помогать, едва я к ним обратился. «Где вы, там будем и мы» — таков был их ответ.

У м-ра Ритча была большая семья. Он тоже хотел было присоединиться к нам, но я не разрешил ему. Совесть не позволила мне подвергнуть его такому риску. Поэтому он помогал нам, сам оставаясь вне опасной зоны.

То была страшная ночь, ночь непрерывного бдения и ухода за больными. Мне приходилось делать это и раньше, но никогда еще я не ухаживал за больными чумой. Д-р Годфри заразил нас своей отвагой. Уход за больными был необременителен. Давать им лекарства, заботиться об их нуждах, держать их и их койки в чистоте и порядке и ободрять их — вот все, что от нас требовалось.

Неутомимое усердие и бесстрашие, с которыми работали молодые люди, радовали меня чрезвычайно. Можно было понять смелость д-ра Годфри и такого много испытавшего в жизни человека, как Маданджит. Но какова была стойкость этих зеленых юнцов!

Помнится, в ту ночь ни один из больных не умер.

Это событие, хотя и весьма прискорбное, представляет собою захватывающий интерес, а для меня исполнено такой религиозной значимости, что я должен посвятить ему по меньшей мере еще две главы.

XVI

Черная чума — II

Секретарь муниципального совета выразил мне признательность за то, что я позаботился о больных, заняв пустовавший дом. Он откровенно признался, что муниципальный совет не может тотчас принять все необходимые меры для борьбы с бедствием, но обещал нам всяческую помощь. Осознав лежащий на нем общественный долг, муниципалитет не стал медлить с принятием экстренных мер.

На следующий день в мое распоряжение был передан пустовавший склад, куда предлагалось перевести заболевших, но помещение не было подготовлено, строение было запущенное и грязное. Мы сами его вычистили, затем с помощью сострадательных индийцев раздобыли несколько постелей и другие необходимые принадлежности и устроили временный госпиталь. Муниципалитет прислал нам сиделку, которая принесла с собой коньяк и предметы больничного обихода. Д-р Годфри продолжал оставаться на своем посту.

Сиделка была женщиной доброй и готова была ухаживать за больными, но мы редко позволяли ей прикасаться к ним из боязни, что она заразится.

Мы получили предписание как можно чаще давать больным коньяк. Сиделка советовала и нам в целях профилактики пить его, как это делала она сама но никто из нас даже не притронулся к нему. Я не верил в его благотворное действие и на больных. С разрешения д-ра Годфри я перевел трех больных, которые согласились обходиться без коньяка, на лечение, заключавшееся в прикладывании компрессов из влажной земли к голове и груди. Двое из них были спасены. Остальные двадцать умерли.

Тем временем муниципалитет принимал все новые меры. Милях в семи от Иоганнесбурга находился лазарет для инфекционных больных. Двоих выживших больных перевели в палатки недалеко от лазарета, и было решено отправлять туда всех вновь заболевших. Итак, мы освободились от своих обязанностей.

Через несколько дней мы узнали, что добрая сиделка заразилась чумой и тотчас же скончалась. Нельзя объяснить, почему спаслись те двое из больных и как не заразились мы, но этот опыт укрепил мою веру в эффективность лечения землей и усилил неверие в коньяк, хотя бы и применяемый как лекарство. Я понимаю, что для такой убежденности нет достаточных оснований, но до сих пор не могу освободиться от впечатления, которое у меня тогда сложилось, и поэтому счел необходимым упомянуть о нем и здесь.

Как только вспыхнула чума, я выступил в печати с резким письмом, в котором обвинял муниципалитет в пренебрежении к элементарным нуждам поселка, перешедшего в его владение, и возлагал на муниципалитет всю ответственность за вспышку чумы. Письмо это послужило поводом для знакомства с Генри Полаком. Этому же своему письму я отчасти обязан и дружбой с ныне покойным преподобным Джозефом Доуком.

Я уже говорил, что обычно питался в вегетарианском ресторане. Там я познакомился с Альбертом Уэстом. Обычно мы каждый вечер встречались в ресторане, вместе оттуда уходили и совершали послеобеденную прогулку. Уэст был компаньоном небольшого издательского предприятия. Он прочел в газете мое письмо о причинах вспышки чумы и, не найдя меня в ресторане, забеспокоился.

С тех пор как началась эпидемия чумы, мои товарищи по работе и я значительно уменьшили свой рацион питания, так как я давно взял себе за правило переходить на облегченное питание в период

эпидемий. Поэтому в те дни я вовсе не обедал, а второй завтрак заканчивал до прихода посетителей.

Я предупредил хозяина ресторана, с которым был хорошо знаком, что ухаживаю за больными чумой и потому стараюсь по возможности избегать встреч с друзьями.

Не встречая меня в ресторане день — два, мистер Уэст явился ко мне домой рано утром как раз в тот момент, когда я выходил на прогулку. Увидев меня в дверях, он сказал:

— Я не нашел вас в ресторане и не на шутку перепугался, подумал, не случилось ли чего с вами. Поэтому и решил зайти к вам с утра, чтобы наверняка застать дома. Я предоставляю себя в ваше распоряжение и готов помочь вам ухаживать за больными. Вы знаете, что у меня нет семьи.

Я выразил ему свою признательность и не раздумывая ответил:

— Я не возьму вас ухаживать за больными. Если новых заболеваний не будет, мы освободимся через день — два. Но у меня есть к вам другая просьба.

— Какая именно?

— Не могли бы вы взять на свое попечение «Индиан опиньон» в Дурбане? М-р Маданджит, по-видимому, задержится здесь, а кто-нибудь должен быть в Дурбане. Если бы вы могли туда поехать, я бы почувствовал себя на этот счет спокойным.

— Вы знаете, что у меня есть дела по издательству. Весьма вероятно, что я смогу поехать, но позвольте мне дать окончательный ответ только вечером. Мы поговорим об этом во время вечерней прогулки.

Он согласился на поездку. Вопрос о вознаграждении его не интересовал, поскольку он руководствовался не денежными соображениями. Но все же мы договорились о вознаграждении в 10 фунтов стерлингов в месяц, не считая его участия в прибыли, если таковая окажется. На следующий день м-р Уэст выехал в Дурбан вечерним почтовым поездом, поручив мне вести его дела в Иоганнесбурге. С того дня и до самого моего отъезда из Южной Африки он делил со мной все радости и горести.

М-р Уэст происходил из семьи английского крестьянина в Лоуте (Линкольншир). Он получил обычное школьное образование, но многое ему дала школа жизни, а также самообразование. Я всегда знал

его как честного, трудолюбивого, богобоязненного и гуманного человека.

Подробнее читатель узнает о нем и его семье в следующих главах.

XVII

Поселок предан огню

Мои товарищи по работе и я освободились от ухода за больными, но оставалось еще много дел, связанных с последствиями чумы.

Как я уже упоминал, муниципалитет пренебрежительно относился к нуждам поселка, однако, когда вопрос касался здоровья белых граждан, он был начеку: давал крупные суммы на охрану их здоровья и теперь деньгами «заливал», как водой, очаги чумы. Несмотря на многочисленные грехи муниципалитета в отношении индийцев, на которые я всегда указывал, я не мог не восторгаться его заботами о белых гражданах и старался, как мог, помочь ему в этой его похвальной деятельности. Думаю, что, если бы я отказался помочь муниципалитету, его деятельность была бы значительно осложнена и он наверняка прибегнул бы к крайним мерам вплоть до вооруженной силы.

Но этого удалось избежать. Муниципальные власти остались довольны индийцами, так как это значительно облегчило борьбу с чумой. Я использовал все свое влияние на индийцев, чтобы заставить их подчиниться требованиям муниципалитета. Выполнять его требования было нелегко, но не могу припомнить, чтобы хоть один человек не последовал моему совету.

Поселок строго охранялся. Входить в него и выходить без специального разрешения воспрещалось. Я и мои помощники получили постоянные пропуска. Решено было выселить всех жителей из поселка и разместить их на три недели в палатках в открытой местности, милях в тринадцати от Иоганнесбурга, а сам поселок сжечь. Чтобы устроить всех этих людей в палатках, обеспечить их продовольствием и необходимыми предметами обихода, требовался некоторый срок, и на это время нужна была охрана.

Люди были страшно напуганы, но мое постоянное присутствие действовало на них ободряюще. Многие бедняки по обыкновению зарывали свои скудные сбережения в землю. Теперь же их предстояло

выкопать. У индийцев не было своего банка, они никого не знали. Я сделался их банкиром. Потоки денег полились в мою контору. В тот критический момент я не мог установить, сколько мне причиталось за труды, но с работой кое-как удавалось справляться. Я был хорошо знаком с управляющим банка, в котором лежали мои собственные сбережения. Я предупредил его, что вынужден отдать ему на хранение и эти деньги. У банка не было никакого желания принимать большое количество медной и серебряной монеты.

Кроме того, банковские служащие не соглашались прикасаться к деньгам, поступившим из местности, зараженной чумой. Но управляющий всеми силами старался помочь мне. Решено было перед сдачей денег в банк их продезинфицировать. Насколько помню, всего было сдано на хранение приблизительно 60 тысяч фунтов стерлингов. Тем, у кого было денег побольше, я посоветовал внести их в качестве постоянных вкладов, и они последовали моему совету. В результате некоторые привыкли помещать деньги в банк.

Жители поселка специальным поездом были вывезены в Клипспрутфарм близ Иоганнесбурга; муниципалитет снабдил их продовольствием на общественный счет. Палаточный город напоминал военный лагерь. Непривычные к лагерной жизни, люди впали в уныние и с удивлением смотрели на происходившее вокруг. Но с большими неудобствами столкнуться им не пришлось. Я обычно каждый день приезжал к ним на велосипеде. Через сутки после переселения они забыли о своих бедах, и жизнь потекла своим чередом. Приехав в лагерь, я нашел его обитателей поющими песни и веселящимися. Трехнедельное пребывание на свежем воздухе оказалось весьма благотворным.

Насколько помню, поселок был предан огню на другой же день после эвакуации. Муниципалитет не обнаружил склонности хоть что-нибудь уберечь от огня. Примерно в то же время и по тем же соображениям муниципалитет сжег принадлежавшие ему деревянные постройки на рынке, потерпев убытку примерно в 10 тысяч фунтов стерлингов. Поводом к такому решительному шагу послужило то, что на рынке были обнаружены дохлые крысы.

Муниципалитет понес большие убытки, но дальнейшее распространение чумы было приостановлено, и город вздохнул свободнее.

XVIII

Магические чары одной книги

События, связанные с чумой, усилили мое влияние среди бедных индийцев и усложнили мою деятельность, увеличив ответственность. Некоторые новые знакомства с европейцами приобрели столь дружественный характер, что значительно увеличили мои моральные обязательства.

С м-ром Полаком я познакомился точно так же, как и с м-ром Уэстом, в вегетарианском ресторане. Однажды вечером какой-то молодой человек, обедавший за столиком неподалеку от меня, прислал мне свою визитную карточку, выражая тем самым желание познакомиться. Я пригласил его за свой столик, и он пересел ко мне.

— Я помощник редактора журнала «Критика — сказал он. — Когда я прочитал ваше письмо в газете по поводу чумы, мне сильно захотелось познакомиться с вами. Очень рад, что такая возможность представилась.

Мне понравилась искренность Полака. В тот же вечер мы узнали друг друга еще ближе и обнаружили, что у нас почти одинаковые взгляды на важнейшие жизненные проблемы. Он любил жить совсем просто. У него была изумительная способность осуществлять на деле все то, до чего он доходил собственным умом. Многие перемены, произведенные им в своей жизни, были и быстры и радикальны.

«Индиан опиньон» требовала все больших расходов. Первое же сообщение от м-ра Уэста было тревожным. Он писал:

«Не думаю, чтобы предприятие принесло вам ту прибыль, на какую вы рассчитываете. Боюсь, как бы не было убытка. Счета в беспорядке. Необходимо взыскать большие суммы с должников, но нельзя найти концы. Следует произвести тщательную ревизию. Но все это не должно тревожить вас. Я приложу все усилия, чтобы восстановить порядок. Остаюсь здесь независимо от того, будет прибыль или нет».

М-р Уэст вполне мог уехать, обнаружив, что прибыли не предвидится, и я не мог бы осудить его за это. Действительно, он был вправе обвинить меня в том, что я охарактеризовал предприятие как прибыльное, не имея на то достаточных оснований. Но он даже ни разу не пожаловался. Однако у меня создалось впечатление, что в

результате этого открытия м-р Уэст стал считать меня чересчур доверчивым. Я просто принял на веру оценку, сделанную Маданджитом, не позаботившись о том, чтобы проверить ее, и сообщил мру Уэсту об ожидаемой прибыли.

Теперь я знаю, что общественный деятель не должен делать заявлений, в которых он не совсем уверен. Более того, почитатель истины должен соблюдать величайшую осторожность. Позволить человеку поверить в нечто не проверенное основательно — значит скомпрометировать истину. Мне больно признаться, что несмотря на то, что я знаю все это, я еще не совсем поборол в себе доверчивость. В этом виновато мое честолюбие, проявляющееся в том, что я берусь за большее количество дел, чем могу выполнить. Это честолюбие часто служило причиной беспокойства скорее для моих товарищей по работе, чем для меня самого.

Получив письмо от м-ра Уэста, я выехал в Наталь. К этому времени мы с м-ром Полаком стали уже друзьями. Он проводил меня на станцию и дал на дорогу книгу, которая, по его словам, должна была непременно мне понравиться. Это была книга Раскина «Последнему, что и первому».

Я не мог от нее оторваться. Она буквально захватила меня.

Поезд от Иоганнесбурга до Дурбана шел сутки и прибывал в Дурбан вечером. Я не спал всю ночь. Я решил изменить свою жизнь в соответствии с идеалами этой книги.

Это было первое прочитанное мною произведение Раскина. В годы учения я почти ничего не читал, кроме учебников, а впоследствии, окунувшись с головой в свою деятельность, имел мало времени для чтения. Поэтому начитанностью похвастаться не мог. Все же я думаю, что не много потерял от этого вынужденного ограничения. Наоборот, читая не очень много, я имел возможность хорошо переваривать прочитанное. Книга «Последнему, что и первому» вызвала немедленную, практическую перемену в моей жизни. Впоследствии я перевел ее на гуджарати под заглавием «Сарводайя» (Всеобщее благо).

Мне кажется, что в этом великом произведении Раскина я нашел отражение некоторых из самых своих глубоких убеждений. Вот почему оно захватило меня до такой степени и произвело целый переворот в моей жизни. Поэт — это тот, у кого есть сила пробудить

добро, сокрытое в человеческой груди. Поэты не действуют на всех одинаково, потому что не все люди развиты в одинаковой степени.

Основные положения книги Раскина сводятся, как я понял, к следующему:

1. Благо отдельного человека содержится в благе всех.

2. Работа юриста имеет одинаковую ценность с работой парикмахера, поскольку у всех одинаковое право зарабатывать трудом себе на пропитание.

3. Жить стоит только трудовой жизнью, т. е. жизнью земледельца или ремесленника.

Первый из этих принципов я знал. Второй я сознавал смутно. До третьего сам не додумался. Книга Раскина сделала для меня ясным, как день, что второй и третий принципы заключены в первом. Я поднялся на рассвете, готовый приступить к осуществлению этих принципов.

XIX

Колония в Фениксе

Обо всем этом я поговорил с м-ром Уэстом, рассказав ему о впечатлении, которое произвела на меня книга «Последнему, что и первому», и предложил перевести издательство «Индиан опиньон» в сельскую местность, где все трудились бы, получая одинаковое содержание, а в свободное время посвящали себя издательской работе. М-р Уэст согласился со мной. Мы установили, что каждый сотрудник, независимо от расовой или национальной принадлежности будет, получать три фунта стерлингов ежемесячно.

Теперь вопрос был в том, согласятся ли человек десять или больше работников типографии поселиться на уединенной ферме и удовлетворятся ли они столь скудным содержанием. Поэтому мы решили, что те, кто не сможет принять этот план, будут получать прежние ставки, пока постепенно не возвысятся до нашего идеала и не пожелают стать членами колонии.

Я побеседовал об этом с сотрудниками. Мои план пришелся не по вкусу адвокату Маданджиту, считавшему его неразумным и губительным для дела, которому он посвятил все свои силы: он полагал, что работники разбегутся, что «Индиан опиньон» перестанет выходить и типографию придется закрыть.

Среди людей, работавших в типографии, был мой двоюродный брат Чхаганлал Ганди. Я изложил ему свою идею тогда же, когда рассказал о ней Уэсту. У него были жена и дети, но он с детства привык жить и работать под моим руководством и всецело мне доверял. Без всяких разговоров он принял мое предложение и с тех пор никогда меня не покидал. Механик Говиндасвами также решил присоединиться к нам. Остальные не приняли плана в целом, но согласились ехать в любое место, в какое я переведу типографию.

Не думаю, чтобы на все эти переговоры ушло более двух дней. Затем я дал объявление о желании приобрести земельный участок поблизости от железнодорожной станции в окрестностях Дурбана. Вскоре поступило предложение из Феникса. М-р Уэст и я отправились посмотреть участок. Мы приобрели 20 акров земли. Там был прелестный ручеек и несколько апельсиновых и манговых деревьев. К

этому участку примыкал другой в 80 акров со множеством фруктовых деревьев и развалившимся коттеджем. Мы купили и его. Все вместе обошлось нам в 1000 фунтов стерлингов. Покойный ныне м-р Рустомджи всегда поддерживал меня в подобных начинаниях. Ему понравился и этот проект. Он передал в мое распоряжение старые листы рифленого железа от большого складского помещения и другие строительные материалы, и мы приступили к работе. Несколько индийских плотников и каменщиков, работавших у меня во время бурской войны, помогли соорудить помещение для типографии. Это строение длиной в 75 футов и шириной в 50 было готово меньше чем через месяц. М-р Уэст и другие часто с риском для жизни работали вместе с плотниками и каменщиками. Необитаемое и заросшее густой травой место кишело змеями, и жить там было опасно. Первое время все жили в палатках. Большинство вещей мы перевезли в Феникс в течение недели. Наше владение находилось в четырнадцати милях от Дурбана и в двух с половиной милях от железнодорожной станции Феникс.

Только один номер «Индиан опиньон» пришлось печатать на стороне, в типографии «Меркурий».

Я старался заманить в Феникс своих родных и друзей, которые приехали со мной из Индии попытать счастья в Южной Африке и занимались теперь различного рода деятельностью. Они приехали, желая разбогатеть, и поэтому уговорить их было трудно, но все же некоторые согласились. Упомяну здесь только Маганлала Ганди. Остальные затем вернулись к прежним занятиям. Он же оставил все и соединил свою судьбу с моею. Его способности, самопожертвование и преданность делу поставили его в первые ряды участников моих нравственных исканий. Как ремесленник самоучка он занимал среди моих товарищей исключительное положение.

Так в 1904 году была основана колония в Фениксе, и, несмотря на часто возникавшие трения, «Индиан опиньон» продолжает издаваться.

Однако рассказу о первоначальных трудностях, о происшедших переменах, о надеждах и разочарованиях следует посвятить отдельную главу.

XX

Первая ночь

Нелегко было выпустить первый номер «Индиан опиньон» в Фениксе. Не прими я мер предосторожности, первый выпуск газеты пришлось бы задержать или не печатать вовсе. Мысль об установке двигателя для приведения в действие печатной машины не привлекала меня. Мне казалось, что там, где сельскохозяйственные работы выполняются вручную, более уместно использовать физический труд работников. Но поскольку эта идея оказалась невыполнимой, мы приобрели двигатель внутреннего сгорания. Все же я предложил Уэсту иметь под рукой какое-нибудь приспособление, чтобы воспользоваться им в случае неисправности двигателя. Он достал маховик, который приводился в движение вручную. Мы сочли, что обычный размер ежедневных номеров газеты не пригоден для столь отдаленного места, как Феникс. Формат нашей газеты был уменьшен с тем, чтобы в случае крайней необходимости экземпляры газеты можно было отпечатать при помощи ножного привода.

На первых порах накануне выпуска очередного номера газеты всем нам приходилось работать допоздна. Стар и млад должны были помогать фальцевать листы. Обычно мы заканчивали работу между десятью и двенадцатью часами ночи. Первую ночь забыть невозможно. Листы были набраны, но двигатель вдруг отказался работать. Мы вызвали инженера из Дурбана, чтобы наладить двигатель. И он и Уэст старались изо всех сил, но все было напрасно. Все мы были обеспокоены. Наконец, Уэст в отчаянии подошел ко мне и сказал со слезами на глазах:

— Двигатель работать не будет. Боюсь, что мы не сможем выпустить газету в срок.

— Что ж, ничего не поделаешь. Бесполезно лить слезы. Давайте предпримем что-нибудь другое, что в наших человеческих силах. Как обстоит дело с маховиком? — сказал я, успокаивая его.

— Но где найти людей? — возразил он. — Ведь одни мы не справимся. Нужно несколько смен рабочих, по четыре человека в каждой, а наши люди очень устали.

Строительные работы еще не были закончены, поэтому плотники продолжали жить у нас. Они спали на полу в типографии. Я указал на них:

— А почему бы не попросить плотников? Тогда мы сможем работать всю ночь напролет. Мне думается, такая возможность у нас есть.

— Я не решусь разбудить плотников, — сказал Уэст, — а наши люди действительно слишком устали.

— Хорошо, я сам поговорю с ними, — ответил я.

— Тогда вполне вероятно, что мы справимся с работой, — сказал Уэст.

Я разбудил плотников и попросил их помочь нам. Их не надо было долго уговаривать. В один голос они заявили:

— Какой же от нас будет прок, если к нам нельзя обратиться за помощью в критический момент? Отдыхайте, а мы покрутим маховик. Это для нас работа легкая.

Нечего и говорить, что наши люди также были готовы работать.

Уэст воспрянул духом, когда мы принялись за работу, даже запел песню. Я присоединился к плотникам, а все остальные помогали нам по очереди. Так мы работали до семи часов утра. Но сделать предстояло еще многое. Поэтому я попросил Уэста разбудить инженера, чтобы он снова попробовал пустить двигатель. Если бы это удалось сделать, мы смогли бы вовремя закончить работу.

Уэст разбудил инженера, и он тотчас же направился в помещение, где стоял двигатель. И, о чудо! Двигатель заработал почти сразу, едва инженер дотронулся до него. Типография огласилась криками радости.

— В чем дело? — спросил я. — Почему вчера вечером все наши старания оказались бесплодными, а сегодня утром двигатель заработал так, будто с ним ничего не случилось?

— Трудно сказать, — ответил Уэст или инженер (точно не помню). — По-видимому, машины иногда ведут себя так же, как люди, когда им нужен отдых.

Неполадки с двигателем явились испытанием для всех нас, а то обстоятельство, что он заработал как раз вовремя, представлялось мне вознаграждением за наш честный и ревностный труд.

Экземпляры газет были отправлены в срок, и все были счастливы.

Настойчивость, проявленная в начале нашей работы, обеспечила регулярный выход газеты и создала в Фениксе обстановку уверенности в своих силах. Бывало, что мы сознательно отказывались от применения двигателя и работали только вручную. Те дни, помоему,

были периодом величайшего нравственного подъема работников всей колонии в Фениксе.

XXI

Полак делает решительный шаг

Я всегда жалел, что мне, организовавшему колонию в Фениксе, самому приходилось бывать в ней только наездами. Первоначально моим намерением было постепенное освобождение от адвокатской практики и переезд на постоянное жительство в колонию, где я буду добывать себе пропитание физическим трудом и обрету радость и удовлетворение в служении ей. Но этому не суждено было сбыться. Жизненный опыт убедил меня, что в планы человека сплошь и рядом вмешивается бог. Но вместе с тем я убедился и в том, что если поставленная человеком цель — поиски истины, то независимо от того, осуществляются его планы или нет, результат никогда не разочаровывает, а часто бывает даже лучше. Оборот, который независимо от нас приняла жизнь в Фениксе, и случавшиеся там непредвиденные события, конечно, нисколько не разочаровывали, хотя трудно сказать, было ли все это лучше, чем то, на что мы первоначально рассчитывали. Чтобы каждый из нас получил возможность добывать себе пропитание физическим трудом, мы разделили землю вокруг типографии, на участки по три акра. Один из них достался мне. На этих участках мы построили себе домики, вопреки первоначальным намерениям, из гофрированного железа. Мы предпочли бы глиняные хижины, крытые соломой, или же кирпичные домики, напоминающие крестьянские, но это оказалось невозможным. Они обошлись бы дороже, а постройка их потребовала бы больше времени, а всем хотелось устроиться поскорее.

Редактором продолжал оставаться Мансухлал Наазар. Он не одобрял моего нового плана и руководил газетой из Дурбана, где находилось отделение «Индиан опиньон». Наборщиков мы нанимали, но мечтали, чтобы каждый член колонии освоил набор, этот наиболее легкий, но, пожалуй, и самый скучный из всех типографских процессов. Тот, кто не умел набирать, стал учиться. Я до самого конца тянулся в хвосте. Маганлал Ганди превзошел нас всех. Он стал искусным наборщиком, хотя до этого никогда не работал в

типографии, и не только достиг мастерства в этом деле, но, к моей радости и удивлению, скоро овладел и всеми другими видами типографских работ. Мне всегда казалось, что он не отдает себе отчета в своих способностях.

Едва мы устроились в своих новых домиках, как мне пришлось покинуть только что свитое гнездышко и уехать в Иоганнесбург. Я не мог допустить, чтобы работа там надолго оставалась без присмотра.

По приезде в Иоганнесбург я рассказал Полаку о предпринятых мною важных переменах в жизни. Радость его была беспредельной, когда он узнал, что чтение книги, которую он мне дал, привело к столь благотворным результатам.

— Можно ли и мне принять участие в этом новом начинании? — спросил он.

— Конечно, можно, — ответил я, — если вы хотите примкнуть к колонии.

— Я готов, — сказал он, — если только вы примете меня. Его решение привело меня в восторг. За месяц он предупредил своего шефа, что оставляет работу в «Критике», и сразу же по истечении этого срока переехал в Феникс. Будучи человеком очень общительным, он быстро завоевал сердца всех обитателей Феникса и скоро стал членом нашей семьи. Простота была свойством его натуры, и он не только не нашел жизнь в Фениксе непривычной или трудной, но, наоборот, почувствовал себя там как рыба в воде. Однако я не мог позволить ему оставаться там долго. Мр Ритч решил закончить свое юридическое образование в Англии, и для меня было просто немыслимо вести одному всю работу в конторе. Поэтому я предложил Полаку место стряпчего в своей конторе. Я думал, что в конце концов мы оба отойдем от этой работы и переселимся в Феникс, но этому никогда не суждено было осуществиться. Характер у Полака был таков, что раз доверившись другу, он уже всегда и во всем стремился не спорить, а соглашаться с ним. Он написал мне из Феникса, что, хотя и полюбил тамошнюю жизнь, чувствует себя совершенно счастливым и надеется на дальнейшее развитие колонии, все же готов оставить ее и поступить в мою контору в качестве стряпчего, если я считаю, что так мы быстрее осуществим наши идеалы. Я очень обрадовался его письму. Полак покинул Феникс, приехал в Иоганнесбург и подписал со мной договор.

Примерно в это же время я пригласил в свою контору в качестве клерка шотландца теософа, которого готовил к сдаче экзаменов по праву в Иоганнесбурге. Его звали Макинтайр.

Таким образом, несмотря на стремление поскорее осуществить свои идеалы в Фениксе, меня все сильнее тянуло в противоположную сторону, и, если бы бог не пожелал иначе, я бы запутался в этой сети, именовавшейся простой жизнью.

Ниже я расскажу, как совершенно непредвиденно и неожиданно спасен был я и мои идеалы.

XXII

Кому помогает бог

Я оставил всякую надежду на возвращение в Индию в ближайшем будущем. Я обещал жене приехать домой через год. Но прошел год, а никаких перспектив на возвращение не было. Поэтому я решил послать за ней и детьми.

На судне, доставившем их в Южную Африку, мой третий сын Рамдас, играя с капитаном, поранил руку. Капитан показал его корабельному врачу и сам заботливо ухаживал за ним. Рамдас приехал с перевязанной рукой. Корабельный доктор посоветовал, чтобы по приезде домой опытный врач сделал Рамдасу перевязку. Но то был период, когда я всецело полагался на лечение землей. Мне даже удалось убедить некоторых своих клиентов, веривших в мои способности знахаря, испытать на себе это лечение.

Что же я мог сделать для Рамдаса? Ему едва исполнилось восемь лет. Я спросил, не возражает ли он, чтобы я перевязал его рану. Он с улыбкой согласился. В таком возрасте он не мог, конечно, решить, какое лечение лучше, но он хорошо понимал разницу между знахарством и настоящей медициной. Ему была также известна моя привычка лечить домашними средствами, и он не боялся довериться мне. Дрожащими от страха руками я развязал бинт, промыл рану, наложил чистый компресс с землей и вновь забинтовал ему руку. Такие перевязки я делал ему ежедневно примерно в течение месяца, пока рана совершенно не зажила. Последствий никаких не было, а для исцеления раны времени потребовалось не больше того срока, который назвал корабельный врач, имея в виду обычное лечение.

Этот и другие эксперименты укрепили мою веру в домашние средства, и я стал применять их гораздо смелее. Я пробовал лечение землей и водой, а также воздержанием в пище в случае ранений, лихорадки, диспепсии, желтухи и других заболеваний, и в большинстве случаев лечение это было успешным. Однако теперь у меня нет той уверенности, которая была в Южной Африке, к тому же опыт показал, что такие эксперименты часто сопряжены с явным риском.

Я ссылаюсь здесь на эти эксперименты не для того, чтобы убедить в исключительной эффективности своих методов лечения. Даже медики не могут претендовать на это в отношении своих экспериментов. Я хочу только показать, что тот, кто ставит себе целью проводить эксперименты, должен начинать с себя. Это дает возможность скорее обнаружить истину, а бог всегда помогает честному экспериментатору.

Риск, сопряженный с проведением опытов по установлению и развитию тесных контактов с европейцами, был столь же серьезен, как и риск, связанный с лечением домашними средствами. Только риск этот разного свойства. Впрочем, устанавливая контакты, я никогда не думал о риске.

Я предложил Полаку поселиться со мной, и мы стали жить, как родные братья. Дама, которая вскоре должна была стать м-с Полак, была помолвлена с ним несколько лет, но свадьбу все откладывали до более подходящего момента. У меня создалось впечатление, что Полак хотел скопить немного денег, прежде чем обзавестись семьей. Он гораздо лучше меня знал Раскина, но европейское окружение мешало ему немедленно претворить в жизнь учение Раскина. Я стал убеждать Полака: «Когда есть обоюдное сердечное влечение, как в вашем случае, не следует откладывать свадьбу из-за одних лишь финансовых соображений. Если бедность — препятствие к браку, бедные люди никогда не женились бы. А кроме того, вы теперь живете у меня и потому можете не думать о домашних расходах. По-моему, вы должны жениться как можно скорее».

Как я уже говорил, мне никогда ни в чем не приходилось убеждать Полака дважды. Он признал мои доводы правильными и немедленно вступил в переписку об этом с будущей м-с Полак, жившей тогда в Англии. Она с радостью приняла это предложение и через несколько

месяцев приехала в Иоганнесбург. Ни о каких расходах на свадьбу не могло быть и речи, не сочли даже нужным заказать специальное платье. Для освящения их брачного союза не было необходимости в религиозном обряде. М-с Полак по рождению была христианкой, а Полак еврей. Их общей религией была религия нравственная.

Упомяну мимоходом о забавном случае, происшедшем в связи с их женитьбой. Человек, регистрировавший браки в Трансваале между европейцами, не имел права регистрировать браки черных и вообще цветных. На свадьбе, о которой идет речь, я выступил в качестве свидетеля. Дело не в том, что не нашлось знакомых среди европейцев для выполнения этой обязанности, просто Полак даже не думал об этом. Итак, втроем мы отправились к регистратору. Разве он мог быть уверен в том, что люди, вступающие в брак, при котором в качестве свидетеля фигурирую я, действительно белые? И он предложил отложить регистрацию, чтобы навести нужные справки. Следующим днем было воскресенье. Понедельник тоже был неприсутственный день — день нового года. Отодвигать по столь несущественному поводу заранее назначенный день свадьбы казалось несуразным. Будучи знаком с мировым судьей, который вместе с тем был начальником регистрационного ведомства, я предстал перед ним вместе с молодой четой. Рассмеявшись, он дал мне записку к регистратору, и брак был должным образом зарегистрирован.

До той поры европейцы, селившиеся в моем доме, были более или менее мне знакомы. Теперь же в нашу семью вступила английская женщина, совершенно нам чужая. Не могу припомнить, чтобы у нас возникали разногласия с молодой четой, и, если между м-с Полак и моей женой и бывали недоразумения, в них ничего не было такого, чего не случалось бы в самых дружных вполне однородных семьях. А ведь моя семья была самой разнородной: в нее свободно допускались самые разные люди с различными характерами. Стоит задуматься над этим, чтобы убедиться, что различие между разнородными и однородными семьями мнимое. Все мы — члены одной семьи.

В этой главе я упомяну и о свадьбе Уэста. В ту пору моей жизни мысли о брахмачарии у меня еще не вполне созрели, и я увлекался идеей поженить всех своих холостых друзей. Поэтому, когда Уэст поехал в Лоу повидаться с родителями, я посоветовал ему вернуться женатым. Нашим общим домом был Феникс, и поскольку мы считали,

что все станем фермерами, нас не пугали браки и их естественные последствия. Уэст возвратился с женой, прекрасной молодой женщиной из Лейстера. Она происходила из семьи рабочего одной из лейстерских обувных фабрик. М-с Уэст и сама имела некоторый опыт работы на этой фабрике. Я назвал ее прекрасной по той причине, что меня сразу же привлекла ее нравственная красота. Истинная красота заключается все-таки в чистоте сердца. С м-ром Уэстом приехала и теща. Старушка еще и теперь жива. Она всех нас пристыдила своим трудолюбием, душевной энергией и веселым нравом.

Убеждая жениться своих друзей вропейцев, я всячески уговаривал и индийских друзей послать за своими семьями.

В результате Феникс превратился в маленькую деревню; в нем проживало около полдюжины семейств, постепенно увеличивавшихся.

XXIII

Картинка из домашней жизни

Мы видели, что уже в Дурбане наметилась тенденция к упрощению жизни, хотя расходы на ведение домашнего хозяйства были все еще велики. Дом в Иоганнесбурге, однако, подвергся серьезной перестройке в свете учения Раскина.

Я упростил все настолько, насколько это было возможно в доме адвоката. Нельзя было обойтись без какой-то мебели. Перемены носили больше внутренний, чем внешний характер. Увеличилось желание всю физическую работу выполнять самому. Я стал приучать к этому детей.

Вместо того, чтобы покупать хлеб у булочника, мы начали выпекать дома пресный хлеб из непросеянной муки по рецепту Куне. Мука простого фабричного помола для этого не годилась, и мы решили, что здоровее, экономнее и проще выпекать хлеб из муки ручного помола. За семь фунтов стерлингов я приобрел ручную мельницу. Чугунное колесо было слишком тяжелым для одного человека, но вдвоем управиться с ним было нетрудно. Обычно эту работу выполнял я вместе с Полаком и детьми. Иногда к нам присоединялась и жена, хотя время помола муки, как правило, совпадало с ее работой на кухне. Когда приехала м-с Полак, она также присоединилась к нам. Эта работа была для детей благотворным

упражнением. Мы ни к чему их не принуждали. Работа была для них игрой, и они могли бросить ее, когда уставали. Но дети, в том числе и те, о которых я еще расскажу, как правило, никогда не обманывали моих ожиданий. Мне приходилось, конечно, сталкиваться и с бездельниками, но большинство детей выполняло порученное им дело с удовольствием. Я припоминаю лишь очень немногих мальчиков, которые увиливали от работы или жаловались на усталость.

Для присмотра за домом мы наняли слугу. Он жил вместе с нами как член семьи, и дети обычно во всем помогали ему. Городской ассенизатор вывозил по ночам нечистоты, но уборную мы чистили сами, а не просили слугу. Это было хорошей школой для детей. В результате ни у одного из моих сыновей не развилось отвращения к труду ассенизаторов, и они, таким образом, получили хорошее знание основ общей санитарии. Болезнь была редкой гостьей в нашем доме в Иоганнесбурге, но если кто-нибудь заболевал, дети охотно ухаживали за больным. Не скажу, что я был безразличен к их общему образованию, но и не колебался пожертвовать им. Поэтому у моих детей есть известные основания быть недовольными мною. Они иногда поговаривают об этом, и должен признаться, я чувствую себя до некоторой степени виноватым. У меня было желание дать им общее образование. Я даже пытался сам выступать в роли учителя, но постоянно появлялось какое-нибудь препятствие. Поскольку я не принял никаких других мер для их обучения дома, то обычно брал их с собой, когда шел на службу и возвращался домой, — и таким образом мы проходили вместе ежедневно расстояние примерно в пять миль. Эти прогулки явились и для меня и для них прекрасной тренировкой. Если нам никто не мешал, то во время этих прогулок я стремился чему-нибудь научить их, беседуя с ними, Все мои дети, за исключением старшего сына Харилала, который остался дома в Индии, именно так воспитывались в Иоганнесбурге. Имей я возможность регулярно уделять их общему образованию хоть час в день, они получили бы идеальное образование. Но, к сожалению и детей и моему собственному, это не удалось. Старший сын часто выражал недовольство по этому поводу и в разговорах со мной и в печати; другие сыновья великодушно простили это мне, считая мою неудачу неизбежной. Я не очень опечален тем, что все так случилось, и сожалею лишь о том, что мне не удалось стать идеальным отцом. Но я

считаю, что их общее образование я принес в жертву делу, которое искренне, хотя, быть может, и ошибочно, считал служением обществу. Мне совершенно ясно, что я не пренебрег ничем, что было необходимо для формирования их характера. Полагаю, что долг всех родителей правильно воздействовать на детей в этом отношении. Если мои сыновья, несмотря на все мои старания, чего-то лишены, то это, по моему твердому убеждению, проистекает не из-за недостатка заботы с моей стороны, а из нашего с женой несовершенства как родителей.

Дети наследуют черты характера родителей в той же мере, как их физические особенности. Среда играет важную роль, но первоначальный капитал, с которым ребенок начинает жить, унаследован им от предков. Я знал и детей, успешно преодолевающих дурную наследственность. Это удается лишь благодаря чистоте, являющейся неотъемлемым свойством души.

Между мной и Полаком часто происходили жаркие споры о целесообразности или нецелесообразности давать детям английское образование. Я всегда считал, что индийцы, которые учат детей с младенческого возраста думать и говорить по-английски, тем самым предают и своих детей и свою родину.

Они лишают детей духовного и социального наследия нациии делают их менее способными служить родине. Придерживаясь таких убеждений, я решил всегда говорить с детьми на гуджарати. Полаку это не нравилось. Он полагал, что я порчу им будущее. Он со всей страстностью доказывал, что если научить детей говорить на таком универсальном языке, как английский, то в жизненной борьбе у них будут значительные преимущества. Ему не удалось убедить меня в этом. Не могу сейчас вспомнить, убедил ли я его в правильности моей точки зрения, либо он просто оставил меня в покое, решив, что я слишком упрям. Все это происходило двадцать лет назад, и приобретенный с тех пор жизненный опыт только укрепил меня в прежних убеждениях. Мои сыновья страдали от недостатка общего образования, но знание родного языка пошло всем им на пользу, а также на пользу родине, поскольку они не стали иностранцами, что могло бы случиться в противном случае. Они без труда овладели двумя языками и умеют прекрасно говорить и писать по-нглийски, ежедневно общаясь с широким кругом английских друзей, а также благодаря тому,

что жили в стране, где английский был основным разговорным языком.

XXIV

Зулусский «мятеж»

Даже прочно обосновавшись в Иоганнесбурге, я не смог вести оседлую жизнь. Как раз в тот момент, когда мне казалось, что я могу вздохнуть свободно, произошло непредвиденное событие. В газетах появилось сообщение, что в Натале вспыхнул «мятеж» зулусов. У меня никогда не было враждебного чувства к зулусам: никакого зла они индийцам не причинили. Сомнения же относительно самого «мятежа» у меня были. Но тогда я верил, что Британская империя существует на благо всему миру. Искренняя лояльность не позволяла мне даже пожелать чего-либо дурного империи. Поэтому причины «мятежа» не могли повлиять на мое решение. В Натале находились добровольческие воинские соединения, ряды которых могли пополнить все желающие. Я прочел, что эти войска уже мобилизованы для подавления «мятежа».

Считая себя гражданином Наталя, поскольку был тесно с ним связан, я написал губернатору о своей готовности сформировать, если нужно, индийский санитарный отряд. Губернатор тотчас прислал мне утвердительный ответ. Я не ожидал, что мое предложение будет принято так быстро. К счастью, еще до отправления письма я сделал необходимые приготовления. Я решил, в случае если мое предложение будет принято, ликвидировать свою иоганнесбургскую квартиру. Полак должен был перебраться в более скромное помещение, а жена — в Феникс. Она была полностью согласна со мной. Не помню, чтобы она когда-либо мне перечила в подобных делах. Поэтому, получив ответ от губернатора, я предупредил, как полагалось, домохозяина, что через месяц освобождаю квартиру, отправил часть вещей в Феникс, а другую оставил Полаку.

Я отправился в Дурбан и стал собирать там людей. Большого числа их не требовалось. Мы создали отряд из двадцати четырех человек, из которых четверо, не считая меня, были гуджаратцами. Остальные, кроме одного свободного патана, — бывшие законтрактованные рабочие из Южной Индии.

Начальник медицинской службы, считаясь с существовавшими правилами, а также для того, чтобы создать мне официальное положение и тем самым облегчить мою работу, произвел меня на время службы в чин старшины, а троих указанных мною людей назначил сержантами и одного — капралом. Правительство выдало нам обмундирование. Отряд находился на действительной службе примерно шесть недель. Прибыв к месту назначения, я убедился, что там не произошло ничего такого, что можно было бы назвать «мятежом». Зулусы никакого сопротивления не оказывали. Происходившие беспорядки были квалифицированны как мятеж на том основании, что один из зулусских вождей воспротивился новому налогу, которым было обложено его племя, и убил чиновника, явившегося для взимания этого налога. Во всяком случае, мое сочувствие было целиком на стороне зулусов, и я был очень рад, когда по прибытии в штаб узнал, что основной нашей работой будет уход за ранеными зулусами. Офицер медицинской службы радостно встретил нас и сообщил, что белые не хотели ухаживать за зулусами, что раны их гноились и что он совершенно потерял голову. Он считал наш приезд благодеянием для этих ни в чем неповинных людей, снабдил нас перевязочным, дезинфекционным и иным материалом и направил в импровизированный лазарет. Зулусы пришли в восторг, увидев нас. Белые солдаты, заглядывая через ограду, отделявшую нас от них, старались уговорить нас не ухаживать за ранеными. А так как мы не обращали на них никакого внимания и продолжали делать свое дело, они приходили в неистовство и поносили зулусов самыми неприличными словами.

Мало-помалу я ближе познакомился с солдатами, и они перестали нам мешать. Среди командного состава были полковник Спаркс и полковник Уайли, тот самый, который резко выступал против меня в 1896 году. Они были изумлены моим поведением, нанесли мне визит и выразили свою благодарность. Я был представлен генералу Маккензи. Пусть не подумает читатель, что все они были профессиональными военными. Полковник Уайли был известный дурбанский юрист; полковник Спаркс — владелец мясной лавки в Дурбане; генерал Маккензи — видный натальский фермер. Все эти господа получили военную подготовку и приобрели опыт, будучи добровольцами.

Раненые, за которыми мы ухаживали, не были ранены в бою. Одни из них были арестованы как подозрительные. Генерал приказал их высечь. В результате у них появились серьезные раны, которые за отсутствием лечения стали гноиться. Другие принадлежали к дружественному зулусскому племени. Они даже носили особые значки для отличия их от «неприятеля», но солдаты по ошибке стреляли и в них.

Кроме ухода за зулусами, на мне лежала обязанность готовить и раздавать лекарства белым солдатам, что было для меня совсем легко, поскольку я в свое время в течение года работал в небольшом госпитале д-ра Бута. Благодаря этой деятельности я сблизился со многими европейцами.

Мы были прикомандированы к мобильной военной колонне, обязанной тотчас прибыть туда, откуда сообщали об опасности. Основную часть колонны составляла пехота, посаженная на коней. Как только приходил приказ о выступлении, мы должны были пешком следовать за колонной и нести носилки на плечах. Два — три раза нам приходилось делать по сорок миль в день. Но куда бы мы ни направлялись, я всегда с благодарностью думал, что, перетаскивая на своих плечах мирных зулусов, пострадавших из-за неосмотрительности солдат, и ухаживая за ранеными как сиделки, мы делали угодное богу дело.

XXV

Угрызения совести

Зулусский «мятеж» обогатил меня новым жизненным опытом и дал много пищи для размышлений. Бурская война раскрыла для меня ужасы войны далеко не так живо, как «мятеж». Это, собственно, была не война, а охота за людьми, таково было не только мое мнение, но и мнение многих англичан, с которыми мне приходилось разговаривать. Слышать каждое утро, как в деревушках, населенных ни в чем неповинными людьми, трещали, как хлопушки, солдатские винтовки, и жить в этой обстановке было тяжким испытанием. Но я преодолел это мучительное чувство лишь благодаря тому, что работа моего отряда состояла только в уходе за ранеными зулусами. Я ясно видел,

что не будь нас, о зулусах никто бы не позаботился. Таким образом, в этой работе я находил успокоение.

Были и иные поводы для размышлений. Мы шли по малонаселенной части страны. На пути лишь изредка попадались разбросанные по холмам и долинам краали так называемых «нецивилизованных» зулусов. Проходя с ранеными или без них по этим величественным пустынным пространствам, я часто впадал в глубокое раздумье.

Я думал о брахмачарии и ее значении и все сильнее укреплялся в своих убеждениях. Я беседовал на эту тему с товарищами по работе. Тогда я не понимал, насколько необходима брахмачария для самопознания, но ясно отдавал себе отчет в том, что тот, кто всей душой стремится служить человечеству, не может обойтись без нее. Я сознавал, что день ото дня у меня будет все больше поводов для такого служения и что моя задача станет мне не по силам, если я целиком уйду в радости семейной жизни и буду лишь производить на свет и воспитывать детей.

Короче говоря, я не могу жить, следуя одновременно велениям плоти и велениям духа. Например, в данном случае я не смог бы принять участие в экспедиции, если бы жена ожидала ребенка. Без соблюдения брахмачарии служение семье было бы несовместимо со служением общине. А при исполнении этого обета то и другое вполне совместимо.

Размышляя таким образом, я с некоторым нетерпением ждал дня, когда дам этот обет. Связанные с ним надежды породили своего рода состояние экзальтации. Воображение мое разыгралось, раскрывая безграничные возможности служения.

В то время как я был занят напряженной физической и умственной работой, пришло известие, что операции по подавлению «мятежа» почти закончены и что нас вскоре демобилизуют. Через день или два пришел приказ о демобилизации, а спустя еще несколько дней мы вернулись домой.

Через некоторое время я получил письмо от губернатора, в котором он выражал особую благодарность санитарному отряду за его службу.

По прибытии в Феникс я повел страстные споры о брахмачарии с Чхаганлалом, Маганлалом, Уэстом и другими товарищами по работе. Они одобрили мою идею и признали необходимым обет, хотя и

представляли себе трудности этой задачи. Некоторые из них мужественно решили дать обет, и, насколько мне известно, за ними последовали другие.

Я дал клятву — соблюдать обет брахмачарии в течение всей жизни. Должен признаться, что тогда я далеко не полностью представлял себе всю величественность и необъятность задачи, которую взял на себя. И даже сегодня мне порою приходится трудно. Но я все глубже осознаю важность обета.

Жизнь без брахмачарии представляется мне однообразной жизнью животного. По своей природе животное не знает самоограничений. Человек является человеком потому, что способен к самоограничению, и остается человеком лишь постольку, поскольку на практике осуществляет его. Если раньше восхваление брахмачарии в наших религиозных книгах казалось мне нелепым, то теперь оно с каждым днем все яснее представляется мне совершенно правильным и при этом основанным на опыте.

Я понял, что брахмачария исполнена удивительной силы. Но она ни в коей мере не дается легко и, конечно, касается не только плоти. Обет этот начинается с физических ограничений, но ими не кончается. Совершенствование в нем предупреждает даже появление нечистых мыслей. Истинный брахмачари даже и не думает об удовлетворении плотского влечения, а если это ему все еще свойственно, то ему надо многое познать.

Мне было очень трудно соблюдать даже физическую сторону брахмачарии. Теперь я могу сказать, что за эту сторону я могу быть спокоен, но мне еще надо достичь полного контроля над мыслями, что очень важно. И не потому, что мне недостает силы воли, но для меня все еще загадка, откуда появляются нежелательные мысли. Не сомневаюсь, что существует ключ, которым можно запереть их, но этот ключ каждый должен подобрать для себя сам. Святые и пророки учат нас своей жизнью, но они не оставили нам ни одного надежного всеобъемлющего предписания. Ибо совершенство, или свобода от ошибок, исходит только от милосердия, и поэтому ищущие бога оставили нам мантрас, такую как «Рамаяна», освященную их собственным аскетизмом и отражающую их непорочность. Невозможно добиться полного господства над мыслями, не положившись всецело на милость божью. Этому учат все священные

книги, и в своем стремлении достигнуть совершенного состояния брахмачарии я постигаю эту истину.

Немного расскажу я об этих стремлениях и борьбе в следующих главах. Эту главу я закончу воспоминанием о том, как приступил к осуществлению этой задачи. В порыве энтузиазма соблюдение брахмачарии оказалось довольно легким. Первое, что я изменил в своем образе жизни, — это перестал спать с женой в одной постели и искать с ней уединения.

Итак, брахмачария, которую я соблюдал волей неволей начиная с 1900 года, была скреплена клятвой в середине 1906 года.

XXVI

Рождение сатьяграхи

События в Иоганнесбурге приняли такой оборот, что превратили мое самоочищение в подготовительную, так сказать, ступень к сатьяграхе. Теперь я вижу, что все главные события моей жизни, достигшие высшей точки в обете брахмачарии, исподволь готовили меня к этому движению. Сам принцип, именуемый теперь «сатьяграха», возник раньше, чем был изобретен этот термин. Первое время я и сам не знал, что это такое. Для характеристики этого принципа на языке гуджарати мы первоначально пользовались английским выражением «пассивное сопротивление». Но однажды в разговоре с европейцами я убедился, что термин «пассивное сопротивление» слишком узок, что под ним подразумевается оружие слабого против сильного, нечто такое, что внушено ненавистью и в конце концов может вылиться в насилие. Я решил предупредить ложное истолкование и разъяснить подлинную природу индийского движения. Разумеется, индийцы сами должны были изобрести новый термин для обозначения своей борьбы.

Но, как я ни бился, все же не мог найти подходящий термин. Тогда я объявил конкурс среди читателей «Индиан опиньон» на лучшее предложение в этом смысле. Маганлал Ганди сочинил слово «сатаграха» (сат — истина, аграха — твердость) и получил премию. Стараясь сделать слово более понятным, я изменил его на «сатьяграха», и этот термин на языке гуджарати стал с тех пор обозначением нашей борьбы.

История сатьяграхи практически сводится к истории всей моей последующей жизни в Южной Африке и в особенности моих поисков истины в период пребывания на Африканском континенте. Основную часть этой истории я написал в тюрьме, в йерваде и закончил ее после выхода на свободу. Она была опубликована в журнале «Навадживан», а затем вышла отдельной книгой. Адвокат Валджи Говинджи Десаи перевел ее на английский язык для журнала «Каррент сот». В настоящее время я готовлю издание английского перевода отдельной книгой, и, прочитав ее, каждый сможет ознакомиться с моими наиболее важными исканиями в Южной Африке. Я рекомендую читателям, которые еще не видели этой книги, внимательно прочесть мою историю сатьяграхи в Южной Африке. Не стану повторять здесь того, что написано мною в этой книге, а в следующих главах коснусь лишь некоторых событий своей личной жизни в Южной Африке, которые в истории сатьяграхи затронуты не были. Затем постараюсь дать читателю представление о своих исканиях в Индии. Тем, кто хотел бы установить строгую хронологическую последовательность моих исканий, полезно было бы иметь под рукой мою историю сатьяграхи в Южной Африке.

XXVII

Дальнейшие опыты в области питания

Я равно жаждал соблюдать брахмачарию в мыслях, словах и поступках и посвящать максимум времени сатьяграхе. Добиться этого я мог, лишь путем самоочищения. Поэтому я начал вносить новые изменения в свою жизнь и ввел более строгие ограничения в отношении питания. Прежде, меняя образ жизни, я руководствовался преимущественно соображениями гигиеническими, теперь же в основу моих новых опытов легли религиозные соображения.

Посты и воздержание в пище стали играть более существенную роль в моей жизни. Человеческим страстям обычно сопутствует склонность к приятным вкусовым ощущениям. Так было и со мной. Я встретился с большими трудностями в попытках обуздать свою страсть и чревоугодие и даже теперь не могу похвастаться, что всецело обуздал эти пороки. Я считал себя обжорой. То, что друзьям казалось воздержанием, мне самому представлялось в ином свете. Если бы мне

не удалось развить в себе воздержание в той мере, какой я достиг, я бы опустился ниже животных и был бы давно обречен. Поскольку же я ясно осознал свои недостатки, я приложил большие усилия к тому, чтобы освободиться от них, и благодаря этим стараниям подчинил себе свое тело и смог в течение всех этих лет вести выпавшую на мою долю работу.

Сознание своей слабости и неожиданная встреча с людьми, — проникнутыми такими же мыслями, привели к тому, что я стал питаться исключительно фруктами, поститься в день экадаши, соблюдать джанмаштами и тому подобные праздники.

Я начал с фруктовой диеты, однако с точки зрения воздержания не видел большой разницы между фруктовой и мучной пищей. Я заметил, что и в первом, и во втором случае возможно одинаковое потворство чревоугодию. Поэтому я придавал большое значение посту по праздникам и одноразовому приему пищи в эти дни и с радостью использовал для проведения поста любой повод для покаяния и т. п. Но я также увидел, что поскольку теперь тело истощается гораздо больше, то и пища доставляет большее наслаждение, а аппетит разыгрывается сильнее. Мне пришло в голову, что пост может стать столь же могущественным оружием для потакания своим желаниям, как и для ограничения их. В качестве доказательства такого поразительного факта могу сослаться на многочисленные опыты, проведенные впоследствии мною и моими друзьями. Я хотел усовершенствовать и дисциплинировать свое тело, но, поскольку главная цель теперь состояла в том, чтобы добиться воздержания и победить чревоугодие, я выбирал сначала одну пищу, потом другую, уменьшая в то же время ее порции. Но чувство удовольствия от еды не оставляло меня. Когда я отказывался от одной пищи, которая мне нравилась, и употреблял другую, то эта последняя доставляла мне новое и гораздо большее удовольствие.

Со мной проводили подобные опыты еще несколько человек, и прежде всего Герман Калленбах. В истории сатьяграхи в Южной Африке я уже писал о нем и не буду повторяться. М-р Калленбах всегда постился или менял пищу вместе со мной. Я жил в его доме, когда сатьяграха была в разгаре. Мы обсуждали с ним изменения в пище, и новая пища доставляла нам гораздо большее удовольствие, чем прежняя. Подобные разговоры в те дни были приятны и не

казались неуместными. Однако опыт научил меня, что не следует много говорить о вкусовых ощущениях. Есть надо не для того, чтобы усладить вкус, а для поддержания необходимых жизненных функций организма. Когда какой-либо из органов чувств поддерживает тело, а через него и душу, то исчезает специфическое чувство удовольствия и тогда только он начинает функционировать так, как предначертано природой.

Для достижения такого слияния с природой никаких опытов недостаточно и никакая жертва не будет чрезмерной. Но, к сожалению, в наши дни сильно противоположное течение. Нам не стыдно приносить в жертву множество чужих жизней, украшая наше бренное тело и стараясь продлить его существование на несколько мимолетных мгновений, а в результате мы убиваем самих себя — свое тело и свою душу. Стараясь вылечиться от одной застарелой болезни, мы порождаем сотни других; стремясь насладиться чувственными удовольствиями, мы в конце концов теряем даже самую способность к наслаждению. Все это происходит на наших глазах, но нет более слепого, чем тот, кто не желает видеть.

После того как я рассказал о цели своих опытов в области питания и изложил ход мыслей, которые привели меня к этим опытам, я намерен описать их более подробно.

XXVIII

Мужество кастурбай

Трижды в своей жизни моя жена была на пороге смерти от тяжелой болезни. Своим выздоровлением каждый раз она была обязана домашним средствам. В дни ее первой болезни сатьяграха только что началась или должна была начаться. У жены случались частые кровотечения. Врач, бывший нашим другом, посоветовал лечь на операцию, на что жена согласилась после некоторых колебаний. Она была страшно истощена, и операцию пришлось делать без хлороформа. Операция прошла благополучно, но была весьма мучительной. Однако Кастурбай вынесла ее с изумительным мужеством. Доктор и его жена ухаживали за ней с исключительной заботливостью. Это происходило в Дурбане. Доктор отпустил меня в Иоганнесбург и сказал, чтобы я не беспокоился о больной.

Однако через несколько дней я получил письмо, что жене хуже, что она очень слаба, не может даже сидеть в постели и однажды впала в беспамятство. Доктор знал, что не имеет права без моего разрешения дать ей вина или мяса. Поэтому он телефонировал мне в Иоганнесбург, прося позволения кормить ее мясным бульоном. Я ответил, что не могу разрешить этого, но, если она сама в состоянии выражать свои желания, надо спросить ее, и она вольна поступать, как хочет.

— Я, — возразил доктор, — отказываюсь спрашивать мнение больной по этому вопросу. Вы должны приехать. Если вы мне не дадите полной свободы назначать больной питание, я снимаю с себя ответственность за жизнь вашей жены.

В тот же день я выехал поездом в Дурбан. Встретив меня, доктор спокойно сказал:

— Еще до того как я позвонил вам по телефону, я дал мясного бульона м-с Ганди.

— Доктор, я считаю это обманом, — ответил я.

— При чем здесь обман, если речь идет о назначении лекарства или диеты больному. Мы, врачи, считаем правильным обманывать больных или их родственников, если можем тем самым спасти больного, — решительно отвечал доктор.

Я был огорчен до глубины души, но сохранил спокойствие. Доктор был хороший человек и мой личный друг. Я считал себя в долгу перед ним и его женой, но не желал подчиняться его врачебной этике.

— Доктор, скажите, что вы теперь намерены делать? Я никогда не позволю, чтобы моей жене давали мясную пищу, даже если бы отказ от нее означал смерть. Я разрешу это, только если она сама согласится на это.

— Мне нет дела до вашей философии, — сказал доктор. говорю вам, что раз вы поручаете жену мне, я должен быть свободным в выборе того, что ей прописываю. Если вам это не нравится, то я, к сожалению, вынужден буду просить вас взять ее от меня. Я не могу смотреть, как она будет умирать под моей кровлей.

— Вы хотите сказать, что я должен тотчас взять жену?

— Разве я прошу вас забрать ее? Я хочу только одного — быть совершенно свободным. Если вы предоставите мне свободу, моя жена и я будем делать все, что в наших силах, чтобы спасти вашу жену, а вы можете ехать обратно, не тревожась за ее здоровье. Если же вы не уразумеете этой простой вещи, я вынужден буду просить вас взять вашу жену из моего дома.

Кажется, один из моих сыновей был вместе со мной. Он был полностью согласен со мной и сказал, что его матери не следует давать бульон. Затем я поговорил с самой Кастурбай. Она была так слаба, что не следовало бы спрашивать ее мнения. Но я считал своей тягостной обязанностью сделать это. Я рассказал ей, что произошло между доктором и мною.

Она решительно ответила:

— Я не буду есть мясной бульон. В этом мире редко удается родиться в виде человеческого существа, и я предпочитаю умереть на твоих руках, чем осквернить свое тело подобной мерзостью.

Я старался уговорить ее, сказав, чтс она не обязана следовать по моему пути, и указал ей, как на пример, на наших индусских друзей и знакомых, со спокойной совестью употреблявших мясо и вино как врачебные средства. Но она была непреклонна.

— Нет, — сказала она, — пожалуйста, забери меня отсюда. Я был в восторге. Не без некоторого душевного волнения решился я увезти Кастурбай и уведомил доктора о ее решении. Он в бешенстве воскликнул:

— Какой же черствый вы человек! Как вам не стыдно было говорить ей об этом в ее теперешнем положении. Уверяю вас, ваша жена сейчас не в таком состоянии, чтобы ее можно было взять отсюда. Она не вынесет даже самой легкой тряски. Она может умереть по дороге. Но если вы все-таки настаиваете, дело ваше. Если вы не согласны давать ей мясной бульон, я не рискну ни одного дня держать ее у себя.

Итак, мы решили тронуться в путь немедленно. Моросил дождь, а до станции было довольно далеко. От Дурбана до Феникса нужно было ехать поездом, откуда до нашей колонии оставалось еще две с половиной мили. Я, конечно, сильно рисковал, но уповал на бога. Я послал вперед в Феникс человека и предупредил Уэста, чтобы он встретил нас на станциис гамаком, бутылками горячего молока и горячей воды и шестью людьми, чтобы нести Кастурбай в гамаке. Чтобы поспеть с ней к ближайшему поезду, я нанял рикшу, положил ее в коляску, и мы двинулись в путь.

Кастурбай была в тяжелом состоянии, но в ободрении не нуждалась. Наоборот, она сама утешала меня, приговаривая:

— Ничего со мной не случится. Не волнуйся.

От нее остались кожа да кости, так как в течение многих дней она ничего не ела. Станционная платформа была длинной, и требовалось пройти порядочное расстояние до поезда. Рикша не имел туда доступа, поэтому я взял жену на руки и. донес до вагона. Из Феникса мы понесли ее в гамаке. В колонии она постепенно стала набираться сил благодаря гидропатическому лечению.

Через два-три дня после нашего прибытия в Феникс к нам забрел свами. Узнав о решительности и твердости, с которой мы отвергли совет врача, он пришел к нам из чувства сострадания, чтобы убедить нас, что мы не правы. Насколько помню, когда свами вошел к нам, в комнате были мои сыновья Манилал и Рамдас. Свами стал разглагольствовать о том, что религия не запрещает есть мясо, и ссылался на авторитеты из «Ману». Мне не понравилось, что он затеял этот спор в присутствии жены, но из вежливости я терпел его. Мне были известны эти строки «Манусмрити», но они не могли повлиять на мои убеждения. Я знал также, что некоторые ученые рассматривали эти строки как позднейшие вставки, но даже если бы они и были подлинными, то это не имело в данном случае никакого значения, так

как мои взгляды относительно вегетарианства не зависели от религиозных текстов, а вера Кастурбай была непоколебимой. Священные тексты были для нее книгами за семью печатями, но она строго придерживалась традиционной религии своих праотцов. Дети разделяли веру отца, и поэтому не приняли всерьез доказательств свами. Кастурбай решительно вмешалась и прервала монолог свами.

— Свамиджи, — сказала она, — что бы вы ни говорили, я не хочу исцеляться при помощи мясного бульона. Пожалуйста, не тревожьте меня больше. Если вам угодно, можете обсуждать этот вопрос с мужем и детьми. А я уже приняла решение.

XXIX

Домашняя сатьяграха

Впервые я попал в тюрьму в 1908 году. Я увидел, что некоторые предписания для заключенных совпадают с правилами самоограничения, которые добровольно соблюдает брахмачари. Таким, например, было предписание о том, чтобы последний раз заключенные ели до захода солнца. Заключенным — и индийцам и африканцам — не разрешалось пить чай и кофе. Они могли, если хотели, добавлять соль в приготовленную пищу, но не разрешалось ничего такого, что бы услаждало их вкус. Когда я попросил тюремного врача дать мне карри и разрешить солить пищу во время ее приготовления, он ответил:

— Вы здесь не за тем, чтобы услаждать свой вкус. Карри для здоровья не обязательна, и нет никакой разницы, солите вы свою еду во время приготовления или после.

В конце концов эти ограничения были отменены, хотя и не без борьбы, но оба представляли собой полезные правила самовоздержания. Навязанные запрещения редко достигают цели, но когда сам налагаешь их на себя, они несомненно благотворны. Поэтому тотчас после освобождения из тюрьмы я стал приучать себя не пить чай и ужинать до захода солнца. Сейчас соблюдение этих правил не требует от меня никаких усилий.

Как-то раз случай побудил меня совершенно отказаться от соли, и я не употреблял ее целых десять лет. В книгах по вегетарианству я прочел, что соль не является необходимым компонентом пищи человека и даже наоборот: пища без соли полезнее для здоровья. Я

сделал отсюда вывод, что для брахмачари будет только полезно не солить пищу. Я читал и понял на собственном опыте, что люди слабого здоровья не должны употреблять в пищу бобовых. Сам я их очень любил.

Случилось, что Кастурбай после краткой передышки в результате операции опять стала страдать кровотечениями. Болезнь была очень упорной. Водолечение перестало помогать. Она не очень верила в мои методы, хотя и не противилась им. Однако она и не думала искать помощи со стороны. Когда все мои средства оказались напрасными, я предложил ей отказаться от соли и бобовых. Она не соглашалась, как я ни уговаривал ее, подкрепляя свои слова ссылкой на авторитеты. Кончилось тем, что она упрекнула меня, сказав, что даже я не смог бы отказаться от этих продуктов, если бы мне посоветовали. Я был опечален, но вместе с тем обрадовался тому, что могу доказать ей свою любовь, и сказал:

— Ошибаешься. Если бы я был нездоров и врач посоветовал мне отказаться от этой или какой-нибудь другой пищи, я бы сделал это без всякого колебания. Так вот: хотя меня не побуждают к этому медицинские соображения, я отказываюсь на год от соли и бобовых независимо от того, сделаешь ты то же самое или нет.

Она была потрясена и воскликнула с глубокой скорбью:

— Умоляю, прости меня. Зная тебя, я не должна была вызывать тебя на это. Обещаю отказаться от этих продуктов, но ради самого неба возьми свой обет обратно. Это для меня слишком тяжело.

— Тебе будет полезно отказаться от этих продуктов, — сказал я. — Я ничуть не сомневаюсь в том, что тебе станет лучше, когда ты это сделаешь. Что касается меня, то я не могу пренебречь обетом, данным мною с полной серьезностью. И наверно, это будет полезно и для меня, ибо всякое воздержание, чем бы оно ни было вызвано, благотворно для человека. Поэтому обо мне не беспокойся. Это будет для меня лишь испытанием, а для тебя нравственной поддержкой в осуществлении твоего решения.

Она перестала настаивать.

— Ты слишком упрям. Ты никого не послушаешься, — сказала она и заплакала.

Мне захотелось поведать об этом случае, как о примере сатьяграхи и одном из самых сладостных воспоминаний моей жизни.

После этого Кастурбай стала быстро поправляться. Что ей помогло: отказ от соли и бобовых и другие изменения в питании, а может быть, мое строгое наблюдение за точным выполнением других жизненных правил или же, наконец, душевный подъем, вызванный этим случаем, и в какой именно степени — сказать не могу. Но она скоро выздоровела, кровотечения прекратились совершенно, а репутация моя как знахаря еще более упрочилась.

Что касается меня, то я лишь выиграл от новых ограничений. Я никогда не жалел о том, от чего отказывался. Прошел год, и я еще больше научился владеть своими чувствами. Этот опыт способствовал развитию склонности к самовоздержанию. Долгое время спустя, уже после возвращения в Индию, я продолжал отказываться от этих продуктов. Только в Лондоне в 1914 году я нарушил это свое правило. Но об этом случае и о том, как я вновь стал употреблять соль и бобовые, расскажу в одной из последующих глав.

В Южной Африке я проверял питание без соли и без бобовых на многих своих товарищах по работе, и результаты всегда были хорошие. С медицинской точки зрения могут быть различные мнения относительно целесообразности такого питания, но с моральной точки зрения у меня нет сомнений, что для человеческой души полезно любое самоограничение. Питание ограничивающего себя человека должно отличаться от питания человека, ищущего удовольствий, так же, как и его жизненный путь. Тот, кто стремится к брахмачарии, часто наносит ущерб своей собственной цели, избирая путь приятной жизни.

XXX

К самоограничению

В предыдущей главе я рассказал, каким образом болезнь Кастурбай способствовала проведению некоторых изменений в моем питании. В последующий период я вновь менял свое питание с целью облегчить соблюдение обета брахмачарии.

Первым из этих изменений был отказ от молока. От Райчандбхая я впервые узнал, что употребление молока способствует развитию животной страсти. В книгах по вегетарианству я нашел подтверждение этому, но до принятия обета брахмачарии я не решался отказаться от молока. Я давно понял, что оно не является необходимым продуктом

для поддержания организма, но отказаться от него было нелегко. В то время, когда мною все больше овладевало сознание необходимости в интересах самоограничения не употреблять в пищу молока, я случайно натолкнулся на книжку, изданную в Калькутте, в которой описывалось, как мучили коров и буйволов их хозяева. Эта книжка оказала на меня сильное влияние. Я разговорился о ней с м-ром Калленбахом.

Хотя я уже рассказал о м-ре Калленбахе читателям своей книги по истории сатьяграхи в Южной Африке и упоминал о нем в одной из предыдущих глав, думаю, что здесь необходимо кое-что добавить. Встретились мы совершенно случайно. Он был другом м-ра Хана, который, открыв в нем нечто неземное, представил его мне.

Когда я познакомился с м-ром Калленбахом, то был поражен его расточительностью и любовью к роскоши. С первой же нашей встречи он стал задавать пытливые вопросы о религии. Между прочим, мы заговорили о самоотречении Будды Гаутамы. Наше знакомство вскоре переросло в столь близкие дружественные отношения, что мы даже мыслить стали одинаково, и он был убежден, что должен осуществить в своей жизни те же преобразования, которые осуществил я.

Ко времени нашей встречи он тратил на себя 1200 рупий в месяц, не считая квартирной платы, хотя жил один. Теперь он стал вести такой простой образ жизни, что его расходы сократились до 120 рупий в месяц. После того как я ликвидировал свое хозяйство и вышел из тюрьмы, мы поселились вместе. Мы вели очень строгую жизнь.

Именно тогда и произошел наш разговор о молоке. М-р Калленбах сказал:

— Мы все время говорим о вредном воздействии молока. Почему бы нам не отказаться от него? Без молока можно обойтись наверняка.

Я был приятно удивлен таким предложением и охотно принял его. Мы оба тогда же поклялись отказаться от молока.

Это произошло в 1912 году на ферме Толстого.

Однако и это не вполне удовлетворило меня. Вскоре я решил жить исключительно на фруктовой пище и есть по возможности самые дешевые фрукты. Мы хотели жить так, как живут самые бедные люди.

Фруктовая пища оказалась очень удобной. С приготовлением пищи было фактически покончено. Сырые земляные орехи, бананы, финики, лимоны и оливковое масло составляли наше обычное меню.

Должен, однако, предостеречь тех, кто стремится стать брахмачари. Хотя я выявил тесную связь между питанием и брахмачарией, очевидно, основное — это душа. Постом нельзя очистить преисполненную грязных намерений душу. Изменения в питании не окажут на нее никакого влияния. Похотливость в душе нельзя искоренить иначе, как путем упорного самоанализа, посвящения себя богу и, наконец, молитв. Однако между душой и телом существует тесная связь, и чувственная душа всегда жаждет лаксмств и роскоши. Ограничения в пище и пост необходимы, чтобы избавиться от этих склонностей. Вместо того чтобы управлять чувствами, чувственная душа становится их рабом, поэтому тело всегда нуждается в чистой, невозбуждающей пище и периодических постах.

Тот, кто пренебрегает ограничениями в пище и постами, так же глубоко заблуждается, как и тот, кто полагается только на них. Мой опыт учит меня, что для того, чья душа стремится к самоограничению, пост и воздержание в пище очень полезны. Без их помощи нельзя полностью освободить душу от похотливости.

XXXI

Пост

Примерно в то же время, когда я отказался от молока и мучного и перешел на фруктовую пищу, я начал прибегать к посту как к средству самоограничения. М-р Калленбах и здесь присоединился ко мне. Я и раньше время от времени постился, но делал это исключительно ради здоровья. То, что пост необходим для самоограничения, я узнал от одного своего приятеля.

Родившись в семье вишнуитов от матери, которая соблюдала всевозможные трудные обеты, я еще в Индии соблюдал экадаши и другие посты, но делал это, лишь подражая матери и стараясь угодить родителям.

В то время я не понимал действенности поста и не верил в него. Но увидев, что мой приятель, о котором я упомянул выше, постится с пользой для себя, надеясь поддержать обет брахмачарии, я последовал его примеру и начал соблюдать пост экадаши. Индусы, как правило, позволяют себе в дни поста молоко и фрукты, но такой пост я

соблюдал ежедневно. Поэтому, постясь, я стал разрешать теперь себе только воду.

Случилось так, что, когда я приступил к этому опыту, индусский месяц шраван совпал с мусульманским месяцем рамазаном. Семья Ганди обычно соблюдала обеты не только вишнуитов, но шиваитов и посещала и вишнуитские и шиваитские храмы. Некоторые члены семьи соблюдали прадоша на протяжении всего месяца шраван. Я решил поступать так же.

Эти важные опыты проводились на ферме Толстого, где м-р Калленбах и я проживали вместе с несколькими семьями участников сатьяграхи, включая молодежь и детей. Для детей у нас была школа. Среди них было четверо или пятеро мусульман. Я всегда помогал им соблюдать религиозные обряды и поощрял их к этому. Я следил за тем, чтобы они ежедневно совершали свой намаз. Мальчиков — христиан и парсов — я считал своим долгом также поощрять к соблюдению ими религиозных обрядов.

Я убедил мальчиков в течение этого месяца соблюдать пост рамазана. Сам я еще раньше решил соблюдать прадоша, но теперь предложил мальчикам — индусам, парсам и христианам следовать моему примеру. Я объяснил им, что всегда полезно присоединиться к другим в любом акте самоотречения. Многие жители фермы приветствовали мое предложение. Мальчики, индусы и парсы, не подражали во всем мальчикам мусульманам; в этом не было необходимости. Мальчики мусульмане должны были принимать пищу только после захода солнца, в то время как другим не надо было соблюдать это правило, и они могли готовить лакомства для своих друзей мусульман и оказывать им различные услуги. Кроме того, индусские и другие мальчики не обязаны были находиться вместе с мусульманами во время их последнего приема пищи перед восходом солнца по утрам; и, конечно, все, за исключением мусульман, позволяли себе пить воду.

В результате проведенных опытов все убедились в благодетельности поста, а у мальчиков развилось прекрасное чувство esprit de corps.[16] Должен с благодарностью отметить, что на ферме Толстого вследствие готовности уважать мои чувства все были вегетарианцами. Мусульманским мальчикам пришлось отказаться от мясной пищи в течение рамазана, но никто из них никогда не говорил

мне об этом. Они с удовольствием ели вегетарианскую пищу, а индусские мальчики часто готовили для них вегетарианские лакомства, соответственно нашему простому образу жизни на ферме.

Я намеренно отклонился от темы главы о посте, поскольку нигде в другом месте не смог поделиться этими приятными воспоминаниями: таким путем я косвенно описал присущую мне черту, а именно — я любил, когда мои товарищи по работе присоединялись ко мне во всем, что казалось мне хорошим. Они не были привычны к постам, но именно благодаря постам, прадоши и рамазану для меня оказалось нетрудным вызвать у них интерес к посту как средству самоограничения.

Таким естественным образом на ферме возникла атмосфера самоограничения. Все жители фермы стали присоединяться к нам в соблюдении частичных или полных постов, что, по моему убеждению, пошло им только на пользу. Я не могу определенно сказать, насколько глубоко затронуло их душу такое самоотречение и насколько оно помогло им подчинить себе плоть. Что же касается меня, то я убежден, что в результате всего этого я много выиграл как физически, так и морально. Однако из этого вовсе не следует, что пост и тому подобное умерщвление плоти обязательно окажут такое же воздействие и на других.

Пост, если к нему приступают с целью самоограничения, может помочь обуздать животную страсть. Некоторые же мои друзья обнаружили, что следствием поста является возбуждение животной страсти и развитие чревоугодия. Иначе говоря, пост бесполезен, если он не сопровождается постоянным стремлением к самоограничению. Заслуживают упоминания в этой связи известные строфы из второй главы «Бхагаватгиты»:

> Для человека, который постом смиряет чувства,
> Внешне чувственные объекты исчезают,
> Оставляя томление; но когда
> Он увидел всевышнего,
> Даже томление исчезает.

Пост и умерщвление плоти посредством него представляют собой, следовательно, одно из средств, служащих целям самоограничения. Но

это не все, и, если физический пост не сопровождается духовным, он обязательно превратится в лицемерие и приведет к беде.

XXXII

В качестве учителя

Надеюсь, читатель помнит, что в этих главах я рассказываю лишь о том, о чем не упоминается или упоминается вскользь в моей книге по истории сатьяграхи в Южной Африке. Поэтому он легко установит связь между последними главами.

Ферма росла, и нужно было как-то наладить обучение детей. Среди них были мальчики — индусы, мусульмане, парсы и христиане — и несколько девочек индусок.

Было невозможно, да я и не считал нужным, нанимать для них специальных учителей. Невозможно потому, что квалифицированные индийские учителя встречались редко, а если бы их и удалось найти, то вряд ли кто-нибудь из них согласился бы за скромное жалованье отправиться в местечко в двадцати одной миле от Иоганнесбурга. К тому же у нас, конечно, не было лишних денег. Кроме того, я не считал нужным брать на ферму учителей со стороны, так как не верил в разумность существующей системы образования и задумал посредством экспериментов и личного опыта найти правильную систему. Я твердо знал только одно — в идеальных условиях правильное образование могут дать только родители, а помощь со стороны должна быть сведена до минимума. Ферма Толстого представляла собой семью, в которой я был вместо отца и в меру своих сил нес ответственность за обучение молодежи.

Несомненно, этот замысел не лишен был недостатков. Молодые люди жили со мной не с самого детства, они выросли в неодинаковых условиях и в разной среде и не были последователями одной религии. Разве мог я полностью оценить по достоинству этих молодых людей, поставленных в новые условия, даже и взяв на себя роль отца семейства?

Но я всегда отводил первое место воспитанию души или формированию характера, и, поскольку я был убежден, что всем молодым людям в равной степени, независимо от их возраста и наклонностей, можно дать соответствующее духовное воспитание, я

решил быть при них неотлучно как отец. Я считал формирование характера первоосновой воспитания и был уверен, что если эта основа будет заложена прочно, то дети — сами или с помощью друзей — научатся всему остальному. Однако вместе с этим я всецело отдавал себе отчет в необходимости дать детям и общее образование; поэтому с помощью м-ра Калленбаха и адвоката Прагджи Десаи я организовал несколько классов. Я понимал и значение физического воспитания. Физическую закалку дети получали, выполняя ежедневно свои обязанности. На ферме не было слуг, и всю работу, начиная со стряпни и кончая уборкой мусора, делали обитатели фермы. Надо было ухаживать за фруктовыми деревьями и вообще возиться в саду. М-р Калленбах очень любил работать в саду и приобрел в этом некоторый опыт в одном из правительственных образцовых хозяйств. И стар, и млад — все, кто не был занят на кухне, обязаны были уделять некоторое время садовым работам. Дети делали большую часть работы — копали ямы, рубили сучья и таскали тяжести. Таким образом, физических упражнений было более чем достаточно. Дети находили удовольствие в этой работе, и поэтому они обычно не нуждались в других упражнениях или играх. Конечно, некоторые из них, а подчас и большинство притворялись больными и увиливали от дел. Иногда я смотрел на это сквозь пальцы, но чаще бывал строг. Думаю, что строгость не очень им нравилась, но не помню, чтобы они противились мне. Когда я бывал строг, я доказывал им, что неправильно бросать работу ради забавы. Однако убеждения действовали на них лишь непродолжительное время: вскоре они вновь бросали работу и начинали играть. Тем не менее, мы справлялись с делом, во всяком случае, дети, жившие в ашраме, прекрасно развивались физически. На ферме болели очень редко. Конечно, немалую роль в этом сыграли хороший воздух и вода, а также регулярное принятие пищи.

Несколько слов о профессиональном обучении детей. Мне хотелось научить каждого мальчика какой-нибудь полезной профессии, связанной с физическим трудом. С этой целью м-р Калленбах отправился в траппистский монастырь и, изучив там сапожное ремесло, вернулся. От него это ремесло перенял я, а затем стал сам обучать желающих. У м-ра Калленбаха был некоторый опыт в плотничьем деле; на ферме нашелся еще один человек, который тоже

знал плотничье дело. Мы создали небольшую группу, которая училась плотничать.

Почти все дети умели стряпать.

Все это было им в новинку. Они никогда и не помышляли, что им придется учиться таким вещам. Ведь обычно в Южной Африке индийских детей обучали только чтению, письму и арифметике.

На ферме Толстого установилось правило — не требовать от ученика того, чего не делает учитель, и поэтому, когда детей просили выполнить какую-нибудь работу, с ними заодно всегда работал учитель. Поэтому дети учились всему с удовольствием.

Об общем образовании и формировании характеров будет рассказано в следующих главах.

XXXIII

Общее образование

В предыдущей главе вы видели, каким образом на ферме Толстого осуществлялось физическое воспитание и от случая к случаю обучение профессиональное. Несмотря на то что постановка физического и профессионального обучения едва ли могла удовлетворить меня, все же можно сказать, что оно было более или менее успешным.

Однако дать детям общее образование было делом более трудным. Я не имел для этого ни возможностей, ни необходимой подготовки. Физическая работа, которую я выполнял обычно, к концу дня чрезвычайно утомляла меня, а заниматься с классом приходилось как раз тогда, когда мне больше всего нужен был отдых. Вместо того, чтобы приходить в класс со свежими силами, я с большим трудом превозмогал дремоту. Утреннее время надо было посвящать работе на ферме и выполнению домашних обязанностей, поэтому школьные занятия проводились после полуденного приема пищи. Другого подходящего времени не было.

Общеобразовательным предметам мы отводили самое большее три урока в день. Преподавались языки хинди, гуджарати, урду и тамили; обучение велось на родных для детей языках. Преподавался также английский язык. Кроме того, гуджаратских индусских детей нужно

было хотя бы немного ознакомить с санскритом, а всем детям дать элементарные знания по истории, географии и арифметике.

Я взялся преподавать языки тамили и урду. Те скромные познания в тамильском языке, какие у меня были, я приобрел во время своих поездок и в тюрьме. В своих занятиях, однако, я не пошел дальше прекрасного учебника тамильского языка Поупа. Все свои знания письменного урду я приобрел во время одного из путешествий по морю, а мое знание разговорного языка ограничивалось персидскими и арабскими словами, которые я узнал от знакомых мусульман. О санскрите я знал не больше того, чему был обучен в средней школе, и даже мои познания в гуджарати были не выше тех, какие получают в школе.

Таков был капитал, с которым мне пришлось начать преподавание. По бедности общеобразовательной подготовки мои коллеги превзошли меня. Но любовь к языкам родины, уверенность в своих способностях как учителя, а также невежество учеников, более того — их великодушие сослужили мне службу.

Все мальчики тамилы родились в Южной Африке и поэтому очень слабо знали родной язык, а письменности не знали и вовсе. Мне пришлось учить их письму и грамматике. Это было довольно легко. Мои ученики знали, что в разговоре по-тамильски превосходят меня, и когда меня навещали тамилы, не знавшие английского языка, ученики становились моими переводчиками. Я всецело справлялся со своим делом потому, что никогда не скрывал свое невежество от учеников. Во всем я являлся им таким, каким был на самом деле. Поэтому, несмотря на свое ужасное невежество в языке, я не утратил их любви и уважения. Сравнительно легче было обучать мальчиков мусульман языку урду. Они умели писать. Я должен был только пробудить в них интерес к чтению и улучшить их почерк.

Большинство детей были неграмотными и недисциплинированными. Но в процессе работы я обнаружил, что мне приходится очень немногому учить их, если не считать того, что я должен был отучать их от лени и следить за их занятиями. Поскольку с этим я вполне справлялся, то я стал собирать в одной комнате детей разных возрастов, изучавших различные предметы.

Я никогда не испытывал потребности в учебниках. Не помню, чтобы я извлек много пользы из книг, находившихся в моем

распоряжении. Я считал бесполезным обременять детей большим числом книг и всегда понимал, что настоящим учебником для ученика является его учитель. Я сам помню очень мало из того, чему мои учителя учили меня с помощью книг, но до сих пор свежи в памяти вещи, которым они научили меня помимо учебников.

Дети усваивают на слух гораздо больше и с меньшим трудом, чем зрительно. Не помню, чтобы мы с мальчиками прочли хоть одну книгу от корки до корки. Но я рассказывал им то, что сам усвоил из различных книг, и мне кажется, что они до сих пор не забыли этого. Дети с трудом вспоминали то, что они заучивали из книг, но услышанное от меня могли повторить легко. Чтение было для них заданием, а мои рассказы, если мне удавалось сделать мой предмет интересным, — удовольствием. А по вопросам, которые они мне задавали после моих рассказов, я судил об их способности воспринимать.

XXXIV

Воспитание духа

Духовное воспитание мальчиков представляло собой гораздо более трудное дело, чем их физическое и умственное воспитание. Я мало полагался на религиозные книги в духовном воспитании. Конечно, я считал, что каждый ученик должен познакомиться с основами своей религии и иметь общее представление о священных книгах, поэтому делал все, что мог, стараясь дать детям такие знания. Но это, по-моему, было лишь частью воспитания ума. Задолго до того, как я взялся за обучение детей на ферме Толстого, я понял, что воспитание духа — задача особая. Развить дух — значит сформировать характер и подготовить человека к работе в направлении познания бога и самопознания. Я был убежден — любое обучение без воспитания духа не принесет пользы и может даже оказаться вредным.

Мне известен Предрассудок, что самопознание возможно лишь на четвертой ступени жизни, т. е. на ступени саньяса (самоотречения). Однако все знают, что тот, кто откладывает приготовление к этому бесценному опыту до последней ступени жизни, достигает не самопознания, а старости, которая равнозначна второму, но уже жалкому детству, обременительному для всех окружающих. Я хорошо

помню, что придерживался этих взглядов уже в то время, когда занимался преподаванием, т. е. в 1911–1912 годах, хотя, возможно, тогда и не выражал эти идеи точно такими словами.

Каким же образом можно дать детям духовное воспитание? Я заставлял детей запоминать и читать наизусть молитвы, читал им отрывки из нравоучительных книг. Но все это не очень меня удовлетворяло. Больше сблизившись с детьми, я понял, что не при помощи книг надо воспитывать дух. Подобно тому как для физического воспитания необходимы физические упражнения, а для умственного — упражнения ума, воспитание духа возможно только путем упражнений духа. А выбор этих упражнений целиком зависит от образа жизни и характера учителя. Учитель всегда должен соблюдать осторожность, независимо от того, находится ли он среди своих учеников или нет.

Учитель своим образом жизни может воздействовать на дух учеников, даже если живет за несколько миль от них. Будь я лжецом, все мои попытки научить мальчиков говорить правду потерпели бы крах. Трусливый учитель никогда не сделает своих учеников храбрыми, а человек, чуждый самоограничения, никогда не научит учеников ценить благотворность самоограничения. Я понял, что всегда должен быть наглядным примером для мальчиков и девочек, живущих вместе со мной. Таким образом, они стали моими учителями, и я понял, что обязан быть добропорядочным и честным хотя бы ради них. Мне кажется, что растущая моя самодисциплина и ограничения, которые я налагал на себя на ферме Толстого, были большей частью результатом воздействия на меня моих подопечных.

Один из юношей был крайне несдержан, непослушен, лжив и задирист. Однажды он разошелся сверх всякой меры. Я был весьма раздражен. Я никогда не наказывал учеников, но на этот раз сильно рассердился. Я пытался как-то урезонить его. Но он не слушался и даже пытался мне перечить. В конце концов, схватив попавшуюся мне под руку линейку, я ударил его по руке. Я весь дрожал, когда бил его. Он заметил это. Для всех детей такое мое поведение было совершенно необычным. Юноша заплакал и стал просить прощения. Но плакал он не от боли; он мог бы, если бы захотел, отплатить мне тем же (это был коренастый семнадцатилетний юноша); но он понял, как я страдаю оттого, что пришлось прибегнуть к насилию. После этого случая

мальчик никогда больше не смел ослушаться меня. Но я до сих пор раскаиваюсь, что прибег к насилию. Боюсь, что в тот день я раскрыл перед ним не свой дух, а грубые животные инстинкты.

Я всегда был противником телесных наказаний. Помню только единственный случай, когда побил одного из своих сыновей. Поэтому до сего дня не могу решить, был ли я прав, ударив того юношу линейкой. Вероятно, нет, так как это действие было продиктовано гневом и желанием наказать. Если бы в этом поступке выразилось только мое страдание, я считал бы его оправданным. Но в данном случае побудительные мотивы были не только эти.

Этот случай заставил меня задуматься о более подходящем методе исправления учеников. Не знаю, принес ли пользу примененный мною метод. Юноша вскоре забыл об этом случае, и нельзя сказать, чтобы его поведение значительно улучшилось. Но я благодаря этому глубже осознал обязанности учителя по отношению к ученикам.

Мальчики и после часто совершали проступки, но я никогда не прибегал к телесным наказаниям. Таким образом, воспитывая детей, живших со мной, я всё больше постигал силу духа.

XXXV

Плевелы в пшенице

Именно на ферме Толстого м-р Калленбах обратил мое внимание на проблему, которой раньше для меня не существовало. Как я уже говорил, некоторые мальчики были весьма испорчены и непослушны. Были среди них и лентяи. Три же моих сына, как и остальные дети, ежедневно общались с ними. Это очень беспокоило м-ра Калленбаха. По его мнению, именно моим детям не следовало быть вместе с этими непослушными мальчиками. Однажды он сказал:

— Мне не нравится, что вы позволяете своим детям общаться с испорченными детьми. Это приведет лишь к тому, что в плохой компании они сами станут плохими.

Не помню, насколько озадачил он меня тогда этими словами, но я ответил следующее:

— Разве могу я относиться по-разному к своим сыновьям и к этим лентяям. Я одинаково в ответе и за тех и за других, так как сам пригласил их сюда. Если бы я дал этим бездельникам хоть немного

денег, они, конечно, сразу сбежали бы в Иоганнесбург и вернулись к своим прежним занятиям. Говоря откровенно, вполне вероятно, что и они и их воспитатели считают, что их приезд сюда наложил на меня определенные обязательства. Мы с вами прекрасно понимаем, что здесь им приходится терпеть немало лишений. Мой же долг ясен: воспитать их, и поэтому мои сыновья в силу необходимости должны жить с ними под одной крышей. Надеюсь, вы не захотите, чтобы я стал прививать своим сыновьям чувство превосходства над другими мальчиками. Это означало бы сбить их с правильного пути. Общение со всеми детьми будет хорошей школой для них. Они сами научатся отличать хорошее от дурного. Ведь если предположить, что в них действительно есть что-то хорошее, то они обязательно повлияют и на своих товарищей. Как бы там ни было, я не могу изолировать своих сыновей, и если это повлечет за собой известный риск, приходится на него все равно идти.

М-р Калленбах только покачал головой.

Нельзя сказать, чтобы в результате этого общения мои сыновья стали хуже. Напротив, я вижу, что они кое-что от этого выиграли. Чувство превосходства, если и было у них, вскоре исчезло, и они научились вести себя в обществе самых разных детей. Пройдя через такое испытание, они сами стали более дисциплинированными.

Этот и другие подобные опыты показали мне, что если обучать хороших детей вместе с плохими и позволить хорошим детям общаться с плохими, то они ничего не потеряют при условии, что опыт будет проводиться под неослабным надзором родителей и воспитателей. Даже и при тщательном наблюдении дети не всегда гарантированы от всякого рода соблазнов и дурных поступков.

Далеко не всегда дети избегают соблазнов и дурного влияния. Однако несомненно, что, когда мальчики и девочки, получившие разное воспитание, живут и учатся вместе, их родители и учителя подвергаются самому суровому испытанию. Они должны быть постоянно начеку.

XXXVI

Пост как покаяние

День ото дня мне становилось все яснее, насколько трудно

воспитать и обучить мальчиков и девочек правильно. Чтобы стать настоящим учителем и наставником, я должен был завоевать их сердца, делить с ними радости и печали, помогать им решать те проблемы, с которыми они сталкивались, и направлять беспокойные устремления юности в нужное русло. Когда участников сатьяграхи выпустили на свободу, почти все обитатели фермы Толстого покинули ее. Те немногие, кто остался на ферме, были, в основном, колонистами из Феникса. Поэтому я переселил всех оставшихся в Феникс. Здесь мне предстояло пройти через тяжелое испытание.

Я часто ездил из Феникса в Иоганнесбург. Однажды, когда я был в Иоганнесбурге, мне сообщили о моральном падении двух обитателей ашрама. Известие о поражении или победе движения сатьяграхи не очень удивило бы меня, но эта новость поразила как громом. В тот же день я выехал поездом в Феникс. М-р Калленбах настоял на своем желании сопровождать меня. Он видел, в каком состоянии я находился, и не допускал и мысли, чтобы я поехал один, тем более что именно он сообщил мне эту ужасную новость.

Когда я ехал в Феникс, мне казалось, что я знал, как следует поступить в этом случае. Я думал, что воспитатель или учитель несет всю ответственность за падение своего воспитанника или ученика. Так что мне стало ясно, что я несу ответственность за это происшествие. Жена уже предупреждала меня однажды относительно этого, но, будучи по натуре доверчив, я не обратил внимания на ее предостережение. Я чувствовал, что единственный путь заставить виновных понять мое страдание и глубину их падения — это наложить на себя какое-нибудь покаяние. И я решил поститься семь дней, а на протяжении четырех с половиной месяцев принимать пищу только раз в день. М-р Калленбах пытался отговорить меня, но тщетно. В конце концов он признал мой поступок правильным и настоял на том, чтобы присоединиться ко мне. Я не мог противиться этому открытому выражению его любви ко мне.

Этот обет снял огромную тяжесть с моей души, и я почувствовал облегчение. Гнев против провинившихся утих, уступив место чувству глубокого сожаления. Таким образом, я приехал в Феникс, значительно успокоившись. Я произвел дальнейшее расследование и ознакомился с некоторыми подробностями, которые мне нужно было знать.

Мое покаяние огорчило всех, но в то же время значительно оздоровило атмосферу. Каждый понял, как ужасно совершить грех, и узы, связывавшие меня с детьми, стали еще крепче и искреннее.

Обстоятельства, сложившиеся в результате этого происшествия, вынудили меня несколько позже поститься на протяжении двух недель. Результаты этого поста превзошли все мои ожидания. Цель моя заключается не в том, чтобы показать на примере этих происшествий, что долг учителя — прибегнуть к посту тогда, когда ученики совершат проступки. Я считаю, однако, что в некоторых случаях требуется именно такое сильно действующее лекарство. Но оно предполагает проницательность и силу духа у учителя. Там, где нет подлинной любви между учителем и учеником, где проступок ученика не задевает учителя за живое, а ученик не уважает учителя, никакой пост не поможет. Таким образом, если можно сомневаться, что соблюдение поста в подобных случаях правильно, несомненно то, что ответственность за ошибки учеников целиком ложится на учителя.

Первое покаяние оказалось нетрудным для нас обоих. Я продолжал заниматься своей обычной работой. В течение всего покаяния я строго придерживался фруктовой диеты. Последние дни второго поста были для меня очень тяжелы. Тогда я еще не осознал до конца чудесного воздействия «Рамаяны», и вследствие этого моя способность переносить страдания была меньшей. Кроме того, я не знал как следует техники поста, в частности не знал, что нужно пить много воды, как бы это не было тошнотворно и противно. Тот факт, что я совершенно безболезненно перенес первый пост, сделал меня довольно беззаботным в отношении второго. Так, если в течение первого поста я ежедневно принимал ванны Куне, то во время второго поста я на второй или на третий день перестал их принимать; я мало пил воды, так как это было противно и вызывало тошноту. Горло у меня пересохло, и последние дни поста я говорил только шепотом. Однако, несмотря на это, я продолжал свою работу и диктовал письма. Регулярно я слушал чтение отрывков из «Рамаяны» и других священных книг. У меня даже хватало сил, чтобы обсуждать насущные вопросы и давать необходимые советы.

XXXVII

Перед свиданием с Гокхале

Я должен опустить многое из своих воспоминаний о жизни в Южной Африке.

По окончании движения сатьяграхи, в 1914 году, я получил от Гокхале указание вернуться на родину, заехав предварительно в Лондон. В июле Кастурбай, Калленбах и я отправились в Англию. Во время сатьяграхи я ездил, только третьим классом. Поэтому и теперь я взял билеты в третьем классе. Между условиями в третьем классе на пароходе этой линии и условиями на индийских каботажных судах и в железнодорожных поездах огромная разница. На индийских кораблях едва хватало мест для сиденья, еще меньше их было для спанья, и было очень грязно. На пароходе, направлявшемся в Лондон, было довольно просторно и чисто, и, кроме того, пароходная компания предоставила нам особые удобства. В нашем распоряжении была отдельная уборная, а пароходный буфетчик, зная, чем мы привыкли питаться, распорядился снабжать нас фруктами и орехами. Как правило, пассажиры третьего класса почти их не получали. Благодаря таким удобствам все восемнадцать дней плавания были для нас весьма приятными.

Кое-что из происшедшего с нами во время путешествия стоит вспомнить. М-р Калленбах очень любил бинокли, и у него их было два, очень дорогих. Об одном из них мы вели ежедневные споры. Я старался ему доказать, что обладание такой дорогостоящей вещью не соответствует идеалу простоты, которого мы мечтали достигнуть. Как-то, стоя у иллюминатора своей каюты, мы весьма ожесточенно спорили на эту тему.

— Вместо того чтобы делать из биноклей яблоко раздора, не лучше ли выбросить их в море и разом со всем этим покончить? — спросил я.

— Конечно, выбросите эти проклятые вещи, — ответил Калленбах.

— Так я и хочу сделать, — сказал я.

— И прекрасно, — последовал мгновенный ответ.

Я бросил бинокли в море. Они стоили фунтов семь, но их ценность определялась не столько уплаченными за них деньгами, сколько пристрастием м-ра Калленбаха к ним. Освободившись от них, он, однако, не раскаивался в этом.

Таков был один из многочисленных инцидентов, происшедших между мной и м-ром Калленбахом.

Каждый день приносил нам что-нибудь новое, так как и он и я стремились идти путем истины. На пути к истине, естественно, исчезают гнев, эгоизм, ненависть и т. п. Иначе истина была бы недостижима. Человек, который руководствуется страстью, может иметь вполне благие намерения, может быть правдив на словах, но он никогда не познает истины. Истина означает полное освобождение от двойственности, как например, любовь и ненависть, счастье и несчастье.

Мы отправились в путешествие спустя несколько дней после моего поста. Силы мои еще не полностью восстановились. Обычно я гулял по палубе, чтобы развить аппетит и лучше переварить съеденное. Но даже такие прогулки были мне не под силу, так как причиняли боль в ногах. Прибыв в Лондон, я обнаружил, что мое состояние не только не улучшилось, но стало хуже. Познакомившись с д-ром Дживраджем Мехтой, я рассказал ему о своем посте и о болях в ногах.

Он сказал:

— Боюсь, что у вас вообще отнимутся ноги, если в течение некоторого времени вы не будете соблюдать полного покоя.

Именно тогда я узнал, что человеку, перенесшему длительный пост, не следует торопиться с восстановлением прежних сил и вместе с тем ему необходимо обуздывать свой аппетит. После поста нужна большая осторожность в пище и, возможно, еще большие ограничения, чем при его соблюдении.

На острове Мадейра мы услышали, что в любой момент может разразиться мировая война. Когда же мы пересекали Ла-Манш, то получили известие о начале войны. Наше судно было задержано на некоторое время. Очень трудно было пробуксировать его между подводными минами, которые были заложены вдоль всего пролива, и нам потребовалось около двух дней, чтобы добраться до Саутхемптона.

Война была объявлена четвертого августа. В Лондон мы прибыли шестого.

XXXVIII

Мое участие в войне

В Англии я узнал, что Гокхале застрял в Париже, куда он поехал лечиться. Сообщение между Парижем и Лондоном было прервано, и никто точно не знал, когда Гокхале сможет вернуться. Я не хотел возвращаться на родину, не повидавшись с ним.

Что же было нам тем временем делать? В чем же заключался мой долг в отношении войны? Сорабджи Ададжаниа, мой товарищ по тюремному заключению и сатьяграхе, готовился тогда в Лондоне к юридической карьере. Как один из лучших участников сатьяграхи он был послан в Англию, чтобы сделаться адвокатом и быть в состоянии заменить меня по возвращении в Южную Африку. Д-р Прандживандас Мехта предоставил ему для этого необходимые средства. Я беседовал с ним, с Дживраджем Мехтой и другими индийцами, учившимися в Англии. По договоренности с ними мы созвали собрание индийцев, проживающих в Великобритании и Ирландии. Я изложил перед ними свои взгляды.

Я считал, что индийцы, живущие в Англии, должны принять участие в войне. Английские студенты поступали добровольцами в армию, и индийцы могли сделать то же. Против этого было выдвинуто немало возражений. Утверждали, что между положением индийцев и положением англичан — целая пропасть. Мы — рабы, а они — хозяева. Как может раб помогать хозяину, если последний очутился в беде? Разве не долг раба, стремящегося к освобождению, использовать затруднения хозяина? Эти доводы в то время не подействовали на Меня. Я понимал различие в положении индийцев и англичан, но не считал, что мы низведены до положения рабов. Мне казалось тогда, что дело не в британской системе, а в отдельных британских чиновниках, и что мы можем перевоспитать их своей любовью. Если мы можем улучшить свое положение благодаря помощи англичан и их сотрудничеству с нами, то наш долг стоять с ними плечом к плечу в годину тяжелых испытаний и тем самым привлечь их на свою сторону. Хотя я понимал, что британская система несовершенна, но все же не считал ее нетерпимой, как считаю теперь. Но если, потеряв веру в эту систему, я отказался теперь сотрудничать с британским

правительством, то как могли мои друзья, которые уже тогда потеряли веру и в систему и в ее представителей, сотрудничать с британским правительством?

Друзья возражали мне, полагая, что наступило время для решительного провозглашения требований индийцев и улучшения их положения.

Я же считал, что не нужно пользоваться в интересах Индии затруднениями Англии, что достойнее и разумнее не выдвигать требований, пока англичане воюют. Поэтому я настаивал на этой точке зрения и призвал желающих записываться добровольцами. Призыв мой нашел горячий отклик: среди добровольцев оказались представители почти всех национальностей и вероисповеданий Индии.

Я сообщил об этом лорду Крю, выразив нашу готовность пройти обучение для работы в госпиталях, если это будет необходимым условием для принятия нашего предложения.

Лорд Крю не без некоторого колебания принял наше предложение и выразил нам благодарность за то, что в критический момент мы предложили свои услуги империи.

Добровольцы прошли первоначальную подготовку по оказанию первой помощи раненым под руководством известного д-ра Кентли. Срок обучения был шестинедельный, но он включал весь курс по оказанию первой помощи.

Всего обучалось человек восемьдесят. По истечении шести недель был экзамен, который все, за исключением одного, выдержали. Окончившие курс прошли затем военную подготовку под руководством полковника Бейкера.

Надо было видеть Лондон в те дни. Никакой паники, каждый в полную меру сил и возможностей выполнял свой долг. Годные к службе в армии взрослые мужчины обучались военному искусству. Но что было делать старикам, слабым и женщинам? Если они хотели помочь, дела было более чем достаточно. Они шили обмундирование и готовили перевязочные материалы для раненых. Дамский клуб «Лицеум» обязался сшить для солдат как можно больше обмундирования. Шримати Сароджини Найду, будучи членом этого клуба, отдалась работе всей душой. Тогда я и познакомился с ней. Она выложила передо мной целый ворох раскроенного обмундирования и попросила сшить и вернуть его. Я с радостью принял ее предложение

и вместе с друзьями сшил столько обмундирования, сколько позволяли мне мои возможности (я проходил тогда курс подготовки по оказанию первой помощи).

XXXIX

Нравственная проблема

Как только до Южной Африки докатилась весть о том, что я вместе с другими индийцами предложил свои услуги британской армии, я получил две телеграммы. Одна из них была от м-ра Полака. Он спрашивал, как согласовать это мое поведение с принципом ахимсы, которого я придерживался.

Я до некоторой степени предвидел такое возражение, так как уже в книге «Хинд сварадж, или Индийский гомрул» я трактовал этот вопрос и имел обыкновение постоянно беседовать на эту тему с друзьями в Южной Африке. Все мы признавали, что война безнравственна. Уж если я не хотел преследовать по суду нападавшего на меня, то еще меньше мне хотелось принимать участие в войне, тем более что я не знал, которая из воюющих сторон права и на чьей стороне справедливость. Друзья, конечно, знали, что во время бурской войны я служил в армии на стороне Англии, но они полагали, что взгляды мои с тех пор изменились.

В действительности же мотивы, которые побудили меня участвовать в бурской войне, оказались решающими и теперь. Для меня было совершенно ясно, что участие в войне несовместимо с принципом ахимсы. Но человеку не всегда дано с одинаковой ясностью представлять себе свой долг. Приверженец истины часто вынужден двигаться ощупью. Ахимса — всеобъемлющий принцип. Все мы — слабые смертные, пребывающие в пламени химсы. Пословица, гласящая, что живое живет за счет живого, таит в себе глубокий смысл. Человек не живет ни минуты без того, чтобы сознательно или бессознательно не совершать внешней химсы. Уже сам факт, что он живет — ест, пьет и двигается, — неизбежно влечет за собой химсу, т. е. разрушение жизни, пусть даже самое незначительное. Поэтому приверженец ахимсы будет преданным своей вере лишь в том случае, если в основе всех его поступков лежит сострадание, если он старается избежать уничтожения даже

мельчайших существ, пытается спасти их и таким образом постоянно стремится высвободиться из смертельных тисков химсы. Он будет становиться все воздержаннее, сострадательнее, хотя никогда полностью не освободится от внешней химсы.

Далее, благодаря тому, что ахимса представляет собой единство всей жизни вообще, ошибка, совершенная одним человеком, не может не иметь последствий для всех, а это значит, человек не может полностью освободиться от химсы. Пока он член общества, он не может не участвовать в химсе, которую порождает само существование общества. Когда два народа воюют, долг приверженца ахимсы заключается в том, чтобы прекратить войну. Тот, кто не может выполнить этот долг, кто не имеет силы сопротивляться войне, кто не подготовлен к этому, может принимать в ней участие и одновременно всей душой стремиться к тому, чтобы освободить от войны себя, свой народ и весь мир.

Я надеялся улучшить свое положение и положение своего народа с помощью Британской империи. Находясь в Англии, я пользовался защитой британского флота и искал убежища под охраной его оружия, т. е. непосредственно участвовал в его возможных насильственных действиях. Поэтому, если я желал сохранить связи с империей и жить под ее покровительством, мне предстояло вступить на один из трех путей: я мог открыто объявить о своем сопротивлении войне и в соответствии с законом сатьяграхи бойкотировать Британскую империю до тех пор, пока она не изменит своей военной политики; я мог добиться для себя тюремного заключения, оказав гражданское неповиновение тем законам империи, которые того заслуживали; наконец, я мог принять участие в войне и тем самым приобрести силу и способность сопротивляться военному насилию. Мне недоставало этой силы и способности, и я думал, что единственное средство приобрести их — поступить на военную службу.

Я не делал никакого различия, с точки зрения ахимсы, между воюющей и невоюющей стороной. Тот, кто добровольно. пошел на службу в шайку разбойников возчиком или сторожем, чтобы охранять их добро, когда они идут на промысел, или же сделался их сиделкой, чтобы ухаживать за ними, когда они ранены, в той же мере виновен в разбое, как и сами разбойники. Совершенно так же тот, кто

ограничивается уходом за раненными в бою, также не может уйти от ответственности за войну.

Я тщательно продумал все это еще до получения телеграммы от Полака, а получив ее, обсудил этот вопрос с некоторыми друзьями и пришел к выводу, что мой долг предложить себя для службы на войне. Даже теперь я не вижу ни единого слабого места в моей аргументации и нисколько не раскаиваюсь в своем поступке, придерживаясь, как и тогда, мнения о желательности связи с Британской империей.

Я знаю, что и тогда не был в состоянии убедить всех друзей в правильности занятой мною позиции. Дело это весьма деликатное. Оно допускает различия в мнениях, а потому я с возможно большей ясностью представил свои доводы на обсуждение тех, кто верил в ахимсу и серьезно стремился осуществлять этот принцип во всех случаях жизни. Приверженец истины не должен ничего делать лишь в соответствии с условностями. В любой момент он должен быть готов к тому, чтобы исправиться, и всякий раз, обнаружив, что ошибся, должен во что бы то ни стало признать свою ошибку и искупить ее.

XL

Сатьяграха в миниатюре

Хотя я и решил из чувства долга принять участие в войне, мне не пришлось участвовать в ней непосредственно. Более того, я вынужден был и в эту критическую минуту прибегнуть к сатьяграхе, так сказать, в миниатюре.

Я уже говорил, что, как только наши фамилии были включены в списки, для руководства нашей военной подготовкой был назначен офицер. У нас сложилось мнение, что он наш начальник лишь в вопросах чисто технических, а во всем остальном во главе отряда буду я, и я буду нести непосредственную ответственность за его внутреннюю дисциплину. Иными словами, командир может отдавать распоряжения по отряду только через меня. Но офицер сразу же рассеял наши иллюзии.

М-р Сорабджи Ададжаниа был человеком проницательным. Он сразу же предупредил меня.

— Остерегайтесь этого человека, — сказал он, — он, по-видимому, собирается нами командовать. Мы не станем его слушаться. Мы

готовы принять его только как инструктора. Но и юноши, назначенные им для нашего обучения, также считают, будто они здесь затем, чтобы распоряжаться нами.

Юноши, присланные обучать нас, были студентами из Оксфорда. Офицер назначил их капралами.

Я тоже обратил внимание на своеволие офицера, но просил Сорабджи не волноваться, и постарался успокоить его. Но убедить его было не так-то просто. Он с улыбкой возразил мне:

— Вы слишком доверчивы. Эти люди обманут вас, а когда вы раскусите их, то будете убеждать нас прибегнуть к сатьяграхе, и на нас навлечете несчастье и сами попадете в беду.

— Что еще, кроме горя, может вас ожидать, если вы соединили свою судьбу с моею? — ответил я. — Сатьяграх рожден, чтобы быть обманутым. Пусть офицер обманывает нас, Разве я не повторял десятки раз, что обманщик в конце концов обманывает самого себя?

Сорабджи рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он, — продолжайте обманываться. Вы когда-нибудь найдете смерть на путях сатьяграхи и увлечете вместе с собою несчастных смертных вроде меня.

Эти слова напомнили мне о том, что писала мне покойная ныне мисс Эмили Гобхаус относительно несотрудничества:

«Я не удивлюсь, если наступит день, когда ваша борьба за истину приведет вас на виселицу. Да укажет вам господь правильный путь и да защитит вас!»

Разговор с Сорабджи произошел сразу же после назначения офицера. Через несколько дней наши отношения с ним достигли критической точки. Когда я стал принимать участие в строевой подготовке, мои силы после двухнедельного поста едва начали восстанавливаться, а до места занятий приходилось идти около двух миль. Я заболел плевритом и почувствовал, что очень ослаб. В таком состоянии мне предстояло провести еще два дня в лагере. Все наши люди остались там, я же вернулся домой. Тут мне и представилась возможность прибегнуть к сатьяграхе.

Офицер еще грубее стал проявлять свою власть. Он давал понять, что считает себя нашим начальником по всем вопросам, военным и невоенным, в то же время давая почувствовать, что означает эта его

власть. Сорабджи прибежал ко мне. Он вовсе не был склонен сносить такое своеволие и сказал мне:

— Все приказания мы должны получать через вас. Мы все еще в учебном лагере. На нас обрушивается град самых нелепых приказаний. Возмутительно, что к нам и к юношам, которых прислали обучать нас, относятся по-разному. Необходимо обо всем этом поговорить с офицером, иначе мы не можем продолжать службу. Индийские студенты и все остальные, вступившие в наш отряд, не желают выполнять нелепые приказы. Мы взялись за дело, движимые чувством собственного достоинства, и немыслимо мириться с такими надругательствами.

Я сообщил офицеру о поступивших жалобах. Он ответил письмом, в котором предлагал изложить эти жалобы в письменном виде; вместе с тем он просил «внушить тем, кто жаловался, что наиболее правильный путь для них — направлять такие жалобы мне через назначенных командиров отделений, которые в свою очередь доложат эти жалобы мне через инструкторов».

Я ответил, что не претендую ни на какую власть, что в военном отношении я не более как частное лицо, но что в качестве главы добровольческого отряда я прошу разрешения выступать неофициальным представителем добровольцев. Кроме того, я указал на те жалобы, которые поступили ко мне, а именно: что назначение капралов без учета желания членов отряда вызвало резкое недовольство и что их следует отстранить, предложив отряду самому выбрать капралов с последующим утверждением их.

Это предложение пришлось офицеру не по вкусу; он ответил, что избрание капралов отрядом противоречит установленному в армии порядку, а отстранение уже назначенных вконец подорвет дисциплину.

Мы созвали общее собрание отряда, на котором приняли решение отказаться от дальнейшего несения службы. Я указал отряду на серьезные последствия сатьяграхи. Однако значительное большинство голосовало за резолюцию, согласно которой в случае, если назначенные капралы не будут отстранены и члены отряда не получат возможность выбрать вместо них новых, отряд будет вынужден воздержаться от прохождения строевого обучения и выезда в лагерь по субботам.

Затем я направил офицеру письмо, в котором сообщал ему, что был горько разочарован его отказом принять мое предложение. Я заверял его, что не хочу никакой власти для себя, но что стремлюсь исполнить свой долг. Я обратил его внимание на уже имеющийся прецедент. Во время бурской войны я не занимал никакого официального поста в индийском санитарном отряде в Южной Африке, но между полковником Галви и отрядом не было никаких трений и полковник никогда ничего не предпринимал, не запросив меня о желаниях отряда. Я также препроводил командиру копию принятой нами накануне резолюции.

Все это, однако, не произвело никакого впечатления на офицера, который считал наше собрание и принятую резолюцию серьезным нарушением дисциплины.

Вслед за этим я обратился с письмом к министру по делам Индии, осведомив его обо всем случившемся и приложив к письму копию нашей резолюции. Он прислал мне ответ, в котором разъяснял, что в Южной Африке условия были иные, указав, что по существующему порядку капралов назначает старший офицер; вместе с тем он заверил меня, что в будущем при назначении капралов старший офицер будет принимать во внимание мои рекомендации. Наша переписка продолжалась и в дальнейшем, но мне не хотелось бы, долго задерживаться на этой печальной истории. Достаточно сказать, что тогдашний мой опыт был сходен с моим повседневным теперешним опытом в Индии. Угрозами и хитростью командиру удалось посеять рознь в отряде. Некоторые из тех, кто голосовал за резолюцию, поддались угрозам или уговорам командира и отступили от принятого решения.

Примерно в это же самое время в госпиталь в Нетли неожиданно доставили много раненых солдат и потребовалась помощь нашего отряда. Те, кого командир смог убедить, отправились в Нетли. Прочие же отказались. Я был прикован к постели, но поддерживал связь с отрядом. М-р Роберте, помощник министра, в эти дни не раз обращался ко мне. Он настаивал, чтобы я убедил остальных своих товарищей служить. Он подал мысль создать из них особый отряд, чтобы отряд этот, работая в госпитале в Нетли, был непосредственно подчинен тамошнему офицеру и чтобы таким образом не могло быть и речи об умалении достоинства членов этого отряда. Правительство же

будет удовлетворено этим, так как вместе с тем будет оказана существенная помощь многочисленным раненым в госпитале. Это предложение пришлось по душе и моим товарищам и мне, и даже те, кто прежде отказывался ехать в Нетли, отправились туда.

Остался один лишь я, прикованный к постели и старавшийся не падать духом.

XLI

Доброта Гокхале

Вскоре после того, как я заболел плевритом, Гокхале возвратился в Лондон. Мы с Калленбахом регулярно бывали у него. Говорили больше о войне, и Калленбах, который знал географию Германии как свои пять пальцев и много путешествовал по Европе, показывал места на карте, где шли бои.

Моя болезнь также стала темой наших ежедневных разговоров. Я и тогда продолжал свои опыты в области питания. Пища моя состояла из земляных орехов, зрелых и незрелых бананов, лимонов, оливкового масла, помидоров, винограда.

Я совершенно отказался от молока, мучного, бобовых и др..

Меня лечил д-р Дживрадж Мехта. Он решительно настаивал на том, чтобы я пил молоко и ел мучное, но я был непреклонен. Об этом узнал Гокхале. Он не придавал особого значения моим доводам в пользу фруктовой пищи и тоже настаивал, чтобы ради здоровья я ел всё, что предписал мне врач.

Противиться давлению со стороны Гокхале было нелегко. Он и слышать не хотел моих возражений, и я попросил его дать мне сутки на размышление. Вернувшись от него вечером, мы с Калленбахом стали обсуждать, как мне следует поступить. Калленбах с удовольствием участвовал в моих опытах.

Но теперь я видел, что и он согласен с тем, чтобы я нарушил диету, раз это нужно для здоровья. Итак, мне предстояло решить этот вопрос самому, прислушиваясь лишь к своему внутреннему голосу.

Всю ночь напролет я думал. Нарушить диету — значит отказаться от своих принципов в этом вопросе, в которых, по-моему, не было ни одного слабого места. Нужно было решить, в какой мере я должен был подчиниться дружеским настояниям Гокхале и внести изменения в

питание в так называемых интересах здоровья. В конце концов я решил не отказываться от своих опытов в области питания, когда пища определялась в основном религиозными соображениями; тогда же, когда выступали и другие соображения — следовать совету доктора. Религиозные соображения преобладали в отказе от молока. Я живо представлял себе отвратительные приемы, с помощью которых калькуттские говалы выжимают последнюю каплю молока у коров и буйволиц. Равным образом я считал, что как мясо, так и молоко не должны быть пищей для человека. Итак, утром я встал с твердым намерением как и прежде воздерживаться от молока. Это решение успокоило меня. Я боялся встречи с Гокхале, хотя и был уверен, что он с уважением отнесется к моему решению.

Вечером Калленбах и я зашли к Гокхале в Национальный клуб либералов. Он тотчас обратился ко мне с вопросом:

— Ну так как же, согласны вы последовать совету доктора?

Мягко, но решительно я ответил:

— Я готов уступить по всем пунктам, кроме одного, относительно которого прошу вас не оказывать на меня давления. Я не буду ни пить молока, ни есть молочных продуктов и мяса. Если бы даже отказ от них означал для меня смерть, я предпочел бы умереть.

— И это ваше окончательное решение? — спросил Гокхале.

— К сожалению, я не могу решить иначе, — сказал я. — Знаю, что это мое решение огорчит вас, и прошу простить меня.

Гокхале, глубоко растроганный, ответил мне с болью:

— Я не одобряю вашего решения и не вижу никакого религиозного обоснования ему, но больше не буду настаивать.

И, обратившись к д-ру Дживраджу Мехте, он сказал:

— Пожалуйста, не приставайте к нему больше. Прописывайте, что хотите, но только в тех пределах, которые он сам для себя установил.

Доктор выразил свое неудовольствие, но ничего не мог поделать. Он посоветовал мне есть суп из мунга, примешивая в него немного асафетиды. На это я согласился. Я питался этим день-два, но почувствовал себя хуже. Не считая эту пищу подходящей для себя, я вновь перешел на фрукты и орехи.

Доктор, разумеется, продожал наружное лечение. Оно несколько облегчало мне страдания, но мое решение связывало руки доктору.

XLII

Лечение плеврита

Затяжной характер плеврита вызвал у меня некоторое беспокойство. но я знал что вылечиться можно не с помощью приема лекарства внутрь, а изменением питания, подкрепленным наружными средствами.

Я вызвал пользовавшегося популярностью среди вегетарианцев д-ра Аллинсона который лечил именно так и с которым я познакомился еще в 1890 году. Он внимательно осмотрел меня. Я объяснил, что дал обет не пить молока. Он ободрил меня, сказав:

— Вам оно и не нужно. В течение нескольких дней вы вообще не должны употреблять никаких жиров.

Затем он порекомендовал мне питаться простым черным хлебом и сырыми овощами: свеклой, редиской, луком и другими овощами и зеленью, а также свежими фруктами, главным образом апельсинами. Овощи надо было есть сырыми и натирать их на терке лишь в том случае, если я не мог разжевать их.

Примерно три дня я сидел на такой пище, но сырые овощи не пошли мне на пользу. Я был не в состоянии отдать должное этому эксперименту. Меня раздражало то, что приходится есть овощи сырыми.

Доктор Аллинсон рекомендовал мне также держать круглые сутки окна в комнате открытыми, принимать теплые ванны, растирать маслом больные места и бывать на свежем воздухе не менее пятнадцати тридцати минут в день. Я с удовольствием выполнял эти предписания.

В моей комнате были французские окна, которые нельзя было распахнуть настежь, так как в дождливую погоду вода через такие окна заливала комнату. Форточка же не открывалась. Поэтому, чтобы в комнату проникал свежий воздух, я выбил стекла и чуть-чуть приоткрыл окна таким образом, чтобы струи дождя не попадали внутрь.

Все эти меры способствовали некоторому улучшению моего здоровья, но не исцелили меня полностью. Как-то раз ко мне зашла леди Сесилия Роберте. Мы стали друзьями. Ей очень хотелось убедить меня пить молоко. Но так как я был непоколебим, она начала

подыскивать замену молока. Какой-то приятель посоветовал ей солодовое молоко, уверив ее, по незнанию, что в нем совсем нет коровьего молока и что оно представляет собой химический продукт, обладающий всеми свойствами молока. Леди Сесилия глубоко уважала мои религиозные чувства, и поэтому я слепо ей доверился. Я растворил порошок в воде и, выпив раствор, сразу же почувствовал, что он имеет вкус молока, Я прочел этикетку на бутылке и, узнав, правда, слишком поздно, что в состав порошка входит молоко, выбросил его.

Я сообщил леди Сесилии о своем открытии, попросив ее не беспокоиться о случившемся. Она примчалась ко мне, чтобы выразить свое сожаление. Ее приятель этикетки не читал. Я просил ее не волноваться и пожалел, что не смог воспользоваться тем, что она достала с таким трудом. Я уверил ее также, что вовсе не огорчен тем, что по недоразумению выпил молоко, и не чувствую за собой никакой вины.

Мне приходится здесь опустить те приятные воспоминания, которые связаны с леди Сесилией. Я мог бы назвать еще многих своих друзей, которые были в моих испытаниях и разочарованиях источником утешения для меня. Тот, кто верит, видит в них милостивое провидение бога, который таким образом облегчает и горести.

Д-р Аллинсон в следующий свой визит отменил некоторые ограничения, позволив мне употреблять ореховое или оливковое масло, а также вареные овощи с рисом. Эти изменения в питании были весьма полезны, но и они не исцелили меня окончательно. За мной все еще необходим был тщательный уход, и я вынужден был большей частью лежать в постели.

Д-р Мехта как-то зашел осмотреть меня, пообещав окончательно вылечить, если я буду выполнять его предписания.

Пока происходили все эти события, заглянувший ко мне как-то раз м-р Роберте стал убеждать меня уехать на родину.

— В вашем положении, — говорил он, — вы, вероятно, будете не в состоянии работать в Нетли. Наступят еще более жестокие холода. Очень советую вам вернуться в Индию, потому что только там вы сможете окончательно поправиться. Если же после вашего выздоровления война еще будет продолжаться, вы сможете быть

полезным и в Индии. Как бы там ни было, я считаю, что вы уже и так внесли свой посильный вклад.

Я внял его уговорам и стал готовиться к отъезду в Индию.

XLIII

На родину

М-р Калленбах сопровождал меня в Англию, намереваясь поехать оттуда в Индию. Мы жили вместе и теперь, разумеется, хотели плыть на одном пароходе. Но немцы в Англии находились под таким строгим надзором, что мы сильно сомневались, получит ли Калленбах паспорт. Я принимал для этого все меры, а м-р Роберте, сочувствовавший нам, телеграфировал вице-королю. Ответ лорда Хардинга гласил: «К сожалению, правительство Индии не склонно идти на риск». Мы поняли, что означает такой ответ.

Очень тяжело мне было расставаться с Калленбахом, но я видел, что он страдает еще больше. Если бы ему тогда удалось приехать в Индию, он теперь вел бы простую счастливую жизнь земледельца и ткача. Ныне же он архитектор и, как прежде, живет в Южной Африке.

На судах пароходной компании, обслуживавшей эту линию, не было третьего класса, и нам пришлось ехать вторым.

Мы взяли с собой сухие фрукты, привезенные еще из Южной Африки. На пароходе их достать было невозможно, хотя свежих фруктов было много.

Д-р Дживрадж Мехта наложил мне на ребра бандажи и просил не снимать, пока мы не достигнем Красного моря. В течение двух первых дней я терпел это неудобство, но в конце концов терпение мое лопнуло. С великим трудом удалось мне освободиться от бандажей и вновь обрести возможность как следует мыться и принимать ванну.

Пища моя состояла главным образом из орехов и фруктов. Здоровье же с каждым днем улучшалось, и в Суэцком канале я почувствовал себя уже гораздо лучше. Я был еще слаб, но опасность совершенно миновала, и постепенно я стал увеличивать свои упражнения. Улучшение в своем состоянии я приписывал главным образом чистому воздуху умеренной зоны.

Не знаю почему, но на этом пароходе грань, разделявшая пассажиров — англичан и индийцев, — была резче той, которую мне

пришлось наблюдать на пути из Южной Африки. Я разговаривал с некоторыми англичанами, но разговор носил формальный характер. Тех сердечных бесед, которые бывали на южноафриканских пароходах, не было и в помине. Мне кажется, основная причина заключалась в том, что в глубине души англичане сознательно или бессознательно чувствовали себя представителями господствующей расы; индийцев же угнетало ощущение, что они принадлежат к порабощенной расе.

Мне хотелось поскорее добраться до дому, чтобы избавиться от этой обстановки.

В Адене мы почувствовали себя почти дома. Я знал аденцев очень хорошо, так как еще в Дурбане познакомился и сблизился с м-ром Кекобадом Кавасджи Диншоу и его женой.

Еще через несколько дней мы прибыли в Бомбей. Я был вне себя от радости, ступив на родную землю после десятилетнего изгнания.

Несмотря на то что Гокхале был не вполне здоров, он организовал мне встречу в Бомбее, для чего специально приехал туда. Я возвращался в Индию с пламенной надеждой соединиться с ним душой и тем самым почувствовать себя свободным. Но судьба судила иначе.

XLIV

Некоторые воспоминания об адвокатуре

Прежде чем перейти к рассказу о жизни в Индии, нужно вспомнить о некоторых переживаниях в Южной Африке, рассказ о которых я сознательно опустил.

Друзья юристы просили меня поделиться воспоминаниями об адвокатуре. Этих воспоминаний так много, что они могли бы составить целый том и отвлекли бы меня от основной цели повествования. Но о том, что имеет отношение к поискам истины, пожалуй, стоит рассказать.

Я уже говорил, кажется, что в своих профессиональных делах я никогда не прибегал ко лжи; юридическую же практику старался подчинить интересам общественной деятельности, за которую истребовал никакого вознаграждения, кроме возмещения своих

собственных расходов, да и эти расходы мне подчас приходилось возмещать из своего кармана. Я считал, что, сказав это, я рассказал все, что было необходимо, о своей юридической практике. Но друзья хотят от меня большего. Они, по-видимому, считают, что если бы я описал, пусть даже в самых общих чертах, некоторые случаи, когда я отказывался уклоняться от истины, то это принесло бы пользу юристам.

Будучи студентом, я не раз слышал, что профессия юриста — это профессия лжеца. Однако это не оказало на меня ни малейшего влияния, поскольку у меня не было намерения с помощью лжи добиваться положения или денег.

Мой принцип много раз подвергался испытаниям в Южной Африке. Часто я знал, что мои оппоненты подговаривают своих свидетелей и что стоит мне лишь посоветовать клиенту или его свидетелю солгать — и мы выиграем дело. Но я всегда противился такому искушению. Помню только один случай, когда, выиграв дело, я заподозрил, что клиент обманул меня. В глубине души я всегда желал выиграть только в том случае, если дело клиента было правое. Не припомню, чтобы, определяя свой гонорар, я обусловливал его выигрышем; дела. Проигрывал или выигрывал клиент, я ожидал получить не больше и не меньше обычного.

Я предупреждал каждого клиента, что не возьмусь за неправое дело и не стану запутывать свидетелей. В результате я создал себе такую репутацию, что ко мне не попадало ни одного неправого дела. Некоторые клиенты поручали мне свои справедливые дела, сомнительные же передавали кому-нибудь другому.

Одно дело явилось для меня тяжким испытанием. Его поручил мне один из моих лучших клиентов. Дело было запутанным и связано с очень сложными расчетами. Его слушали по частям в нескольких судах. В конце концов часть этого дела, касавшуюся бухгалтерских книг, суд передал на арбитраж нескольким квалифицированным бухгалтерам экспертам. Решение арбитров было в пользу моего клиента, но в своих расчетах арбитры неумышленно совершили ошибку, которая, как бы мала она ни была, являлась весьма серьезной, поскольку поступление, которое должно было быть в графе дебета, оказалось в графе кредита. Противная сторона опротестовала решение арбитров по другим основаниям. Я был младшим поверенным

клиента. Старший поверенный, узнав об ошибке, высказал мнение, что клиент вовсе не обязан сообщать суду о ней. Он твердо держался того мнения, что обязанность поверенного состоит в том, чтобы не соглашаться ни с чем, что противоречит интересам его клиента. Я же настаивал на необходимости сообщить об ошибке.

Старший поверенный возразил:

— В таком случае очень вероятно, что суд аннулирует решение арбитров в целом. Ни один здравомыслящий поверенный не станет подвергать риску дело своего клиента. Во всяком случае, я не пойду на такой риск. Если же дело будет слушаться заново, неизвестно, какие еще расходы понесет наш клиент и каков будет окончательный исход дела!

Клиент присутствовал при этом разговоре.

— Думаю, — сказал я, — что и наш клиент и мы обязаны пойти на этот риск. Где гарантия того, что суд поддержит решение арбитров только в том случае, если мы скроем ошибку? Но предположим, сообщив об ошибке, клиент потерпит неудачу, что в этом плохого?

— Но зачем нам вообще сообщать об ошибке? — спросил старший поверенный.

— Уверены ли вы в том, что суд сам не раскроет этой ошибки или что наш оппонент не обнаружит ее? — сказал я.

— Тогда, может быть, вы выступите в суде по этому делу? Я же не могу отстаивать его на ваших условиях, — решительно заявил старший поверенный.

Я скромно ответил:

— Раз вы не хотите выступать в суде, я готов изложить свои доводы суду, если наш клиент этого пожелает. Но коль скоро об ошибке не будет сообщено, я отказываюсь вести дело.

С этими словами я взглянул на клиента. Он был несколько озадачен. Я вел это дело с самого начала. Клиент всецело доверял мне и хорошо меня знал. Он сказал:

— Хорошо, выступайте на суде и сообщите об ошибке. Пусть мы проиграем дело, если так нам суждено. Бог защищает правого.

Я был рад. Именно этого я и хотел от него. Старший поверенный высказал сожаление по поводу моего упрямства, но тем не менее поздравил меня.

Что произошло в суде, узнаем из следующей главы.

XLV

Мошенничество?

Я не сомневался в правильности своего совета, хотя и не был уверен в своей способности вести это дело в суде. Я предчувствовал, что изложить такое трудное дело верховному суду — затея весьма рискованная, и явился перед судьями, дрожа от страха.

Когда я указал на ошибку в расчетах, один из судей спросил:

— Не мошенничество ли это, м-р Ганди?

Во мне все так и закипело от гнева, когда я услышал такое обвинение. Невыносимо, когда тебе бросают обвинение в мошенничестве, не имея на то никаких оснований.

«Если имеешь дело с судьей, с самого начала предубежденного, мало надежды на успех в сложном деле», — подумал я, но, собравшись с мыслями, ответил:

— Я удивлен, что ваша светлость, не выслушав меня до конца, подозревает мошенничество.

— Я отнюдь не обвиняю вас, — сказал судья. — Это всего лишь предположение.

— Мне кажется, что в данном случае предположение равнозначно обвинению. Я просил бы, ваша светлость, выслушать меня, а затем обвинять, если есть на то основание.

— Весьма сожалею, что перебил вас, — ответил судья. — Пожалуйста, продолжите свои разъяснения о неправильностях в расчетах. У меня было достаточно материала, чтобы обосновать свои доводы. Благодаря тому, что судья поднял этот вопрос, я с самого начала смог привлечь внимание членов суда к своим доводам. На меня нашло вдохновение, и, воспользовавшись случаем, я пустился в подробные объяснения. Члены суда терпеливо слушали. Мне удалось убедить судей, что ошибка в расчетах совершена неумышленно. Поэтому они не были склонны аннулировать потребовавшее такой значительной работы решение арбитров в целом.

Адвокат противной стороны, по-видимому, был уверен, что после признания нами ошибки не понадобится много доказательств, чтобы добиться аннулирования решения арбитров. Но судьи все время перебивали его, поскольку были убеждены, что ошибка представляет собой незначительную описку и ее легко исправить. Адвокат изо всех

сил старался доказать неправильность решения арбитров, но судья, который вначале с подозрением отнесся к моему заявлению, теперь определенно стал на мою сторону.

— Предположим, что м-р Ганди не сообщил бы об ошибке, что бы вы тогда делали? — спросил он.

— Было бы невозможно найти более компетентного и честного бухгалтера эксперта, чем тот, который разбирал счета.

— Суд должен исходить из предположения, что вы знаете свое дело лучше всех. Если вы не можете указать ни на одну из ошибок, за исключением этой описки, которую мог бы совершить любой бухгалтер эксперт, то суд не намерен побуждать стороны к продолжению тяжбы и новым расходам из-за случайной ошибки. Мы не можем требовать нового слушания дела, раз ошибку легко исправить, — продолжал судья.

Таким образом, протест адвоката был отклонен. Я забыл, какое именно решение принял суд: то ли он утвердил решение арбитров, исправив ошибку, то ли предложил арбитру исправить ошибку.

Я был доволен. Мой клиент и старший поверенный также были удовлетворены результатами процесса. Я же еще больше утвердился в своем убеждении, что можно быть юристом и не подвергать опасности истину.

Однако пусть читатель помнит, что даже честность в работе адвоката не избавляет его профессию от основного порока.

XLVI

Клиенты становятс моими помощника в работе

Различие между юридической практикой в Натале и в Трансваале состояло в том, что в Натале адвокатура была совместной; адвокат, принятый в число защитников, мог выступать и в качестве атторнея, в то время как в Трансваале, а также в Бомбее сферы деятельности защитника и атторнея разделялись. Адвокат имел право выбрать, будет ли он практиковать в качестве защитника или в качестве атторнея. Поэтому, если в Натале я был принят в адвокатуру защитником, то в Трансваале я добивался стать атторнеем, так как в качестве защитника

я не мог бы вступить в непосредственный контакт с индийцами; белые же атторнеи в Южной Африке никогда бы не стали поручать мне ведение дел в суде друзей и стали настоящими товарищами по общественной работе. Их сотрудничество скрасило мою жизнь, которая в противном случае была бы полна трудностей и опасностей.

Атторнеи же мог выступать в суде даже в Трансваале. Однажды, ведя дело в суде Иоганнесбурга, я обнаружил, что клиент обманывает меня, давая неверные свидетельские показания. Тогда я попросил суд дело прекратить. Поверенный другой стороны был крайне удивлен; суду же это доставило удовольствие. Я упрекнул клиента в том, что он поручил мне вести заведомо ложное дело, хотя он знал, что я никогда не берусь за подобные дела. Когда же я объяснил ему это, он признал свою ошибку. У меня создалось такое впечатление, что он даже не обиделся на меня за то, что я обратился к суду с просьбой решить дело не в его пользу. Во всяком случае мое поведение при разборе этого дела не имело плохих последствий для моей практики в дальнейшем. Оно лишь облегчило мне работу. Я также видел, что моя приверженность к истине укрепила мою репутацию среди коллег по профессии, и, несмотря на препятствия, связанные с расовыми предрассудками, в ряде случаев я смог даже завоевать их симпатии.

Я никогда не скрывал своего незнания от клиентов или коллег. Если же я оказывался в тупике, то советовал клиенту обратиться к другому адвокату или же, если он предпочитал все-таки иметь дело со мной, просил у него разрешения обратиться за помощью к более опытному юристу. Такая откровенность обеспечила мне безграничное доверие и симпатии клиентов. Они всегда соглашались уплатить, когда требовалась консультация более опытного юриста. Все это сослужило мне хорошую службу в моей общественной деятельности.

Я уже говорил в предыдущих главах, что целью моей деятельности в качестве адвоката в Южной Африке было служение общине. Доверие людей — необходимое условие для достижения такой цели. Профессиональную работу, выполнявшуюся за деньги, великодушные индийцы также рассматривали как служение обществу, и, когда я посоветовал им ради удовлетворения их справедливых требований пойти на лишения, связанные с тюремным заключением, многие из них одобрили мой совет не столько потому, что были убеждены в правильности такого образа действий, сколько потому, что верили мне.

Когда я пишу эти строки, немало приятных воспоминаний приходит на ум. Сотни клиентов превратились в моих

XLVII

Как был спасен клиент

Читателю уже знакомо имя парса Рустомджи. Он был одновременно и моим клиентом и товарищем по работе. Пожалуй, правильнее будет сказать, что прежде он стал моим товарищем по работе, а уже потом клиентом. Я настолько завоевал его доверие, что он спрашивал у меня совета даже в домашних делах. И когда Рустомджи болел, он всегда обращался ко мне за помощью, и, хотя образ жизни у нас был совершенно различным, без колебаний выполнял мои знахарские предписания.

Этот мой друг однажды попал в большую беду. Он держал меня в курсе почти всех своих дел, но старательно скрывал, что был крупным импортером товаров из Бомбея и Калькутты и нередко занимался контрабандой. У него установились хорошие отношения с таможенными чиновниками, и никто не подозревал его. Чиновники обычно принимали его накладные на веру. Некоторые из них, по-видимому, просто смотрели сквозь пальцы на контрабанду.

Но, как образно сказал гуджаратский поэт Акхо, ворованное, как ртуть, не удержишь, и парс Рустомджи не составил в этом отношении исключения. Однажды мой добрый друг примчался ко мне со слезами на глазах.

— Бхаи, я обманул вас, — сказал он. — Сегодня я попался. Я занимался контрабандой и теперь обречен. Меня должны посадить в тюрьму. Мне грозит полное разорение. Только вы можете меня спасти. Я больше ничего не утаивал от вас, но считал, что не должен беспокоить вас рассказами о своих коммерческих махинациях, поэтому ничего не говорил вам о контрабандной торговле. Я так раскаиваюсь в содеянном!

Я успокоил его, сказав:

— Ваше спасение в руках божьих. Что же касается меня, то вы знаете, как я поступлю. Я постараюсь вас спасти, если вы признаетесь во всем.

Добрый парс был глубоко разочарован.

— Но разве моего признания перед вами недостаточно? — спросил он.

— Вы причинили ущерб не мне, а правительству. Как же признание, сделанное мне, может спасти вас? — ответил я мягко.

— Хорошо, я поступлю так, как вы сочтете нужным. Но не переговорите ли вы с моим старым поверенным м-ром Х.? Он тоже мой друг, — сказал Рустомджи.

В результате беседы выяснилось, что он занимался контрабандой длительное время, но проступок, на котором он попался, касался пустячной суммы. Мы отправились к его поверенному. Тот, внимательно просмотрев документы, сказал:

— Это дело будет разбирать суд присяжных, а от натальского суда присяжных вряд ли можно ожидать оправдания индийца. Не будем, однако, терять надежды.

Я не был близко знаком с поверенным. Рустомджи перебил его:

— Благодарю вас, но по данному делу я предпочитаю руководствоваться советом м-ра Ганди. Он хорошо знает меня. Разумеется» в случае необходимости он посоветуется и с вами.

Уладив дело с поверенным, мы отправились в лавку Рустомджи.

И тут, разъяснив ему мою точку зрения, я сказал:

— Не думаю, чтобы это дело было передано в суд. От таможенного чиновника зависит, преследовать вас в судебном порядке или оставить в покое. Он же в свою очередь будет руководствоваться указаниями генерального атторнея. Я готов встретиться с тем и другим. Полагаю, что вы должны предложить уплату штрафа, который они назначат, и, вероятнее всего, они пойдут на это. Если же они откажутся, вы должны быть готовы к тому, что вас посадят в тюрьму. Я придерживаюсь мнения, что позор состоит не только в том, чтобы сидеть в тюрьме, сколько в самом проступке. Позорное дело уже сделано. Тюремное заключение вы должны рассматривать как покаяние. Подлинное же покаяние состоит в том, чтобы никогда больше не заниматься контрабандой.

Не могу сказать, что Рустомджи воспринял все это совершенно спокойно. Он был храбрый человек, но в самый последний момент мужество покинуло его. На карту были поставлены его имя и репутация. Что будет с ним, если дело, которое он создавал с такой заботой и трудом, пойдет прахом.

— Хорошо, я уже сказал, что всецело в ваших руках, — заявил он. — Поступайте так, как сочтёте нужным.

Я мобилизовал всю свою способность убеждать. Я встретился с таможенным чиновником и откровенно рассказал ему обо всем, обещая передать в его распоряжение все конторские книги; описал раскаяние парса Рустомджи.

— Мне нравится этот старый парс, — сказал таможенный чиновник. — Жаль, что он поставил себя в такое глупое положение. Вы знаете, в чем заключаются мои обязанности. Я подчиняюсь указаниям генерального атторнея и поэтому советую вам сделать попытку убедить его.

Буду вам очень благодарен, — сказал я, — если вы не станете настаивать на передаче дела в суд.

Заручившись его обещанием, я вступил в переписку с генеральным атторнеем, а затем с ним встретился. Рад сообщить, что он высоко оценил мою откровенность, убедившись, что я ничего не утаиваю.

Не помню точно, по поводу этого или какого-то другого дела, где я проявлял такую же настойчивость и откровенность, он бросил следующую реплику:

— Вижу, что вам никогда не ответят «нет» на вашу просьбу.

Дело против парса Рустомджи было улажено. Он должен был уплатить штрафа вдвое больший суммы, вырученной, по его признанию, от контрабандной торговли. Рустомджи изложил все обстоятельства этого дела на листе бумаги, вложил этот листок в рамку и повесил в своей конторе как вечное напоминание наследникам и коллегам купцам.

Друзья Рустомджи предупреждали меня, чтобы я особенно не заблуждался относительно его скоропреходящего раскаяния. Когда же я сказал об этом Рустомджи, он ответил:

— Что было бы со мной, если бы я вас обманул?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Первые впечатления

Группа, выехавшая из Феникса, прибыла в Индию раньше меня. Я должен был опередить ее, но моя задержка в Англии в связи с войной расстроила все наши планы. Когда стало очевидным, что мне придется остаться в Англии на неопределенное время, я стал думать о том, где устроить переселенцев из Феникса. Хотелось, чтобы все они по возможности обосновались в Индии вместе и продолжали бы там тот образ жизни, который вели в Фениксе. Я не мог рекомендовать им какой-либо ашрам и поэтому телеграфировал, чтобы они разыскали м-ра Эндрюса и последовали его указаниям.

Первоначально они поселились в Кангри Гурукул, где ныне покойный свами Шраддхананджи принял их как своих детей. Потом их поместили в ашраме, в Шантиникетоне. Поэт[17] и его друзья отнеслись к ним очень тепло. Опыт, накопленный колонистами за время пребывания в этих местах, в дальнейшем пригодился и им и мне.

Поэт, Шраддхананджи и Сушил Рудра составляли, как бывало я говорил Эндрюсу, его троицу. В Южной Африке м-р Эндрюс неустанно рассказывал нам о них, и его каждодневные рассказы об этой великой троице — наиболее приятные воспоминания о Южной Африке. Само собой разумеется, м-р Эндрюс познакомил переселенцев из Феникса с Сушилом Рудрой. У Сушила Рудры не было ашрам а, но у него был дом, который он предоставил переселенцам в полное распоряжение. Не прошло и дня, как они уже чувствовали себя как дома и, по-видимому, совсем не скучали по Фениксу.

Прибыв в Бомбей и узнав, что колонисты находятся в Шантиникетоне, я загорелся желанием повидаться с ними при первой же возможности, тотчас после свидания с Гокхале.

Прием, устроенный мне в Бомбее, дал возможность организовать нечто вроде сатьяграхи в миниатюре.

На банкете в мою честь в доме м-ра Джехангира Петита я не решился говорить на гуджарати. Среди небывалой роскоши и ослепительного блеска я, проживший лучшие годы бок о бок с законтрактованными рабочими, чувствовал себя неотесанной деревенщиной. Катхиаварский плащ, тюрбан и дхоти, правда, придавали мне тогда более цивилизованный вид, нежели я имею теперь. Но среди блеска и роскоши в доме Петита я почувствовал себя не в своей тарелке. Позже я несколько освоился с обстановкой, найдя убежище под крылышком сэра Фирузшаха Мехты.

Затем состоялось торжество у гуджаратцев: они ни за что не хотели отпускать меня, не устроив приема. Организатором его был ныне покойный Уттамлал Триведи. С программой вечера я ознакомился заранее. Среди гостей был м-р Джинна, гуджаратец по происхождению, — не помню уже, в качестве кого он присутствовал: председателя или главного оратора. Свою небольшую, довольно милую речь он произнес по-английски. Если мне не изменяет память, большинство других речей также были произнесены на английском языке. Когда же дошла очередь до меня, то я, выразив свою благодарность на гуджарати, объяснил, почему отстаиваю языки гуджарати и хиндустани, и закончил свое выступление выражением скромного протеста против того, чтобы на собрании гуджаратцев говорили на английском языке. Я решился на это не без некоторого колебания: я боялся, как бы присутствующие не сочли бестактным, что человек, вернувшийся в Индию после долгих лет пребывания на чужбине, позволяет себе критиковать установившиеся обычаи и порядки. Но, по-видимому, никто не понял превратно мотивы, побудившие меня ответить непременно на гуджарати, и я с удовольствием заметил, что мой протест не вызвал никаких возражений у присутствовавших.

Таким образом, я мог надеяться, что будет не так уж трудно изложить мои новомодные взгляды перед соотечественниками.

После краткого пребывания в Бомбее я, полный впечатлений, по приглашению Гокхале отправился в Пуну.

II

У Гокхале в Пуне

Тотчас по прибытии в Бомбей я получил от Гокхале записку, в которой он сообщал, что губернатор желает меня видеть и что мне необходимо его посетить до отъезда в Пуну. Поэтому я нанес визит его превосходительству. После обычных расспросов губернатор сказал:

— Я просил бы вас только об одном: мне хотелось бы, чтобы всякий раз, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, касающиеся правительства, вы бы заходили ко мне.

— Мне очень легко дать вам такое обещание, — ответил я, — потому что как сатьяграх я взял себе за правило прежде всего уяснять точку зрения стороны, с которой предстоит иметь дело, и по возможности приходить к соглашению. Я неукоснительно придерживался этого правила в Южной Африке и намерен придерживаться его и впредь.

Лорд Уиллингдон, поблагодарив меня, сказал:

— Можете приходить сюда, когда угодно. И вы убедитесь, что мое правительство преднамеренно не делает ничего плохого.

На это я ответил:

— Именно эта вера и поддерживает меня.

Затем я отправился в Пуну. Невозможно описать здесь все подробности столь приятного для меня времени жизни. Гокхале, равно как и члены общества «Слуги Индии», обласкали меня. Гокхале даже пригласил их всех к себе, чтобы познакомить со мной. Я совершенно откровенно беседовал с ними по самым различным вопросам.

Гокхале очень хотелось, чтобы и я стал членом этого общества. Я тоже хотел этого. Но другие члены считали, что ввиду значительных расхождений между мною и ими как в отношении целей, так и методов работы для меня было бы, пожалуй, не очень удобным вступать в общество «Слуги Индии». Гокхале же считал, что, несмотря на мою приверженность своим собственным принципам, я всегда был готов терпимо относиться к убеждениям членов этого общества.

— Члены общества, — говорил он, — еще не знают о вашей готовности идти на компромисс. Они тверды в своих принципах и независимы. Надеюсь, они вас примут. Но и в противном случае вы всетаки можете ни на секунду не сомневаться в их глубоком уважении и любви к вам. Они боятся рисковать лишь из опасения потерять уважение к вам. Однако примут вас официально в члены общества или нет, — лично я буду считать вас таковым.

Я сообщил Гокхале о своих намерениях. Независимо от того, примут меня в общество или нет, я хотел бы иметь ашрам, где мог бы обосноваться вместе с переселенцами из Феникса. Лучше всего было бы устроиться где-нибудь в Гуджарате. Я полагал, что, будучи гуджаратцем, я лучше сумею работать на благо Гуджарата и тем принесу наибольшую пользу Индии. Идея эта понравилась Гокхале. Он сказал:

— Разумеется, так вы и должны поступить. Каковы бы ни были результаты ваших переговоров с членами общества, вы всегда можете рассчитывать на меня в отношении денежной помощи ашраму, который я буду рассматривать как свой собственный.

Меня обрадовало то, что он снимает с меня заботу о средствах и что мне не придется вести работу одному. Значит, в трудную минуту я смогу всегда рассчитывать на надежного руководителя. С души свалилась огромная тяжесть.

Ныне покойный д-р Дев вскоре получил распоряжение предоставить мне право брать с текущего счета общества «Слуги Индии» деньги, необходимые для ашрама и других общественных нужд.

Я готовился к поездке в Шантиникетон. Накануне моего отъезда Гокхале устроил вечер, на который было приглашено несколько избранных друзей. Гокхале также позаботился, чтобы угощение было по моему вкусу, т. е. состояло из фруктов и орехов. Хотя вечер был устроен всего лишь в нескольких шагах от его дома, Гокхале еле-еле преодолел это расстояние. Однако симпатия его ко мне взяла верх, и он захотел обязательно прийти. Он дошел, но упал в обморок, и пришлось отнести его домой. С ним это бывало и раньше, поэтому, придя в себя, он прислал сказать, чтобы мы продолжали веселиться.

Вечер этот был всего лишь встречей друзей на свежем воздухе против гостиницы, принадлежавшей обществу «Слуги Индии». Друзья вели откровенные беседы на интересовавшие их темы и угощались земляными орехами, финиками и свежими фруктами.

Однако обморок Гокхале произвел на меня тягостное впечатление.

III

Была ли это угроза?

Из Пуны я отправился в Раджкот, а оттуда в Порбандар. Там я должен был повидаться с вдовой брата и своими родственниками.

Во время сатьяграхи в Южной Африке я изменил свой костюм, чтобы не слишком отличаться от индийских законтрактованных рабочих. В Англии — у себя дома, в своих четырех стенах — носил такую же одежду. В Бомбей я приехал в катхиаварском костюме, состоявшем из рубашки, дхоти, плаща и белого шарфа — все из тканей индийского фабричного производства. Из Бомбея я собирался ехать третьим классом и, полагая, что шарф и плащ излишни для такой поездки, снял их и купил кашмирскую шапку за восемь — десять ана. В таком виде я вполне мог сойти за бедняка.

В Индии в то время свирепствовала чума, поэтому все пассажиры подвергались медицинскому осмотру в Вирамгаме или Вадхване, точно не помню. У меня был легкий озноб, и инспектор, обнаружив, что температура у меня повышена, записал мою фамилию и велел явиться к чиновнику медицинской службы.

Кто-то сообщил, что я проезжаю через Вадхван, ибо на вокзале меня встречал портной Мотилал, крупный местный общественный деятель. Он рассказал мне о вирамгамской таможне и о неприятностях, которые бывают в связи с этой таможней у пассажиров. Я не был расположен к беседе, так как меня знобило, и только спросил:

— Готовы ли вы сесть в тюрьму?

Я думал, что Мотилал принадлежит к числу тех пылких юнцов, которые имеют привычку отвечать, не подумав. Однако он ответил мне твердо и обдуманно:

— Да, все мы пойдем в тюрьму, если вы нас поведете. Как катхиварцы, мы в первую очередь имеем право на ваше внимание. Мы, разумеется, не собираемся вас задерживать, но обещайте побывать здесь на обратном пути. Вас очень обрадует деятельность и настроение нашей молодежи. Знайте, что мы откликнемся на первый же ваш призыв.

Мотилал просто пленил меня. Его товарищ, расхваливая его, сказал:

— Наш друг — всего лишь портной. Но он такой мастер своего дела, что, хотя трудится только по часу в день, легко зарабатывает пятнадцать рупий в месяц (больше ему и не надо). Остальное время он

отдает общественной работе и руководит нами, несмотря на то, что мы образованнее его.

Впоследствии, ближе познакомившись с Мотилалом, я понял, что в похвалах этих не было преувеличения. Он проводил ежемесячно по несколько дней в только что созданном тогда ашраме, учил детей портняжному мастерству и сам шил кое-что для ашрама. Мне он подробно рассказывал о Вирамгаме и неприятностях, которые причинялись там пассажирам. Он совершенно нетерпимо относился к этому. Он умер в расцвете сил после непродолжительной болезни. Для общественной жизни Вадхвана это была большая потеря.

Приехав в Раджкот, я на следующий же день отправился к чиновнику медицинской службы. Врач меня знал и почувствовал себя весьма неловко. Он рассердился на инспектора, но совершенно напрасно, ибо тот лишь выполнял свой долг. Инспектор не знал меня, да если бы и знал, он не смог бы поступить иначе. Врач не стал посылать меня снова к инспектору, а настоял на том, чтобы инспектор пришел ко мне. Санитарный осмотр пассажиров третьего класса в подобных случаях просто необходим. Даже люди, занимающие высокое положение в обществе, если они едут третьим классом, должны добровольно подчиняться всем правилам, которые обязательны для бедняков. Чиновники должны быть беспристрастными. По моим наблюдениям, чиновники относятся к пассажирам третьего класса не как к равным себе, а как к стаду баранов. Говорят с ними пренебрежительно и не удостаивают их ни ответом, ни объяснениями; пассажиры третьего класса должны беспрекословно подчиняться чиновнику, словно они его слуги. Чиновник может безнаказанно оскорбить и даже ударить пассажира, а билет продаст ему только после того, как причинит массу неприятностей, включая даже опоздание на поезд. Все это я видел собственными глазами. И такое положение не изменится до тех пор, пока богатые и образованные не откажутся от привилегий, недоступных для бедняков, и не станут ездить в третьем классе, чтобы повести борьбу с грубостью и несправедливостью, вместо того, чтобы рассматривать всё это как обычное явление.

Повсюду в Катхиаваре я слышал жалобы на притеснения в вирамгамской таможне и потому решил немедленно воспользоваться предложением лорда Уиллингдона. Я собрал и прочитал все материалы

по этому вопросу и, убедившись в полной обоснованности всех жалоб, вступил в переписку с бомбейским правительством. Я побывал у личного секретаря лорда Укллингдона, а также нанес визит его превосходительству. Лорд Уиллингдон выразил свое сочувствие, но переложил всю вину на власти в Дели.

— Будь это в наших руках, мы давно бы сняли этот кордон. Вы должны обратиться по этому вопросу к индийскому правительству, — сказал секретарь.

Я написал письмо индийскому правительству, но не получил никакого ответа, кроме уведомления о получении. Только позднее, когда мне представился случай встретиться с лордом Челмсфордом, удалось добиться положительного решения по этому вопросу. Когда же я изложил лорду Челмсфорду факты, он был весьма удивлен, так как, оказывается, ничего не знал об этом. Терпеливо выслушав меня, он тотчас затребовал по телефону дело о Вирамгаме и пообещал снять кордон, если местные власти не докажут, что необходимо его сохранить. Несколько дней спустя я прочел в газетах, что таможенный кордон в Вирамгаме ликвидирован.

Я считал это событие началом сатьяграхи в Индии, поскольку во время моих переговоров с бомбейским правительством секретарь выразил недовольство по поводу упоминания о сатьяграхе в речи, которую я произнес в Богасре (Катхиавар).

— Не угроза ли это? — спросил он. — Неужели вы думаете, что сильное правительство уступит угрозам?

— Это не угроза, — ответил я, — а воспитание народа. Моя обязанность — указать народу все законные средства борьбы с обидчиками. Нация, которая желает стать самостоятельной, должна знать все пути и способы достижения свободы. Обычно в качестве последнего средства прибегают к насилию. Сатьяграха, напротив, представляет собой абсолютно ненасильственный метод борьбы. Я считаю своей обязанностью разъяснять населению, как и в каких пределах им пользоваться. Не сомневаюсь, что английское правительство — правительство сильное, но не сомневаюсь также и в том, что сатьяграха — в высшей степени действенное средство.

Умный секретарь скептически покачал головой и сказал:

— Посмотрим.

IV

Шантиникетон

Из Раджкота я направился в Шантиникетон. Учащиеся и преподаватели осыпали меня знаками внимания. Прием был изумительным сочетанием простоты, изящества и любви. Здесь я впервые встретился с Какасахибом Калелкаром.

Тогда я не знал, почему Калелкара называли «Какасахиб».

Оказалось, адвокат Кешаврао Дешпанде, с которым мы были друзьями в период пребывания в Англии, руководивший школой в княжестве Барода под названием «Ганганат Видьялайя», давал учителям родовые имена, стараясь создать в Видьялайе семейную обстановку. Адвоката Калелкара, в то время учителя, стали называть «Кака» (буквально — дядя со стороны отца), Пхадке называли «Мама» (дядя со стороны матери), а Харихар Шарма получил имя «Анна» (брат). Другим тоже дали соответствующие имена. Впоследствии к этой «семье» присоединились Ананд (Свами) в качестве друга Каки и Патвардхан (Anna) — в качестве друга Мамы. Все они с течением времени стали моими товарищами по работе. Самого адвоката Дешпанде обычно называли «Сахиб». Когда Видьялайя пришлось распустить, «семья» также распалась, но ее члены никогда не порывали духовных связей и не забывали своих прозвищ.

Стремясь накопить опыт, Какасахиб работал в различных организациях, и когда я приехал, он оказался в Шантиникетоне. Чинтаман Шастри, принадлежавший к тому же братству, также был там. Оба преподавали санскрит. Колонистам из Феникса было отведено в Шантиникетоне отдельное помещение. Во главе колонии стоял Маганлал Ганди. Он взял на себя наблюдение за строгим выполнением всех правил фениксского ашрама. Я видел, что благодаря своему любовному отношению к людям, знаниям и настойчивости он пользовался большим влиянием во всем Шантиникетоне.

В то время там жили Эндрюс и Пирсон. Из бенгальских учителей мы довольно тесно сошлись с Джагаданандбабу, Непалбабу, Сантошбабу, Кшитимоханбабу, Нагенбабу, Шарадбабу и Калибабу.

По своему обыкновению я быстро подружился с преподавателями и учащимися и повел с ними речь о самообслуживании. Я сказал преподавателям, что если и они и учащиеся откажутся от услуг

наемных поваров и сами станут варить себе пищу, то учителям это даст возможность следить за ее приготовлением в интересах морального состояния и физического здоровья учеников, а ученики получат наглядный урок самообслуживания. Некоторые лишь качали головами, другие же полностью одобрили мою мысль. Ученики приветствовали эту идею, вероятно, вследствие инстинктивного влечения ко всему новому. Мы решили проделать такой опыт.

Когда я попросил Поэта высказать свое мнение, он сказал, что не возражает, если учителя согласны. Обращаясь к мальчикам, он сказал:

— Опыт этот — ключ к свараджу.

Пирсон не жалел себя, стремясь успешно провести опыт. Он с жаром принялся за дело. Одной группе было поручено резать овощи, другой — очищать зерно и т. п. Нагенбабу вместе с другими принялся за уборку кухни и остальных помещений. Я был рад видеть, как они работают с лопатами в руках.

Трудно рассчитывать, чтобы сто двадцать пять учеников и преподавателей, начав заниматься физическим трудом, сразу почувствовали себя как рыба в воде. Ежедневно происходили споры. Некоторые очень скоро уставали. Но Пирсон был неутомим. Его то и дело можно было видеть на кухне или около нее. Когда он чистил кухонную посуду, группа учащихся играла на ситаре, чтобы работа не казалась слишком скучной. Все как один работали с энтузиазмом, и Шантиникетон превратился в хлопотливый муравейник.

Стоило только начать вводить такие новшества в нашу жизнь, как они повлекли за собой дальнейшие изменения.

Сразу по прибытии колонисты из Феникса стали не только сами работать на кухне, но и чрезвычайно упростили пищу. Все приправы были изъяты. Рис, дал, овощи и даже пшеничная мука варились все сразу в одном котле. Учащиеся Шантиникетона завели у себя такую же кухню с целью реформировать бенгальскую. Ее обслуживали сами учащиеся и один два учителя.

Через некоторое время, однако, все эти работы были прекращены. Я считаю, что знаменитая школа ничего не потеряла от того, что проделала опыт, а учителя, несомненно, извлекли из него для себя некоторую пользу.

Я предполагал задержаться в Шантиникетоне, но судьба судила иначе. Не прожил я там и недели, как пришла телеграмма из Пуны о

смерти Гокхале. Шантиникетон погрузился в траур. Все его обитатели пришли ко мне выразить свое соболезнование. Мы собрались в храме, чтобы оплакать национальную утрату. Это была торжественная церемония. В тот же день я с женой и Маганлалом выехал в Пуну. Остальные остались в Шантиникетоне.

Эндрюс сопровождал меня до Бурдвана.

— Считаете ли вы, что наступит время для сатьяграхи в Индии? И если это так, то когда это произойдет? — спросил он меня.

— Трудно сказать, — ответил я. — Я лично ничего не буду предпринимать в течение года, поскольку Гокхале взял с меня слово поездить по Индии, чтобы накопить опыт, и я не буду высказываться по общественным вопросам до тех пор, пока не закончится этот испытательный срок. Но и по истечении года я не стану торопиться выступать и высказывать свое мнение. Во всяком случае, не думаю, что возникнет повод для сатьяграхи в течение, по крайней мере, пяти лет.

Следует отметить в этой связи, что Гокхале подсмеивался над некоторыми моими мыслями, высказанными в «Хинд сварадж».

— После года пребывания в Индии ваши воззрения изменятся, — говорил он.

V

Мытарства пассажиров третьего класса

В Бурдване мы испытали все мытарства, которые приходится терпеть пассажирам третьего класса, начиная с приобретения билета.

— Билеты третьего класса так рано не продаются, — заявили нам в кассе.

Я отправился к начальнику станции, до которого не так легко было добраться. Кто-то вежливо указал мне, где он находится, и я поведал ему о наших трудностях. Но и он повторил мне то же самое. Наконец, касса открылась, и я пошел покупать билеты. Но получить их было не просто. Здесь действовал закон сильного: те, кто понахальнее, не считаясь с остальными, подходили все время к кассе и отталкивали меня. Поэтому я купил билеты почти самым последним.

Поезд подали, и сесть в него было новым испытанием. Пассажиры, уже находившиеся в поезде, и те, кто пытался влезть, ругались и толкались. Мы бегали взад и вперед по платформе и повсюду слышали:

— Мест нет.

Я подошел к проводнику. Он сказал:

— Постарайтесь как-нибудь войти или ждите следующего поезда.

— Но я еду по срочному делу, — вежливо возразил я. Однако у него не было времени выслушать меня. Я не знал, что делать. Я сказал Маганлалу, чтобы он как-нибудь проник в поезд, а сам вошел с женою в междуклассный вагон. Проводник заметил это и на станции Асансол предложил мне доплатить за билет.

— Вы были обязаны дать нам место, — сказал я ему. — Мы здесь потому, что все было занято. Мы охотно перейдем в третий класс, если вы нас там устроите.

— Нечего рассуждать, — сказал проводник, — я не могу устроить вас в третьем классе. Доплачивайте или выходите.

Я хотел во что бы то ни стало добраться до Пуны, а поэтому не стал продолжать спор и доплатил за билет. Но эта несправедливость возмутила меня.

Утром мы прибыли в Могалсарай. Маганлалу удалось найти свободное место в вагоне третьего класса, куда перешли и мы. Я сообщил контролеру о происшедшем и просил его удостоверить, что на станции Могалсарай мы перешли в вагон третьего класса. Но он наотрез отказался выдать удостоверение. Тогда я обратился к начальнику станции. Тот сказал:

— Обычно без соответствующего удостоверения мы не возмещаем переплаты. Для вас же сделаем исключение. Но возвращать всем доплату за проезд от Бурдвана до Могалсарая мы не можем.

С тех пор я приобрел большой опыт поездок в третьем классе. Если бы я записывал все свои впечатления, они составили бы целый том. Здесь я упоминаю о них лишь мимоходом. Я глубоко сожалел и сожалею, что по состоянию здоровья вынужден был отказаться от поездок в третьем классе.

Мытарства пассажиров третьего класса обусловлены, несомненно, своеволием железнодорожных властей. Но не в меньшей степени повинны в этом грубость, неряшливость, эгоизм и невежество самих

пассажиров. Достойно сожаления, что пассажиры часто не сознают неправильности своего поведения, своего эгоизма и нечистоплотности. Они считают такое поведение вполне естественным. Все это можно отнести за счет безразличного отношения к ним со стороны нас — «образованных». Мы приехали в Кальян ужасно усталые. Маганлал и я раздобыли себе воды из станционной колонки и совершили омовение. Едва я начал набирать воду для жены, как ко мне подошел адвокат Каул из общества «Слуги Индии». Он тоже ехал в Пуну и предложил проводить мою жену в умывальную комнату второго класса. Я заколебался, не решаясь принять это учтивое предложение. Я знал, что моя жена не имеет права пользоваться туалетом второго класса, но в конце концов согласился нарушить правила. Знаю, что мой поступок не делает чести поборнику истины. Не могу сказать, чтобы жене очень хотелось помыться в умывальной. Но любовь мужа к жене одержала верх над любовью к истине. «Лик истины сокрыт за золотым покрывалом майя», — говорится в «Упанишадах».

VI

Ходатайства

Прибыв в Пуну, мы, после церемоний шрадха, стали обсуждать судьбы общества «Слуги Индии» и вопрос о том, следует ли мне вступать в это общество. Вопрос о членстве оказался для меня весьма щекотливым. Пока был жив Гокхале у меня не было необходимости добиваться приема в общество. Я просто выполнял его желания — и мне это нравилось. Плавая по бурному морю индийской общественной жизни, я нуждался в искусном кормчем. Таким кормчим был для меня Гокхале. Я видел в нем твердую опору. Теперь же, когда он умер и я оказался предоставленным самому себе, я понял, что мой долг — стать членом общества. Это, думал я, будет приятно душе Гокхале. Поэтому без всяких колебаний и с полной решимостью я стал ходатайствовать о приеме.

В этот критический момент большинство членов общества находились в Пуне. Я старался рассеять их сомнения относительно меня, но видел, что мнения их расходятся: одни за принятие меня, другие — решительно против. Я не сомневался в расположении ко мне обеих групп, но, по-видимому, их лояльность по отношению к

обществу была сильнее или во всяком случае не меньшей. Наши беседы были поэтому лишены горечи и не выходили за рамки принципиальных вопросов. Противники моего приема указывали, что по ряду важных проблем моя позиция диаметрально противоположна их позиции и что мое членство может поставить под угрозу цели, ради которых создано общество. Для них это, естественно, было невыносимо.

Мы долго спорили и наконец отложили окончательное решение вопроса еще на некоторое время. Взволнованный, я возвратился домой. Имею ли я право стать членом общества, если буду принят только простым большинством голосов? Совместимо ли это с моим преданным отношением к Гокхале. И я ясно понял, что при таком резком» разногласии среди членов общества правильнее взять обратно ходатайство о приеме и тем самым вызволить своих противников из щекотливого положения. Именно этого, думал я требует от меня преданность самому обществу и Гокхале. Мысль эта внезапно осенила меня, и я немедленно написал м-ру Шастри, чтобы он вообще не созывал отложенного заседания общества. Противники приема по достоинству оценили мой поступок. Он вывел их из затруднительного положения, и узы нашей дружбы стали еще крепче, а меня это сделало фактическим членом общества.

Жизнь показала, что я поступил правильно, не став формально членом общества, и что противодействие моих противников было справедливым. Наши взгляды по принципиальным вопросам действительно были глубоко различны. Но признание расхождений не означало, что между нами появилась отчужденность. Мы продолжали относиться друг к другу по-братски, и дом общества в Пуне всегда был для меня местом паломничества.

Правда, официально я не стал членом общества, но в душе всегда был им. Духовные отношения гораздо ценнее физических. Физические отношения без духовных то же, что тело без души.

VII

Кумбхамела

Из Пуны я отправился в Рангун, чтобы повидаться с д-ром Мехта. По дороге я остановился в Калькутте, где был гостем ныне покойного

бабу Бупендранатха Басу. Бенгальское гостеприимство достигло здесь своего апогея. В то время я питался исключительно фруктами, и потому к моему столу доставлялись различные фрукты и орехи, какие только можно было раздобыть в Калькутте. Хозяйки дома, бывало, не спали ночи напролет и чистили для меня различные орехи. Из свежих фруктов мне с величайшим старанием готовили индийские блюда. Для моих спутников, среди которых был сын Раыдас, также готовили множество деликатесов. Но как бы ни ценил я такое замечательное гостеприимство, меня тяготила мысль, что из-за двух трех гостей в хлопотах весь дом. Однако я не знал, как избавиться от столь смущавшего меня внимания. В Рангун я отправился на пароходе палубным пассажиром. Если в доме адвоката Басу мы страдали от избытка внимания, то здесь вообще отсутствовало какое бы то ни было внимание к самым элементарным удобствам палубных пассажиров. То, что именовалось ванной, было невероятно грязным. Уборные представляли собой зловонные клоаки. Чтобы ими пользоваться, нужно было пробираться прямо по моче и Экскрементам или прыгать через них.

Это было невыносимо. Я без промедления обратился k капитану. Нечистоплотность пассажиров усугубляла зловоние и грязь. Они плевали там, где сидели, засоряли все вокруг остатками пищи, табаком и листьями бетеля. Стоял страшный шум, и каждый старался занять как можно больше места для себя и своего багажа. В такой ужасной обстановке мы провели два дня.

По прибытии в Рангун я подробно написал агенту пароходной компании обо всех непорядках. Благодаря этому письму и стараниям д-ра Мехты наш обратный переезд на палубе корабля был не столь тягостным.

В Рангуне я также питался одними фруктами, и это снова повлекло за собой дополнительные хлопоты для хозяина дома. Но так как у д-ра Мехты я чувствовал себя как дома, то мог в какой-то мере ограничивать щедрость хозяина. Однако поскольку я не установил для себя никаких ограничений в отношении числа блюд, которые разрешал себе съедать, чревоугодие не позволяло мне удерживаться от предлагаемых разнообразных блюд. Твердо установленных часов приема пищи не было. Я предпочитал не принимать пищи после

наступления темноты. Тем не менее, как правило, мы ужинали не раньше восьми девяти часов вечера.

Тот год, 1915, был годом ярмарки Кумбха, которая устраивается в Хардваре раз в двенадцать лет. Я не стремился побывать на ярмарке, но мне хотелось встретиться с махатмой Мунширамджи, который находился тогда в своем гурукуле.

— Общество Гокхале послало в помощь ярмарке большой отряд добровольцев во главе с пандитом Хридаянатом Кунзру. Организацию санитарной части взял на себя ныне покойный д-р Дев. Меня попросили послать им в помощь группу фениксских колонистов, с которыми отправился Маганлал Ганди. Вернувшись из Рангуна, я присоединился к отряду. Переезд из Калькутты в Хардвал был особенно мучителен. Временами в вагонах не было света. В Сахаранпуре некоторых из нас перевели в товарные вагоны, а других — в вагоны для скота, над нами не было крыш, и, сидя на раскаленном железном полу, мы буквально изжарились под ярким полуденным солнцем. Тем не менее никакие муки жажды не могли заставить правоверных индусов пить воду, если она была «мусульманской». Они воздерживались, пока не получили «индусскую» воду. Но те же самые индусы, да будет вам известно, ни секунды не раздумывают и не колеблются, если во время болезни доктор предписывает им вино или мясной бульон, или если ту же самую воду им дает какой-нибудь аптекарь мусульманин или христианин.

Уже во время пребывания в Шантиникетоне мы поняли, что нашей особой обязанностью в Индии является уборка мусора. В Хардваре палатки для добровольцев были расставлены в дхармашала. По распоряжению д-ра Дева вырыли несколько ям, которые должны были служить отхожими местами. Для их чистки ему приходилось нанимать за плату ассенизаторов. Эта работа была как раз по плечу группе фениксских колонистов. Мы предложили зарывать экскременты в землю и следить за чистотой. Д-р Дев с благодарностью принял наше предложение. Оно, разумеется, исходило от меня, но обеспечивать его выполнение приходилось Маганлалу Ганди. Я же преимущественно сидел в палатке, давал даршан и вел религиозные и другие дискуссии с многочисленными паломниками, обращавшимися ко мне. Поэтому у меня не было ни одной свободной минуты. Жаждущие даршана

следовали за мной даже в купальню гхат и не оставляли в покое и во время еды.

Здесь, в Хардваре, я понял, какое большое впечатление произвела на всю Индию моя скромная работа в Южной Африке.

Но ничего завидного в моем положении не было. Я чувствовал себя между двух огней. Там, где не знали, кто я, мне приходилось терпеть все лишения, выпадающие на долю миллионов индийцев, например, во время поездок по железным дорогам. А когда меня окружали люди, слышавшие обо мне, я становился жертвой неистовых домогательств даршана. Что было хуже — трудно сказать. Я только знал, что слепая любовь индусов к даршанвалам часто раздражала меня, а еще чаще причиняла душевную боль. Поездки же, которые подчас были трудными, способствовали душевному подъему и почти никогда не вызывали гнева.

В то время я был достаточно силен, чтобы много путешествовать, и, к счастью, еще не настолько известен, чтобы нельзя было пройти по улице, не привлекая всеобщего внимания. Во время поездок мне не раз приходилось наблюдать у паломников не благочестие, а рассеянность, лицемерие и неопрятность. Масса морально опустившихся садх, по-видимому, существовали только для того, чтобы наслаждаться приятными сторонами жизни. В Хардваре я видел корову с пятью ногами! Я был поражен, но сведущие люди разъяснили мне: бедная пятиногая корова была жертвой алчности злых людей. Я узнал, что пятая нога была отрезана от живого теленка и приращена к плечу коровы! Результатом этого двойного акта жестокости воспользовались для того, чтобы выманивать деньги у невежественных людей. Ни один индус не мог пройти равнодушно мимо пятиногой коровы, и ни один индус не мог не подать милостыни для такой удивительной коровы.

День открытия ярмарки наступил. То был радостный для меня день. Я приехал в Хардвар, не испытывая чувств паломника. В поисках благочестия я никогда не стремился посещать места паломничества. Но миллион семьсот тысяч человек, собравшихся здесь, не могли быть сплошь лицемерами или просто туристами. Я не сомневался, что многие явились сюда для самоочищения и подвижничества. Трудно, почти невозможно выразить, какой душевный подъем порождает подобная вера.

Всю ночь я провел в глубоких размышлениях. Я был убежден, что в этой гуще лицемерия встречались и набожные души. Они безгрешными предстанут перед создателем. Но если посещение Хардвара само по себе грех, надо выступить с публичным протестом и покинуть Хардвар в день Кумбха. Если же паломничество в Хардвар и на ярмарку Кумбха не грех, тогда я должен прибегнуть к каком-либо акту самоотречения во искупление царившего там зла и очиститься. Для меня это было совершенно естественно. В моей жизни главное — умерщвление плоти. Я думал о ненужном беспокойстве, которое причинял своим хозяевам в Калькутте и Рангуне, так щедро принимавшим меня. Поэтому я решил ограничить количество ежедневно принимаемой пищи и есть последний раз до захода солнца. Я был убежден, что если не прибегну к подобным ограничениям, то причиню беспокойство своим будущим хозяевам и заставлю их служить мне, вместо того чтобы самому служить им. Поэтому я поклялся себе во время пребывания в Индии не есть более пяти блюд в сутки и никогда не есть после наступления темноты. Я обдумал все трудности, с которыми мне, возможно, придется столкнуться, и, не желая оставлять лазейки для себя, взвесив все, решил, что в случае болезни должен буду включить лекарства в число дозволенных пяти блюд и не сделаю исключения даже в пользу специальных диетических блюд. И наконец я решил, что не буду делать вообще никаких исключений.

Вот уже 13 лет, как я выполняю этот обет. Не раз подвергался я суровым испытаниям, но могу с полным основанием заявить, что обет одновременно был для меня и защитой. Думаю, что он прибавил мне несколько лет жизни и спас от многих болезней.

VIII

Лакшман Джхула

Я почувствовал большое облегчение, когда, приехав в гурукул, увидел гигантскую фигуру махатмы Мунширамджи. Я сразу же почувствовал огромную разницу между покоем, царившим в гурукуле, и шумом и гамом в Хардваре.

Махатма отнесся ко мне с любовью. Брахмачари были необычайно внимательны ко мне. Здесь я впервые познакомился с Ачарья

Рамадевджи и понял, какой огромной силой он обладает. Наши взгляды по некоторым вопросам не сходились, но тем не менее знакомство скоро перешло в дружбу.

Я долго обсуждал с Ачарья Рамадевджи и другими учителями необходимость ввести в гурукуле обучение производственным навыкам. Когда настало время покинуть гурукул, я это сделал с болью в сердце.

Я слышал много восторженных отзывов о Лакшман Джхула (висячем мосте через Ганг неподалеку от Хришикеша), и многие из моих друзей советовали не уезжать из Хардвара, не осмотрев его. Я решил пойти туда пешком и сделал это в два перехода.

В Хришикеше меня посетили многие саньяси. Один из них особенно привязался ко мне. Там была и группа из Феникса, и ее присутствие вызвало у свами много вопросов.

Мы спорили с ним на религиозные темы, и он понял, что я очень интересуюсь вопросами религии. Однажды, увидев меня выходящим из Ганга без рубашки и с обнаженной головой, он огорчился, что у меня нет шикхи (пучка волос) на голове и священного шнура вокруг шеи.

— Горестно видеть, что у вас, верующего индуса, — сказал он мне, — нет шикхи и вы не носите священного шнура. Эти два внешних знака индуизма должны быть у каждого индуса.

Расскажу, каким образом я остался без этих двух символов индуизма. Десятилетним мальчишкой я завидовал юношам брахманам, игравшим связками ключей, которые висели на их священных шнурах. Семьи вайшья в Катхиаваре не носили в то время священных шнуров. Затем началось движение за обязательное ношение шнуров первыми тремя варнами. В результате некоторые члены рода Ганди стали носить священные шнуры. Брахман, обучавший нас, двух трех мальчиков, «Рама Ракше», надел их и на нас. Связки ключей у меня не было. Но я достал ключ и играл им, подвесив к шнуру. Когда шнур износился, не помню, чтобы это очень огорчило меня, и я не стремился приобрести новый.

Когда я вырос, меня несколько раз и в Индии, и в Южной Африке пытались убедить снова надеть священный шнур, но безуспешно. Если шудры могут не носить его, доказывал я, то какое право имеют на это другие варны? Я ничего не имел против шнура как такового, однако не

видел достаточных оснований, чтобы принять этот ненужный, на мой взгляд, обычай.

Как вишнуит я, естественно, носил вокруг шеи кантхи, а пожилые люди считали обязательной также и шикху. Однако перед отъездом в Англию я избавился от шикхи, считая, что если мне случится обнажить голову, то надо мной станут смеяться и я буду выглядеть в глазах англичан, как мне тогда казалось, варваром. В Южной Африке из трусости я уговорил двоюродного брата Чхаганлала Ганди, который носил шикху из религиозных соображений, срезать ее. Я опасался, что это могло помешать его общественной деятельности, и потому, даже рискуя обидеть его, предложил ему расстаться с шикхой.

Чистосердечно рассказав обо всем свами, я добавил:

— Я не буду носить священный шнур, так как не вижу в этом необходимости; многие индусы обходятся без него и все же остаются индусами. К тому же священный шнур должен быть символом духовного возрождения, которое означает у верующего продуманное стремление к более высокой и чистой жизни. Сомневаюсь, чтобы при теперешнем состоянии индуизма и Индии индусы могли претендовать на ношение символа, имеющего такое значение. Они смогут получить это право только тогда, когда индуизм очистится от неприкасаемости, уничтожит все различия между высшими и низшими и освободится от множества других укоренившихся в нем зол и постыдных обычаев. Мой ум восстает поэтому против ношения священного шнура. Но я уверен, что ваши соображения относительно шикхи не лишены основания. Некогда я носил шикху и отказался от нее из ложного чувства стыда, а потому считаю, что должен начать отращивать себе волосы. Я поговорю об этом с друзьями.

Свами не согласился с моими соображениями по поводу священного шнура. Как раз те доводы, которые я привел против ношения, казались ему доказательством необходимости носить шнур. Мои взгляды с тех пор не изменились. Пока существуют различные религии, каждой из них необходим какой-то внешний отличительный символ. Но когда этот символ становится фетишем и средством для доказательства превосходства одной религии над другой, от него нужно отказаться. Священный шнур, на мой взгляд, не является средством, возвышающим индуизм. Поэтому я отношусь к нему безразлично.

Что касается шикхи, то я отказался от нее из трусости и после совещания с друзьями решил вновь отрастить ее.

Но возвратимся к Лакшман Джхула. Я был очарован живописными окрестностями Решикеша и Лакшман Джхула и склонил голову в знак почтения к своим предкам за их понимание красоты природы и умение придать религиозное значение проявлениям прекрасного.

Но меня возмутило, как люди пользовались этими прекрасными местами. Как в Хардваре, так и в Решикеше люди загрязнили дороги и красивые берега Ганга. Они не остановились даже перед осквернением священной воды Ганга. Мое сердце преисполнилось страданием при виде того, как люди отправляют свои естественные потребности на дорогах и на берегах священной реки, вместо того, чтобы делать это где-нибудь подальше, в стороне от этих прекрасных мест.

Лакшман Джхула — это висячий железный мост через Ганг. Говорят, что первоначально на этом месте был красивый веревочный мост. Но одному филантропу марвари пришло в голову разрушить его и построить за большие деньги железный, ключи от которого он вручил правительству. О веревочном мосте ничего сказать не могу, так как не видел его. Железный же мост здесь совершенно не к месту, он нарушает красоту окружающего ландшафта. Передача ключей от моста пилигримов правительству, при всей моей тогдашней лояльности, возмущала меня.

Перейдя через мост, вы попадаете в сваргашрам, жалкое местечко, состоящее из нескольких полуразвалившихся сараев из оцинкованного железа. Они, как мне сказали, были сооружены для садхаков (ищущих). В то время вряд ли кто жил в них. А те, которые находились в самом большом строении, производили неблагоприятное впечатление.

Впечатления, приобретенные в Хардваре, оказались для меня бесценными. Они в значительной степени помогли мне решить вопрос, где я должен жить и что делать.

IX

Основание ашрама

Паломничество на ярмарках Кумбха я совершил во время своего второго посещения Хардвара.

Сатьяграха ашрам был основан 25 мая 1915 года. Шрад Дхананджи хотел, чтобы я поселился в Хардваре. Несколько моих друзей из Калькутты советовали мне жить в Вайдьянатадхаме. Другие усиленно убеждали избрать Раджкот. Но когда мне пришлось быть проездом в Ахмадабаде, многие из моих друзей настаивали, чтобы я поселился именно там, предлагая взять на себя издержки по ашраму и соорудить для нас жилой дом.

Меня всегда тянуло в Ахмадабад. Будучи гуджаратцем, я считал, что смогу принести наибольшую пользу своей стране, употребляя язык гуджарати. Кроме того, Ахмадабад как древний центр кустарного ткачества являлся наиболее подходящим местом для возрождения кустарного прядения на дому. В этом городе — столице Гуджарата — можно было больше всего рассчитывать на денежную помощь со стороны богатых горожан.

С ахмадабадскими друзьями я обсуждал вопрос о неприкасаемых. Я сказал, что при первой же возможности проведу в ашрам кандидата из неприкасаемых, если, конечно, он будет этого достоин.

— Где вы найдете неприкасаемого, отвечающего вашим требованиям? — самоуверенно возразил один приятель вишнуит.

В конце концов я решил основать ашрам в Ахмадабаде.

Что касается помещения, то больше всех в этом мне помог ахмадабадский адвокат Дживанлал Десаи. Он предложил сдать внаём свое бунгало в Кочрабе, и мы сняли его.

Прежде всего необходимо было дать ашраму подходящее название. Я посоветовался с друзьями. Среди предложенных названий были «Севашрам» (место служения), «Тапован» (место аскетизма) и др. Мне понравилось «Севашрам», но без уточнения метода служения. «Тапован» казался слишком претенциозным, ибо хотя тапас и был дорог нам, мы, однако, не могли претендовать на звание тапасванов (аскетов). Нашей верой была преданность истине, а занятием — искания и настойчивое утверждение истины. Я хотел ознакомить индийцев с методами, испытанными мною в Южной Африке. Я жаждал выявить, насколько возможно применить эти методы в Индии. Поэтому мои компаньоны и я остановились на названии «Сатьяграха ашрам», что отражало и цель и метод нашего служения.

Для ведения дел ашрама необходимо было принять свод правил и распорядков. Мы составили проект и дали его на обсуждение друзьям.

Из многочисленных замечаний мне особенно запомнилось замечание сэра Гурудаса Банерджи. В целом наш проект ему понравился, однако он предложил, чтобы в качестве одного из предписаний было добавлено еще и требование скромности, так как он считал, что молодое поколение совершенно лишено ее. Я и сам знал это, но опасался, что скромность перестанет быть скромностью, как только она станет предметом обета. Истинное значение скромности — самоотречение. Самоотречение есть мокша (спасение), а пока оно не может само по себе быть предписанием, могут быть другие предписания, необходимые для достижения мокши.

Если поступки стремящегося достичь состояния мокша или служителя не содержит в себе скромности или самоотверженности, то не может быть и самого стремления к мокше или служению. Служение без скромности есть эгоизм и самомнение.

В то время среди нас было около тринадцати тамилов. Пятеро тамильских юношей последовали за мной из Южной Африки, а остальные прибыли из разных уголков Индии. Всего нас было двадцать пять человек — мужчин и женщин.

Так был основан наш ашрам. Мы все ели за одним столом и старались жить единой семьей.

X

На наковальне

Ашрам существовал всего лишь несколько месяцев, когда нам пришлось выдержать испытание, какого я и не ожидал. Я получил от Амритлала Таккара следующее письмо: «Скромная и честная семья неприкасаемых хочет поселиться в вашем ашраме. Примете ли вы ее?»

Я был взволнован. Я не ожидал, что семья неприкасаемых да еще с рекомендацией такого человека, как Таккар Бапа, так скоро выразит желание попасть в ашрам. Я показал это письмо обитателям ашрама. Они благосклонно отнеслись к пожеланию неприкасаемых.

Я ответил Амритлалу Таккару, что мы согласны принять рекомендуемую им семью, если она будет подчиняться всем правилам ашрама.

Семья неприкасаемых состояла из Дадабхая, его жены Данибехн и их дочери Лакшми, только начавшей ходить. Дадабхай работал учителем в Бомбее. Они согласились подчиниться всем правилам и были приняты нами в ашрам.

Однако приезд неприкасаемых взбудоражил друзей, оказывавших помощь ашраму. Первая трудность возникла из-за пользования колодцем, в котором брали воду и для хозяина бунгало. Слуга его заявил, что вода, расплескивающаяся из нашего ведра, может осквернить его. Он всячески стал поносить нас и досаждать Дадабхаю. Я сказал, чтобы не обращали внимания на эти оскорбления и продолжали брать воду из колодца, чего бы это ни стоило. Когда он увидел, что мы никак не отвечаем на его ругательства, ему стало стыдно и он оставил нас в покое.

Нам перестали помогать деньгами. Приятель, спрашивавший меня, смогут ли неприкасаемые выполнять правила ашрама, не подозревал о возможности таких последствий.

Одновременно с прекращением денежной помощи появились слухи о возможном общественном бойкоте ашрама. Мы были готовы ко всему. Я заявил товарищам по ашраму, что мы не покинем Ахмадабада, даже если нас будут бойкотировать и лишат самого необходимого. Мы скорей перейдем в квартал неприкасаемых и будем жить на те средства, которые сумеем заработать физическим трудом.

Дело дошло до того, что в один прекрасный день Маганлал Ганди сообщил мне:

— Денег больше нет, и жить нам в следующем месяце не на что.

— Ну что ж, тогда переедем в квартал неприкасаемых, — спокойно ответил я.

Не впервые мне приходилось подвергаться подобному испытанию и всякий раз в самую последнюю минуту бог приходил нам на помощь. Однажды утром, вскоре после того как Маганлал предупредил меня о денежных затруднениях, кто-то из детей прибежал ко мне и сказал, что на улице в автомобиле меня ждет какой-то шет, который хочет поговорить со мной. Я вышел к нему.

— Я хотел бы оказать помощь ашраму, — сказал он. — Примете ли вы ее?

— Безусловно, — сказал я. — Признаюсь, что у нас как раз иссякли все средства.

— Буду здесь завтра в это же время. Застану ли я вас?

— Да, — ответил я, и он уехал.

На другой день точно в назначенный час к нам подъехал автомобиль и раздался гудок. Дети прибежали за мной. Шет отказался войти в дом. Я вышел к нему, и он, вручив мне 13 тысяч рупий в банкнотах, уехал.

Я никогда не ожидал такой помощи. И каким оригинальным способом она была оказана! Этот господин никогда раньше не бывал в ашраме. Насколько помню, я только раз видел этого человека. Не заглядывая к нам, без всяких расспросов он просто помог и уехал! Это был совершенно особый случай в моей практике. Оказанная помощь отсрочила наше переселение в квартал неприкасаемых. Мы были вполне обеспечены на целый год.

Но буря разразилась в самом ашраме. В Южной Африке мои друзья из неприкасаемых приходили ко мне, жили и ели со мной, однако здесь моей жене и другим женщинам, видимо, пришлось не по душе принятие неприкасаемых в ашрам.

Мои глаза и уши без труда отмечали холодное, если не недоброжелательное отношение к Данибехн. Денежные затруднения не причинили мне беспокойства, но этого я вынести не мог. Данибехн была самой обыкновенной женщиной. У Дадабхая образование было небольшое, но человек он был толковый. Я ценил его терпение. Иногда

он взрывался, но в целом я был доволен его выдержкой и просил не обращать внимания на мелкие обиды. Он не только согласился, но и убедил жену поступать так же.

Принятие семьи неприкасаемых явилось хорошим уроком для ашрама. С самого начала мы заявили во всеуслышание, что ашрам не поощряет неприкасаемости. Желавшие помогать ашраму таким образом получили от нас предостережение, и работа ашрама в этом направлении была значительно упрощена. То обстоятельство, что растущие с каждым днем расходы по ашраму покрывались пожертвованиями, поступавшими главным образом от правоверных индусов, с очевидностью указывает, что понятие неприкасаемости было подорвано в самой своей основе. Есть немало и других доказательств, но тот факт, что правоверные индусы, не колеблясь, помогали ашраму, где мы ели и пили вместе с неприкасаемыми, не меньшее подтверждение этому.

Сожалею, что вынужден опустить здесь ряд подробностей, касающихся этого и показывающих, как мы разрешали щекотливые вопросы, возникавшие из основной проблемы, и как преодолевали неожиданные затруднения. Опускаю немало других вопросов, весьма важных для описания моих исканий истины. То же самое придется делать и в следующих главах. Вынужден буду опустить важные подробности, так как большинство героев этой драмы еще живы и без их разрешения было бы нехорошо называть их имена в связи с событиями, участниками которых они являлись. Испрашивать же у них согласия или дать им просмотреть те главы, в которых о них говорится, вряд ли целесообразно. Да и вообще подобная процедура уже выходит за рамки работы над автобиографией. Опасаюсь поэтому, что вся последующая часть книги, при всей важности ее для ищущих истину, будет страдать многими неизбежными пробелами. Тем не менее, желаю и надеюсь, если на то будет божья воля, довести свое повествование до времен несотрудничества.

XI

Отмена системы контрактации рабочих

Покинем на время ашрам с его внутренними и внешними бурями и вкратце коснемся другого вопроса, который привлекал мое внимание. Законтрактованными назывались рабочие, эмигрировавшие из Индии для работы по контракту, заключенному на пять или менее лет. Хотя по так называемому соглашению Смэтс — Ганди, заключенному в 1914 году, налог в три фунта стерлингов, взимавшийся с каждого законтрактованного, прибывающего в Наталь, был отменен, проблема эмиграции из Индии все еще требовала особого внимания.

В марте 1916 года пандит Мадан Мохан Малавияджвинес в Индийский законодательный совет проект резолюции об отмене системы контрактации рабочих. В связи с этим предложением лорд Хардинг заявил, что он «получил от правительства его величества обещание со временем отменить» эту систему. Но я считал, что Индия не может удовлетвориться столь неопределенным заверением и что нужно начать пропагандистскую кампанию за немедленную отмену этой системы. До сих пор Индия терпела контрактацию только по нерадивости. Я считал, что настало время, когда народ с успехом может начать кампанию за устранение этого зла. Я повидался с рядом видных общественных деятелей, опубликовал несколько статей в газетах и убедился, что общественное мнение Индии всецело за немедленную отмену системы контрактации. Достаточно ли это веская причина для того, чтобы прибегнуть к сатьяграхе? Я не сомневался, что этого вполне достаточно, но не знал modus operandi.[18]

Тем временем вице-король разъяснил, что обещание «со временем отменить систему следует понимать в том смысле, что контрактация будет отменена по прошествии некоторого разумного срока, достаточного для введения взамен других мероприятий».

Итак, в феврале 1917 года пандит Малавияджи попросил разрешения внести законопроект о немедленном упразднении системы контрактации. Лорд Челмсфорд такого разрешения не дал. Тогда я решил предпринять поездку по всей стране, чтобы провести кампанию за отмену системы контрактации.

Предварительно я счел необходимым нанести визит лорду Челмсфорду и попросил его принять меня. Он сразу же дал согласие. М-р Маффи, ныне сэр Джон Маффи, был его личным секретарем. Я связался с ним, а затем имел удовлетворившую меня в известной мере беседу с лордом Челмсфордом, который обещал мае свою поддержку,

но в весьма неопределенной форме. Начал я свою поездку с Бомбея. М-р Джехангир Петит взялся созвать собрание от имени «Имперской ассоциации гражданства». Исполнительный комитет ассоциации созвал заседание для выработки резолюций, которые надлежало предложить на этом собрании. Д-р Стенли Рид, адвокат (теперь сэр) Лаллубхай Самалдас, адвокат Натараджан и м-р Петит присутствовали на заседании комитета. Дискуссия велась по вопросу о сроке, в течение которого правительство должно отменить систему контрактации рабочих. Было внесено три предложения: первое гласило — «отменить по возможности скорее», второе — «отменить не позднее 31 июля» и третье — «отменить немедленно». Лично я был за указание точной даты, ибо тогда мы могли решить, что предпринять, если правительство к указанному сроку не выполнит нашего требования. Адвокат Лаллубхай был за «немедленную» отмену. Он говорил, что «немедленно» означает более короткий срок, чем «до 31 июля». Я объяснил, что народу будет не совсем ясно, что понимать под словом «немедленно». Если мы хотим заставить народ сделать что-либо, надо назвать более определенный срок. И правительство, и народ будут истолковывать слово «немедленно» каждый по-своему. В отношении точной даты 31 июля не может быть различных толкований, и если ничего не будет сделано к этому времени, мы сможем принять новые меры. Д-р Рид признал мой довод убедительным, и в конце концов адвокат Лаллубхай также согласился со мной. Мы назначили дату 31 июля как крайний срок для упразднения системы контрактации. На массовом митинге была принята соответствующая резолюция. На митингах, прошедших по всей Индии, были приняты аналогичные решения.

М-с Джайджи Петит приложила все силы для того, чтобы организовать депутацию женщин к вице-королю. В число женщин от Бомбея, входивших в состав депутации, я включил леди Тата и ныне покойную Дилшад Бегам. Депутация оказала огромное влияние на дальнейший ход событий. Вице-король дал обнадеживающий ответ.

Я побывал в Карачи, Калькутте и других городах. Повсюду устраивались многолюдные митинги. Люди были охвачены беспредельным энтузиазмом. Начиная эту кампанию, я не ожидал такого результата.

В те времена я обычно ездил один и со мной часто случались удивительные происшествия. По пятам за мной всегда следовали агенты тайной полиции. Но скрывать мне было нечего, поэтому они меня обычно не беспокоили, и я не доставлял им никаких хлопот. К счастью, у меня тогда еще не было титула «махатмы», хотя там, где народ знал меня, употребление этого имени было обычным явлением.

Во время одной из поездок сыщики то и дело приставали ко мне на станциях, спрашивая билет и записывая его номер. Разумеется, я с готовностью отвечал на все их вопросы. Ехавшие со мной в одном вагоне пассажиры принимали меня за садху или за факира. Заметив, что мне не дают покоя почти на каждой станции, они возмутились и стали бранить сыщиков.

— Что вы понапрасну беспокоите бедного садху? — говорили они.

— Разве вы не показали этим негодяям своего билета? — спрашивали они меня.

Я мягко возразил:

— Мне не трудно показать билет лишний раз. Они ведь только исполняют свой долг.

Мой ответ не удовлетворил пассажиров, их симпатия ко мне росла, и они громко протестовали против такого несправедливого обращения со мной.

Но сыщики — это еще полбеды. Самой настоящей пыткой были мои поездки в вагонах третьего класса. Особенно тяжелой была поездка из Лахора в Дели. Я ехал тогда из Карачи в Калькутту через Лахор, где должен был сделать пересадку. Я не мог найти свободного места в поезде. Вагоны были переполнены. Тот, кто посильнее, кое-как пробирался в вагон через окошко, если двери были заперты. Я должен был быть в Калькутте к назначенному для митинга дню, и если бы я не попал на этот поезд, то не поспел бы вовремя. Я уже почти потерял надежду попасть на поезд. Как вдруг какой-то носильщик, заметив мое отчаяние, подошел ко мне и сказал:

— Дайте мне двенадцать ана, и я достану вам место.

— Хорошо, — сказал я. — Вы получите свои двенадцать ана, если найдете мне место.

Носильщик оббежал все вагоны, умоляя пассажиров хоть немного потесниться, но никто не обращал на него никакого внимания. В

самый последний момент, когда поезд уже должен был тронуться, кто-то из пассажиров сказал:

— Места здесь нет. Но, если хочешь, втисни его сюда. Разумеется, ему придется стоять.

— Ну как? — обратился ко мне носильщик.

Я охотно согласился, и носильщик втиснул меня через окно. Так я очутился в вагоне, а носильщик получил свои двенадцать ана.

Ночь была для меня пыткой. Все пассажиры кое-как уселись. Я же простоял два часа, держась за цепь верхней койке.

Некоторые пассажиры то и дело обращались ко мне:

— Почему вы не садитесь? — спрашивали они.

Я пытался объяснить им, что сесть некуда. Но они не могли спокойно относиться к тому, что я стою у них перед глазами, хотя сами лежали, растянувшись на верхних полках во весь РОСТ, и ни на минуту не оставляли меня в покое. Я лишь вежливо отвечал на их вопросы. В конце концов это их несколько смягчило. Кто-то спросил, как меня зовут. Услыхав мое имя, они устыдились и, извинившись, дали мне место. Таким образом, за свое терпение я был вознагражден. Я смертельно устал, голова у меня кружилась. Бог послал мне помощь как раз в тот момент, когда я больше всего нуждался в ней.

Кое-как добрался я до Дели, а затем и до Калькутты. Махараджа Кассимбазара, председательствовавший на митинге в Калькутте, оказал мне радушный прием. Так же, как и в Карачи, здесь наблюдался безграничный энтузиазм. На митинге присутствовали несколько англичан.

Еще до 31 июля правительство объявило, что выезд законтрактованных рабочих из Индии прекращен.

Первую петицию протеста против системы контрактации рабочих я представил в 1894 году и уже тогда надеялся, что эта система «полурабства», как ее называл сэр У. У. Хантер, когда-нибудь перестанет существовать.

Многие помогли мне во время кампании против системы контрактации, которая началась в 1894 году, но не могу не сказать, что развязку ускорила возможность сатьяграхи.

Более подробно о кампании и о тех, кто принимал участие в ней, можно прочитать в моей книге «Сатьяграха в Южной Африке».

XII

Пятно индиго

Чампаран — страна царя Джанаки. В этой местности теперь много рощ манго, а до 1917 года там было так же много плантаций индиго. По закону арендаторы в Чампаране обязаны были отводить под индиго по три из каждых двадцати участков арендуемой земли для своего землевладельца. Эта система называлась «тинкатия», так как три катха из двадцати, составляющих акр, отводились под индиго.

Должен признаться, что до того времени я никогда не слыхал даже названия «Чампаран», не говоря уже о том, что не знал, где он находится, и не имел почти никакого представления о плантациях индиго. Я видел тюки индиго, но никогда не думал, что индиго произрастает и изготовляется в Чампаране и что это продукт невероятно тяжелого труда десятков тысяч земледельцев.

Раджкумар Шукла был одним из земледельцев, стонавших под тяжестью этого ига. Он страстно желал смыть пятно индиго с тысяч крестьян, которые страдали так же, как и он. Я познакомился с этим человеком в Лакхнау, куда прибыл на сессию Конгресса в 1916 году.

— Вакилбабу расскажет вам о наших бедствиях, — сказал он и стал убеждать меня поехать в Чампаран. «Вакилбабу» был не кто иной, как бабу Браджкишор Прасад, который впоследствии стал одним из моих ближайших сотрудников в Чампаране, теперь же он был душой общественной деятельности в Бихаре. Раджкумар Шукла привел Прасада ко мне в палатку. На нем был черный ачкан из альпаги и брюки. Тогда Прасад не произвел на меня никакого впечатления. Я принял его за одного из вакилов, эксплуатирующих простых земледельцев. Поговорив с ним немного о Чампаране, я ответил, как всегда в подобных случаях:

— Пока не могу высказать никакого мнения: я должен лично ознакомиться с условиями. Можете внести соответствующую резолюцию в Конгресс, но пока я вам ничего не обещаю.

Раджкумар Шукла, конечно, ждал помощи от Конгресса. Бабу Браджкишор Прасад внес резолюцию, выражавшую сочувствие жителям Чампарана, которая была принята единогласно.

Раджкумар Шукла был доволен, но далеко не полностью удовлетворен: он хотел, чтобы я сам побывал в Чампаране и

собственными глазами убедился в бедственном положении тамошних крестьян. Я сказал ему, что включу Чампаран в планируемую мною поездку и пробуду там день два.

— Одного дня будет достаточно, — сказал он, — и вы все увидите собственными і лазами.

Из Лакхнау я отправился в Канпур. Раджкумар Шукла последовал за мною.

— Отсюда рукой подать до Чампарана. Пожалуйста, съездите туда на денек, — настаивал он.

— Извините меня, пожалуйста, на сей раз, — ответил я, все больше уступая ему. — Обещаю побывать там как-нибудь в другой раз.

Я вернулся в ашрам. Вездесущий Раджкумар был уже там.

— Умоляю вас, назначьте день, — снова обратился он ко мне.

— Хорошо, — сказал я, — мне нужно такого то числа быть в Калькутте. Заходите тогда ко мне и везите в Чампаран.

Я не представлял себе, куда должен буду ехать, что там делать и что смотреть.

Не успел я прибыть к Бупенрабу в Калькутту, как Раджкумар был уже там. Так этот невежественный, бесхитростный, но решительный земледелец покорил меня.

Итак, в начале 1917 года мы выехали из Калькутты в Чампаран. Оба мы по внешнему облику походили на крестьян, Я даже не знал, каким поездом надо ехать. Раджкумар посадил меня, и к утру мы приехали в Патну.

Я был впервые в этом городе и у меня не было там ни друзей, ни знакомых, у которых я мог бы остановиться. Я думал, что Раджкумар Шукла, хотя и простой земледелец, все ж имеет кое-какие связи в Патне. Но по дороге я узнал его несколько ближе, и когда мы приехали в Патну, я утратил относительно него всякие иллюзии: он был во всем совершеннейшим простаком. Вакилы, о которых он говорил, как о своих Друзьях, в действительности ничего общего с ним не имели.

Бедняга Раджкумар был для них чем-то вроде слуги. Между подобными клиентами земледельцами и их вакилами лежит пропасть шириной с Ганг во время половодья.

Раджкумар Шукла повел меня в дом Раджендрабабу в Патне. Оказалось, что Раджендрабабу отлучился в Пури или еще куда-то, забыл куда. В бунгало было двое слуг, но они не обратили на нас

никакого внимания. У меня с собой была кое-какая еда. Я хотел поесть фиников, которые Раджкумар купил для меня на базаре.

В Бихаре правила неприкасаемости соблюдались очень строго. Я не должен был брать воду из колодца, пока им пользовались слуги, так как капли воды, упавшие из моего ведра, могли осквернить их — ведь они не знали, к какой касте я принадлежу. Раджкумар показал мне уборную внутри, но слуги немедленно выпроводили меня во двор. Меня это не удивляло и не раздражало: я привык к таким вещам. Слуги выполняли лишь свой долг и делали то, что, как они полагали, мог потребовать от них хозяин.

Все это усилило мое уважение к Раджкумару Шукла, но вряд ли я узнал его лучше. Однако я понял, что Раджкумар не может быть моим руководителем, и решил взять бразды правления в свои руки.

XIII

Благородные бихарцы

С маулана Мазхарулом Хаком я познакомился в Лондоне, где он готовился к адвокатуре. В 1915 году я возобновил с ним знакомство на сессии Конгресса в Бомбее (он был тогда председателем Мусульманской лиги), и он попросил меня заехать к нему, если мне случится быть в Патне. Теперь я вспомнил об этом приглашении и послал ему записку, в которой указал цель своего приезда. Он тотчас приехал на своем автомобиле и стал настаивать, чтобы я остановился у него, Я поблагодарил его и попросил сказать мне, какой будет ближайший поезд к месту моего назначения, так как в железнодорожном путеводителе чужой в здешних местах человек разобраться не мог. Переговорив с Раджкумаром Шуклой, он предложил мне поехать сначала в Музаффарпур. Поезд отходил в тот же день вечером, и он отправил меня этим поездом. В Музаффарпуре жил тогда проф. Крипалани, о котором я слышал еще в Хайдарабаде. От д-ра Чойтрама я узнал о большой жертвенности Крипалани — о его простом образе жизни, об ашраме, которым руководил д-р Чойтрам на средства, полученные от Крипалани. Крипалани был преподавателем правительственного колледжа в Музаффарпуре и незадолго до нашего приезда подал в отставку. Я телеграфировал ему о своем приезде, и он пришел на вокзал встречать меня в сопровождении группы студентов,

хотя поезд прибыл около полуночи. У него не было собственной квартиры, и он отвез меня к проф. Малкани, у которого жил и сам. В те дни не каждый преподаватель, работавший в государственном учебном заведении, стал бы принимать у себя человека, подобного мне.

Проф. Крипалани ознакомил меня с отчаянным положением в Бихаре, особенно в округе Тирхут, и помог мне понять, какую трудную задачу взял я на себя. У него были некоторые связи с бихарцами, которым он уже рассказал о цели, приведшей меня в Бихар.

Утром ко мне пришли несколько человек вакилов. Среди них был и Рамнавми Прасад, который особенно понравился мне своей убежденностью.

— Вы не сможете выполнять работу, ради которой приехали, — обратился он ко мне, — если будете жить здесь (он имел в виду квартиру проф. Малкани). Вы должны поселиться у одного из нас. Гаябабу весьма популярный здесь вакил, и от его имени я приглашаю вас переехать к нему. Признаюсь, все мы боимся правительства, но, несмотря на это, будем оказывать вам посильную помощь. В том, что Раджкумар Шукла рассказал вам, много правды. Жаль только, что сегодня здесь нет ни одного из наших лидеров. Я телеграфировал уже им обоим — бабу Браджкишору Прасаду и бабу Раджендра Прасаду. Они скоро прибудут и сумеют дать вам все необходимые сведения, что значительно облегчит вашу задачу. Пожалуйста, переезжайте к Гаябабу.

Я не мог не внять его настояниям, хотя и боялся стеснить Гаябабу. Но последний успокоил меня, и я поселился у него. Все члены его семьи приняли меня весьма радушно.

Браджкишорбабу прибыл из Дарбханги, а Раджендрабабу — из Пурр. Браджкишорбабу был уже не тем бабу Браджкишором Прасадом, с которым я познакомился в Лакхнау. На сей раз он поразил меня своей скромностью, простотой, добротой и исключительно глубокой верой, столь присущей бихарцам. Мое сердце преисполнилось огромной радостью. Меня приятно удивило уважение к нему вакилов Бихара.

Вскоре я почувствовал, что подружился с этими людьми на всю жизнь. Браджкишорбабу ознакомил меня с положением в Бихаре. По обыкновению, он вел дела бедных арендаторов; сейчас у него было два таких дела. Выиграв подобное дело, он чувствовал удовлетворение от

сознания того, что делает что-то для бедняков. Конечно, от гонорара он не отказывался.

Адвокаты считают, что если они не будут брать денег у клиентов, то им будет не на что жить и они не смогут оказывать действенную помощь беднякам. Размеры гонораров у Вавилов и адвокатов в Бенгалии и Бихаре поразили меня.

— Мы дали такому то за консультацию 10 тысяч рупий, рассказывали мне.

Гонорар всегда был не меньше четырехзначной цифры.

Я мягко упрекнул их за это. Они выслушали меня и не стали спорить.

— Ознакомившись с делами, — сказал я, — я пришел к выводу, что нужно совершенно отказаться от обращения в суд. От этого толку мало. Там, где крестьянин так угнетен и запуган, суд бесполезен. Действительным облегчением для него будет избавление от страха. Мы не успокоимся до тех пор, пока не уничтожим тинкатия в Бихаре. Я предполагал уехать отсюда через два дня, но теперь вижу, что для выполнения этой работы необходимо два года. Я готов посвятить этому делу и два года, если потребуется. Я уже нащупал почву, но мне нужна будет ваша помощь.

Браджкишорбабу отнесся к моим словам совершенно спокойно.

— Мы готовы оказать вам любую посильную помощь, — тихо сказал он, — но скажите, пожалуйста, какого рода помощь нужна?

Мы обсуждали этот вопрос до полуночи.

— Ваши юридические познания мне мало понадобятся, — сказал я. — Мне нужны клерки и переводчики. Возможно, придется сесть в тюрьму. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы вы пошли на этот риск, но вы вольны поступать как вам угодно. Само по себе превращение вас в клерков и отказ от ваших профессиональных занятий на неопределенный срок уже большое дело. Я с трудом понимаю местный диалект хинди и не могу читать газеты ни на кайтхи, ни на урду. Мне хочется, чтобы вы делали переводы этих газет для меня. Мы не в состоянии оплачивать эту работу. Все это надо делать исключительно из любви и духа служения.

Браджкишорбабу сразу понял меня и стал в свою очередь расспрашивать меня и всех присутствующих, чтобы выяснить, как долго будет нужна их помощь, сколько человек потребуется, должны

ли будут все работать одновременно или по очереди, и т. п. Вакилов он спрашивал, на какие жертвы они готовы пойти.

Наконец они заверили меня:

— Столько-то человек будут делать все, что вы потребуете.

Некоторые будут работать с вами столько времени, сколько понадобится. Мысль о том, что надо быть готовым к тому, чтобы сесть в тюрьму, нечто новое для нас. Но мы постараемся привыкнуть к ней.

XIV

Лицом к лицу с ахимсой

Я поставил себе целью обследовать положение крестьян в Чампаране и вникнуть в их жалобы на хозяев плантаций индиго. Для этого мне необходимо было переговорить с тысячами крестьян. Предварительно я счел нужным узнать точку зрения плантаторов и повидаться с правительственным комиссаром округа. Я получил возможность встретиться и с теми, и с другим.

Секретарь ассоциации плантаторов без стеснения заявил мне, что я лицо постороннее и нечего мне вмешиваться в отношения между плантаторами и арендаторами. Если же у меня есть какие-нибудь предложения, я должен их представить в письменном виде. Я вежливо ответил, что не считаю себя посторонним и имею полное право обследовать положение арендаторов, если они того пожелают.

Комиссар округа, которому я нанес визит, пытался припугнуть меня и предложил немедленно покинуть Тирхут.

Я ознакомил своих товарищей по работе со всеми этими обстоятельствами и предупредил, что правительство, возможно, постарается помешать мне в моей деятельности и арестует меня раньше, чем я предполагаю. Далее я указал, что если мне предстоит арест, то будет лучше для дела, если арест произойдет в Мотихари или, пожалуй, в Беттиа. А потому целесообразнее, чтобы я поскорее перебрался в один из этих пунктов.

Чампаран — дистрикт в округе Тирхут, а Мотихари — его центр. Дом Раджкумара Шукла находился недалеко от Беттиа, а крестьяне — коти, арендовавшие землю в окрестностях, были самыми бедными в дистрикте. Раджкумар Шукла хотел, чтобы я побывал у них. Я также очень хотел этого.

В тот же день я отправился в Мотихари со своими спутниками. Дом бабу Горакха Прасада, где мы остановились, превратился в караван-сарай. Мы с трудом разместились в нем. В тот же день мы узнали, что в шести милях от Мотихари один из плантаторов жестоко обошелся со своим арендатором. Было решено, что на другой день я и бабу Дхаранидхар Прасад поедем к нему. Утром мы отправились на слоне к месту происшествия. Кстати, слон в Чампаране столь же обычное средство передвижения, как запряженная буйволами повозка в Гуджарате. Не проехали мы и половины пути, как нас нагнал курьер, посланный начальником полиции, и передал мне от него поклон. Я понял, что это означает. Предложив Дха Ранидхарбабу продолжать путь к месту назначения, я пересел в наемную коляску, на которой приехал курьер. Тогда он передал мне предписание покинуть Чампаран и доставил меня обратно. Когда же от меня потребовали расписку в получении предписания, я написал, что не согласен с этим требованием и не намерен уезжать из Чампарана, пока не закончу обследования. В ответ на это он вручил мне повестку, приглашавшую меня явиться на следующий день в суд в качестве обвиняемого в том, что я отказался подчиниться приказу выехать из Чампарана.

Всю ночь я писал письма и давал бабу Браджкишор Прасаду необходимые инструкции.

Весть о моей высылке и вызове в суд распространилась со сверхъестественной быстротой. Мне сообщили, что в Мотихари в этот день происходили невиданные доселе события. Дом и двор Горакхбабу были наводнены народом. К счастью, я ночью закончил все свои дела и мог разговаривать с людьми. Мои соратники оказали мне в этом большую услугу. Они руководили толпой, которая следовала за мною буквально по пятам.

Между должностными лицами — коллектором, судьей, начальником полиции — и мной установилось нечто вроде дружественных отношений. Я мог на законном основании протестовать против предъявленных мне требований. Вместо этого я принял должностных лиц и отнесся к ним вполне корректно. Они видели, что я совершенно не собираюсь оскорблять их лично, а хочу только оказать гражданское неповиновение их приказаниям. Поэтому они почувствовали облегчение и, вместо того, чтобы чинить мне препятствия, стали нам помогать поддерживать порядок. Однако

присутствие толп людей наглядно показывало чиновникам, что власть их поколеблена. На какой-то момент народ утратил всякий страх перед возможным наказанием и покорялся только силе любви, которую проявлял по отношению к ним их новый друг.

Нужно отметить, что в Чампаране меня никто не знал.

Крестьяне были поголовно неграмотны. Чампаран, расположенный к северу от Ганга, у подножия Гималаев, близ Непала, отрезан от остальной Индии. О Конгрессе в этих местах мало кто имел хоть малейшее представление. Даже те, кто слышал о Конгрессе, боялись не только участвовать в работе Конгресса, но даже говорить о нем. А теперь Конгресс и его члены ступили на их землю, хотя и не от имени Конгресса, но зато с гораздо более реальными задачами. Посоветовавшись со своими товарищами, я решил ничего не предпринимать от имени Конгресса. Нам нужна была работа, а не название, существо дела, а не видимость. Само же слово «Конгресс» было bete noire[19] для правительства и поддерживавших его плантаторов. Для них Конгресс был синонимом адвокатских пререканий, юридических уловок для нарушения закона, синонимом взрывов бомб и преступлений анархистов, лицемерия и хитрости. Нам нужно было рассеять эти ложные представления. Поэтому мы решили не упоминать вообще о Конгрессе и не знакомить крестьян с организацией под названием «Конгресс». Вполне достаточно, думали мы, если они осознают смысл существования Конгресса, они последуют его духу, а не букве.

Поэтому ни открыто, ни тайно мы не посылали эмиссаров от имени Конгресса, которые подготовили бы почву для нас. Один Раджкумар Шукла не мог снестись с тысячами крестьян. Никакой политической работы среди них не велось. Они понятия не имели, что происходило вне Чампарана, и все же приняли меня, как старого друга. Не будет преувеличением сказать, что при этой встрече с крестьянами я встретился лицом к лицу с богом, ахимсой и истиной.

Рассматривая мое звание «махатма» в этом смысле, я вижу в нем только мою любовь к людям. А это в свою очередь не что иное, как выражение моей непоколебимой веры в ахимсу.

Этот день в Чампаране — незабываемое событие в моей жизни. Он стал памятным и для крестьян и для меня.

По закону суду подлежал я, но на деле под судом оказалось правительство. В сети, уготованные для меня, комиссару округа удалось поймать только правительство.

XV

Дело прекращено

Суд начался. Государственный защитник, судья и остальные члены суда сидели как на иголках. Они были в замешательстве и не знали, что делать. Государственный защитник упрашивал судью отложить дело. Но я вмешался и попросил судью дела не откладывать, так как я признаю себя виновным в неподчинении приказу покинуть Чампаран. Я зачитал свое короткое заявление:

«С разрешения суда хочу сделать это краткое заявление, чтобы объяснить, почему я решился на такой серьезный шаг, как явное неподчинение предписанию, караемое по статье 144 уголовного кодекса. По моему скромному мнению, вопрос заключается в расхождении моих взглядов со взглядами местной администрации. Я приехал сюда с намерением служить человечеству и нации. Я поступил так в ответ на настоятельную просьбу приехать и помочь крестьянам, которые жалуются, что хозяева плантаций индиго плохо обращаются с ними. Я не мог оказать никакой реальной помощи, не изучив данного вопроса. Поэтому я и приехал, полагая, что смогу рассчитывать в этом деле на содействие властей и плантаторов. Других мотивов у меня не было, и не думаю, чтобы мой приезд мог в какой-то степени нарушить общественный порядок и повести к убийствам. У меня есть в этом отношении значительный опыт. Но власти рассудили иначе. Я вполне понимаю их затруднительное положение и признаю, что они могли действовать только на основании полученной ими информации. Моим первым порывом как уважающего законы гражданина было повиноваться сделанному мне предписанию. Но я не мог этого сделать, не совершив насилия над своим чувством долга по отношению к тем, ради кого я сюда приехал. Я чувствую, что могу служить им, только оставаясь среди них. Поэтому добровольно уехать я не могу. Попав в столь затруднительное положение, я решил возложить всю ответственность за свой отъезд на правительство. Я вполне сознаю, что человек, занимающий в общественной жизни

Индии положение, подобное моему, должен во всем служить примером остальным. Мое твердое убеждение заключается в том, что в той сложной обстановке, в которой мы сейчас живем, единственно правильным и честным поступком для уважающего себя человека — это действовать так, как я решил, т. е. беспрекословно подчиниться наказанию за неповиновение властям.

Я решился сделать это заявление не в надежде смягчить наказание, а чтобы показать, что я пренебрег предписанием не из-за отсутствия уважения к законной власти, а во имя подчинения высшему закону нашего бытия — голосу совести».

Никаких оснований для того, чтобы откладывать слушание I дела, больше не было, но так как судья и государственный защитник были застигнуты врасплох, дело все-таки отложили. Тем временем я подробно телеграфировал обо всем вицекоролю, своим друзьям в Патну, а также пандиту Мадану Мохану Малавия и другим.

Прежде чем я снова мог явиться в суд, чтобы заслушать вынесенный мне приговор, судья опубликовал предписание губернатора провинции прекратить возбужденное против меня дело. Одновременно коллектор сообщил мне, что я могу продолжать свое обследование и рассчитывать в своей деятельности на всяческую поддержку со стороны властей. Такого быстрого и благополучного исхода никто из нас не ожидал.

Я зашел к коллектору мру Хейкоку, видимо, честному и справедливому человеку. Он заявил, что я могу получить все необходимые документы и приходить к нему в любое время.

Таким образом, Индия получила первый наглядный урок гражданского неповиновения. Это событие обсуждалась и устно и в прессе, и мое обследование приобрело неожиданную популярность. Для обследования было крайне важно, чтобы власти оставались нейтральными. Вместе с тем оно не нуждалось в поддержке репортеров и газетных передовиц. В самом деле, положение в Чампаране было настолько щекотливым и сложным, что слишком резкая критика или сильно приукрашенные отчеты могли только повредить делу, за которое я взялся, Поэтому я написал письма редакторам главных газет с просьбой не посылать репортеров, обещая давать необходимую информацию для печати и держать их в курсе дела.

Я знал, что плантаторам не нравится отношение правительства к моему пребыванию в Чампаране. Понимал я также, что даже правительственным чиновникам, хотя они об этом и не говорили вслух, вряд ли могло понравиться решение правительства. Поэтому неточные или заведомо искаженные отчеты, по-видимому, еще больше озлобили бы и тех, и других, — и их гнев вместо того, чтобы обрушиться на меня, обрушился бы на запуганных и забитых крестьян, что в значительной степени затруднило бы мои поиски истины в данном вопросе.

Несмотря на принятые меры предосторожности, плантаторы развернули против меня бешеную кампанию. В печати стали появляться клеветнические сообщения о моих товарищах по работе и обо мне. Но моя крайняя осторожность и верность истине даже в мелочах обратили острие их меча против них самих.

Плантаторы не оставили камня на камне, набросившись на Браджкишорбабу. Но чем больше они клеветали, тем больше росло уважение к нему со стороны населения.

Наше положение было настолько щекотливым, что я не счел возможным приглашать лидеров из других провинций. Пандит Малавияджи заверил меня, что стоит мне лишь написать слово, и он тут же приедет. Но я не стал его беспокоить. Таким образом, мне удалось воспрепятствовать тому, чтобы борьба приняла политический характер. Время от времени я посылал отчеты всем лидерам и главным газетам не для публикации, а только для осведомления. Я понял, что даже в тех случаях, когда цель борьбы — политическая, но само дело — не политическое, придавать такому делу политическую окраску означало только повредить ему. И наоборот, если вести дело в его неполитических рамках, оно от этого только выиграет. Борьба в Чампаране показала, что бескорыстная служба народу на любом поприще рано или поздно оказывается полезной для страны и в политическом отношении.

XVI

Методы работы

Для того, чтобы дать полное представление об обследовании в Чампаране, потребовалось бы изложить историю чампаранского

райята, а это выходит за рамки книги. Обследование в Чампаране — смелые поиски истины и ахимсы, и из всего происшедшего со мной я рассказываю лишь о том, что заслуживает внимания с этой точки зрения. Интересующихся подробностями отсылаю к истории чампаранской сатьяграхи, написанной на хинди адвокатом Раджендра Прасадом. В настоящее время готовится, как мне говорили, английское издание этой книги.

Но вернемся к теме главы. Вести дальнейшую работу в деже Горакхбабу означало бы заставить беднягу покинуть свой дом. Между тем, жители Мотихари все еще боялись сдать нам помещение. Но в конце концов Браджкишорбабу удалось благодаря своей тактичности найти дом с довольно обширным двором, и мы переехали туда.

Вести работу без денег было немыслимо. Но до сих пор собирать средства на такого рода дела у самого населения было не принято. Браджкишорбабу и его друзья, в большинстве своем вакилы, добывали средства либо из собственного кармана, либо у своих друзей, если представлялся случай. Разве могли они просить денег у населения, когда они сами или друзья их имели возможность дать их нам? Мне это показалось убедительным, и я решил не принимать ни одного медяка от чампаранских райятов, так как это могло быть неправильно истолковано. Я решил также не обращаться за средствами для ведения этого обследования и ко всей стране в целом: это придало бы делу всеиндийский политический характер. Бомбейские друзья предложили мне 15 тысяч рупий, но я с благодарностью отказался. Я решил получить сколько возможно с помощью Браджкишорбабу от состоятельных бихарцев, живших вне Чампарана, и в случае, если потребуются еще деньги, обратиться к своему другу д-ру Мехте в Рангуне. Последний охотно согласился выслать столько, сколько понадобится. Словом, мы перестали беспокоиться. Да и вообще вряд ли требовались большие суммы, так как мы проводили жесточайшую экономию, отвечавшую нищете Чампарана. В результате оказалось, что нам действительно не потребовалась большая сумма. Помнится, мы истратили всего около трех тысяч рупий, сэкономив несколько сотен из собранной суммы. Необычный образ жизни моих новых соратников был первое время предметом постоянных насмешек. У каждого вакила был свой слуга, повар и отдельная кухня. Вакилы часто обедали далеко за полночь. Несмотря на то, что они сами

оплачивали свои расходы, их безалаберность тревожила меня, но так как мы сделались близкими друзьями, возможность превратного понимания друг друга была исключена, и они добродушно воспринимали мои подшучивания. В конце концов все согласились, что слуг следует отпустить, кухни объединить и соблюдать определенные часы приема пищи. Хотя не все были вегетарианцами, во избежание расходов на две кухни решено было иметь одну общую, вегетарианскую. Кроме того, мы сочли необходимым питаться лишь простыми блюдами.

Все это сильно уменьшило расходы и сэкономило массу времени и сил, которые нам были так необходимы. К нам приходили толпы крестьян с заявлениями. За ними следовала армия провожатых, заполнявших сад, двор и сам дом до отказа. Как ни старались мои товарищи по работе спасти меня от жаждущих получить даршан, это им часто не удавалось, и в установленные часы я вынужден был появляться и давать даршан. Пять семь добровольцев занимались только приемом заявлений, но, несмотря на это многие крестьяне уходили, так и не успев до вечера подать заявление. Нельзя сказать, чтобы каждое заявление представляло ценность, в сущности, многие из них являлись повторением одного и того же. Но, не приняв всех заявлений, нельзя было удовлетворить народ, и я ценил их интерес к делу.

Принимавшие заявления должны были соблюдать определенные правила. Все райяты подвергались тщательному перекрестному допросу. Тому, кто не выдерживал этой проверки, отвечали отказом. Это, правда, отнимало очень много времени, но зато полученные таким путем сведения можно было считать надежными.

При этих опросах неизменно присутствовал чиновник тайной полиции. Мы могли бы и не допускать его, но с самого начала решили не возражать против его присутствия, относиться к нему учтиво и сообщать ему все сведения. Для нас это было совершенно безопасно, наоборот, тот факт, что показания принимаются при чиновниках тайной полиции, придавал еще больше смелости крестьянам. С одной стороны, у крестьян мало-помалу исчезал чрезмерный страх перед тайной полицией, с другой — присутствие чиновников предупреждало всякие преувеличения в показаниях райятов: чиновник норовил запутать райятов, и те невольно становились осторожнее.

Мне не хотелось раздражать плантаторов, наоборот, мягкостью я надеялся перетянуть их на свою сторону. Поэтому я считал нужным вступать в перепалку с райятами и устраивать свидания с плантаторами, против которых выдвигались серьезные обвинения. Я передавал Ассоциации плантаторов жалобы райятов и одновременно знакомился с их точкой зрения по данному вопросу. Некоторые плантаторы меня возненавидели, другие относились безразлично и только немногие — благожелательно.

XVII

Соратники

Браджкишорбабу и Раджендрабабу — бесподобная пара. Они были так мне преданы, что ни одно мое начинание было бы невозможно без них. Их ученики или соратники — Шамбхубабу, Ануграхабабу, Дхаранибабу, Рамнавмибабу и другие вакилы также не разлучались с нами. Виндхьябабу и Джанакдхарибабу тоже иногда приходили помогать. Все они были бихарцы. Работа их заключалась главным образом в том, чтобы принимать заявления от райятов.

Проф. Крипалани тоже не мог не связать с нами свою судьбу. Хотя он родом из Синда, он был бихарцем больше, чем иной бихарец по рождению, знал лишь немногих работников, способных так, как Крипалани, применяться к обстановке провинции, в которой мы работали. Глядя на него, нельзя было даже и предположить, что он выходец из другой провинции. Он стал как бы моим главным привратником, взяв на себя мою охрану от добивавшихся даршана. Он выпроваживал их, прибегая к бесконечным шуткам и невинным угрозам. По вечерам он неизменно выступал в роли учителя, услаждая слух приятелей рассказами о своих исторических исследованиях и вселяя мужество в души даже самых робких.

Маулана Мазхарул Хак был одним из тех сотрудников, на помощь которых можно было рассчитывать всегда. Он взял себе за правило два три раза в месяц бывать у нас. Пышный образ жизни, который он тогда вел, резко отличался от его теперешней простой жизни. Его сотрудничество убедило нас, что он вполне наш, но на посторонних своей привычкой к роскоши он производил другое впечатление.

Лучше познакомившись с Бихаром, я пришел к убеждению, что, пока не будет налажено обучение крестьян, невозможно проводить никакой регулярной работы. Невежество райятов было потрясающим. Дети слонялись, бездельничая, или же работали от зари до зари за несколько медяков на плантациях индиго. В то время заработная плата мужчины не превышала десяти пайс, женщины — шести и подростка — трех пайс в день. Получавшего четыре ана в день считали счастливчиком.

Посоветовавшись с товарищами, я решил открыть в шести деревнях начальные школы. Мы условились с крестьянами, что они обеспечат учителям квартиру и стол, а мы позаботимся обо всем остальном. У крестьян, конечно, не было денег, но они могли доставлять продовольствие. Они выразили готовность предоставлять зерно и другие продукты.

Но где взять учителей? Вот сложная проблема. Вряд ли среди местных учителей нашлись бы такие, которые согласились бы работать без вознаграждения или получать только продуктами. Я всегда был против того, чтобы доверять детей обычным учителям, придавая значение не столько общеобразовательной подготовке учителей, сколько их моральным качествам.

Я опубликовал обращение, в котором приглашал на работу к нам учителей добровольцев. Обращение нашло благожелательный отклик. Адвокат Гангадхаррао Дешпанде прислал Бабасахиба Сомана и Пундалика. Шримати Авантикабай Гокхале приехала из Бомбея, а м-с Анандибай Вайшампаян — из Пуны. Кроме того, я послал в ашрам за Чхоталалом, Сурендранатхом и моим сыном Девадасом. Примерно в это же время соединили свою судьбу с моею Махадев Десаи и Нарахари Парикх со своими женами. Кастурбай тоже была вызвана для работы. Коллектив сложился очень сильный. Шримати Авантикабай и шримати Анандибай получили хорошее образование, но шримати Дурга Десаи и шримати Манибехн Парикх знали лишь гуджарати, а Кастурбай и того меньше. Могли ли эти женщины обучать детей на языке хинди?

Я объяснил всем приехавшим, что они должны обучать детей не столько грамматике, чтению, письму и арифметике, сколько чистоплотности и хорошему поведению. Кроме того, я убеждал, что нет такого большого, как они думают, различия между алфавитом гуджарати, хинди и маратхи и что — во всяком случае в начальных классах — преподавание начатков чтения и счета не представляет особых трудностей. В результате те группы, где преподавали женщины, оказались наиболее успевающими. По мере обогащения опытом они приобретали все больший интерес к работе и веру в нее. Школа Авантикабай стала образцовой. Всю свою душу и свои исключительные способности она отдавала работе. С помощью

женщин мы до некоторой степени смогли воздействовать на деревенских женщин.

Мне не хотелось ограничивать свою работу лишь организацией начального обучения. Деревни были в антисанитарном состоянии. Улицы полны грязи, источники и колодцы тоже в грязи и нечистотах, во дворах горы мусора. Надо было приучить к чистоте и взрослое население. Крестьяне страдали различными кожными заболеваниями. Поэтому мы решили провести посильную санитарную работу и вообще не оставлять без внимания ни одной стороны крестьянской жизни. Понадобились врачи. Я обратился к обществу «Слуги Индии» с просьбой послать к нам Дева, ныне покойного. Мы были большими друзьями, и он охотно предложил свои услуги на полгода. Учителя — мужчины и женщины — стали работать под его руководством.

Все они получили указания не заниматься жалобами на плантаторов и политическими вопросами. С жалобами население должно было обращаться ко мне. Никто не должен был выходить за рамки своих обязанностей. Друзья выполняли эти указания со скрупулезной точностью. Я не помню ни одного случая нарушения дисциплины.

XVIII

Дальнейшее проникновение в деревню

Каждую школу по возможности поручали совместному наблюдению одного мужчины и одной женщины, которые должны были оказывать медицинскую помощь и следить за санитарным состоянием школы. К женской части населения мы обращались только через женщин.

Медицинская помощь была самой простой. Добровольцы располагали только такими лекарствами, как касторовое масло, хинин и серная мазь. Если у пациента язык был обложен или он жаловался на запор, ему давали касторку; в случаях лихорадки — сперва касторку, а потом хинин; серная мазь применялась при ожогах и чесотке, причем больные места предварительно тщательно промывались. На дом лекарств никому не давали. В более серьезных случаях приглашали д-

ра Дева. Обычно он посещал каждую школу в определенные дни недели.

Многие воспользовались этой простой медицинской помощью. Такая постановка дела не должна казаться странной: тяжелые заболевания встречались редко, а для обычных случаев не требовалось помощи специалистов. А народ вполне удовлетворяло такое лечение.

Санитарная работа была очень трудной. Жители деревни ничего не умели делать сами. Крестьяне не имели обыкновения даже убирать за собой нечистоты. Но д-р Дев не падал духом. Он и добровольцы приложили все усилия, чтобы навести в деревне идеальный порядок и чистоту. Они подметали дороги и дворы, чистили колодцы, наполняли водоемы чистой водой. Д-р Дев и его друзья терпеливо убеждали крестьян также взяться за эту работу. В некоторых деревнях пристыженные крестьяне взялись за работу, в других они даже стали приводить в порядок дороги, чтобы я мог переезжать с места на место на автомобиле. Наравне с такими проявлениями энтузиазма были, разумеется, и примеры безразличного отношения к делу. Некоторые крестьяне открыто высказывали отвращение к этой работе.

Нелишне будет напомнить здесь об одном случае, о котором я не раз упоминал в своих выступлениях. Мы открыли школу в небольшой деревушке Бхитихарва. Как-то раз мне пришлось побывать в соседней деревне. Там я увидел грязно одетых женщин. Я попросил жену узнать, почему они не стирают одежды. Она поговорила с женщинами. Одна из крестьянок взяла ее за руку и привела в свою хижину.

— Посмотрите, — сказала она, — у меня нет ни сундука, ни ящика с другой одеждой. Надетое на мне сари — мое единственное платье. Как же я могу его стирать? Пусть махатмаджи даст мне другое сари, и тогда я обещаю ежедневно мыться и менять одежду.

Хижина эта была не исключением, а типичным явлением для многих деревень в Индии. У сельского населения в Индии, как правило, нет никакой мебели, а часто даже и смены одежды. У многих нет ничего, кроме тряпки, которой они прикрывают свой срам.

Сообщу еще об одном факте. В Чампаране было много бамбука и травы. Хижина, в которой помещалась школа в Бхитихарве, была построена из этих материалов. Кто-то — возможно, из числа слуг соседнего плантатора — однажды ночью поджег ее. Строить ее снова из бамбука и травы было бы неразумно. Школа эта находилась в

ведении адвоката Сомана и Кастурбай. Соман решил построить дома из пакка. Многих заразил его энтузиазм, и вскоре кирпичный дом был готов. Теперь можно было не опасаться, что дом сожгут.

Своими школами, санитарной и медицинской помощью добровольцы завоевали доверие и уважение деревенского населения и получили возможность оказывать на него благотворное влияние.

Но должен с сожалением отметить, что мои надежды сделать эту созидательную работу постоянной не осуществились. Добровольцы приехали на короткий срок, новых работников со стороны я привлечь не смог, не удалось привлечь и постоянных платных сотрудников из самого Бихара. Закончив дела в Чампаране, я должен был его покинуть, так как меня ждала работа в другом месте. Однако несколько месяцев, проведенных нами в Чампаране, произвели такой большой сдвиг, что следы его в той или иной форме можно видеть и сейчас.

XIX

Когда губернатор хороший

Одновременно с общественно полезной работой, описанной в предыдущих главах, подвигалась вперед и моя работа по сбору жалоб от райятов. Ко мне поступали тысячи заявлений, что не могло не произвести впечатления. С ростом числа райятов, приходивших с жалобами, росла и ярость плантаторов, которые пустили в ход все, чтобы помешать обследованию.

Однажды я получил от бихарского правительства письмо следующего содержания: «Ваше обследование длится слишком долго. Не пора ли положить ему конец, а вам уехать из Бихара?». Письмо было составлено в вежливой форме, но смысл его был именно таков.

В ответ я написал, что обследование далеко еще не завершено и что до тех пор, пока оно не повлечет за собой улучшения положения населения Бихара, я не намерен уезжать, и добавил, что прекращу обследование лишь тогда, когда правительство признает требования райятов справедливыми и удовлетворит их. Возможен и другой путь: признать, что дело райятов — prima facie[20] для официального обследования, которое должно быть проведено незамедлительно.

Губернатор провинции сэр Эдвард Гейт предложил мне повидаться с ним. Он выразил желание назначить комиссию для официального обследования и пригласил меня быть членом этой комиссии. Я осведомился об именах остальных членов и, посоветовавшись со своими сотрудниками, принял это приглашение с условием, что во время обследования я смогу совещаться со своими сотрудниками. А правительство должно признать, что, и будучи членом комиссии, я могу по-прежнему защищать райятов. Если же я сочту официальное обследование неудовлетворительным, за мной должно сохраниться право давать райятам советы и руководить их действиями. Сэр Эдвард Гейт признал мои условия справедливыми и объявил о начале обследования. Ныне покойный сэр Фрэнк Сдай был назначен председателем комиссии по обследованию.

Комиссия высказалась в пользу райятов и в своем отчете рекомендовала, чтобы плантаторы вернули часть поборов, признанных комиссией незаконными, и чтобы система тинкатия была отменена в законодательном порядке.

Сэру Эдварду Гейту принадлежит большая заслуга в составлении единогласно утвержденного членами комиссии отчета и проведении аграрного билля в соответствии с рекомендациями комиссии. Если бы он не занял такой твердой позиции и не действовал со свойственным ему большим тактом, отчет не приняли бы единогласно, а аграрный закон не был бы одобрен. Плантаторы обладали огромным влиянием. Они оказали бешеное противодействие законопроекту. Но сэр Эдвард Гейт оставался непреклонным до конца и выполнил рекомендации комиссии полностью.

Таким образом, система тинкатия, просуществовавшая около ста лет, была отменена, а с ее отменой пришел конец и господству плантаторов. Райяты, которые всегда были принижены, немного оправились, и ложное убеждение, что пятно индиго нельзя отмыть, рассеялось.

Я намеревался продолжать эту созидательную деятельность еще несколько лет: открывать школы и все глубже проникать в деревню. Почва для этого была подготовлена, но, как часто бывало и раньше, бог не допустил, чтобы мои планы осуществились. Судьба судила иначе, и я вынужден был начать новую работу в другом месте.

XX

Соприкосновение с рабочими

Когда я еще был занят в комиссии Эдварда Гейта, Моханлал Пандья и Шанкарлал Парикх сообщили мне письмом о неурожае в дистрикте Кхеда и просили взять на себя руководство крестьянами, которые не были в состоянии уплатить подати. Однако я не склонен был, не умел, да и не осмеливался давать советы, не проведя обследования на месте.

Одновременно с этим пришло письмо от шримати Анасуябехн о положении текстильщиков в Ахмадабаде. Заработная плата там была низкая, и рабочие давно добивались прибавки. Мне хотелось в меру своих способностей руководить их движением. Но я не был уверен, что смогу направлять это сравнительно небольшое дело издалека. Поэтому при первой же возможности я съездил в Ахмадабад. Я надеялся там быстро покончить с этими двумя делами и вернуться в Чампаран, чтобы следить за начатой там конструктивной деятельностью.

Но события развертывались не так быстро, как хотелось. Я не смог вернуться в Чампаран, и школы там стали закрываться одна за другой. Мои товарищи по работе и я построили много воздушных замков, и теперь они все рушились. Одним из таких воздушных замков, помимо школьной и медикосанитарной работы в деревне, оказалась работа по защите коров в Чампаране. Во время разъездов по стране я убедился, что защитой коров и пропагандой языка хинди занимаются исключительно марвари. Один приятель марвари приютил меня в дхармашала, когда я был в Беттиа. Другие местные марвари заинтересовали меня своей гошалой. Именно тогда у меня сложилось окончательное мнение относительно деятельности по защите коров, которого я придерживаюсь и поныне. По-моему, защита коров включает разведение скота, улучшение породы, человечное обращение с волами, создание образцовых молочных ферм и т. п. Мои приятели марвари обещали мне всячески содействовать в этом. Но мне пришлось уехать из Чампарана, и наш план остался невыполненным.

Гошала в Беттиа еще существует, но она не сделалась образцовой; в Чампаране волов по-прежнему заставляют работать сверх меры. Люди, именующие себя индусами, все так же жестоко обращаются с бедными животными и позорят тем самым свою религию.

Меня тяготит мысль, что это дело осталось невыполненным, и когда при посещении Чампарана мне приходится выслушивать мелкие упреки своих приятелей марвари и бихарцев, я с тяжелым чувством вспоминаю о планах, от которых вынужден был так внезапно отказаться. Просветительская работа в той или иной мере продолжается во многих местах. Но работа по защите коров не пустила глубоких корней и поэтому до сих пор не двигается в желательном направлении.

Пока вопрос о крестьянах Кхеды находился в стадии обсуждения, я занялся делами фабричных рабочих в Ахмадабаде.

Я оказался в весьма неудобном положении. Требования фабричных рабочих были обоснованными. Шримати Анасуябехн приходилось в данном случае бороться против собственного брата адвоката Амбалала Сарабхая, который вел дело от имени владельцев фабрики. Я находился с фабрикантами в дружественных отношениях, и это еще более затрудняло борьбу. Я предложил им передать спорный вопрос на арбитраж, но они отказались признать самый принцип арбитража.

Тогда я вынужден был посоветовать рабочим начать забастовку. Предварительно установив тесный контакт с рабочими и их руководителями, я разъяснил, при каких условиях забастовка может быть успешной:

1) никогда не прибегать к насилию;

2) никогда не задевать штрейкбрехеров;

3) ни в коем случае не полагаться на благотворительность;

4) оставаться стойкими, сколько бы ни продолжалась забастовка, и зарабатывать во время забастовки на хлеб каким-нибудь другим честным трудом.

Руководители забастовки поняли и приняли эти условия, а рабочие на общем собрании поклялись не приниматься за работу до тех пор, пока не будут удовлетворены все их требования или пока фабриканты не согласятся передать спорный вопрос на рассмотрение арбитража.

Именно во время этой забастовки я близко познакомился с адвокатами Валлабхаи Пателем и Шанкарлалом Банкером. Шримати Анасуябехн я хорошо знал и раньше.

Ежедневно мы устраивали митинги бастующих в тени под деревом на берегу Сабармати. Рабочие тысячами собирались на эти митинги, и в своих речах я напоминал им об их клятве, об их долге сохранять мир

и не терять чувства собственного достоинства. Рабочие ежедневно проходили мирными процессиями по улицам города с плакатами, на которых было начертано «эк тек» (соблюдай клятву).

Забастовка длилась двадцать один день. Время от времени я совещался с фабрикантами и упрашивал их отнестись справедливо к рабочим.

— У нас тоже есть своя клятва, — отвечали они в таких случаях. — Мы относимся к рабочим, как родители к детям… Допустимо ли здесь вмешательство третьих лиц? Ни о каком третейском суде не может быть и речи!

XXI

Картинка из жизни ашрама

Прежде чем описать дальнейший ход событий во время трудового конфликта, необходимо немного показать жизнь ашрама. В Чампаране я постоянно думал об ашраме и время от времени ненадолго приезжал туда.

В тот период ашрам находился в Кочрабе, небольшой деревушке около Ахмадабада. В деревушке вспыхнула чума, и я увидел в этом очевидную опасность для детей, живших в ашраме. Как бы тщательно ни соблюдались в ашраме правила чистоты и гигиены, уберечься от воздействия антисанитарного окружения было очень трудно. Мы не могли заставить население Кочраба соблюдать эти правила и не могли помочь им другим способом.

Нашей мечтой было основать ашрам где-нибудь подальше от города и деревни и все же не очень далеко от них. С этой целью мы решили тогда приобрести участок земли. Я понимал, что чума достаточно серьезная причина, чтобы покинуть Кочраб. Ахмадабадский купец Пунджабхай Хирачанд уже давно был тесно связан с ашрамом и часто оказывал нам бескорыстную помощь. Он хорошо знал положение дел в Ахмадабаде и вызвался подыскать для нас подходящий участок. В поисках такого участка мы с ним объездили все окрестности к северу и югу от Кочраба, и я попросил его найти участок тремя четырьмя милями севернее Кочраба. Он остановился на местечке, где мы живем и поныне. Особая привлекательность этого места заключалась для меня в его соседстве с

центральной тюрьмой Сабармати. Поскольку пребывание в тюрьме — обычный удел сатьяграхов, мне понравилось такое местоположение. Кроме того, я знал, что обычно для тюрем выбирается местность здоровая во всех отношениях.

Покупка совершилась в течение восьми дней. На участке не было ни построек, ни деревьев. Но его большое преимущество заключалось в близости реки и уединенности.

Мы решили, пока не будет построено постоянное здание, временно поселиться в палатках. Для кухни соорудили навес.

Население ашрама постепенно увеличивалось. Нас было уже более сорока мужчин, женщин и детей, пользовавшихся общей кухней. Идея о переселении принадлежала мне, а осуществление ее на практике было, как всегда, возложено на Маганлала.

Пока мы не построили постоянного здания, приходилось очень тяжело. Близился период дождей, за провизией надо было ходить в город, расположенный в четырех милях от ашрама. Пустырь вокруг кишел змеями, и жить в таких условиях с маленькими детьми было весьма рискованно. Общее правило гласило: змей не убивать; хотя должен признаться, что все мы и теперь не можем побороть чувство страха перед этими пресмыкающимися.

Правило не убивать ядовитых пресмыкающихся выполнялось и в Фениксе, и на ферме Толстого, и в Сабармати; причем каждый раз мы селились на пустырях, однако смертельных случаев от укусов змей у нас ни разу не было. В этом, как человек верующий, я ощущаю руку милосердного господа. Не надо придираться, говоря, что бог не может быть пристрастным и что у него нет времени вмешиваться в обыденные дела людей. У меня нет других слов для того, чтобы выразить существо дела, описать единообразные результаты моих опытов. Человеческий язык в состоянии лишь весьма несовершенно рассказывать о путях господних. Я сознаю, что они неописуемы и неисповедимы. Но если простой смертный осмеливается говорить о них, у него нет лучшего средства, чем собственная невнятная речь. Даже если считать предрассудком веру в то, что не случайными обстоятельствами, а милостью божией объясняется тот факт, что в течение двадцати пяти лет, несмотря на наш отказ от убийств, никому из нас не был причинен вред, я готов придерживаться этого предрассудка.

Во время забастовки фабричных рабочих в Ахмадабаде мы заложили основы ткацкой мастерской в ашраме, так как в то время жители ашрама занимались в основном ткачеством.

Прядение было еще недоступно нам.

XXII

Голодовка

В первые две недели рабочие проявляли большое мужество и сдержанность и ежедневно устраивали митинги. На митингах я напоминал им о клятве, и они в ответ кричали, что скорее умрут, чем нарушат слово.

Но постепенно стали появляться признаки упадка духа. Подобно тому как физическая слабость человека проявляется в раздражительности, так по мере ослабления забастовки отношение бастовавших, к штрейкбрехерам становилось все более угрожающим, и я начал опасаться какой-нибудь вспышки. На ежедневные митинги приходило все меньше народу, а на лицах присутствующих появились отчаяние и безнадежность. И вот однажды мне сообщили, что забастовщики начинают колебаться. Я очень встревожился и стал думать о том, как нужно поступить в сложившейся обстановке. Я уже имел некоторый опыт, так как принимал участие в грандиозной забастовке в Южной Африке, здесь же положение было иным. Рабочие дали клятву по моему предложению. Они повторяли ее ежедневно, и самая мысль, что они могут отказаться от нее, была для меня невыносима. Что скрывалось за этим — гордость или любовь к рабочим и страстная приверженность истине — кто знает?

Однажды утром на очередном митинге, на который я пришел, не зная, как поступить, я внезапно прозрел. Само собой с моих губ сорвалось:

— Я не притронусь к пище, если вы не сплотитесь и не будете продолжать борьбу до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение или пока вы сообща не покинете фабрик.

Рабочие были как громом поражены. По щекам Анасуябехн покатились слезы. Рабочие закричали:

— Не вы, а мы должны объявить голодовку. Будет чудовищно, если вы будете голодать из-за нас. Простите нас за нашу слабость, мы

останемся верны своей клятве до конца.

— Нет никакой необходимости, чтобы вы объявляли голодовку, — ответил я, — достаточно будет, если вы останетесь верными своей клятве. Вы знаете, что средств у нас нет, и мы не хотим продолжать забастовку за счет общественной благотворительности. Поэтому необходимо как-нибудь заработать себе на жизнь, тогда забастовка, как бы она ни затянулась, будет вам не страшна. Что же касается моей голодовки, то я прекращу ее лишь тогда, когда дело будет улажено.

Тем временем Валлабхаи пытался найти для забастовщиков какую-нибудь работу при муниципалитете, но надежды на успех было мало. Тогда Баганлал Ганди предложил нанять некоторых рабочих для того, чтобы носить песок на стройку школы ткачества в ашраме. Рабочие приветствовали такое предложение. Анасуябехн показала пример. Она первая поставила себе на голову корзину с песком из русла реки, а за ней потянулся бесконечный поток рабочих с корзинами на головах. На это зрелище стоило посмотреть. Рабочие почувствовали новый прилив энергии и пришли в таком количестве, что нам стало трудно выплачивать им заработную плату.

Моя голодовка, однако, имела и свою отрицательную сторону. Как уже говорилось в предыдущей главе, я был в тесных, дружественных отношениях с фабрикантами, поэтому объявленная мною голодовка не могла не отразиться и на их решении. Будучи сатьяграхом, я знал, что не должен оказывать на них никакого давления, прибегая к голодовке, а предоставить им возможность действовать под давлением лишь самих бастующих. Моя голодовка была начата не из-за фабрикантов, а из-за прегрешения рабочих, вину которых как их представитель я разделял. Фабрикантов я мог только просить, объявлять же голодовку означало прибегнуть к насилию. И все же, хотя я и знал, что моя голодовка окажет давление на фабрикантов, как это в действительности и произошло, я не мог не начать ее, считая это своим долгом.

Я сделал попытку успокоить фабрикантов.

— У вас нет никакой необходимости сдавать позиции, сказал я им.

Но они не только холодно отнеслись к моим словам, но даже позволили себе несколько саркастических замечаний, на что имели полное право.

Во главе фабрикантов стоял шет Амбалал. К забастовке он относился непримиримо. Его непреклонная воля и искренность были настолько поразительны, что я проникся к нему симпатией. Борьба против него доставляла мне удовольствие. Но давление, оказанное моей голодовкой на оппозицию, во главе которой он стоял, сильно меня взволновало. Кроме того, жена Амбалала Сарладеви привязалась ко мне, как к родному брату, и видеть ее страдания из-за меня было выше моих сил.

В первый день заодно со мной объявили голодовку Анасуябехн и еще несколько друзей и рабочих. Мне с трудом удалось убедить их отказаться от продолжения голодовки.

В результате всего этого возникла атмосфера доброжелательства. Сердца фабрикантов оттаяли, и они стали изыскивать возможности для соглашения. В доме Анасуябехн они собирались для обсуждения всех вопросов. В дело вмешался и адвокат Анандшанкар Дхрува, назначенный, в конце концов, арбитром, и забастовка была прекращена. Я соблюдал голодовку всего три дня. Фабриканты ознаменовали прекращение забастовки раздачей рабочим сладостей. Таким образом, соглашение было достигнуто на двадцать первый день забастовки.

На митинге, созванном в ознаменование соглашения, присутствовали фабриканты и правительственный комиссар. Вот что он посоветовал рабочим:

— Вы всегда должны поступать так, как вам советует м-р Ганди.

Вскоре мне вновь пришлось столкнуться с этим самым господином. Но обстоятельства изменились, и вместе с ними изменился и он сам. Теперь комиссар предупреждал патидаров Кхеды, чтобы они не следовали моим советам!

Должен отметить еще один инцидент, связанный с раздачей сладостей, столь же забавный, сколь и печальный. Фабриканты заказали сладости в очень большом количестве, и возникла проблема, как распределить их среди тысяч рабочих. Решено было сделать это на открытом воздухе, вблизи дерева, под которым рабочие дали клятву. Собирать такую огромную толпу в каком-нибудь другом месте было бы весьма неудобно.

Я считал само собой разумеющимся, что люди, сумевшие поддерживать в своих рядах дисциплину в течение трех недель,

сумеют соблюсти порядок и во время раздачи сладостей и не устроят из-за этого свалки. Но на поверку вышло, что все попытки спокойно раздать сладости провалились. Не прошло и нескольких минут, как стройные ряды рабочих смешались в одну кучу. Лидеры рабочих тщетно пытались восстановить порядок. Начались такая свалка и суматоха, что большую часть сладостей растоптали. В конце концов, пришлось отказаться от попытки раздать их на воздухе. С большим трудом удалось нам отнести все оставшееся в бунгало шета Амбалала в Мирзапуре. На другой день мы спокойно распределили сладости во дворе этого бунгало.

Комическая сторона инцидента очевидна, о печальной стороне следует сказать несколько слов. Расследование показало, что нищее население Ахмадабада, узнав о раздаче сладостей под деревом эктек, сбежалось туда толпами. Драка этих голодных людей из-за сладостей и создала беспорядок и смятение.

Нищета и голод в нашей стране таковы, что ежегодно все новые массы населения становятся нищими. Отчаянная борьба за хлеб лишает их всякого чувства приличия и самоуважения.

А филантропы, вместо того, чтобы обеспечить людей работой, которая даст им хлеб, швыряют им милостыню,

XXIII

Сатьяграха в Кхеде

У меня буквально не было времени вздохнуть. Не успела закончиться забастовка рабочих в Ахмадабаде, как я с головой ушел в сатьяграху в Кхеде.

Из-за повсеместного неурожая зерновых в дистрикте Кхеда ожидался голод. Патидары Кхеды хлопотали, чтобы их освободили на год от уплаты податей.

Адвокат Амритлал Таккар тщательно обследовал создавшееся положение на месте, составил отчет и лично побеседовал с правительственным комиссаром. После этого я смог дать земледельцам определенный совет. Адвокаты Моханлал Пандья и Шанкарлал Парикх также присоединились к этой борьбе и начали соответствующую кампанию в бомбейском законодательном совете через посредство адвокатов Витхалбхая Пателя и ныне покойного сэра

Гокулдаса Кахандаса Парекха. К губернатору было направлено в связи с этим несколько депутаций.

В то время я был председателем гуджаратской сабха. Сабха посылала правительству петиции и телеграммы и терпеливо сносила оскорбления и угрозы со стороны правительственного комиссара. Поведение правительственных чиновников в этом вопросе было столь смехотворным и недостойным, что теперь оно кажется почти неправдоподобным.

Требования земледельцев были ясны как день и настолько скромны, что нелепо было их оспаривать. Согласно положению о поземельном налоге, земледельцы имели право требовать прекращения уплаты всех податей на год, если урожай оценивался не выше четырех ана. По официальным данным, стоимость урожая превышала четыре ана, земледельцы же утверждали, что он ниже. Но правительство ничего и знать не хотело и требования крестьян об арбитраже рассматривало чуть ли не как lese majeste.[21] После того, как на все просьбы и петиции был получен отказ, я, посоветовавшись с моими товарищами, предложил патидарам прибегнуть к сатьяграхе.

Кроме добровольцев из Кхеды, главными моими соратниками в этой борьбе были адвокаты Валлабхаи Патель, Шаикарлал Банкер, шримати Анасуябехн, адвокаты Индулал Яджник, Махадев Десаи и другие. Ради участия в этой борьбе Валлабхаи оставил свою блестящую и перспективную адвокатскую практику, которую ему потом уже не удалось восстановить.

Главную квартиру мы устроили в надиадском анатхашраме, так как не нашли другого такого большого помещения, где мы все могли бы разместиться.

Участники сатьяграхи подписали следующее обязательство:

«Зная, что стоимость урожая в наших деревнях меньше четырех ана, мы просили правительство отложить сбор податей до следующего года, но правительство не вняло нашей просьбе.

Поэтому мы, нижеподписавшиеся, торжественно заявляем, что решили не платить правительству всех оставшихся в этом году податей. Правительство может принимать любые законные меры против нас, и мы готовы нести все последствия за свой отказ платить подати. Мы предпочтем, чтобы наши земли были конфискованы, чем, добровольно уплатив подати, позволим считать наше дело неправым и

тем самым лишимся самоуважения. Однако в случае, если правительство согласится отложить сбор второго взноса податей во всем дистрикте, то те из нас, кто в состоянии их платить, внесут всю сумму или остаток налога. Причина, по которой те, кто может платить, все же не платят сейчас, заключается в том, что если они уплатят, то бедняки райяты начнут в панике продавать свое имущество или влезут в долги, чтобы также уплатить подати, и вследствие этого сильно пострадают. Считаем, что в этих условиях в интересах бедняков все должны воздержаться от уплаты податей».

Не могу уделить больше места описанию нашей борьбы. Вынужден опустить здесь многое из приятных воспоминаний, связанных с ней. Тех же, кто хочет глубже и полнее ознакомиться с этой важной кампанией, отсылаю к достоверной истории сатьяграхи в Кхеде, написанной адвокатом Шанкарлалом Парикхом из Катхлала (Кхеда).

XXIV

«Похититель лука»

Чампаран — глухой уголок Индии. Пресса не была допущена к участию в развернувшейся там кампании, и туда никто не ездил. Что же касается событий в Кхеде, то тут дело обстояло иначе. В печати ежедневно появлялись сообщения обо всем, происходившем в Кхеде.

Гуджаратцы заинтересовались борьбой, которая для них была в новинку. Они выражали готовность предоставить любые средства для достижения успеха в этом деле. Им было трудно понять, что с помощью одних только денег сатьяграху не проведешь. В деньгах это движение нуждается меньше всего. Несмотря на все мои протесты, бомбейские купцы прислали нам гораздо больше денег, чем было необходимо, вследствие чего к концу кампании у нас даже осталась некоторая сумма.

Вместе с тем, добровольцы сатьяграхи получили новый урок простоты. Не могу сказать, усвоили ли они его полностью, но многие в значительной степени изменили свой образ жизни.

Борьба эта была новостью и для крестьян патидаров. Поэтому мы ходили по деревням и разъясняли принципы сатьяграхи.

Главное же заключалось в том, чтобы освободить земледельцев от страха, внушив им, что чиновники не хозяева, а слуги народа, поскольку они получают жалованье из кармана налогоплательщика. Казалось почти невозможным заставить их понять, как важно сочетать бесстрашие с вежливостью. Ведь если крестьянин перестанет бояться чиновника, то разве сможет он удержаться от того, чтобы не ответить оскорблением на оскорбление? Если же он позволит себе грубость, то испортит сатьяграху, как капля мышьяка портит молоко. Позднее я понял, что крестьяне в меньшей степени, чем я предполагал, постигли урок вежливости. Опыт научил меня, что вежливость наиболее слабое место в сатьяграхе. Ибо под вежливостью подразумевается не просто изысканность речи, выработанная для данного случая, а внутренняя кротость и желание добра противнику. Это должно проявляться в каждом поступке сатьяграха.

Первое время, несмотря на смелость, проявленную населением, правительство не склонно было принимать крутые меры. Но время шло, крестьяне держались стойко, и правительство начало прибегать к насилию. Чиновники по сбору податей стали продавать крестьянский скот и забирать всякое движимое имущество, попадавшееся под руку. Чиновники описывали вещи, а в некоторых случаях накладывали арест даже на урожай на корню. Все это обескураживало крестьян: некоторые райяты стали уплачивать подати, другие сами подсовывали чиновникам не очень нужные им вещи для описи, чтобы погасить тем самым задолженность. Но были и райяты, решившие бороться до конца.

Как раз в то время один из арендаторов адвоката Шанкарлала Парикха уплатил причитавшийся с него поземельный налог. Это вызвало всеобщее недоумение. Шанкарлал Парикх немедленно исправил ошибку своего арендатора, передав землю, за которую была уплачена подать, на благотворительные цели. Таким образом, он спас свою честь и в то же время подал прекрасный пример другим.

Чтобы завоевать сердца тех, кто был запуган, я предложил крестьянам под руководством Моханлала Пандья собрать лук с поля, на которое был наложен незаконный, по моему мнению, арест. Я не считал это актом гражданского неповиновения. Но если бы даже это и было неповиновением, я все равно предложил бы прибегнуть к этой мере, так как арест урожая на корню хотя и допускается законом,

несовместим с принципами морали и представляет собой, попросту говоря, грабеж. Поэтому долгом наших людей было собрать лук, невзирая на угрозу ареста.

Для людей это была хорошая возможность получить урок и узнать, что такое штраф или заключение в тюрьму, что явилось бы неизбежным следствием такого неповиновения. Адвокату Моханлалу Пандья это пришлось по душе. Он не мог примириться с мыслью, что кампания закончится спокойно, никто не пострадает за принципы сатьяграхи и не попадет в тюрьму. Он взялся собрать лук, и к нему присоединились семь восемь друзей.

Разумеется, правительство не могло допустить, чтобы они остались на свободе. Арест адвоката Моханлала и его товарищей вызвал взрыв возмущения среди крестьян. Если страх перед тюрьмой исчез, репрессии только возбуждают дух народа. В день, когда слушалось дело, толпы крестьян пришли к зданию суда. Моханлал Пандья и его друзья были приговорены к тюремному заключению на небольшой срок. Я считал, что приговор несправедлив, так как сбор лука нельзя было подвести под статью уголовного кодекса о краже. Но приговор не был обжалован, ибо мы держались политики — избегать судебных учреждений.

«Осужденные» проследовали в тюрьму в сопровождении огромной процессии. Адвокат Моханлал Пандья получил от крестьян почетное прозвище «дунгли чор» (похититель лука), которое сохранилось за ним и по сей день.

Об окончании сатьяграхи в Кхеде я расскажу в следующей главе.

XXV

Конец сатьяграхи в Кхеде

Кампания в Кхеде закончилась совершенно неожиданно. Было ясно, что население напрягает последние силы, и я колебался, стоит ли доводить до полного разорения тех, кто остался непреклонным. Я старался найти приемлемый для сатьяграха способ окончания борьбы. Выход нашелся совершенно неожиданно. Мамлатдар из талуки Надиада сообщил мне, что если более состоятельные патидары уплатят подати, беднякам предоставят отсрочку. Я потребовал письменного подтверждения и получил его. Но каждый мамлатдар

отвечал лишь за свою талуку, и я просил коллектора (он был ответствен за дистрикт в целом) подтвердить, что заявление мамлатдара действительно относится ко всему дистрикту. Он заверил меня, что распоряжение об отсрочке на условиях, о которых говорилось в письме мамлатдара, уже дано. Мне это было неизвестно, но если дело обстояло именно так, то взятое на себя крестьянами обязательство было выполнено. Мы добивались, как я говорил, чтобы плату внесли только состоятельные, — так что вполне можно было удовлетвориться этим распоряжением.

Тем не менее, такой конец не особенно порадовал меня. Тут не было милосердия, которым должна увенчиваться каждая кампания сатьяграхи. Коллектор действовал так, как будто не имел понятия о соглашении. Бедняки должны были получить отсрочку, но едва ли от этого кто-нибудь выиграл. Право определять, кто беден, принадлежало населению, но народ был не в состоянии воспользоваться им. Я был опечален, что у крестьян не нашлось сил воспользоваться этим правом. Несмотря на все это, конец кампании был отпразднован как триумф сатьяграхи. Однако я не испытал чувства удовлетворения, так как не было полного успеха.

Кампания сатьяграхи только тогда может считаться успешной, когда сатьяграхи выходят из нее более сильными и убежденными, чем в начале борьбы.

Кампания, однако, имела и косвенные положительные результаты. Плоды ее мы пожинаем и по сей день. Сатьяграха в Кхеде знаменует собой пробуждение крестьян Гуджарата, начало их настоящего политического воспитания.

Блестящая агитация д-ра Безант за самоуправление Индии, несомненно, затронула и крестьян, но только кампания в Кхеде побудила общественных деятелей интеллигентов войти в соприкосновение с действительной жизнью крестьян, научила отождествлять себя с крестьянами. Эти деятели нашли здесь достойное применение своим силам, и их готовность к самопожертвованию благодаря этому возросла. То, что Валлабхаи нашел себя в этой кампании, само по себе уже не малое достижение. Мы смогли особенно оценить это лишь в прошлом году во время борьбы с наводнением и во время сатьяграхи в Бардоли в этом году. Пульс общественной жизни Гуджарата стал более энергичным.

Крестьянин патидар раз навсегда осознал свою силу. Полученный урок навсегда запечатлелся в общественном сознании: спасение народа зависит от него самого, от его готовности страдать и жертвовать собой. Благодаря кампании в Кхеде движение сатьяграхи пустило глубокие корни в Гуджарате.

В то время как я не видел никаких оснований приходить в восторг по поводу прекращения сатьяграхи, крестьяне Кхеды буквально ликовали. Они знали, что достигнутые результаты соответствовали затраченным ими усилиям, и поняли, что они обрели верный способ добиться выполнения своих требований. Сознания этого было достаточно для оправдания их ликования.

Все же крестьяне Кхеды не вполне поняли внутреннее значение сатьяграхи. Они познали это позже, как увидим в следующих главах, на собственном горьком опыте.

XXVI

Стремление к единству

Когда началась кампания в Кхеде, в Европе все еще шла смертоносная война. Положение было весьма критическим, и вице-король пригласил различных лидеров в Дели на военную конференцию. Я также получил приглашение. Я уже упоминал о своих дружеских отношениях с вице-королем лордом Челмсфордом.

В ответ на приглашение я выехал в Дели У меня, однако, были некоторые возражения против участия в конференции, и одним из главных мотивов было отсутствие на ней таких лидеров, как братья Али. В то время они сидели в тюрьме. Я виделся с ними всего раза два, но слыхал о них очень много. Все очень хорошо отзывались об их работе и о проявленном ими мужестве. Я не был еще хорошо знаком с Хакимом Сахибом, но патрон Рудра и Динабандху Эндрюс весьма лестно отзывались о нем. С м-ром Шуайбом Куреши и м-ром Хваджа я встречался в Мусульманской лиге в Калькутте. Я познакомился также с д-ром Ансари и д-ром Абдур Рахманом, стараясь подружиться с добрыми мусульманами. Завязывая знакомства с лучшими и наиболее патриотически настроенными представителями мусульман, я надеялся постичь дух мусульманства и поэтому всегда охотно шел куда угодно, чтобы встретиться с ними.

Еще в Южной Африке мне стало совершенно ясно, что между мусульманами и индусами нет искренней дружбы. Я никогда не упускал случая устранить препятствия на пути к их единению. Однако не в моем характере было располагать кого-либо к себе лестью или ценой унижения собственного достоинства. Работа в Южной Африке убедила меня в том, что именно в вопросе индусско-мусульманского единства моя ахимса подвергнется самому серьезному испытанию и что в то же время вопрос этот представляет широкое поле для моих исканий в области ахимсы. Я и сейчас убежден в этом. Всю жизнь я ощущал, что бог подвергает меня испытаниям.

Вернувшись с такими убеждениями из Южной Африки, я постарался связаться с братьями Али. Но они попали в тюрьму еще до того, как у нас установились тесные дружеские отношения. Маулана Мухаммед Али, как только получил разрешение от своих тюремщиков,

стал писать мне длинные письма из Бетула и Чхиндвары. Я обращался за разрешением навестить братьев Али, но безуспешно.

После ареста братьев Али мои мусульманские друзья пригласили меня на сессию Мусульманской лиги в Калькутте. Меня попросили выступить, и я сказал несколько слов о том, что мусульмане должны приложить все усилия, чтобы освободить братьев Али. Некоторое время спустя те же друзья повезли меня в мусульманский колледж в Алигархе, где я призывал молодежь стать «факирами» в деле служения родине.

Затем я вступил в переписку с правительством по поводу освобождения братьев Али. В этой связи я изучил их взгляды и деятельность в вопросе о халифате и имел несколько бесед с друзьями мусульманами. Я знал, что истинным другом мусульман я стану только в том случае, если смогу оказать им посильную помощь в деле освобождения братьев Али и в справедливом решении вопроса о халифате. Я не мог судить о справедливости этого дела, но в требованиях мусульман не было ничего безнравственного. В религиозных воззрениях мы расходились.

Каждому кажется, что его религия — высшая. Если бы все придерживались одинаковых религиозных убеждений, в мире существовала бы только одна религия. Со временем я убедился, что мусульманские требования в вопросе о халифате не грешат против нравственных устоев. Даже британский премьер-министр признает их справедливыми. Поэтому я счел своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы добиться выполнения обещания премьер-министра. Обещание это было дано в столь ясных выражениях, что изучением требований мусульман я занялся лишь для успокоения совести.

Друзья часто критиковали меня за мое отношение к вопросу о халифате. Но, несмотря на это я считаю, что мне нет надобности ни пересматривать свою позицию, ни сожалеть о сотрудничестве с мусульманами. Если возникнет снова подобная ситуация, я буду действовать так же.

Отправляясь в Дели, я твердо решил переговорить с вице-королем о мусульманах. Вопрос о халифате тогда еще не вылился в те формы, какие он принял позднее.

В Дели возникло новое затруднение для моего участия в конференции. Динабандху Эндрюс поднял вопрос о моральной

стороне моего участия в военной конференции. Он рассказал мне о разноречивых сообщениях, появившихся в английской прессе относительно тайных договоров между Англией и Италией. Можно ли мне участвовать в конференции, если Англия заключает тайные договоры с другой европейской державой? — спрашивал мистер Эндрюс. Я ничего не знал об этом, но слов Динабандху Эндрюса было вполне достаточно. Я обратился к лорду Челмсфорду с письмом, в котором разъяснял причину своих колебаний относительно участия в конференции. Вице-король пригласил меня, чтобы обсудить этот вопрос. Я долго беседовал с ним и его личным секретарем м-ром Маффи. В конце концов, я согласился принять участие в конференции.

Вице-король выдвинул следующий довод:

— Вы, я полагаю, не думаете, что вице-король Индии в курсе всего, что предпринимает британский кабинет министров? Я не думаю, да и никто не думает, что британское правительство непогрешимо. Но если вы согласны с тем, что империя в целом является поборницей добра и что Индия, в общем, выиграла от связи с Англией, то не считаете ли вы, что обязанностью каждого индийского гражданина является оказание помощи империи в трудный час? Я сам читал в английских газетах о тайных договорах. Смею вас уверить, что знаю не более того, что сообщалось в газетах. Вы же, конечно, имеете представление об «утках», которых так много появляется в печати. Неужели, лишь основываясь на газетной заметке, вы откажетесь помочь империи в такой критический момент? По окончании войны можете предъявить какие угодно моральные требования и бросить нам любой вызов, но, пожалуйста, после войны, а не теперь.

Аргумент этот не был новым. Мне же он показался новым благодаря форме и обстоятельствам, при которых был изложен, и я согласился принять участие в конференции. Что касается требований мусульман, то о них я решил написать вице-королю.

XXVII

Вербовочная кампания

Итак, я принял участие в конференции. Вице-король считал весьма важным, чтобы я высказался в поддержку резолюции о вербовке. Я попросил разрешения говорить на хиндихиндустани. Вице-король согласился, но предложил, чтобы я говорил также и по-английски. Но я не собирался произносить речь.

Я произнес всего одну фразу:

— С полным сознанием своей ответственности я прошу поддержать эту резолюцию.

Со всех сторон на меня посыпались поздравления по случаю того, что я выступил на хиндустани. Это был, говорили мне, первый случай, когда на подобном заседании говорили на хиндустани. Поздравления эти, равно как и открытие, что я первым говорил в присутствии вице-короля на хиндустани, больно задели мою национальную гордость. Я весь ушел в себя. Какая трагедия для страны, что ее язык объявлен «табу» на заседаниях, происходящих в этой же стране, в работе, имеющей непосредственное отношение к этой стране, и что речь, произнесенная на хиндустани случайным лицом вроде меня, может даже вызвать поздравления! Подобные инциденты лишь свидетельствуют о том, до какого положения мы низведены.

Единственная фраза, которую я произнес на конференции, имела для меня большое значение. Я не мог забыть ни самой конференции, ни резолюции, которую поддержал. Будучи в Дели, я должен был сделать еще одно дело — написать вице-королю письмо. Это было для меня не так просто. Я понимал, что в интересах правительства и народа обязан объяснить, как и почему я принял участие в конференции, и четко изложить, чего народ ждет от правительства.

В письме я выразил сожаление, что на конференции отсутствовали такие лидеры, как Локаманья Тилак и братья Али, затем изложил минимальные политические требования народа, а также требования мусульман в связи с положением, создавшимся во время войны. Я попросил разрешения опубликовать это письмо, и вице-король охотно дал свое согласие.

Письмо надо было отправить в Симлу, куда вице-король уехал тотчас после конференции. Для меня письмо это имело большое значение, а отправка его по почте затянула бы дело. Я хотел сэкономить время, и в то же время мне не хотелось пользоваться случайной оказией. Нужен был человек с чистой душой, который доставил бы письмо в резиденцию вице-короля и лично вручил бы его. Динабандху Эндрюс и патрон Рудра рекомендовали мне пастора Айрленда из Кембриджской миссии. Он согласился доставить письмо при условии, что ему разрешат прочесть его и оно покажется ему справедливым. У меня не было возражений, поскольку письмо не носило личного характера. Он прочел, письмо ему понравилось, и он согласился доставить его. Я предложил деньги на билет во втором классе, но он отказался, так как привык путешествовать в общем вагоне. Так он и сделал, хотя ехать надо было целую ночь. Его простота, прямодушие и откровенность покорили меня.

И письмо, доставленное чистосердечным человеком, принесло, как я и думал, желаемые результаты. Оно успокоило меня и прояснило мне дальнейший путь.

Вот текст моего письма вице-королю:

«Как вам известно, после долгих размышлений я вынужден был сообщить Вашему Превосходительству, что не смогу участвовать в работе конференции по мотивам, изложенным в письме от 26 апреля. Однако после аудиенции, которой вы меня удостоили, я решил принять участие в ней хотя бы из глубокого уважения к вам. Одной и, пожалуй, основной причиной моего отказа от участия в конференции было то, что Локаманья Тилак, м-с Безант и братья Али, которых я считаю одними из наиболее влиятельных руководителей общественного мнения, не были приглашены на конференцию. Я по-прежнему считаю, что это было грубейшей ошибкой, и со всем почтением к вам полагаю, что ошибку эту можно исправить, пригласив этих лидеров для содействия правительству своими советами на провинциальных конференциях, которые, я думаю, будут созваны. Осмелюсь заметить, никакое правительство не может позволить себе игнорировать таких лидеров, которые представляют широкие народные массы как в данном случае, даже если их взгляды будут совершенно иными. Вместе с тем я рад, что могу заявить, что в комиссиях конференции

все партии имели возможность свободно выражать свои взгляды. Что касается меня, то я намеренно воздерживался от выступлений на заседаниях комиссии, членом которой имею честь состоять, так же как и на самой конференции. Я считаю, что могу лучше содействовать успеху конференции одной лишь поддержкой соответствующих резолюций, что и сделал без всяких оговорок. Надеюсь вскоре претворить произнесенные мною слова в дело, как только правительство найдет возможным осуществить, предложения, которые при сем прилагаю в отдельном письме.

Считаю, что в час опасности мы должны, как было решено, оказать безоговорочную, идущую от всего сердца, поддержку империи, от которой мы ждем, что станем ее партнерами так же, как ее заморские доминионы. Совершенно ясно, что эта готовность вызвана надеждой осуществить нашу цель в ближайшем будущем. Поэтому, хотя бы выполнение долга и давало автоматически соответствующие права, народ имеет право верить, что реформы, о которых вы говорили в своей речи, воплотят в себе основные общие принципы программы Конгресса и Лиги. Не сомневаюсь, что именно эта вера дала возможность многим участникам конференции предложить правительству свое чистосердечное сотрудничество.

Если бы я мог заставить своих соотечественников вернуться назад, то убедил бы их снять все резолюции Конгресса и не нашептывать слова «самоуправление» или «ответственное правительство», пока идет война. Я заставил бы Индию в критический для империи момент пожертвовать для нее всеми своими сыновьями, годными к военной службе. Уверен, что благодаря такому поступку Индия стала бы самым любимым членом империи и расовые различия отошли бы в прошлое. Но интеллигенция Индии решила идти менее действенным путем, и нельзя сказать, что она не оказывает никакого влияния на массы. Возвратившись в Индию из Южной Африки, я установил самый тесный контакт с индийскими крестьянами и могу заверить вас, что желание добиться самоуправления глубоко укоренилось в их сердцах. Я присутствовал на последней сессии Конгресса и голосовал за резолюцию о предоставлении Британской Индии полностью ответственного правительства на период, который будет окончательно определен парламентским законодательным актом.

Возможно, что это смелый шаг, но я уверен, что индийский народ удовлетворится только гарантией того, что он получит самоуправление в самый кратчайший срок. Я знаю, в Индии многие считают, что для достижения этой цели можно пойти на любые жертвы. Индийцы достаточно сознательны, чтобы Понять, что они должны также быть готовы пожертвовать собой ради империи, в которой они желают и надеются обрести свой окончательный статус. Из этого следует, что мы только ускорим наше продвижение к цели, молчаливо и просто посвятив себя делу освобождения империи от грозящей ей опасности. Не признавать такую простейшую истину равносильно национальному самоубийству. Мы должны понять, что, служа делу спасения империи, тем самым обеспечиваем себе самоуправление.

Поэтому мне совершенно ясно, что мы должны дать для защиты империи всех годных людей. Но боюсь, что не могу сказать того же в отношении финансовой помощи. Мои откровенные беседы с крестьянами убедили меня, что Индия уже дала в имперскую казну больше, чем могла. Делая такое заявление, я выражаю мнение большинства своих соотечественников.

Конференция означает для меня и, я верю, для большинства определенный шаг на пути посвящения наших жизней общему делу, но наше положение особое. В настоящее время мы не являемся равноправными членами империи. Мы посвящаем себя ей, основываясь на надежде на лучшее будущее. Было бы неискренностью по отношению к вам и своей стране не сказать ясно и чистосердечно, что это за надежда. Я не ставлю никаких условий для ее осуществления, но вам следует понять, что утрата надежды означает разочарование.

И еще одно, о чем я не хочу умолчать. Вы обратились к нам с призывом забыть о внутренних раздорах. Если это обращение предполагает нашу терпимость в отношении тирании и злоупотреблений чиновников, то здесь я бессилен. Всеми силами я буду оказывать великое противодействие организованной тирании. Призывать нужно чиновников, чтобы они не обходились плохо ни с кем, прислушивались к общественному мнению и уважали его, как никогда раньше. В Чампаране своим противодействием вековой тирании я показал, что есть пределы и британской власти. В Кеде

крестьяне, проклинавшие правительство, теперь понимают, что они, а не правительство, являются силой, когда они готовы страдать во имя справедливости. Говоря себе, что правительство должно быть правительством для народа, население допускает организованное и почтительное неповиновение там, где имеет место несправедливость. Поэтому моя деятельность в Чампаране и Кхеде — это мой непосредственный, определенный и особый вклад в войну. Просить меня прекратить деятельность в этом направлении было бы равносильно просьбе о прекращении жизни. Если бы я мог популяризовать использование душевной силы (а она представляет собой не что иное, как силу любви) вместо грубой силы, я знаю, что я подарил бы вам Индию, которая могла бы оказать открытое неповиновение всему миру. Поэтому я буду постоянно стремиться к тому, чтобы моя жизнь стала выражением вечного закона страдания, а те, кто желает, могли бы следовать моему примеру. Какой бы деятельностью я ни занимался, основным побуждением для нее будет показать несравненное превосходство этого закона.

И, наконец, мне хотелось бы, чтобы вы попросили министров Его Величества дать твердую гарантию в отношении мусульманских государств. Я уверен, что вы знаете, как глубоко заинтересован в этом каждый мусульманин. И хотя я индус, я не могу относиться безразлично к их делу. Их горести должны стать нашими горестями. Безопасность империи коренится в честном уважении прав этих государств и преданности мусульман своим святым местам, а также в своевременном и справедливом удовлетворении требований Индии — предоставить ей самоуправление. Я пишу об этом потому, что люблю английский народ и хочу пробудить в каждом индийце чувство лояльности по отношению к англичанам».

Вторым моим обязательством была вербовка рекрутов. Где, кроме Кхеды, мог я начать это дело и кого пригласить в качестве первых рекрутов, как не своих сотрудников? Сразу же по приезде в Надиад я устроил совещание с Валлабхаи и другими друзьями. Некоторым из них нелегко было принять мое предложение. У тех же, кому оно понравилось, были сомнения относительно успеха вербовки. Между правительством и классами населения, к которым я намеревался обратиться, не было взаимной симпатии; в памяти людей еще было

свежо все, что им пришлось вынести от правительственных чиновников.

И все же друзья высказывались за то, чтобы начать работу, Но когда я приступил к ней, глаза мои открылись. Моему оптимизму был нанесен тяжелый удар. Во время кампании за отказ от уплаты податей население с готовностью и безвозмездно предоставляло нам повозки; и когда нужен был один доброволец, являлись двое. Теперь же стало трудно получить повозку даже за деньги, а о добровольцах уж и говорить не приходится.

Однако мы не унывали, когда не было повозок, ходили пешком, делая порою по двадцать миль в день Еще труднее было рассчитывать на получение продовольствия. Просить продукты было неудобно, и мы решили, что каждый будет носить продовольствие с собой в сумке. Стояло лето, и поэтому в палатках и постелях необходимости не было.

Всюду, куда мы приходили, устраивались митинги. Народ сходился, но рекрутов набиралось не больше одного двух. — Как можете вы, последователь ахимсы, предлагать нам взяться за оружие?

— Что хорошего сделало правительство для Индии, чтобы заслужить наше сотрудничество?

Подобные вопросы задавались нам постоянно.

И все же наше упорство побеждало. Имея уже целый список завербованных, мы рассчитывали, что приток добровольцев станет постоянным. Я уже начал переговоры с комиссаром относительно размещения рекрутов.

Комиссары всех округов, по примеру Дели, созывали у себя военные конференции. На одну из таких конференций в Гуджарате пригласили и меня с моими соратниками. Мы пришли, но я понимал, что это место еще менее подходящее, чем Дели. Я чувствовал себя плохо в этой атмосфере раболепия. Мне пришлось говорить на конференции о довольно неприятных для чиновников вещах.

Я выпускал листовки с призывом к населению записываться в рекруты. Один из моих аргументов был не особенно приятен комиссару: «Из всех злодеяний британского владычества в Индии история сочтет наиболее тяжким закон, лишающий весь народ права носить оружие. Если мы хотим, чтобы этот закон был отменен, если хотим научиться владеть оружием, то нам представляется блестящая возможность. Если средние слои населения добровольно окажут

правительству помощь в час испытания, его недоверие исчезнет и запрещение носить оружие будет снято». Комиссар заявил, что ценит мое присутствие на конференции, несмотря на существующие между нами разногласия. И мне пришлось защищать свою точку зрения в самых учтивых выражениях.

XXVIII

На пороге смерти

За время вербовочной кампании я почти совсем подорвал свое здоровье. В основном я питался арахисовым маслом и лимонами. Зная, что употреблять в большом количестве масло вредно, я все-таки не ограничивал себя и заболел дизентерией в легкой форме, но не обратил на свою болезнь достаточного внимания и вечером поехал в ашрам, что я делал время от времени. Лекарств я тогда почти не принимал, полагая, что, пропустив один завтрак, почувствую себя хорошо. Действительно, это немного помогло. Однако я знал, что для того, чтобы вполне поправиться, необходимо продолжить пост и не употреблять в пищу ничего, кроме фруктовых соков.

День был праздничным, и хотя я сказал Кастурбай, что в полдень ничего есть не буду, она выступила в роли искусительницы, и я не устоял. Поскольку я дал обет не пить молока и не есть молочных продуктов, она специально для меня приготовила сладкую пшеничную кашу не с гхи, а с растительным маслом, а также приберегла для меня полную чашу мунга. Все это я очень любил и охотно принялся за еду, полагая, что не будет большой беды, если я поем совсем немного, только чтобы не огорчать Кастурбай и слегка усладить свой вкус. Но дьявол словно только и ждал благоприятного случая. Вместо того, чтобы съесть чуть-чуть, я наелся до отвала. Этого было вполне достаточно, чтобы прилетел ангел смерти. Через час у меня начался острый приступ дизентерии.

Вечером того же дня мне предстояло вернуться в Надиад. Я едва доплелся до станции Сабармати, находившейся в одной — двух милях от дома. Адвокат Валлабхаи, присоединившийся ко мне в Ахмадабаде, видел, что я нездоров. Но я старался скрыть от него невыносимые боли.

Мы приехали в Надиад примерно в десять часов. Индусский анатхашрам, где помещалась наша штаб-квартира, находился всего в полумиле от станции, но эта полумиля показалась мне длиною в десять. Кое-как дотащился я до штаб-квартиры. А рези в животе все усиливались. Вместо того чтобы воспользоваться обычной уборной, находившейся на значительном расстоянии от дома, я попросил поставить судно в прихожей. Было стыдно просить об этом, но выхода не было. Адвокат Фульчанд тотчас раздобыл судно. Друзья, глубоко встревоженные, окружили меня. Они всячески старались мне помочь, но не могли облегчить мои боли. Их беспомощность усиливалась моим упрямством. Я отказался от всякой медицинской помощи и не желал принимать лекарств, предпочитая страдать, чтобы наказать себя за глупость. Они в ужасе следили за мной. Мой желудок действовал, должно быть, по тридцать сорок раз в сутки. Я не принимал никакой пищи, а вначале не пил даже фруктового сока. Аппетит совершенно пропал. Я всегда считал, что у меня железное здоровье, но теперь почувствовал, что тело мое стало рыхлой глыбой. Организм утратил всякую способность к сопротивлению. Пришел д-р Кануга и попросил меня принять лекарство — я отказался. Тогда он предложил сделать мне подкожную инъекцию, но и от этого я отказался. Мое невежество в то время относительно инъекций было просто смехотворным. Я считал, что препарат для введения под кожу — это какая-то сыворотка. Позднее я узнал, что доктор хотел ввести мне растительный состав, но я обнаружил это слишком поздно. Дизентерия совершенно вымотала меня. Начались лихорадка и бред. Друзья нервничали все больше, вызывая новых и новых врачей. Но что могли сделать врачи с пациентом, который не желал выполнять их предписания?

В Надиад приехал шет Амбалал со своей доброй женой. Посоветовавшись с моими товарищами по работе, он с величайшими предосторожностями доставил меня в свое мирзапурское бунгало в Ахмадабаде. Вряд ли когда-нибудь на чью-либо долю выпадало столько любви и бескорыстного внимания, сколько уделили мне друзья во время этой болезни. Но лихорадка продолжалась, и я слабел с каждым днем. Я чувствовал, что болезнь будет продолжительной и возможен роковой исход. Несмотря на любовь и внимание, которыми я был окружен в доме Амбалала, я начал нервничать и потребовал,

чтобы меня перевезли в ашрам. Амбалал вынужден был подчиниться моим настояниям.

В то время как я, терзаемый болью, метался в постели в ашраме, адвокат Валлабхаи принес мне весть о том, что Германия побеждена окончательно и, по сообщению комиссара, надобность в дальнейшей вербовке рекрутов миновала. Больше беспокоиться о наборе не было нужды, что явилось для меня громадным облегчением.

Я попробовал водолечение, от которого мне стало немного легче. Однако восстановить силы было очень трудно. Врачи наперебой давали разные советы, но я не мог заставить себя принять ни один из них. Двое трое рекомендовали мясной бульон как замену молока, которое я поклялся не пить, подкрепляя свой совет цитатами из «Аюрведы». Еще один врач настойчиво рекомендовал яйца. Но на все я отвечал — нет.

Для меня вопрос о питании решался не на основе авторитета шастр. Я связывал его с принципами, которыми постоянно руководствовался в жизни и которые не зависели от посторонних авторитетов. Я не желал сохранить жизнь ценою отказа от своих принципов. Разве мог я пренебречь в отношении себя принципом, соблюдения которого постоянно добивался от жены, детей и друзей?

Эта первая в моей жизни длительная болезнь предоставила мне единственную в своем роде возможность проверить и испытать свои принципы. Однажды ночью, почувствовав, что нахожусь на пороге смерти, я впал в полное отчаяние. Я послал записку Анасуябехн. Она тотчас прибежала в ашрам. Валлабхаи пришел вместе с д-ром Кануга. Пощупав пульс, доктор сказал:

— Пульс совершенно нормальный. Не вижу никакой опасности. Это нервное потрясение, вызванное сильной слабостью. Но я не мог успокоиться и всю ночь не спал.

Настало утро, а я еще был жив. Будучи не в состоянии отделаться от ощущения, что конец мой близок, я заставил обитателей ашрама читать мне «Гиту» в те часы, когда я бодрствовал. Читать сам я был не в состоянии. Разговаривать не хотелось. Даже незначительная беседа означала величайшее напряжение ума. Всякий интерес к жизни исчез, так как я никогда не мог жить ради самой жизни. Какое мучение жить, чувствуя себя беспомощным, ничего не делая, принимая услуги друзей и товарищей и наблюдая, как тело медленно угасает!

Так я лежал в ожидании смерти. Но в один прекрасный день ко мне пришел д-р Талвалкар в сопровождении весьма странного создания. Человек этот был родом из Махараштры. Большой славой он не пользовался, но когда я его увидел, сразу понял, что он, как и я, был чудаком. Он пришел испробовать свои методы лечения на мне. Он прошел почти полный курс обучения в «Гранд медикал колледж», но не получил диплома. Позднее я узнал, что он был членом общества «Брахмо самадж». Д-р Келкар, так его звали, был человеком независимым и упрямым. Он ручался за действенность лечения льдом и хотел испробовать его на мне. Мы прозвали его «ледяной доктор». Он был глубоко убежден, что сделал открытие, которого не сумели сделать квалифицированные врачи. К нашему общему сожалению, — моему и его — ему не удалось увлечь меня верой в свою систему. И хотя до некоторой степени я верю в ее действенность, боюсь, что он поторопился с некоторыми выводами.

Каково бы ни было его открытие, я позволил произвести на себе эксперимент. Я не возражал против наружного лечения. Оно состояло в том, что все тело обкладывалось кусочками льда. Не могу подтвердить его заявление, что лечение эффективно подействовало на меня, но оно все же вселило в меня k новую надежду, придало мне энергию, а ум, естественно, подействовал на тело: появился аппетит, и я стал совершать небольшие прогулки по пятидесяти минут. Тогда он предложил мне изменить диету:

— Уверяю вас, что, если вы будете пить сырые яйца, у вас появится больше энергии и вы скорее восстановите силы. Яйца, как и молоко, безвредны. Это ведь не мясная пища. Разве вы не знаете, что не все яйца оплодотворены? В продаже есть даже стерилизованные яйца.

Однако я не собирался есть и стерилизованных яиц. Я успел уже поправиться настолько, что опять стал интересоваться общественной деятельностью.

XXIX

Законопроект Роулетта

и моя дилемма

Врачи и друзья уверили меня, что перемена места быстро

восстановит мои силы. Я поехал в Матерану. Вода в Матеране оказалась очень жесткой, и мое пребывание там причиняло мне страдание. После дизентерии мой кишечный тракт стал очень чувствительным, а из-за трещин в заднем проходе я испытывал мучительные боли во время очищения желудка, так что даже самая мысль о еде страшила меня. Не прошло и недели, как я почувствовал, что должен бежать из Матерана. Шанкарлал Банкер, взявший на себя заботу о моем здоровье, убедил меня посоветоваться с д-ром Далалом. Мы пригласили д-ра Далала. Его способность молниеносно принимать решения мне понравилась. Он сказал:

— Берусь восстановить ваше здоровье, если только вы будете пить молоко. Если, кроме того, вы согласитесь на инъекции мышьяка и железа, гарантирую вам обновление всего организма.

— Можете делать мне инъекции, — ответил я, — но молоко — Другой вопрос. Я дал обет не пить молока.

— Какой же обет вы дали? — спросил доктор.

Я рассказал ему всю историю и сообщил о причинах, побудивших меня дать этот обет. Я сказал, что с тех пор как узнал, что коровы и буйволицы подвергаются процессу пхунка, у меня появилось сильное отвращение к молоку. Более того, я всегда считал, что молоко не является естественной пищей для человека. Поэтому я совершенно отказался от молока. Кастурбай, стоявшая у моей постели, слышала весь разговор.

— Но тогда у тебя не может быть никаких возражений против козьего молока, — вмешалась она.

Доктор ухватился за эту мысль.

— Если вы согласитесь пить козье молоко, этого будет достаточно, — сказал он.

Я сдался. Огромное желание принять непосредственное участие в сатьяграхе породило жажду жизни, и потому я удовлетворился приверженностью букве своего обета, пожертвовав его духом. Дав клятву не пить молока, я имел в виду лишь молоко коровы и буйволицы, но ведь мой обет, естественно относился и к молоку всех других животных. Неправильно было пить молоко еще и потому, что я не считал его естественной пищей для человека. И, несмотря на все, я стал пить козье молоко. Жажда жизни оказалась сильнее приверженности истине, и последователь истины изменил своему

идеалу из желания принять участие в сатьяграхе. До сих пор меня мучает совесть при воспоминании об этом. Я постоянно размышляю над тем, как отказаться от козьего молока. Но не могу освободиться от самого сильного искушения своей жизни — служить людям.

Мои опыты в области питания дороги мне и как часть моих поисков ахимсы. Они дают мне радость и силу. Но в настоящее время тот факт, что я пью козье молоко, волнует меня не столько с точки зрения соблюдения ахимсы в пище, сколько с. точки зрения верности истине, так как это нарушение клятвы.

Мне кажется, что я понял идеал истины лучше, чем идеал ахимсы; опыт мне подсказывает, что, если я позволю себе действовать вопреки истине, я никогда не смогу разрешить загадку ахимсы. Идеал истины требует, чтобы соблюдался как дух, так и буква обетов. В данном случае я убил дух — душу своего обета — тем, что стал следовать только внешней форме его, и это тревожит меня. Но, ясно понимая это, я не могу избрать верный путь. Иначе говоря, может быть, у меня нет достаточно мужества, чтобы идти верным путем. В своей основе это одно и то же, ибо сомнение неизменно результат отсутствия или слабости веры. Поэтому я денно и нощно молю бога дать мне веру.

Вскоре после того, как я стал пить козье молоко, д-р Далал удачно сделал мне операцию в заднем проходе. Когда я оправился после операции, желание жить возгорелось с новой силой, в особенности потому, что бог уготовил для меня новую работу.

Не успев еще окончательно поправиться, я случайно прочел в газетах только что опубликованный отчет комиссии Роулетта. Я был просто ошеломлен его рекомендациями. Шанкарлал Банкер и Умар Собани посоветовали мне немедленно начать действовать. Приблизительно через месяц я поехал в Ахмадабад. Там я поделился своими соображениями с Валлабхаи, который навещал меня почти каждый день.

— Нужно что-то предпринять, — сказал я ему.

— Но что можно сделать при подобных обстоятельствах? — спросил он.

— Надо найти хотя бы горстку людей, которые согласятся подписать протест, и если вопреки этому протесту предложенное мероприятие войдет в силу как закон, мы тотчас начнем сатьяграху, — ответил я. — Если бы я чувствовал себя лучше, то начал бы борьбу

против этого закона один, надеясь, что другие последуют моему примеру. Однако, при теперешнем моем состоянии, задача эта мне не по силам.

В результате этого разговора решено было созвать близких мне лиц на небольшое совещание. Предложения комиссии Роулетта казались мне не соответствующими содержанию опубликованного ею отчета и носили такой характер, что ни один уважающий себя народ не мог их принять.

Собрались на совещание в ашраме. Было приглашено не более двадцати человек. Среди присутствовавших кроме Валлабхаи, помнится, находились шримати Сароджини Найду, м-р Горниман, ныне покойный м-р Умар Собани, адвокат Шанкарлал Банкер и шримати Анасуябехн. На совещании было принято решение начать сатьяграху. Под решением, насколько помню, подписались все присутствующие. В то время я еще не издавал никакой газеты, но иногда излагал свою точку зрения в печати. Так поступил я и теперь. Шанкарлал Банкер всей душой отдался агитационной работе, и я узнал о его удивительной работоспособности и организаторском таланте.

Я не надеялся, что какая-нибудь из общественных организаций воспользуется таким новым оружием, как сатьяграха; поэтому по моему настоянию была создана «Сатьяграха сабха».

Ее штаб-квартира находилась в Бомбее, так как здесь проживало большинство ее членов. Через некоторое время стали толпами приходить сочувствующие. Они давали клятву верности сатьяграхе. «Сабха» начала выпускать бюллетени, повсюду устраивались митинги, что во многом напоминало кампанию в Кхеде.

Председателем «Сатьяграха сабха» был я. Однако вскоре я понял, что у меня мало шансов достичь соглашения с представителями интеллигенции, вошедшими в «Сабху». Я настаивал на своих особых методах работы и на том, чтобы средством языка общения в «Сабхе» был язык гуджарати, а их это приводило в недоумение и доставляло немало беспокойства. Должен все же признать, что большинство весьма великодушно мирилось с моими чудачествами.

С самого начала, однако, мне было ясно, что «Сабха» недолговечна. Я чувствовал, что моя любовь к истине и стремление к ахимсе многим членам организации не нравились. Тем не менее, первое время работа шла полным ходом и движение развивалось быстрыми темпами.

XXX

Великолепное зрелище

В то время как агитация против отчета комиссии Роулетта принимала все более широкий размах, правительство, со своей стороны, твердо решило провести предложения комиссии в жизнь. Законопроект Роулетта был опубликован. Всего раз в жизни я присутствовал на заседании индийской законодательной палаты — как раз при обсуждении этого законопроекта. Шастриджи произнес пылкую речь, в которой торжественно предостерегал правительство. Казалось, вице-король слушал как зачарованный, не спуская с него глаз, когда тот извергал горячий поток своего красноречия. На мгновенье мне показалось, что вице-король даже тронут его речью: столько было в ней искренности и живого чувства.

Но разбудить человека можно только тогда, когда он действительно спит; если же он только притворяется спящим, все попытки напрасны. Примерно такой была позиция правительства. Оно стремилось только проделать комедию юридических формальностей. Решение уже было принято. Поэтому торжественное предостережение Шастриджи совершенно не подействовало на правительство.

При подобных обстоятельствах мое выступление тоже было бы лишь гласом вопиющего в пустыне. Я со всей искренностью обращался к вице-королю. Я писал ему частные и открытые письма, в которых ясно заявлял, что правительство своим поведением вынуждает меня прибегнуть к сатьяграхе. Но все было напрасно.

Новый закон еще не был опубликован. Я получил приглашение приехать в Мадрас, и хотя чувствовал себя все еще очень слабым, отважился на длительное путешествие. В то время я еще не мог выступать с речами на митингах. Здоровье было сильно подорвано, и в течение долгого времени при попытке говорить стоя у меня начиналась дрожь и сильное сердцебиение.

На юге я всегда чувствовал себя как дома. Благодаря работе в Южной Африке, мне казалось, что я имею какие-то особые права на телугу и тамилов, и эти славные народы юга никогда не обманывали моих ожиданий. Приглашение пришло за подписью ныне покойного адвоката Кастури Ранга Айенгара. Но, как я узнал уже на пути в Мадрас, инициатором приглашения был Раджагопалачария. Можно

сказать, что это было мое первое знакомство с ним. Во всяком случае, мы впервые встретились лично.

По настоянию друзей, в том числе Кастури Ранга Айенгара, Раджагопалачария только что приехал из Салема и обосновался в Мадрасе, предполагая заняться юридической практикой. Здесь он собирался принять более активное участие в общественной деятельности. В Мадрасе мы жили с ним под одной крышей. Я обнаружил это лишь через несколько дней. Бунгало, где мы жили, принадлежало Кастури Ранга Айенгару, и я думал сперва, что мы его гости. Однако Махадев Десаи вывел меня из заблуждения. Он очень скоро близко сошелся с Раджагопалачария, который, будучи по природе весьма застенчив, всегда держался в стороне. Как-то раз Махадев сказал мне:

— Вы должны держаться за этого человека.

Так я и сделал. Ежедневно мы обсуждали с ним планы предстоящей борьбы, но тогда не приходило в голову ничего, кроме организации митингов. Никакой другой программы не было. Я прекрасно понимал, что и сам не знаю, в какую форму должно вылиться гражданское неповиновение против билля Роулетта, если он все же получит силу закона. Ведь неповиновение этому закону будет возможно только в том случае, если правительство своими действиями создаст подходящую обстановку. Если же этого не случится, имеем ли мы право оказать гражданское неповиновение другим законам? Если да, то в каких пределах? Эти и множество подобных вопросов являлись предметом нашего обсуждения.

Кастури Ранга Айенгар созвал небольшое совещание лидеров. Среди них особенно выделялся адвокат Виджаярагхавачария. Он предложил поручить мне составить исчерпывающее, детальное руководство по сатьяграхе. Я считал, что это мне не по силам, и откровенно признался в этом.

Пока мы размышляли и спорили, билль Роулетта был опубликован, т. е. стал законом. В ту ночь я долго думал над этим вопросом, пока, наконец, не заснул. Утром я проснулся раньше обычного. Я все еще пребывал в сумеречном состоянии полу бодрствования полусна, когда меня внезапно осенила идея — это было как сон. Я поспешил утром же рассказать обо всем Раджагюпалачария:

— Ночью во сне мне пришла в голову мысль, что мы должны призвать страну к всеобщему харталу. Сатьяграха представляет собой процесс самоочищения, борьба наша — священна, и я считаю, что нужно начать борьбу с акта самоочищения. Пусть все население Индии оставит на один день свои занятия и превратит его в день молитвы и поста. Мусульмане не постятся больше суток, поэтому пост должен длиться двадцать четыре часа. Трудно сказать, получит ли наш призыв отклик во всех провинциях, но за Бомбей, Мадрас, Бихар и Синд я ручаюсь. И будет хорошо, даже если только эти провинции как следует проведут хартал.

Мое предложение захватило Раджагопалачария. Остальные друзья также приветствовали его, когда им рассказали о нем. Я набросал краткое воззвание. Хартал был вначале назначен на 30 марта 1919 года, а затем перенесен на 6 апреля. Население было лишь кратко оповещено о хартале. Вряд ли было возможно широко осведомить население: времени у нас было в обрез.

Кто может сказать, как все это произошло? Вся Индия от края до края, все города и села — все провели в назначенный день полный хартал. Это было великолепное зрелище!

XXXI

Незабываемая неделя — I

Совершив небольшое путешествие по Южной Индии, я, если не ошибаюсь, 4 апреля прибыл в Бомбей, куда Шанкарлал Банке? настоятельно просил меня приехать для участия в проведении дня 6 апреля.

В Дели хартал начался уже 30 марта. Там было законом слово покойного ныне свами Шраддхананджи и Акима Аджмала Хана Сахиба. Телеграмма относительно переноса хартала на 6 апреля пришла в столицу слишком поздно. В Делине видели подобного хартала. Индусы и мусульмане сплотились как единая семья. Свами Шраддхананджи был приглашен произнести речь в Джами Масджиде, что он и сделал. Власти, конечно, не могли примириться со всем происходящим. Полиция преградила путь процессии хартала, направлявшейся к железнодорожной станции, и открыла по ней огонь. Были раненые и убитые. По Дели прокатилась волна репрессий,

Шраддхананджи вызвал меня туда. Я ответил, что выеду тотчас после проведения хартала в Бомбее 6 апреля. События, подобные делийским, произошли также в Лахоре и Амритсаре. Из Амритсара д-р Сатьяпал и д-р Китчлу прислали мне настоятельное приглашение приехать туда. В то время я их совершенно не знал, однако ответил, что приеду в Амритсар уже из Дели.

Утром 6 апреля жители Бомбея тысячными толпами направились в Чаупати, чтобы совершить омовение в море, и затем огромной процессией продолжили свой путь в Тхакурдвар.[22] В процессии приняли участие женщины и дети. Большими группами присоединялись мусульмане. Из Тхакурдвара мусульманские друзья пригласили нас в мечеть, где убедили м-с Найду и меня произнести речи. Адвокат Витхалдас Джераджани настаивал, чтобы мы тут же предложили народу дать клятву о свадеши и индусско-мусульманском единстве, но я запротестовал, заявив, что подобные клятвы не дают в спешке. Мы должны довольствоваться тем, что уже сделано народом. Если клятва дана, ее нельзя нарушить. Поэтому необходимо, чтобы все как следует поняли значение клятвы о свадеши и полностью учли бы ту огромную ответственность, которую налагает клятва об индусско-мусульманском единстве. Я предложил, чтобы желающие дать такую клятву собрались на другой день утром.

Нужно ли говорить, что хартал в Бомбее увенчался полным успехом. Подготавливая кампанию гражданского неповиновения, мы обсудили два три вопроса. Было решено, что гражданское неповиновение коснется только тех законов, которые массы сами склонны нарушать. Так, в высшей степени непопулярен был соляной налог, и совсем недавно проходило движение за его отмену. Я предложил, чтобы население, игнорируя закон о соляной монополии, само выпаривало соль из морской воды домашним способом. Второе мое предложение касалось продажи запрещенной литературы. Для этого пригодились только что запрещенные мои книги «Хинд сварадж» и «Сарводайя» (пересказ книги Раскина «Последнему, что и первому» на гуджарати). Отпечатать их и открыто продавать было самым простым актом гражданского неповиновения. Было отпечатано достаточное число экземпляров и приготовлено для распродажи на грандиозном митинге 6 апреля вечером, после окончания хартала.

Вечером 6 апреля целая армия добровольцев взялась за распродажу запрещенных книг. С этой целью шримати Сароджини Деви и я поехали на автомобиле. Книги были распроданы — быстро. Вырученные деньги предполагалось передать на поддержку кампании гражданского неповиновения. Ни один человек не купил книгу за назначенную цену в четыре ана: каждый давал больше; иные отдавали за книжку все, что было в кармане. Сплошь и рядом давали пять и десять рупий, а один экземпляр я сам продал за пятьдесят рупий! Мы предупреждали покупателей, что их могут арестовать и посадить в тюрьму за покупку запрещенной литературы. Но в тот момент люди утратили всякий страх перед тюрьмой.

Но затем мы узнали, что правительство решило считать, что запрещенные им книги фактически не продавались, книги же, которые продавали мы, не относились к категории запрещенной литературы. Перепечатку правительство рассматривало как новое издание запрещенных книг, а продажа нового издания не являлась нарушением закона. Известие это вызвало всеобщее разочарование.

На следующее утро мы созвали митинг, чтобы принять резолюцию о свадеши и индусско-мусульманском единстве. Тут Витхалдас Джераджани впервые понял, что не все то золото, что блестит. На митинг явилась лишь небольшая горсточка людей. Я отчетливо помню нескольких женщин, присутствовавших на этом собрании. Мужчин было тоже очень мало. Со мной был заранее составленный проект резолюции. Прежде чем прочитать его, я подробно разъяснил значение этой резолюции. Малочисленность присутствовавших не смутила и не удивила меня. Я давно заметил пристрастие людей к активной деятельности и нелюбовь к спокойным конструктивным усилиям.

Но этому я посвящу отдельную главу. Теперь же продолжу свой рассказ. В ночь на 7 апреля я выехал в Дели и в Амритсар. По приезде в Матхуру 3 апреля до меня дошли слухи о возможном аресте. На следующей станции после Матхуры встречавший меня Ачарья Джидвани сказал мне вполне определенно, что я буду арестован, и предложил свои услуги. Я поблагодарил, обещав воспользоваться ими в случае необходимости.

Поезд был еще на пути к станции Палвал, когда мне вручили приказ о запрещений въезда в Пенджаб на том основании, что мое присутствие в этой провинции может вызвать там беспорядки.

Полиция предложила мне немедленно сойти с поезда. Я отказался сделать это, заявив:

— Я еду в Пенджаб по настоятельной просьбе, причем не Для того, чтобы вызвать беспорядки, а наоборот, прекратить их. Поэтому подчиниться вашему приказу я, к сожалению, не могу.

Наконец поезд прибыл в Палвал. Меня сопровождал МахаДев. Я предложил ему поехать в Дели с тем, чтобы предупредить о случившемся свами Шраддхананджи и обратиться к народу с просьбой сохранять спокойствие. Он должен был разъяснить, почему я решил не подчиниться приказу и пострадать за свое неповиновение, а также почему полнейшее спокойствие в ответ на любое наложенное на меня наказание будет залогом нашей победы.

В Палвале меня высадили из поезда и взяли под стражу. Вскоре прибыл поезд из Дели. Меня в сопровождении полицейского посадили в вагон третьего класса. В Матхуре меня высадили и поместили в полицейские казармы, причем никто из полицейских не мог сказать, что со мной будет дальше и куда меня повезут. В 4 часа утра меня разбудили и посадили в товарный поезд, направлявшийся в Бомбей. Днем меня заставили сойти в Савай Мадхопуре. Я поступил в распоряжение инспектора полиции м-ра Боуринга, который прибыл почтовым поездом из Лахора. Меня посадили вместе с ним в вагон первого класса. Из обыкновенного арестанта теперь я превратился в арестанта «джентльмена». Инспектор начал с длинного панегирика сэру Майклу О'Двайеру. Сэр Майкл, дескать, против меня лично ничего не имеет: он только боится, что мой приезд в Пенджаб вызовет там беспорядки и т. д. В заключение он предложил мне добровольно вернуться в Бомбей и дать обещание не переступать границу Пенджаба. Я ответил, что, по всей вероятности, не смогу выполнить этот приказ и вовсе не намерен возвращаться добровольно.

Видя, что со мной сделать ничего нельзя, инспектор заявил, что в таком случае ему придется действовать согласно закону.

— Что же вы со мной собираетесь делать? — спросил я. Он ответил, что пока еще не знает, но ждет дальнейших распоряжений.

— Пока что, — сказал он, — я везу вас в Бомбей.

Мы прибыли в Сурат. Здесь меня сдали другому полицейскому офицеру.

— Вы свободны, — сказал он мне, когда мы подъезжали к Бомбею, — но было бы лучше, если бы вы вышли у Мерин Лайнс, я остановлю там для вас поезд. В Колабе может оказаться слишком много народу.

Я ответил, что рад исполнить его желание. Ему это понравилось, и он поблагодарил меня. Я вышел у Мерин Лайнс. Как раз в тот момент проезжал в своей коляске один мой приятель. Он посадил меня к себе и довез до дома Реваншанкара Джхавери. Друг рассказал, что слухи о моем аресте очень взбудоражили народ, привели его в неистовство.

— Ожидают, что с минуты на минуту вспыхнет восстание в районе Пайдхуни. Судья и полиция уже там, — добавил он.

Не успел я прибыть на место, как ко мне явились Умар Собани и Анасуябехн и предложили поехать тотчас же на автомобиле в Пайдхуни.

— Народ так возбужден, что мы не в состоянии умиротворить его, — говорили они. — Подействовать может лишь ваше присутствие.

Я сел в автомобиль. Около Пайдхуни собралась огромная толпа. Увидев меня, люди буквально обезумели от радости.

Мгновенно организовалась процессия. Раздавались крики «Банде Матарам»[23] и «Аллахиакбар».[24] В Пайдхуни мы столкнулись с отрядом конной полиции. Из толпы полетели обломки кирпичей. Я убеждал толпу сохранять спокойствие, но, казалось, град кирпичей неиссякаем. С улицы Абдур Рахмана процессия направилась к Кроуфорд Маркет, где столкнулась с новым отрядом конной полиции, преградившей ей дорогу к Форту. Толпа сжалась и почти что прорвалась через полицейский кордон. Поднялся такой шум, что моего голоса совершенно не стало слышно. Начальник конной полиции отдал приказ рассеять толпу. Конные полицейские, размахивая пиками, бросились на людей. В какой-то момент мне показалось, что я пострадаю. Но мои опасения были напрасны. Уланы пронеслись мимо, только грохнув пиками по автомобилю. Вскоре ряды процессии смешались, возник полнейший беспорядок. Народ обратился в бегство. Некоторые были сбиты с ног и раздавлены, другие сильно изувечены. Выбраться из бурлящего скопления человеческих тел было невозможно. Уланы, не глядя, пробивались через толпу. Не думаю, чтобы они отдавали себе отчет в своих действиях. Зрелище было страшное. Пешие и конные смешались в диком беспорядке.

Так толпа была рассеяна, и дальнейшее шествие приостановлено. Наш автомобиль получил разрешение двинуться дальше. Я остановился перед резиденцией комиссара и направился к нему, чтобы пожаловаться на полицию.

XXXII

Незабываемая неделя

(продолжение)

Итак, я отправился к комиссару м-ру Гриффиту. Лестница, ведущая в кабинет, была запружена солдатами, вооруженными с ног до головы словно для военных действий. На веранде царило возбуждение. Когда я вошел в кабинет комиссара, я увидел м-ра Боуринга, сидевшего рядом с м-ром Гриффитом.

Я рассказал комиссару о сценах, свидетелем которых был.

Он резко ответил:

— Я не хотел допустить толпу к Форту — беспорядки были бы тогда неизбежны. Увидев, что толпа не поддается никаким увещаниям, я вынужден был отдать приказ конной полиции рассеять толпу.

— Но, — возразил я, — вы ведь знали, каковы будут последствия. Лошади буквально топтали людей. Я считаю, что не было никакой необходимости высылать так много конных полицейских.

— Не вам судить об этом, — сказал комиссар. — Мы, полицейские офицеры, хорошо знаем, какое влияние на народ имеет ваше учение. И если бы мы вовремя не приняли жестких мер, мы не были бы господами положения. Уверяю вас, что вам не удастся удержать народ под своим контролем. Он очень быстро усвоит вашу проповедь неповиновения законам, но не поймет необходимости сохранять спокойствие. Лично я не сомневаюсь в ваших намерениях, но народ вас не поймет. Он будет следовать своим инстинктам.

— В этом я не согласен с вами, — сказал я. — Наш народ по природе противник насилия, он миролюбив.

Так мы спорили довольно долго. Наконец, м-р Гриффит спросил:

— Предположим, вы убедитесь, что народ не понимает вашего учения, что вы тогда станете делать?

— Если бы я в этом убедился, я бы приостановил гражданское неповиновение, — ответил я.

— Что же вы хотите этим сказать? Вы сказали мру Боурингу, что поедете в Пенджаб, как только вас освободят.

— Да, я хотел отправиться туда следующим же поездом.

Но сегодня об этом не может быть и речи.

— Подождите еще немного и вы убедитесь, что народ не понимает ваше учение. Знаете ли вы, что делается в Ахмадабаде? А что было в Амритсаре? Народ буквально обезумел. Я еще не располагаю полной информацией. Телеграфные провода в некоторых местах перерезаны. Предупреждаю, что ответственность за эти беспорядки ложится на вас.

— Уверяю вас, я охотно возьму на себя ответственность, если в этом будет необходимость. Я был бы очень огорчен и удивлен, если бы узнал, что в Ахмадабаде произошли беспорядки. Но за Амритсар я не отвечаю. Там я никогда не был, и ни один человек меня там не знает. Я вполне убежден, что если бы пенджабское правительство не препятствовало моему приезду в Пенджаб, мне удалось бы оказать значительную помощь в поддержании спокойствия в этой провинции. Задержав меня, правительство только спровоцировало население на волнения.

Так мы спорили и никак не могли договориться. Я заявил комиссару, что решил выступить на митинге в Чоупати с обращением к населению сохранять спокойствие. На этом мы распрощались.

Митинг состоялся на чоупатийских песках. Я говорил о необходимости ненасилия, об ограниченности сатьяграхи, заявив:

— Сатьяграха, в сущности, есть оружие верных истине. Сатьяграх клянется не прибегать к насилию, и до тех пор, пока народ не будет соблюдать это в мыслях, словах и поступках, я не могу объявить массовой сатьяграхи.

Анасуябехн также получила сведения о беспорядках в Ахмадабаде. Кто-то распространил слух, что и она арестована. Фабричные рабочие при этом известии буквально обезумели, бросили работу, совершили ряд насильственных актов и избили до смерти одного сержанта.

Я поехал в Ахмадабад. Я узнал, что была попытка разобрать рельсы около Надиада, что в Вирамгаме убит правительственный чиновник, а в Ахмадабаде объявлено военное положение. Люди были

охвачены ужасом. Они позволили себе совершить насилие и с избытком расплачивались за это.

На вокзале меня встретил полицейский офицер и проводил к правительственному комиссару Пратту. Тот был в бешенстве. Я вежливо заговорил с ним, выразив при этом сожаление по поводу происшедших беспорядков. Я заявил, что в военном положении нет никакой необходимости, и выразил готовность приложить все силы для восстановления спокойствия. Я попросил разрешения созвать митинг на территории ашрама Сабармати. Ему понравилось мое предложение. Митинг состоялся в воскресенье 13 апреля, а военное положение было отменено то ли в тот же день, то ли на другой день. Выступая на митинге, я старался показать народу его неправоту и, наложив на себя знак покаяния, трехдневный пост, предложил всем также поститься один день, а виноватым в совершении насилия покаяться в своей вине.

Мои обязанности были мне совершенно ясны. Для меня было невыносимо думать, что рабочие, среди которых я провел так много времени, которым я служил и от которых ожидал лучшего, принимали участие в бунте. Я чувствовал, что должен полностью разделить их вину.

Предложив народу покаяться, я вместе с тем предложил правительству простить народу эти преступления. Но ни та, ни другая сторона моих предложений не приняла.

Ко мне явился ныне покойный сэр Раманбхай и несколько других граждан Ахмадабада с просьбой приостановить сатьяграху. Это было излишне, я и сам уже решил сделать это, пока народ не усвоит урока мира. Друзья мои ушли совершенно счастливые.

Но были и такие, которые по той же самой причине почувствовали себя несчастными. Они считали, что массовая сатьяграха никогда не осуществится, если я ставлю непременным условием проведения сатьяграхи мирное поведение населения. К сожалению, я не мог согласиться с ними. Если даже те, среди которых я работал и которых считал вполне подготовленными к ненасилию и самопожертвованию не могли воздержаться от насилия, то ясно, что сатьяграха невозможна. Я был твердо убежден, что тот, кто хочет руководить народом в сатьяграхе, должен уметь удержать его в границах ненасилия. Этого мнения я придерживаюсь и теперь.

XXXIII

«Ошибка огромная, как Гималаи»

Почти сразу же после митинга в Ахмадабаде я уехал в Надиад. Тамто я впервые употребил выражение: «Ошибка огромная, как Гималаи», которому суждено было стать крылатым. Еще в Ахмадабаде у меня было смутное чувство, что я сделал ошибку. Но когда в Надиаде я ознакомился с положением дел и узнал, что многие жители дистрикта Кхеда арестованы, то внезапно понял, что совершил серьезную ошибку, преждевременно, как мне казалось, призвав население Кхеды и других мест к гражданскому неповиновению. Все это я высказал публично на митинге. Мое признание навлекло на меня немало насмешек. Но я никогда не сожалел о своем признании, ибо всегда считал, что только тот, кто рассматривает свои собственные ошибки через увеличительное стекло, а ошибки других через уменьшительное, — способен постичь относительное значение того и другого. Я убежден и в том, что неукоснительное и добросовестное соблюдение этого правила обязательно для всякого, кто хочет быть сатьяграхом.

В чем же заключалась моя «огромная ошибка»? Чтобы стать способным к проведению на практике гражданского неповиновения, человек должен, прежде всего, пройти школу добровольного и почтительного повиновения законам страны. Ибо в большинстве случаев мы повинуемся законам только из боязни наказания за их нарушение. Особенно это верно в отношении законов, основанных не на нравственных принципах. Поясню это на примере. Честный, уважаемый человек не начнет вдруг воровать, независимо от того, имеется закон, карающий за кражу, или нет. Но этот же самый человек не будет чувствовать угрызений совести, если нарушит правило, запрещающее с наступлением темноты ездить на велосипеде без фонаря. Он вряд ли даже внимательно прислушается к совету соблюдать в этом отношении осторожность. Но любое обязательное предписание по этому поводу он будет соблюдать, чтобы за нарушение его избежать судебного преследования. Однако такое соблюдение законов не является добровольным, и не это требуется от сатьяграха. Сатьяграх повинуется законам сознательно и по доброй воле, потому что он считает это своим священным долгом. Только человек,

неукоснительно выполняющий законы общества, в состоянии судить, какие из них хороши и справедливы, а какие дурны и несправедливы.

И только тогда он получает право оказывать в отношении некоторых законов при определенных обстоятельствах гражданское неповиновение. Моя ошибка была в том, что я не учел всего этого. Я призвал народ начать гражданское неповиновение прежде, чем он был к нему подготовлен. И эта ошибка казалась мне величиной с Гималайские горы. По прибытии в Кхеду на меня нахлынули старые воспоминания в связи с сатьяграхой, и я удивлялся, как я мог упустить из виду столь очевидное обстоятельство. Я понял: чтобы быть готовым к проведению гражданского неповиновения, народ должен основательно постигнуть его глубочайший смысл. И потому то я и считал, что прежде, чем вновь начинать гражданское неповиновение в массовом масштабе, нужно создать группу прекрасно обученных, чистых душой добровольцев, полностью усвоивших истинный смысл сатьяграхи. Они смогут разъяснить его народу и благодаря своей неослабной бдительности не дадут народу сбиться с правильного пути.

Я приехал в Бомбей, одолеваемый этими мыслями. Здесь с помощью «Сатьяграха сабха» я организовал отряд добровольцев сатьяграхов и вместе с ними начал разъяснять народу значение и внутренний смысл сатьяграхи. Эта работа велась главным образом посредством распространения листовок, в которых давались соответствующие разъяснения.

В ходе работы мне пришлось убедиться, что очень трудно заинтересовать народ мирной стороной сатьяграхи. Добровольцев также оказалось немного. Записавшиеся же не желали учиться систематически, а в дальнейшем число новобранцев сатьяграхи не увеличивалось, а уменьшалось с каждым днем. Воспитание в духе гражданского неповиновения шло не так быстро, как я ожидал.

XXXIV

«Навадживан» и «Янг Индиа»

В то время как медленно, но неуклонно развивалось движение за ненасильственные методы борьбы, правительственная политика незаконных репрессий была в полном разгаре и проявлялась в Пенджабе особенно резко. Лидеры были арестованы, провинция

объявлена на военном положении. Царил полнейший произвол. Везде были созданы специальные трибуналы, которые стали, однако, отнюдь не судами справедливости, а орудием деспотической воли. Приговоры выносились без достаточных оснований, чем нарушалась самая элементарная справедливость. В Амритсаре ни в чем не повинных мужчин и женщин заставили как червей ползать на животе. Перед лицом таких беззаконий для меня утратила свое значение даже трагедия в Джалианвала Багх, хотя именно эта бойня привлекла к себе внимание Индии и всего мира.

Меня убеждали поскорее поехать в Пенджаб, не думая о последствиях. Я не раз писал и телеграфировал вице-королю, испрашивая разрешение для поездки туда, но тщетно. Если бы я поехал туда без разрешения, мне не позволили бы даже пересечь границу Пенджаба, и пришлось бы довольствоваться лишь актом гражданского неповиновения. Я очутился перед серьезной дилеммой. При создавшемся положении нарушение запрета о въезде в Пенджаб, как мне казалось, вряд ли можно было расценивать как акт гражданского неповиновения, так как я не видел вокруг себя, как мне хотелось, миролюбивой атмосферы. А безудержные репрессии в Пенджабе могли вызвать еще большее негодование. Поэтому начать гражданское неповиновение в такой момент было бы равносильно раздуванию пламени. Вот почему, несмотря на просьбу друзей, я решил не ехать в Пенджаб. Пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Ежедневно из Пенджаба поступали сведения о новых актах несправедливости и произвола, мне же оставалось лишь бессильно сидеть на месте и скрежетать зубами.

В этот момент неожиданно был арестован м-р Хорвиман, руководивший газетой «Бомбей кроникл», которая стала к этому времени грозной силой. Этот акт правительства показался мне до такой степени отвратительным, что я до сих пор ощущаю его дурной запах. Я знал, что м-р Хорниман никогда не стремился нарушить закон. Ему не понравилось, что я без разрешения комитета сатьяграхи нарушил запрет на въезд в Пенджаб, и он полностью одобрил решение о прекращении гражданского неповиновения. Я даже получил от него письмо, написанное до того, как я объявил о своем решении, в котором он советовал прекратить гражданское неповиновение. Только из-за того, что Бомбей расположен слишком далеко от Ахмадабада, письмо

его прибыло уже после обнародования моего призыва. Поэтому внезапная высылка Хорнимана в одинаковой мере огорчила и удивила меня.

В результате этих событий управляющие «Бомбей кроникл» предложили мне взять на себя издание газеты. М-р Брелви уже был в составе редакции, так что работы на мою долю пришлось бы немного, но все же при моем характере это означало бы для меня дополнительную нагрузку.

Однако правительство, так сказать, само пришло мне на помощь, запретив «Бомбей кроникл».

Мои друзья Умар Собани и Шанкарлал Банкер, издававшие «Бомбей кроникл», выпускали также газету «Янг Индиа».

Они предложили мне быть редактором последней и выпускать ее не один, а два раза в неделю, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся в результате закрытия «Бомбей кроникл». Это соответствовало и моим желаниям. Мне давно хотелось объяснить обществу внутренний смысл сатьяграхи; кроме того, я надеялся, что через газету мне удастся объективно освещать положение в Пенджабе. Ибо во всем, что я писал, была потенциальная сатьяграха, и правительство знало об этом. Поэтому я охотно принял предложение друзей.

Но разве можно было пропагандировать в народе сатьяграху через газету, выходившую на английском языке? Основным полем моей деятельности был Гуджарат. В то время адвокат Индулал Яджник сотрудничал с Собани и Банкером. Он редактировал ежемесячник «Навадживан», издававшийся на гуджарати и финансировавшийся вышеупомянутыми друзьями. Он предоставил ежемесячник в мое распоряжение. Позднее ежемесячник был превращен в еженедельник.

Тем временем с «Бомбей кроникл» сняли запрет. «Янг Индиа» снова стала выходить раз в неделю. Выпускать два еженедельника в разных местах было для меня крайне неудобно, не говоря уже о том, что это требовало больших расходов. «Навадживан» выходил в Ахмадабаде, и по моему предложению издание «Янг Индиа» также перевели в этот город.

На это были и другие причины. По опыту работы в «Индиан опиньон» я знал, что подобные газеты нуждаются в собственных типографиях. Законы о печати были в то время в Индии таковы, что типографии, которые, разумеется, представляли собой коммерческие

предприятия, не решились бы печатать мои статьи, если бы я высказывал свои мысли открыто. Необходимость иметь собственную типографию становилась все более настоятельной, а так как осуществить это можно было только в Ахмадабаде, то издание «Янг Индиа» следовало перенести также в этот город.

Через эти газеты я принялся за воспитание населения в духе сатьяграхи. Оба органа получили широкое распространение, и одно время тираж каждого из них достигал сорока тысяч, с той лишь разницей, что тираж «Навадживан» увеличивался быстро, а тираж «Янг Индиа» рос весьма медленно.

Однако после моего ареста тираж обеих газет стал падать, а в настоящий момент он ниже восьми тысяч.

С первого дня работы в этих органах я отказался от приема объявлений. Не думаю, чтобы мы от этого пострадали. Наоборот, по-моему, это в немалой степени помогло нам сохранить независимость наших газет.

Замечу кстати, что работа в газетах помогла мне до некоторой степени сохранить душевное равновесие. Хотя практически гражданское неповиновение не стояло на очереди, органы печати дали мне возможность свободно высказывать свою точку зрения и поддерживать народ морально. Поэтому я считаю, что в час испытания оба издания сослужили народу хорошую службу и внесли свою скромную лепту для облегчения военного положения.

XXXV

В Пенджабе

Сэр Майкл О'Двайер возлагал на меня ответственность за события в Пенджабе, а некоторые из разгневанных молодых пенджабцев и за объявление военного положения. Они утверждали, что, не приостанови я кампанию гражданского неповиновения, избиения в Джалианвала Багхе не произошло бы. Некоторые из пенджабцев дошли до того, что грозили убить меня, если я появлюсь в Пенджабе.

Но я считал, что моя позиция верна и бесспорна и всякий разумный человек это поймет.

Я рвался в Пенджаб. Мне не приходилось там бывать да и хотелось самому удостовериться во всем происшедшем. Д-р Сатьяпал, д-р Китчлу и пандит Рамбхадж Датт Чоудхари, приглашавшие меня в Пенджаб, были в тот момент в заключении. Но я был уверен, что правительство не осмелится долго держать в заключении ни их, ни других арестованных. Когда я, бывал в Бомбее, многие пенджабцы навещали меня. Я подбадривал их, и моя уверенность передавалась и им.

Между тем, поездка все откладывалась. Всякий раз, когда я обращался к вице-королю за разрешением, он отвечал: «Не теперь».

Тем временем была учреждена комиссия Хантера для расследования действий пенджабского правительства в период военного положения. М-р К. Ф. Эндрюс поехал в Пенджаб и писал мне оттуда душераздирающие письма, из которых я убедился, что зверства, совершенные при военном положении, далеко превзошли то, о чем сообщалось в прессе. Эндрюс настаивал, чтобы я приехал к нему как можно скорее. Малавияджи также просил приехать в Пенджаб немедленно. Я еще раз телеграфировал вице-королю, запрашивая, могу ли теперь отправиться в Пенджаб. Он ответил, что мне разрешат поехать Туда через некоторое время. Точной даты теперь не помню, но, кажется, это было 17 октября.

Никогда не забуду своего приезда в Лахор. Вокзал был битком набит людьми. Население города, полное страстного нетерпения, высыпало на улицу, как будто встречало дорогого родственника после долгой разлуки. Толпа безумствовала от радости. Меня привели в

бунгало покойного ныне пандита Рамбхаджа Датта. Обязанности занимать и обслуживать меня были возложены на шримати Сарала Деви. Тяжелые это было обязанности, потому что дом, где я жил, превратился в настоящий караван-сарай.

Из-за ареста главных лидеров Пенджаба их место заняли пандиты Малавияджи и Мотилалджи, а также ныне покойный свами Шраддхананджи. Малавияджи и Шраддхананджи я хорошо знал и прежде, но с Мотилалджи близко познакомился здесь. Все они, равно как и местные руководители, не попавшие в тюрьму, тепло встретили меня; я ни разу не почувствовал себя чужим среди них.

Мы единогласно решили не давать никаких показаний комиссии Хантера. О мотивах такого решения в свое время писалось в газетах, и они не требуют разъяснения. Достаточно сказать, что и теперь, много времени спустя, я считаю наше решение бойкотировать комиссию совершенно правильным и уместным.

Логическим следствием бойкота комиссии Хантера было решение создать неофициальную комиссию, чтобы вести параллельное расследование от имени Конгресса. Пандит Малавияджи назначил в эту комиссию пандита Мотилала Неру, ныне покойного Дешбандху Ч. Р. Даса, адвоката Аббаса Тьябджи, адвоката М. Р. Джаянкара и меня. Мы распределили между собою районы для расследования. Ответственность за организацию работы комиссии была возложена на меня; на мою долю выпало также произвести расследование в наибольшем числе районов. Благодаря этому я получил редкую возможность близко увидеть население Пенджаба и познакомиться с бытом пенджабских крестьян.

Во время расследования я познакомился и с женщинами Пенджаба. Казалось, мы знали друг друга давным-давно. Куда бы я ни приходил, они являлись целой толпой и раскладывали вокруг меня свою пряжу. Моя деятельность в связи с работой по расследованию убедила меня, что в Пенджабе легче, чем где бы то ни было, организовать производство кхади.

По мере того как моя работа по расследованию зверств, учиненных над населением, подвигалась вперед, я сталкивался с рассказами о такой правительственной тирании и о произволе чиновников, что сердце обливалось кровью. Больше всего меня поразило и поражает до сих пор, что все эти зверства были совершены в провинции, которая во

время войны поставила британскому правительству наибольшее число солдат.

Составление отчета комиссии тоже было поручено мне. Всякому желающему получить представление о зверствах, учиненных в Пенджабе, рекомендую внимательно изучить наш отчет. Здесь же я хочу только отметить, что в этом отчете нет ни одного сознательного преувеличения: каждое положение подкрепляется соответствующими документами. Более того, опубликованные данные составляют только часть материала, находившегося в распоряжении комиссии. Ни одно заявление, относительно обоснованности которого было хотя бы малейшее сомнение, не было включено в отчет. Он составлен исключительно с целью выявить истину и только истину и показать, как далеко может зайти британское правительство, какие зверства оно может учинять, чтобы сохранить свою власть. Насколько мне известно, ни один факт, упомянутый в отчете, не был опровергнут.

XXXVI

Халифат против защиты коров?

Прервем изложение печальных событий в Пенджабе. Едва комиссия Конгресса по расследованию зверств (дайеризма), совершенных властями в Пенджабе, начала свою. работу, как я получил приглашение принять участие в объединенной конференции индусов и мусульман в Дели по вопросу о халифате. Среди подписавших это приглашение были ныне покойный Хаким Аджмал Хан Сахиб и мр Асаф Али. В приглашении говорилось, что будет присутствовать и ныне покойный свами Шраддхананджи, если не ошибаюсь, в качестве вицепредседателя конференции, которая, насколько помнится, должна была состояться в ноябре. Конференция должна была обсудить положение, возникшее вследствие нарушения правительством своих обязательств в отношении халифата, и вопрос об участии индусов и мусульман в празднествах по поводу заключения мира. В пригласительном письме, между прочим, говорилось, что одновременно будет обсуждаться и вопрос о защите коров и что, стало быть, конференция представляет собой прекрасную возможность разрешить и этот вопрос. Мне не понравилось, что на конференции будет рассматриваться вопрос о коровах. В ответном письме я обещал,

что постараюсь прибыть на конференцию, и рекомендовал не смешивать эти столь разные вопросы и не делать их предметом торга. Каждую проблему следовало решать отдельно, считаясь только с существом дела.

Обуреваемый такими мыслями, я прибыл на конференцию. Она была довольно многолюдной, хотя и уступала по числу присутствующих другим конференциям, на которые собирались десятки тысяч людей. Я беседовал по волновавшему меня вопросу со свами Шраддхананджи, присутствовавшим на конференции. Он охотно принял мою точку зрения и посоветовал мне выступить с предложением на конференции. Я переговорил по этому вопросу также с Хаким Сахибом.

Выступая на конференции, я заявил, что если требования относительно халифата справедливы и законны, как мне представляется, а правительство действительно поступило крайне несправедливо, то индусы обязаны поддержать требования мусульман. И неправильно впутывать сюда вопрос о коровах или использовать ситуацию, чтобы заключить сделку с мусульманами; точно так же неправильно предлагать мусульманам отказаться от убоя коров в вознаграждение за поддержку со стороны индусов в вопросе о халифате. Иное дело, если бы мусульмане по доброй воле, из уважения к религиозным чувствам индусов — своих соседей и детей одной Родины — прекратили убой коров, — такой благородный поступок сделал бы им честь. Но они должны, если захотят, сделать это независимо от того, окажут им индусы поддержку в вопросе о халифате или нет. «Таким образом, — доказывал я, — оба вопроса следует обсуждать отдельно и конференция должна сосредоточить свое внимание только на вопросе о халифате». Мои соображения были приняты во внимание, и вопрос о защите коров на конференции не обсуждался.

Но, несмотря на мое предостережение, маулана Абдул Бари Сахиб заявил:

— Будут индусы помогать нам или нет, мы, мусульмане, как соотечественники индусов должны из уважения к их чувствам прекратить убой коров.

И одно время казалось, что они действительно прекратят забивать коров.

Несколько человек выразили желание, чтобы на конференции был поставлен также вопрос о пенджабских событиях. Но я воспротивился этому по той причине, что события в Пенджабе были местного характера и потому не могли влиять на наше решение, принимать или не принимать участие в торжествах по случаю заключения мира. Я считал, что будет неблагоразумно соединять вопрос местного значения с вопросом о халифате, который возник в прямой связи с условиями мира.

Мои аргументы подействовали.

— Среди делегатов был маулана Хасрат Мохани. Я был знаком с ним и раньше, но только теперь понял, какой он боец. С самого начала наши взгляды по многим вопросам были разными, а по ряду вопросов мы расходимся и теперь. Одна из многочисленных резолюций, принятых на конференции, призывала индусов и мусульман дать обет свадеши и, как естественное следствие этого, начать бойкот иностранных товаров. О кхади еще не было речи. Хасрат Мохани считал эту резолюцию неприемлемой. По его мнению, отомстить британской империи необходимо будет лишь в том случае, если не восторжествует справедливость в вопросе о халифате. Он выдвинул контрпредложение и требовал бойкота только английских товаров, если это реально. Я отверг его предложение как в принципе, так и с точки зрения его реальности, приведя доводы, которые теперь широко известны. Я изложил также перед собравшимися свой взгляд на ненасилие. Мои слова произвели большое впечатление на слушателей. До меня выступал Хасрат Мохани, и его речь была принята с таким шумным воодушевлением, что я боялся, как бы мои слова не оказались гласом вопиющего в пустыне. Я осмелился выступить только потому, что считал долгом изложить перед конференцией свои взгляды. К моему приятному изумлению, мое мнение было выслушано с большим вниманием и нашло полную поддержку в президиуме. Один за другим ораторы высказывались в защиту моей точки зрения. Лидеры поняли, что бойкот английских товаров не только не достигнет цели, но и самих лидеров поставит в смешное положение. Ведь на конференции не было ни одного человека, который не носил бы какойнибудь из предметов одежды английского производства. Большинство поняло, что резолюция бойкота английских товаров ничего, кроме вреда, не

принесет, так как даже те, кто голосовали за нее, на практике не смогли бы ее осуществить.

— Один лишь бойкот иностранных тканей, — сказал маулана Хасрат Мохани, — не устраивает нас хотя бы потому, что никто не знает, сколько еще пройдет времени, прежде чем мы сможем выпускать ткани «свадеши» в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей всего населения. Прежде чем эффективно осуществить бойкот иностранных тканей нужно предпринять чтонибудь такое, что сразу же окажет воздействие на англичан. Проводите свой бойкот иностранных тканей — мы не против. Но дайте нам, кроме этого, еще какоенибудь средство, способное быстро подействовать на англичан.

Слушая Хасрата Мохани, я решил, что нужно придумать чтото новое, лучшее, чем бойкот иностранных тканей. Немедленный бойкот казался и мне в то время абсолютно невозможным. Я тогда еще не знал, что мы, если захотим, сможем вырабатывать достаточно кхади для удовлетворения всех своих нужд. Это открытие мы сделали позднее. С другой стороны, я знал, что при бойкоте мы не можем рассчитывать только на фабричное производство. Пока я раздумывал над этой дилеммой, Хасрат Мохани закончил свою речь.

Мне мешало, что я с трудом подбирал нужные слова на языках хинди и урду. Впервые мне пришлось выступать перед аудиторией, состоящей почти исключительно из мусульман Севера. На сессии Мусульманской лиги в Калькутте я говорил на урду, но тогда моя краткая речь была лишь призывом к Сердцам. Здесь же я имел дело с аудиторией, весьма критически, если не враждебно, настроенной, которой должен был объяснить свою точку зрения. Но я отбросил всякую застенчивость. Вовсе не обязательно было произносить речь на безукоризненном, отшлифованном урду, на котором говорили мусульмане Дели. Я мог говорить даже на ломаном хинди, чтобы выразить свои взгляды. И мне это удалось. Конференция наглядно показала мне, что только хиндиурду может стать lingua franca[25] для всей Индии. Говори я в тот раз на английском языке, мне не удалось бы произвести такого впечатления на аудиторию, а маулане Хасрату не пришло бы в голову бросить мне вызов. А если бы он и бросил вызов, я не смог бы столь действенно отразить его.

Я не мог подобрать подходящих слов на языке хинди или урду для выражения своей новой мысли, и это несколько сбивало меня. Я выразил ее, наконец, словом «несотрудничество», впервые употребленным мною на этом собрании. Пока говорил маулана Хасрат, я подумал, что напрасно он говорит об активном сопротивлении правительству, с которым он во многом сотрудничает, если применение оружия невозможно или нежелательно. Поэтому мне казалось, что единственным действенным сопротивлением правительству будет отказ от сотрудничества с ним. Таким образом, я пришел к слову «несотрудничество». Я тогда еще не имел ясного представления о всей сложности несотрудничества, поэтому в подробности не вдавался, а просто сказал:

— Мусульмане приняли очень важную резолюцию. Они откажутся от всякого сотрудничества с правительством, если условия мира, не дай бог, окажутся для них неблагоприятными. Народ имеет неотъемлемое право отказаться от сотрудничества. Мы не обязаны сохранять полученные от правительства титулы и почести и оставаться на государственной службе. Если правительство предаст нас в таком великом деле, как халифат, нам не останется ничего другого, кроме несотрудничества. Следовательно, мы имеем право на несотрудничество в случае предательства со стороны правительства.

Но прошло еще много месяцев, прежде чем слово «несотрудничество» получило широкое распространение. А пока оно затерялось в протоколах конференции. Месяц спустя, на сессии Конгресса в Амритсаре я еще поддерживал резолюцию о сотрудничестве с правительством: тогда я еще надеялся, что никакого предательства с его стороны не будет.

XXXVII

Сессия конгресса в Амритсаре

Пенджабское правительство не могло долго держать в заключении сотни пенджабцев, которых в период военного, положения по приговору трибуналов, являвшихся судами только по названию, бросили в тюрьму на основании совершенно недостаточных улик. Взрыв всеобщего возмущения против этой вопиющей несправедливости был столь велик, что дальнейшее пребывание в

тюрьме арестованных стало невозможным. Большинство из них было выпущено на свободу еще до открытия сессии Конгресса. Лала Харкишанлал и другие лидеры были освобождены во время сессии. Братья Али явились на заседание прямо из тюрьмы. Радость народа была безграничной. Председателем Конгресса был пандит Мотилал Неру, который пожертвовал своей богатой практикой и поселился в Пенджабе, посвятив себя служению обществу! Свами Шраддхананджи был председателем протокольной комиссии.

До этого мое участие в ежегодных заседаниях Конгресса ограничивалось пропагандой языка хинди, вследствие чего я произносил речь на этом языке, в которой знакомил с положением индийцев в других странах. В этом году я не рассчитывал, что мне придется заняться чем-нибудь еще. Но, как это бывало не раз и раньше, на меня неожиданно свалилась ответственная работа.

Как раз в этот момент в печати было опубликовано заявление короля о новых реформах. Даже мне оно показалось не вполне удовлетворительным; большинство же было совершенно не удовлетворено. Но тогда мне казалось, что реформы эти, хотя и недостаточны, но приемлемы. По содержанию и стилю королевского заявления я догадался, что автор его лорд Синха, и усмотрел в этом луч надежды. Однако более опытные политики вроде ныне покойного Локаманьи и Дешбандху Читта Ранджан Даса с сомнением качали головой. Пандит Малавияджи занимал нейтральную позицию.

В этот свой приезд я жил в комнате пандита Малавияджи. Еще прежде, когда я приезжал для участия в церемонии, посвященной основанию индусского университета, я обратил внимание на простоту его жизни. Но теперь, живя с ним в одной комнате, я имел возможность наблюдать его повседневную жизнь во всех подробностях, и то, что я увидел, приятно поразило меня. Комната его напоминала постоялый двор для бедняков. Едва ли можно было пройти из одного угла комнаты в Другой, так как она была битком набита посетителями. В часы Досуга она бывала открыта для всех случайных посетителей, которым разрешалось отнимать у него сколько угодно времени. В одном углу этой лачуги торжественно стоял во всем своем величии мой чарпаи.

Но не буду здесь подробно описывать образ жизни Малавияджи, вернусь к своему рассказу.

Я получил возможность ежедневно беседовать с Малавияджи, который любовно, точно старший брат, разъяснял мне взгляды различных партий, Я понял, что мое участие в прениях о реформах, провозглашенных королем, неизбежно. Поскольку я нес ответственность за составление отчета Конгрессу о преступлениях в Пенджабе, я понимал, что обязан уделить внимание всему, что нужно было еще сделать по этому вопросу. Необходимо было провести переговоры с правительством. На очереди стоял также вопрос о халифате. В то время я верил, что м-р Монтегю не изменит сам и не допустит измены делу Индии. Освобождение братьев Али и других арестованных казалось мне хорошим предзнаменованием. Поэтому я думал, что правильнее будет высказаться в резолюции не за отклонение, а за принятие реформ. Дешбандху Читта Ранджан Дас, наоборот, твердо стоял за отказ от реформ как совершенно недостаточных и неудовлетворительных. Локаманья держался нейтрально, но решил присоединиться к той резолюции, которую одобрит Дешбандху.

Мысль о том, что я вынужден буду разойтись во мнениях с такими опытными, всеми уважаемыми лидерами, сильно меня тяготила. Но, с другой стороны, отчетливо звучал голос совести. Я попытался уехать с Конгресса, заявив пандиту Малавияджи и Мотилалджи, что мое отсутствие на последних заседаниях пойдет всем на благо: мне не придется публично демонстрировать свое расхождение во взглядах с уважаемыми всеми лидерами.

Но они не поддержали моего решения. О нем как-то узнал и Лала Харкишанлал.

— Это никуда не годится, — сказал он. — Кроме того, это очень оскорбит пенджабцев.

Я советовался с Локаманьей, Дешбандху и м-ром Джинной, но не мог найти выхода. Наконец я обратился со своим затруднением к Малавияджи:

— Я не вижу возможности компромисса, — сказал я ему, — а если я предложу свою резолюцию, то потребуется решать вопрос голосованием. Не представляю себе, каким образом здесь можно произвести подсчет голосов. До сих пор согласно установившейся традиции на открытых сессиях Конгресса голосование производилось простым поднятием рук и никакого различия между голосами гостей и

голосами делегатов не делалось. Мы не сможем подсчитать голоса на таком многолюдном — с собрании. Так что, если до этого дойдет дело, то будет нелегко, да и толку будет от этого мало.

Но Лала Харкишанлал пришел мне на выручку и взялся провести необходимые приготовления.

— Мы не допустим гостей в пандал Конгресса в день голосования, — сказал он. — Что касается подсчета голосов, то это я беру на себя. Но вы не можете не присутствовать на Конгрессе.

Я сдался. С замиранием сердца я предложил свою резолюцию присутствующим. Пандит Малавияджи и м-р Джинна должны были поддержать ее. Я мог заметить, что, хотя расхождения во мнениях не были резко выраженными и в наших речах не было ничего, кроме холодных рассуждений, собравшимся не понравилось само наличие разногласий. Они желали полного единства во взглядах.

Даже во время речей делались попытки уладить эти расхождения, и лидеры все время обменивались записками. Малавияджи приложил все силы, чтобы уничтожить разделявшую нас пропасть, и вот тогда то Джерамдас переслал мне свою поправку и просил в обычной для него любезной форме избавить делегатов от необходимости выбора. Поправка мне понравилась. Я сказал Малавияджи, что поправка кажется мне приемлемой для обеих сторон. Локаманья, которому показали поправку, заявил:

— Если Дас одобряет ее, я не возражаю.

Дешбандху, заколебавшись наконец, взглянул на адвоката Бепина Чандра Пала, как бы ища поддержки. Малавияджи воспрянул духом. Он схватил листок бумаги, на котором была изложена суть поправки, и, не дождавшись, пока Дешбандху произнесет окончательное «да», выкрикнул:

— Братья делегаты, должен обрадовать вас, нам удалось добиться соглашения!

Что последовало за этим, — трудно описать. Пандал загремел от рукоплесканий, и хмурые до того лица делегатов осветились радостью.

Вряд ли стоит приводить здесь текст поправки. Моей целью было лишь описать, как была принята резолюция. Ведь это было частью моих исканий, которым посвящена эта книга. — Это соглашение еще больше увеличило мою ответственность.

XXXVIII

Вступление в конгресс

Свое участие в заседаниях Конгресса в Амритсаре я рассматриваю как действительное начало своей политической деятельности в Конгрессе. Мое присутствие на предыдущих сессиях было не чем иным, как ежегодно повторяемым изъявлением верности Конгрессу. При этом я не считал, что для меня уготована какая-нибудь другая работа, кроме сугубо личной, и не рассчитывал на большее.

Из опыта в Амритсаре я понял, что у меня есть определенные способности к некоторым вещам, которые могут быть полезными Конгрессу. Я видел, что Локаманья, Дешбандху, пандит Мотилалджи и другие лидеры довольны моей работой по расследованию в Пенджабе. Они часто приглашали меня на свои неофициальные заседания, где вырабатывались проекты резолюций. На эти заседания приглашались, как правило, только лица, пользовавшиеся особым доверием лидеров или в чьих услугах они очень нуждались. Правда, на эти заседания иногда проникали и совсем посторонние лица.

Две вещи в соответствии с моими способностями интересовали меня в наступающем году. Во-первых, сооружение памятника жертвам расправы в Джалианвала Багхе. Резолюция по этому вопросу была принята на сессии Конгресса с большим энтузиазмом. Для памятника необходимо было собрать сумму приблизительно в 500 тысяч рупий. Меня назначили одним из доверенных лиц. Пандит Малавияджи пользовался репутацией короля попрошаек при сборе денег на общественные нужды. Но я знал, что ненамного уступлю ему в этом. Уже в Южной Африке я открыл в себе эту способность. Конечно, я не мог сравниться с Малавияджи в умении заставить раскошелиться правителей Индии. Но сейчас нечего было и думать идти к раджам и махараджам за лептой на памятник жертвам расправы в Джалианвала Багхе. Поэтому главная забота по сбору пожертвований пала на мои плечи, как я и предполагал. Великодушные граждане Бомбея вносили пожертвования добровольно, и в банке накопилась довольно крупная сумма. Перед страной теперь стоит проблема, — каким должен быть памятник, воздвигнутый на священном месте, политом кровью индусов, мусульман и сикхов. Но эти три общины, вместо того чтобы слиться в единый дружественный союз, до сих пор, по-видимому,

враждуют друг с другом, а народ не знает, как использовать фонд, собранный на памятник.

Конгресс мог использовать и другую мою способность — к составлению различного рода проектов. Лидеры Конгресса нашли, что я обладаю способностью излагать свои мысли в сжатой форме. Я добился этого в результате длительной практики.

Существовавший тогда устав Конгресса был наследием Гокхале. Он набросал несколько пунктов устава, которые послужили основой для работы Конгресса. Интересные подробности о составлении этих пунктов я слышал от самого Гокхале. Но теперь все понимали, что эти пункты уже не соответствуют все расширявшейся деятельности Конгресса. Этот вопрос вставал из года в год. В то время у Конгресса фактически не было никакого аппарата, который функционировал бы в промежутках между сессиями и мог бы рассматривать вопросы, возникающие в течение года. Существовавший устав предусматривал трех секретарей, но фактически работал только один, да и то непостоянно. Каким образом мог он один вести все дела Конгресса, думать о будущем и выполнять в текущем году обязательства, взятые на себя Конгрессом в прошлом? В этом году все понимали, что вопрос об уставе станет еще более насущным. Кроме того, Конгресс сам по себе был слишком громоздким органом для разрешения общественных вопросов. Не существовало никаких ограничений ни для общего числа делегатов Конгресса, ни для числа делегатов от каждой провинции. Все ощущали настоятельную необходимость положить конец этому хаосу. Я взял на себя миссию набросать устав Конгресса при одном условии. Я видел, что наибольшим влиянием среди населения пользуются двое — Локаманья и Дешбандху, и потому потребовал, чтобы они в качестве представителей народа вошли в комиссию по выработке нового устава Конгресса. Но поскольку было ясно, что у них обоих не будет времени для личного участия в работе, я предложил, чтобы они вместо себя направили двух уполномоченных, пользующихся их полным доверием. Таким образом, комиссия должна была состоять из трех человек. Локаманья и Дешбандху приняли мое предложение и в качестве представителей направили адвоката Келкара и И.Б. Сена. Комиссия ни разу не собиралась на заседания; но мы имели возможность совещаться письменно и представили согласованный доклад. До известной степени я горжусь этим уставом

Конгресса и считаю, что, если бы мы смогли точно следовать ему, уже одно это обеспечило бы нам сварадж. Я считаю, что, взяв на себя ответственность за разработку устава, я понастоящему стал участником политической деятельности Конгресса.

XXXIX

Рождение кхади

Не припомню, чтобы мне случалось видеть ручной ткацкий станок или ручную прялку до 1908 года, когда в «Хинд сварадж» я указал на них как на радикальное средство против растущего обнищания Индии. В этой брошюре я доказывал: всякое средство, которое поможет Индии избавиться от гнетущей нищеты ее народа, явится также и средством, способствующим установлению свараджа. Даже в 1915 году, вернувшись из Южной Африки, я, собственно, не видел ручной прялки. Основав сатьяграха ашрам в Сабармати, мы приобрели несколько ручных ткацких станков. Но среди нас были только люди свободных профессий и коммерсанты, ремесленников же не было совсем. Нужно было найти специалиста, который научил бы нас ткацкому делу. В конце концов такого человека удалось найти в Паланпуре, но он не посвятил нас во все тайны своего ремесла. К счастью, Маганлал Ганди, обладавший природной способностью разбираться во всякого рода механизмах, быстро овладел ткацким делом, а вслед за ним и еще несколько человек в ашраме также научились ткацкому ремеслу.

Мы поставили себе целью одеваться лишь в ткани, сделанные собственными руками. Поэтому прежде всего мы перестали пользоваться фабричными тканями. Все члены ашрама решили носить одежду из тканей ручного производства, причем выделанных из индийской пряжи. Соблюдение этого правила дало нам возможность непосредственно познакомиться с условиями жизни ткачей, узнать, сколько продукции они в состоянии произвести, с какими трудностями сталкиваются при получении пряжи, каким образом они становятся жертвами обмана, и, наконец, об их растущей задолженности. Мы не могли с первых же шагов вырабатывать необходимое нам количество ткани. Следовательно, часть ткани мы должны были получать от ткачей кустарей. Но не так-то просто получить у торговцев или же у

самих ткачей готовую ткань из индийской пряжи фабричного производства. Все тонкие ткани изготовлялись из иностранной пряжи, так как индийские фабрики не производили высококачественных сортов пряжи. Даже в настоящее время выпуск высококачественной пряжи индийскими фабриками весьма ограничен, а самую тонкую пряжу они совсем не могут производить. Только после длительных поисков нам удалось, наконец, найти нескольких ткачей, согласившихся ткать для нас из отечественной пряжи, и то при условии, что ашрам будет забирать всю их продукцию. Таким образом, согласившись носить ткани из фабричной пряжи и пропагандируя их среди друзей, мы стали добровольными агентами индийских прядильных фабрик. Это в свою очередь привело нас в тесное соприкосновение с фабриками и дало возможность в какой-то мере познакомиться с их положением и трудностями. Мы увидели, что основной целью фабрик является неуклонное увеличение выпуска продукции из собственной пряжи. Их сотрудничество с ткачом кустарем было не добровольным, а вынужденным и временным явлением. Нам не терпелось начать выработку собственной пряжи. Было совершенно ясно, что, пока мы не добьемся этого, мы будем зависеть от фабрик. Мы знали, что в качестве агентов индийских ткацких фабрик мы не окажем стране никаких услуг.

Но всякого рода затруднениям не было конца. Мы не могли ни достать прялки, ни найти прядильщика, который смог бы научить нас прясть. В ашраме было несколько прялок и веретен, но мы понятия не имели, как ими пользоваться. Но вот Калидас Джхавери нашел женщину, которая пообещала обучить нас искусству прядения. Мы послали к ней кого-то из ашрама, кто обладал способностью быстро усваивать все новое. Но вернулся он, так и не постигнув секретов этого ремесла.

Время шло, а с ним росло и мое нетерпение. Я расспрашивал всех посетителей ашрама, мало-мальски знакомых с прядением. Но так как искусством этим занимались главным образом женщины и оно совершенно исчезло, то только женщина могла найти случайно залежавшуюся где-нибудь в темном углу прялку.

В 1917 году мои гуджаратские друзья пригласили меня в качестве председателя на конференцию по вопросам образования. Здесь я познакомился с замечательной женщиной — леди Гангабехн

Маджмундар. Она была вдовой, но в ней коренился неисчерпаемый дух предприимчивости. Образование ее, в обычном понимании этого слова, было незначительным. Но своим здравым смыслом и смелостью она превзошла наших образованных женщин. Она полностью освободилась от предрассудков, связанных с неприкасаемостью, без страха общалась с неприкасаемыми и беззаветно служила угнетенным классам. Она имела кое-какие средства, а потребности ее были невелики. Физически она была закалена и всюду ходила одна без провожатых. В седле чувствовала себя великолепно. Еще ближе я узнал ее на конференции в Годхре. Я рассказал ей о своих горестях, связанных с чаркха, и она сняла с меня часть забот, обещав серьезно заняться поисками прялки.

XL

Наконец-то найдена!

Наконец, после бесконечных странствований по Гуджарату, Гангабехн нашла прялку в Виджапуре в княжестве Барода. Там эти прялки были у многих, но их давно забросили на чердаки как бесполезный хлам. Местные жители с готовностью обещали Гангабехн снова приняться за пряденье, если их будут регулярно снабжать чесальными лентами и покупать у них готовую пряжу. Весть, принесенная Гангабехн, была для всех большой радостью, но снабжение лентами оказалось трудным делом. Однако Умар Собани, узнав обо всем, немедленно устранил это затруднение, взяв на себя снабжение лентами со своей фабрики. Я отослал полученные от Умара ленты Гангабехн, и вскоре пряжа стала поступать в таком количестве, что мы не знали, куда ее девать.

Умар Собани проявил большое благородство, но все же нельзя было пользоваться его услугами постоянно. Я чувствовал себя весьма неловко, непрерывно получая от него ленты для прядения. Кроме того, мне казалось, что в принципе неправильно использовать фабричные чесальные ленты. Ведь тогда можно употреблять и фабричную пряжу? В старину, конечно, не было фабрик, снабжавших прядильщиков лентами. Как же они делали ленты? Размышляя таким образом, я предложил Гангабехн разыскать чесальщиков, которые могли бы поставлять нам ленты. Она уверенно взялась за дело, и ей удалось

найти человека, согласившегося чесать хлопок. Он потребовал тридцать пять рупий в месяц, если не больше, но в тот момент никакую цену я не счел бы чрезмерно высокой. Он обучил своему делу нескольких мальчиков. Я просил прислать хлопок из Бомбея. Адвокат Яшвантпрасад Десаи немедленно откликнулся на мою просьбу. Таким образом, предприятие Гангабехн стало процветающим, превзойдя все мои ожидания. Она сумела найти ткачей, которые стали ткать из пряжи, произведенной в Виджапуре, и вскоре кхади из Виджапура получила широкую известность.

Тем временем прялка быстро завоевала себе прочное положение в ашраме. Маганлал Ганди, применив к прялке свои блестящие технические способности, внес в нее ряд усовершенствований, Ашрам стал сам изготовлять прялки и отдельные части к ним. Первая штука кхади, изготовленная в ашраме, обошлась нам в семнадцать ана за ярд. Без стеснения расхваливал я нашу весьма грубую кхади друзьям, и они охотно платили эту цену.

В Бомбее я заболел, однако был достаточно бодр для того, чтобы продолжать розыски в связи с прядением. Наконец, мне удалось найти двух прядильщиков. Они брали рупию за сир пряжи, т. е. за двадцать восемь тола, или примерно за три четверти фунта. Тогда я еще ровно ничего не понимал в себестоимости кхади. Любая цена за пряжу, изготовленную вручную, не казалась мне чрезмерной. Но, сравнив эту цену с той, которую платили в Виджапуре, я понял, что меня обманывают. Между тем прядильщики ни за что не соглашались снизить цену, и мне пришлось отказаться от их услуг. Но они свое дело сделали. Они обучили прядению шримати Авантикабай, Рамибай Камдар, мать адвоката Шанкарлала Банкера и шримати Васуматибехн. Прялка весело зажужжала в моей комнате, и могу без преувеличения сказать, что ее жужжанье немало способствовало восстановлению моего здоровья. Я готов допустить, что ее воздействие было скорее психологическое, чем физиологическое. Но это только доказывает, как сильно действуют на организм человека психологические факторы. Я также попробовал сесть за прялку, но тогда у меня ничего не выходило.

В Бомбее снова возник старый вопрос, где достать чесальные ленты, изготовленные вручную. Ежедневно мимо дома адвоката Ревашанкара проходил чесальщик, гнусавым голосом предлагавший

свои услуги. Я послал за ним и узнал, что он вычесывает хлопок для стеганых матрацев. Он согласился чесать нам хлопок для лент, но запросил неимоверную цену, на которую я, однако, согласился. Приготовленную таким образом пряжу я пересылал некоторым друзьям вишнуитам для изготовления из нее гирлянд для павитра экадаши. Адвокат Шиваджи организовал в Бомбее курсы по обучению прядению. Все это потребовало больших расходов, но патриотически настроенные друзья, полные любви к родине и верившие в будущее кхади, охотно взяли их на себя. По моему скромному мнению, деньги здесь были затрачены недаром. Все это обогатило нас опытом и раскрыло перед нами возможности ручной прялки.

Мне не терпелось облачиться в одежду, изготовленную из кхади. Я все еще носил дхоти из индийской ткани фабричного производства. Ширина грубой кхади, изготовляемой в ашраме и в Виджапуре, была всего тридцать дюймов. Я заявил Гангабехн, что если она в течение месяца не доставит мне кхади в сорок пять дюймов ширины, я надену грубое короткое дхоти. Мой ультиматум ошеломил ее. Через месяц она прислала мне пару дхоти из кхади шириной в сорок пять дюймов, вызволив меня, таким образом, из весьма затруднительного положения.

Примерно в это же время адвокат Лакшмидас привез из Лати в ашрам знавшего ткацкое дело адвоката Рамджи и его жену Гангабехн, и дхоти из кхади стали изготовляться в ашраме. Эта пара сыграла весьма значительную роль в распространении кхади. Она побудила множество людей в Гуджарате, а также и в других областях страны изучить искусство ручного прядения. Нельзя было без волнения смотреть на Гангабехн за ткацким станком. Эта простая женщина, усердно работавшая на своем станке, так увлекалась, что было трудно привлечь к себе ее внимание и еще труднее заставить оторвать взгляд от любимого станка,

XLI

Поучительный разговор

С самого начала своего возникновения движение «кхади», или «свадеши», как его тогда называли, вызвало к себе критическое отношение со стороны фабрикантов. Умар Собани, очень дельный

фабрикант, не только делился со мной знаниями и опытом, но и держал в курсе настроений других фабрикантов. Доводы одного из них произвели на Умар а Собани большое впечатление. Фабрикант настаивал, чтобы я с ним встретился. Я согласился. Собани устроил нам эту встречу. Разговор начал фабрикант:

— Вам известно, что движение «свадеши» существовало и раньше?

— Да, — ответил я.

— Вам должно быть также известно, что во времена раздела[26] мы, фабриканты, хорошо использовали движение «свадеши». Когда оно достигло своей высшей точки, мы подняли цены на ткани, а также делали кое-что и похуже.

— Да, я слышал об этом и был глубоко огорчен.

— Понимаю ваше огорчение, но не вижу для него оснований. Мы занимаемся делом не ради филантропии, а ради прибыли, нам надо платить дивиденды акционерам. Цена товара зависит от спроса. Разве можно не считаться с законом спроса и предложения? Бенгальцы должны были знать, что их агитация, которая ведет к повышению спроса на ткани «свадеши», вызовет также и рост цен на них.

— Бенгальцы, — перебил я его, — как и я, доверчивы по натуре. Они никогда не думали, что фабриканты в час нужды окажутся столь эгоистичными и непатриотичными и предадут родину тем, что станут обманывать народ и продавать иностранные ткани, выдавая их за «свадеши».

— Мне известна ваша доверчивость, — возразил фабрикант, — поэтому я и решил обеспокоить вас, попросив прийти ко мне, чтобы вы не повторили ошибку простодушных бенгальцев.

При этих словах фабрикант подозвал конторщика, стоявшего с образцами тканей, изготовляемых на его фабрике.

— Взгляните на эту ткань, — сказал он, — это последняя новинка нашей фабрики. Ее берут нарасхват. Мы изготовляем ее из отходов, и потому она дешева. Мы посылаем ее далеко на север, в долины Гималаев. Наши агенты ездят по всей стране. Они бывают даже в таких местах, куда никогда не дойдут ни ваши слова, ни ваши агенты. Теперь вы видите, что нам не нужны еще агенты. Кроме того, вы, должно быть, знаете, что индийские текстильные фабрики не удовлетворяют потребности населения. Следовательно, вопрос о «свадеши» сводится в значительной мере к вопросу о производстве.

Импорт иностранных тканей автоматически прекратится, как только мы увеличим и улучшим свою продукцию. Поэтому мой совет вам — прекратите свою агитацию и обратите внимание на создание новых фабрик. Мы не нуждаемся в рекламе для своих товаров, но нам надо добиться расширения их производства.

— В таком случае вы, вероятно, одобрите мои усилия, так как я как раз этим и занят, — заявил я.

Каким образом? — воскликнул он, несколько озадаченный. — Неужели вы предполагаете строить новые фабрики? В таком случае мне остается только поздравить вас.

— Не совсем так, — возразил я, — я пытаюсь возродить ручное прядение.

— Что это значит? — спросил он с все возрастающим удивлением.

Я рассказал ему о прялке, изложив историю длительных поисков ее, и добавил:

— Я с вами вполне согласен. Нет смысла становиться, по существу, агентом по сбыту фабричной продукции. Это принесло бы стране больше вреда, чем пользы. Еще долго наши фабрики не будут испытывать недостатка в покупателях. Моя работа должна заключаться и заключается лишь в организации производства домотканой материи и в нахождении средств для сбыта кхади. Поэтому все мое внимание сосредоточено на производстве кхади. Я стою за эту форму свадеши, потому что только таким способом смогу обеспечить работой полуголодных, безработных индийских женщин. Думаю предоставить этим женщинам возможность производить пряжу и одевать население Индии в кхади, выработанную из этой пряжи. Я не знаю, насколько это движение будет иметь успех. Сейчас оно находится лишь в начальной стадии. Но я верю в него. Во всяком случае вреда оно не принесет. Напротив, если оно сможет увеличить производство тканей в стране даже в незначительной мере, оно принесет большую пользу. Теперь вы понимаете, что наше движение свободно от тех недостатков, о которых вы говорили.

— Мне нечего возразить вам, — сказал он, — если вы, организовывая это движение, имели в виду лишь увеличение продукции. Получит ли прялка распространение в наш век машин — это другой вопрос. Но я желаю вам всяческого успеха.

XLII

Прилив поднимается

Я не могу посвятить еще несколько глав описанию дальнейшего прогресса движения «кхади». Рассказывать о различных сторонах своей деятельности, проходившей на глазах У всей общественности, значило бы выйти за рамки этой книги; я не должен предпринимать этих попыток хотя бы потому, что потребовался бы целый трактат на эту тему. Цель моя состоит лишь в том, чтобы описать, каким образом некоторые вещи, так сказать, самопроизвольно, раскрылись передо мной в ходе моих поисков истины.

Поэтому продолжим рассказ о движении несотрудничества. В то время как могучее движение халифата, организованное братьями Али, было в полном разгаре, я имел длительные беседы с ныне покойным мауланой Абдул Бари и другими улемами. Наши беседы касались прежде всего вопроса о том, в какой мере мусульмане могут соблюдать правило ненасилия.

В конце концов они согласились со мной, что ислам не запрещает своим последователям придерживаться ненасилия как политического метода, и если они дадут обет ненасилия, то должны его придерживаться. Резолюция о несотрудничестве была предложена на конференции халифата и после продолжительных прений принята. В моей памяти свежи воспоминания о том, как однажды в Аллахабаде комитет, обсуждая этот вопрос, заседал всю ночь напролет. Вначале Хаким Сахиб скептически отнесся к возможности проведения ненасильственного несотрудничества на практике. Но после того, как его скептицизм был рассеян, он всем сердцем отдался этому движению и его помощь оказалась для него неоценимой.

Несколько позже я выдвинул резолюцию о несотрудничестве на гуджаратской политической конференции. Оппозиция сначала возражала, что провинциальная конференция не вправе принимать резолюцию раньше, чем ее примет Конгресс. Я же утверждал, что такое ограничение применимо только к прошлому движению, но когда дело идет о будущем, о дальнейшем пути нашей деятельности, то низшая организация не только вполне компетентна, но даже обязана так поступить, если у нее есть для этого необходимые выдержка и

смелость. Никаких разрешений, доказывал я, не требуется, если речь идет о стремлении поднять престиж центральной организации на свой страх и риск. Затем предложение обсуждалось по существу, причем прения протекали, несмотря на всю остроту, в атмосфере «приятной сдержанности». Резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Успех резолюции во многом объясняется личными качествами адвоката Валлабхаи и Аббаса Тьябджи. Последний председательствовал на конференции, и его симпатии были на стороне резолюции о несотрудничестве.

Всеиндийский комитет Конгресса решил созвать в Калькутте в сентябре 1920 года специальную сессию Конгресса для совещания по тому же вопросу. Подготовка велась широкая. Председателем был избран Лала Ладжпат Рай. Из Бомбея в Калькутту шли специальные поезда для членов Конгресса и участников движения халифата. Калькутта была переполнена делегатами и гостями.

По просьбе мауланы Шауката Али я подготовил в поезде проект резолюции о несотрудничестве. До этого я старался избегать в своих черновиках слова «ненасильственное», хотя неизменно употреблял его в своих речах. Мой словарь в этом отношении только еще формировался. Я считал, что чисто мусульманской аудитории санскритский синоним слова «ненасильственное» не будет понятен. Поэтому я и просил маулану Абул Калам Азада найти ему замену. Он предложил слово «бааман», а для «несотрудничества» — «таркималават».

Пока я старался подобрать на хинди, гуджарати и урду слова, выражающие понятие «несотрудничество», меня заставили написать для этой знаменательной сессии Конгресса резолюцию о несотрудничестве. В первоначальном варианте проекта слово «ненасильственное» было пропущено. Я передал проект резолюции маулане Шаукату Али, который ехал в одном купе со мной, так и не заметив этого пропуска. Ночью я понял свою ошибку. Утром я послал Махадева с просьбой исправить ошибку, прежде чем проект резолюции попадет в печать. Но поправку уже нельзя было внести, так как проект был напечатан. Заседание руководящего комитета должно было состояться в тот же вечер. Поэтому необходимые поправки мне пришлось делать уже в отпечатанных экземплярах проекта резолюции.

Впоследствии я понял, как мне пришлось бы трудно, не подготовь я своего проекта резолюции заранее.

Положение мое было все же очень жалким. Я совершенно не представлял себе, кто будет поддерживать резолюцию и кто выступит против нее. Не имел я также понятия и о том, какую позицию займет Лаладжи. Я видел лишь внушительную фалангу ветеранов — бойцов, собравшихся для боя в Калькутте. Среди них были д-р Безант, пандит Малавияджи, адвокат Виджаярагхавачария, пандит Мотилалджи и Дешбандху.

В своей резолюции я предлагал объявить несотрудничество только для того, чтобы добиться исправления несправедливостей, допущенных властями во время событий в Пенджабе и по отношению к халифату. Это не понравилось Виджаярагхавачария.

— Если мы начинаем кампанию несотрудничества, то почему из-за каких-то отдельных несправедливостей? Страна страдает от такой огромной несправедливости, как лишение ее свараджа. Это и должно стать главным основанием для несотрудничества, — доказывал он.

Пандит Мотилал также хотел, чтобы в резолюцию было включено требование свараджа. Я охотно принял это предложение, исправив соответствующим образом текст резолюции, которая была принята после обстоятельных, серьезных и довольно бурных дебатов.

Мотилалджи первым примкнул к движению. Я до сих пор помню приятную беседу с ним по поводу резолюции; он предложил изменить некоторые выражения, на что я и согласился.

Он взялся склонить на нашу сторону Дешбандху. Сердцем Дешбандху был всегда с нами, но он скептически относился к способности народа провести в жизнь эту программу только на Нагпурской сессии Конгресса он и Лаладжи полностью присоединились к нам.

На этой чрезвычайной сессии я особенно сильно почувствовал, какой утратой была для нас смерть Локаманьи. Я был глубоко убежден, что, будь он жив, он благословил бы меня в моих начинаниях. Но если бы даже он выступил против, я бы усмотрел в этом милость и поучение себе. У нас бывали разногласия, но они никогда не портили наших отношений. Поэтому я всегда думал, что связь между нами нерасторжима. Когда я пишу эти строки, в памяти ясно встают обстоятельства, связанные с его смертью. Было около часу ночи, когда

Патвардхан, работавший в то время со мной, сообщил мне по телефону о смерти Локаманьи. Я находился в окружении своих соратников. С моих уст невольно сорвалось восклицание:

— Нет уже моей самой надежной опоры!

Движение несотрудничества в то время было в полном разгаре, и я нетерпеливо ожидал от Локаманьи ободрения и поддержки. Какова была бы его позиция на последней стадии несотрудничества, можно только гадать, а это бесполезно. Одно несомненно: смерть его оставила зияющую пустоту, и это тяжело ощутили все участники Калькуттской сессии Конгресса. Всем нам так не хватало его советов в столь критический момент национальной истории.

XLIII

В Нагпуре

Резолюции, принятые на чрезвычайной сессии Конгресса в Калькутте, должны были быть подтверждены на его ежегодной сессии в Нагпуре. В Нагпур, как и в Калькутту, собралось бесчисленное количество делегатов и гостей. Число делегатов Конгресса было еще не ограниченным. В Нагпур, насколько мне помнится, приехало около четырнадцати тысяч человек. Лаладжи внес небольшую поправку к пункту относительно бойкота школ, которую я принял. По настоянию Дешбандху было сделано еще несколько поправок, после чего резолюция о несотрудничестве была принята единогласно.

Резолюция о пересмотре устава Конгресса тоже должна была быть принята этой сессией Конгресса. Проект подкомиссии уже рассматривался на чрезвычайной сессии в Калькутте.

Вопрос, таким образом, был достаточно ясен. В Нагпуре, где этот вопрос должен был получить окончательное решение, председательствовал Виджаярагхавачария. Руководящий комитет Конгресса внес в проект только одно существенное изменение. *В моем проекте число делегатов ограничивалось тысячью пятистами, комитет предложил цифру шесть тысяч. По-моему, это было опрометчиво, и опыт последних лет еще более укрепил меня в этом убеждении. Я считаю крайне ошибочным мнение, будто большое число делегатов способствует лучшему ведению дела или лучше гарантирует соблюдение принципов демократии. Тысяча пятьсот

делегатов, преданных интересам народа, правдивых и дальновидных, будут оберегать интересы демократии лучше, чем шесть тысяч безответственных, случайно выбранных людей. Для того чтобы охранять демократию, народ должен обладать сильным чувством независимости, самоуважения и единства, должен настаивать на избрании в качестве представителей только хороших, верных людей. Но комитету в его увлечении большими числами даже цифра шесть тысяч казалась недостаточной. Уже и она явилась компромиссом.

Бурные прения развернулись вокруг вопроса о цели Конгресса. Я в своем проекте резолюции определял цель Конгресса как достижение свараджа, если возможно, в рамках Британской империи, а в случае необходимости — и вне их. Часть делегатов хотели ограничить понятие свараджа автономией в рамках Британской империи. Такую точку зрения отстаивали пандит Малавияджи и м-р Джинна. Но они не смогли собрать много голосов. Далее, проект устава допускал лишь применение мирных и законных средств для достижения цели. Против этого условия тоже были возражения; противники его настаивали на устранении всяких ограничений в отношении выбора средств. Но Конгресс после поучительных и откровенных прений принял первоначальный проект. Полагаю, что этот устав, если бы народ следовал ему честно, разумно и старательно, стал бы мощным орудием воспитания масс, и самый процесс выполнения устава привел бы нас к свараджу. Здесь, однако, не имеет смысла рассуждать на эту тему.

Конгресс принял также резолюции о единстве индусов и мусульман, об упразднении неприкасаемости и о кхади. С тех пор индусы — члены Конгресса взяли на себя обязательство очистить индуизм от проклятия неприкасаемости, а при помощи кхади Конгресс установил живую связь со старой Индией. Принятие несотрудничества в интересах халифата само по себе уже являлось большим практическим шагом, предпринятым Конгрессом в целях достижения единства индусов и мусульман.

XLIV

Прощание

Пора заканчивать повествование.

Моя дальнейшая жизнь протекала до такой степени на виду у всех, что в ней, пожалуй, не найдется ни одного события, которое бы не было известно народу. Кроме того, начиная с 1921 года я работал в тесном контакте с лидерами Конгресса и едва ли смогу упомянуть хотя бы об одном из эпизодов своей жизни, не рассказав в то же время и о наших взаимоотношениях. Хотя Шраддхананджи, Дешбандху, Хаким Сахиба и Лаладжи уже больше нет с нами, но, к счастью, многие из старых лидеров Конгресса еще живы и работают. История Конгресса после тех огромных перемен, которые я здесь описал, все еще создается. И главные мои искания в течение последних семи лет проходили внутри Конгресса. Поэтому мне неизбежно пришлось бы говорить здесь о моих взаимоотношениях с его лидерами, если бы я продолжил повествование о своих исканиях. А этого я не могу сделать, по крайней мере, теперь, хотя бы из соображений приличия. Наконец, выводы, к которым я пришел на основании последующих исканий, вряд ли можно считать окончательными. Поэтому я считаю своевременным закончить на этом свой рассказ. Да и перо мое инстинктивно отказывается писать дальше.

Не без душевной боли расстаюсь я с читателем. Я придаю большое значение своим исканиям. Не знаю, смог ли я описать их как следует. Скажу лишь, что я не щадил усилий, чтобы рассказать обо всем правдиво. Я все время стремился к тому, чтобы описать истину такой, какой она представляется мне, и точно так, как я ее постигаю. Труд этот приносил мне невыразимое душевное успокоение, ибо я надеялся, что он сможет укрепить веру в истину и ахимсу у колеблющихся.

Мой всесторонний опыт убедил меня, что нет иного бога, кроме истины. И если каждая страница этой книги не будет подсказывать читателю, что единственным средством постижения истины является ахимса, то я буду думать, что весь мой труд над книгой напрасен. Но даже если мои усилия в этом отношении окажутся бесплодными, пусть читатель знает, что виноват в этом не великий принцип, а средства. Ведь как бы ни были искренни мои стремления к ахимсе, они все еще и несовершенны и недостаточны. И потому те слабые, мгновенные проблески истины, которые я смог увидеть, едва ли выразят идею необычайного сияния истины, в миллион раз более сильного, чем сияние солнца, которое мы каждый день видим. То, что я постиг, есть лишь слабый отблеск этого могучего сияния.

Но могу сказать с полной уверенностью, — и это и есть результат моих исканий, — что абсолютное видение истины может проистекать только из полного познания ахимсы.

Для того чтобы созерцать всеобщий и вездесущий дух истины, надо уметь любить такие ничтожнейшие создания, как мы сами. И человек, стремящийся к этому, не может позволить себе устраниться от какой бы то ни было сферы жизни. Вот почему моя преданность истине привела меня в сферу политики; и без малейшего колебания и вместе с тем со всей смиренностью я могу сказать, что тот, кто утверждает, что религия не имеет ничего общего с политикой, не знает, что такое религия.

Слияние со всем живущим на земле невозможно без самоочищения. Без самоочищения соблюдение закона ахимсы будет пустой мечтой. Кто не чист душой, никогда не постигнет бога. Поэтому самоочищение должно означать очищение во всех сферах деятельности. И очищение очень заразительно: самоочищение неизбежно ведет к очищению окружающих.

Но путь самоочищения тернист и крут. Для достижения совершенной чистоты надо полностью освободиться от страстей в мыслях, словах и поступках, стать выше противоборствующих страстей — любви и ненависти, влечения и отвращения. Знаю, что, несмотря на свое постоянное неослабное стремление к этому, я пока еще не достиг этой тройной чистоты. Вот почему людская хвала не радует меня. Напротив, она часто меня уязвляет. Победа над человеческими страстями представляется мне делом более трудным, чем завоевание мира с помощью вооруженных сил. Со времени своего возвращения в Индию я понял, что в глубине моей души таятся дремлющие страсти. Сознание этого заставляет меня чувствовать себя униженным, хотя и не побежденным. Опыты же и поиски поддерживают меня и доставляют великую радость. Но я знаю, что мне предстоит преодолеть еще много трудностей на пути к полному самоуничижению. Пока человек по собственной свободной воле не поставит себя на самое последнее место среди ближних, до тех пор нет для него спасения. Ахимса есть самая последняя степень смирения.

Прощаясь с читателем, по крайней мере на время, я прошу его присоединиться ко мне в моей молитве, обращенной к богу истины, о даровании мне благости ахимсы в мыслях, словах и поступках.

Примечания

1

По-английски «bell» — звонок.

2

Игра слов: «to conceive» — «представлять себе» и «зачать».

3

Автор имеет в виду 80-е годы прошлого века.

4

Непременное условие (латин.).

5

Белый слон — символ разорения.

6

В пути (франц.).

7

Разумное основание, смысл существования (франц.).

8

Прибор для размножения рукописных или печатных текстов.

9

Необходимое условие (латин.).

10

Произведение немецкого философа Ф. В. Ницше (1844–1900).

11

Без подготовки, экспромтом (латин.).

12

«Бхагаватгита», 2 — 59.

13

Высшее благо (латин.).

14

Снова, сначала (латин.).

15

Односторонний, предубежденный (латин.).

16

Корпоративныи дух (франц.).

17

Рабиндранат Тагор.

18

Способ действия (латин.).

19

Пугало, жупел, нечто ненавистное (франц.).

20

Главное, первостепенное дело (латин.).

21

Оскорбление величества (франц.).

22

Ошибка автора — надо не Тхакурдвар, а Мадхавбаг. (Прим. к инд. изд.).

23

«Банде Матарам!» — «Привет тебе, Родина мать!» Начальные слова гимна бенгальского поэта Б. Ч. Чаттерджи (1838–1894).

24

«Аллахиакбар!» («Велик Аллах!») — восклицание, принятое у мусульман.

25

Общий язык (латин.).

26

Имеется в виду раздел Бенгалии в 1905 году.